

Русско-турецкий форум общественности
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

РУССКАЯ
БЕЛАЯ
ЭМИГРАЦИЯ
В ТУРЦИИ:
век спустя
(1919–2019)

Редколегия

Т. Олджай (составитель и ответственный редактор)

В.А. Москвин, В.И. Петроченко, М.Ю. Сорокина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тюркан ОЛДЖАЙ

В тексте песни «Если мы русские» Дмитрия Александровича Рубина есть слова, которые по праву можно предпослать эпиграфом к предлагаемому Вашему вниманию интернациональному коллективному труду:

*Нас раскидала, рассыпала и развела
Жизнь по чужим городам и по странам далёким.
Счастье, быть может, кому-то в заморском краю принесла,
Но и беду принесла, к сожалению, многим.*

*Но раздаются по всей необъятной Земле
Грустные или весёлые русские песни,
Если мы русские, все мы плывём на одном корабле,
И друг от друга вдали мы останемся вместе.*

Этот корабль под символическим названием «Великий русский исход в рассеяние» отчалил от берегов России ровно век назад.

Это, конечно, только один из вынужденных исходов, происходивших в силу революций, войн, социальных, экономических, политических и культурных процессов, которые знает история, но остающихся как никогда актуальными и в наши дни в разных частях света.

Русско-японская война, Революция 1905 года, Первая мировая война, Русская революция 1917 года, ставшая одним из наиболее важных событий XX века, и последовавшая за ней гражданская война, навсегда изменили сознание русских людей, обрушили в небытие привычный жизненный уклад и социальный статус многих из них. Новая эпоха перетасовала людей, как колоду карт, и с 1917 г. привела к вынужденному исходу из России около миллиона человек.

В центрах рассеяния — Берлине, Париже, Харбине, Белграде и др. — была сформирована Зарубежная Россия, сохранившая все черты русского дореволюционного общества: выходили русские газеты и журналы, были открыты школы, образованы приходы Русской Православной Церкви за границей. Но, несмотря на сохранение первой волной эмиграции всех осо-

бенностей русского дореволюционного уклада, положение беженцев было трагическим.

Турция не стала центром русской эмиграции, но трагедия гражданской войны и поражение Белой армии в 1919–1920 гг. погнали через Босфор около 150 тысяч так называемых «белых русских»: более ста тысяч военных, шесть тысяч больных и раненых, двадцать семь тысяч женщин и детей.

Стамбул (в то время Константинополь), сам переживавший период перемирия, оккупации войсками Антанты и Национальной освободительной войны, стал в то время единственно возможным портом назначения для 126 кораблей вынужденных русских беженцев. Этот город навсегда обрёл статус в прямом смысле слова первого жизненно важного пункта расселения русских эмигрантов по всем уголкам мира и потому по праву явился местом сбора материалов для настоящей книги.

Сколько уже книг написано о трагедии белого движения, сколько спето песен, сколько поставлено спектаклей и фильмов, но до сих пор эта тема притягивает внимание исследователей, воодушевляемых желанием возвращения и соединения разрозненных страниц минувшего и новых свидетельств ее очевидцев.

Предлагаемый труд «Русская белая эмиграция в Турции: век спустя (1919–2019)» является результатом усилий международной группы исследователей — прежде всего турецких историков и филологов, исследователей белоэмиграции и преподавателей турецких вузов, а также осевших в Турции россиян и научных специалистов из Сербии и России.

Они воссоздают мозаичную картину жизни и деятельности «белых русских», изменивших лицо Стамбула — занятость, взаимоотношения с властью и коренным населением, вклад в культурную и социально-бытовую жизнь, в том числе в индустрию развлечений, моду и спорт.

Данный труд состоит из 16 статей и публикаций, составляющих четыре тематических раздела.

Первый из них — «Стамбул в период оккупации войсками Антанты (1918–1923 г.) и белоэмигранты» включает в себя четыре работы, в которых наряду с вопросами о приезде, размещении и предоставлении услуг здравоохранения рассмотрены турецко-российские отношения данного периода, в частности, установление 3 июня 1920 г. дипломатических отношений между РСФСР и Великим национальным собранием Турции и подписание двусторонних мирных договоров.

В разделе представлены статьи:

— профессора, доктора исторических наук Джошкун Топал «Русские беженцы в контексте турецко-российских отношений» (перевод с тур. яз. Нонны Пулат);

— профессора, доктора исторических наук Кезбан Аджар «Отношения “белых русских” с Антантой и правительством Анкары»;

— профессора, доктора политических наук Ойя Даглар Маджар «Деятельность по оказанию помощи белоэмигрантам и решение проблем санитарно-здравоохранительных мероприятий» (перевод с тур. яз. Евгения Бату);

— доктора архитектуры Бильге Ар «Изменения социально-городской среды Стамбула, обусловленные оккупацией войсками Антанты и пребыванием белоэмигрантов» (перевод с тур. яз. Светланы Озгюр).

Во втором разделе «Социально-культурная жизнь белоэмигрантов в Стамбуле» рассматриваются объекты в центральной части Стамбула, связанные с белоэмигрантской деятельностью, в привязке к существующим в настоящее время местам (статья доктора международных отношений Ирины Касимовой).

В статье профессора, доктора исторических наук Тюляй Алим Баран (перевод с тур. яз. Ильсии Рамеевой), наряду с положительными изменениями в жизни города, упоминаются способы заработка путем развлечений и розыгрыша лотерей русскими, что приводило время от времени к противодействию со стороны жителей Стамбула.

В этом же разделе будет дана широкая панорама социально-культурной и литературно-издательской жизни белоэмигрантов: статья профессора, доктора филологических наук Ирины Антанасиевич посвящена анализу становления визуального текста русских эмигрантов в Турции, статья профессора, доктора филологических наук Тюркан Олджай предлагает комплексный обзор культурной жизни русских эмигрантов в Стамбуле, материалы общественно-политического журнала русских эмигрантов «Зарницы» проанализирован в статье профессора, доктора филологических наук Севинч Учгюль; статья кандидата исторических наук Марины Сорокиной посвящена эмигрантской одиссее одной из центральных фигур русской литературной жизни Стамбула А.А. Бурнакина.

Третий раздел фокусирует внимание на судьбах представителей разных поколений белоэмигрантов, осевших в Турции. Авторы идут по их следу с момента приезда в город, поднимая из забвения их имена, рассказывая о том, как сложились их судьбы в стране с чуждыми им традициями, культурой и религией.

Здесь помещены впервые публикуемые фрагменты воспоминаний историка и композитора И.А. Гарднера (епископа Филиппа после хиротонии) о Константинополе в 1920 г. (подготовлены и прокомментированы протоиереем Борисом Даниленко), работы регента хора русской православной церкви Св. Андрея Первозванного в Стамбуле Эвелины

Давыдовой и исследовательницы русского зарубежья Марины Сигирджи. В статьях описаны судьбы дочерей и внучки актрисы немого кино Веры Холодной, членов семей петербургского купца В.И. Черепенникова, графа В.С. Татищева, а также князя Тохтамыша Гирея (Михаила Михайловича) и других живущих в Стамбуле белоэмигрантов.

Одной из целей современного сравнительного литературоведения является составление альтернативной мировой истории. Первая русская эмиграция с многочисленными писателями-эмигрантами даёт возможность восприятия истории эмиграции через художественные тексты. Цель последнего четвертого раздела «Стамбул и белоэмигранты в художественной литературе» — определить уникальное место Стамбула среди других эмиграционных пристанищ Европы и выявить профиль Стамбула с помощью текстов писателей-эмигрантов, чей путь прошёл через этот город. Вместе с тем предпринята попытка исследования рецепции белоэмиграции в романах как турецких писателей, которые были свидетелями тех дней, так и писателей последующего поколения, а также выявления доли историзма и вымысла в контексте взаимовлияния истории и литературы.

В этом разделе представлены следующие работы:

— доктора филологических наук Эрдем Эринч «Стамбул в литературе русских эмигрантов: восприятие первой русской эмиграции XX века через художественные тексты»;

— доктора филологических наук Фатих Оздемир «Образ белоэмигранта в турецком романе» (перевод с тур. яз. Натальи Денисовой);

— профессора, доктора филологических наук Айля Кашоглу «На перекрестке войны и любви: роман Э. Акшуны “Агафья”».

Понятия «русская диаспора», «русское зарубежье» уже прочно вошли в обиход средств массовой информации. Издающиеся в России и за рубежом статьи в журналах и книги о русской эмиграции представлены массовому читателю в свободном доступе. Былые изгнанники стали не только одной из ветвей общей истории России, но и мировой истории XX века.

Многие слышали фразу Василия Осиповича Ключевского: *«История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»*. Так, давайте, в столетие «русского исхода» еще раз пройдем следом белоэмигрантов, оказавшихся в одночасье на Босфоре, и вспомним уроки истории.

Профессор Стамбульского университета,
доктор филологических наук
Тюркан Олджай

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В.А. МОСКВИН

То, что Константинополь и Турция вообще — совершенно особые, знаковые места памяти в истории русского зарубежья первой половины XX века, хорошо известно. Однако до сих пор не было издано ни одного сборника научных работ, анализирующего историю бытования русских постреволюционных беженцев в Турции в широком историко-культурном контексте.

Публикуемый в год столетия Зарубежной России настоящий труд, сербских и российских авторов — первая в истории эмигрантики коллективная работа на эту сложную и всегда очень актуальную тему. Публикация стала возможной благодаря инициативе профессора Стамбульского университета, доктора филологических наук Тюркан Олджай и ее турецких коллег, которые многое сделали и делают для поддержания памяти о русской белой эмиграции в Турции, а для данного тома многие свои работы написали на русском языке.

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, в течение многих лет являющийся одним из лидеров в изучении истории и культуры российской эмиграции, не мог не поддержать эту инициативу. Она осуществлена не только в год 100-летия Зарубежной России, но и в год открытия первого в России Музея русского зарубежья, и имеет широкий международный характер — помимо турецких специалистов, в издании принимают участие известные сербские и российские исследователи, а также российские соотечественники, живущие в Турции.

Такой коллектив авторов придает настоящему изданию особый символический смысл — память о русских эмигрантах и их вкладе в развитие мировой и турецкой культуры не только жива, но и продолжает обогащаться усилиями как целых международных научных коллективов, так и отдельных ученых. Подобные международные проекты способствуют распространению научных знаний по многим важнейшим

вопросам, темам, личностям из нашей истории — особенно тех, которые являются частью не только нашего общего прошлого, но и нашего общего настоящего и будущего.

Директор
Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына,
В.А. Москвин

СТАМБУЛ
В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ
ВОЙСКАМИ АНТАНТЫ
(1918–1923)
И БЕЛОЭМИГРАНТЫ

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В КОНТЕКСТЕ ТУРЕЦКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

Джошкун ТОПАЛ¹

История турецко-российских межгосударственных отношений берет свой отсчет с конца XV века. После присоединения Астраханского ханства в XVI веке между Россией, устремившей свои взоры на Кавказ и побережье Черного моря, и Османской империей началась ожесточенная борьба за право господства на этих территориях. Две империи, пережившие на протяжении 1682–1918 гг. периоды военных столкновений, конфликтов, союзнических соглашений, помощи и дружественной поддержки, пятую часть этого 250-летнего исторического отрезка провели в противостоянии.

Накануне Первой мировой войны Османская империя обратилась к России с предложением стать союзниками, однако, сторонам не удалось достичь договоренности, в результате чего они оказались в противоборствующих лагерях [Bilge 1992: 1–5].

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война стала предтечей революции 1917 г. в России. Вступление России в войну в союзе с Англией и Францией против центральных держав стало концом правления династии Романовых. Падение авторитета самодержавия, поражения на фронтах, дезорганизация жизни тыла и полный развал транспортной системы привели к тому, что состоявшаяся в феврале 1917 г. крупная демонстрация под лозунгами: «Хлеба!», «Долой войну!» переросла в переворот, в результате которого император Николай II отрекся от престола, и в России совместными усилиями либералов и социал-демократов было сформировано Временное правительство. Однако упорное желание нового правительства продолжать войну стало причиной его краха,

* Переработанная и обновленная версия опубликованных ранее работ «Русские в Стамбуле в период перемирия» (журнал, Vol. 176, 2008, p. 173–182) и «Турецко-русские отношения в период национальной борьбы» (Murathan Yay., Ankara, 2012).

¹ Профессор, доктор исторических наук. Черноморский технический университет, Трабзон. Эл. почта: coskuntopal@gmail.com.

и 7 ноября 1917 г. власть в стране перешла в руки большевиков во главе с В.И. Лениным [Roberts 2010: 608].

Приход к власти большевиков испортил отношения России с союзниками. Будучи уверенным в том, что дальнейшее участие в кровопролитной войне невозможно, новое правительство 26 ноября 1917 г. обратилось к командованию немецкой армии с предложением о перемирии. В результате проведенных переговоров Россия вышла из Первой мировой войны, подписав 3 марта 1918 г. неблагоприятный для нее мирный договор со странами Четверного союза (Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии). Но Брест-Литовский мирный договор не смог установить добрососедских отношений между новой Россией и Османским государством. Согласно Статье 4 договора, Россия обязалась незамедлительно вывести войска из восточных округов (санджаков) Турции (Ардагана, Карса, Батума) и вернуть эти территории Османской империи [Sonyel 2014: 85]. Договор предусматривал также предоставление проживающему здесь населению полное право устанавливать новый государственно-правовой строй в согласии с соседними государствами (Арменией, Грузией и Азербайджаном), в особенности — с Османской империей. Таким образом, большевистское правительство признавало восстановление территориальных границ, существовавших до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 г., и условия передачи Турции округов Карс, Ардаган и Батум с добровольного согласия местного населения [Yildirim 1991: 15–17]. С другой стороны, 4 июня 1918 г. в Батуме был подписан многосторонний Договор о мире и дружбе между Османской империей и Грузией, Арменией и Азербайджаном. Согласно этому договору, Османское государство получало от Грузии территории Ахалцихе и Ахалкалаки, от Армении — Гюмри, Каракилис, Нахичевань и право пользования железнодорожной линией Эривань-Джульфа. Таким образом, владения Османской империи достигли границ 1828 г. [Öztoprak 2003: 136].

Между тем, в ноте министру иностранных дел Османской империи нарком иностранных дел Г.В. Чичерин обвинил турок в нарушении условий договора. По мнению Чичерина, наступление турецких войск на Баку игнорировало условия подписанного договора. На VI конгрессе Коминтерна он докладывал о том, что на проведенных в Берлине двусторонних переговорах странам не удалось достичь общей договоренности по этому вопросу. В то же время вынужденное заключение 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия со странами Антанты ослабило османское правительство в противостоянии с Россией, решившей в одностороннем порядке аннулировать Брест-Литовский договор [Sonyel 2014: 85–86].

«Белые русские»

Революция 1917 г. в России предопределила начало продолжительной гражданской войны между большевиками и сторонниками царского режима.

На юге России — в Новочеркасске — под командованием М.В. Алексеева, к которому позже присоединились Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин и другие офицеры царской армии, начала формироваться Добровольческая армия, получившая название Белой армии. В период 1918–1919 г. белые провели успешные наступления сразу по всем направлениям.

На первом этапе войны, когда с запада со стороны Эстонии наступал Н.Н. Юденич, с востока из Сибири — адмирал А.В. Колчак, а с юга Украины — генерал А.И. Деникин, большевики вынуждены были занять безнадёжную вначале позицию обороны Москвы и позже одну за другой отбрасывать эти армии. После гибели Л.Г. Корнилова в апреле 1918 г. пост главнокомандующего Белой армией перешел к А.И. Деникину. В ноябре 1919 г. его войска почти достигли Тулы, а поляки вплотную подошли к Смоленску. В случае их совместных боевых действий возникала серьёзная угроза большевистскому режиму, однако начатые с В.И. Лениным переговоры задержали военное наступление поляков.

В марте 1920 г. Белая армия отступила в Крым. При поддержке французских войск Добровольческая армия под командованием генерала Деникина заняла Одессу. В силу возросшей резкой критики в апреле 1920 г. Деникин подал в отставку и передал свой пост генералу, барону П.Н. Врангелю, оплотом армии которого стал Крым.

Затем Красная армия перешла в наступление, в результате которого Врангель потерял половину своих сил, вследствие чего им было принято решение о расформировании армии, единственным выходом для спасения остатков которой стал путь по Черному морю в Стамбул. 11 ноября 1920 г. Верховный правитель Юга России и Главнокомандующий Русской армией генерал Врангель отдал приказ покинуть Крым. А 14 ноября 1920 г. вместе с близким окружением из военных и гражданских лиц Врангель покинул берега России. Среди прибывших в Стамбул вместе с офицерами и солдатами были дворяне, аристократы, интеллигенты и предприниматели.

Русские беженцы, получившие в силу своего сочувствия Белой армии название «белые русские», бежали в Турцию тремя большими этапами: из числа попавших в Стамбул в 1919 г. подавляющее большинство составляли представители русской аристократии, которые потеряли всякую надежду на восстановление прежнего режима в России, а с первыми

кораблями в 1920 г. в Стамбул прибыли офицеры расформированной Белой гвардии, а вслед за ними осенью того же года — тысячи беженцев из солдат, казаков и мирных жителей, среди которых был и генерал Врангель. В своих воспоминаниях в марте 1921 г. генерал пишет, что общая численность покинувших Крым достигла 160 000 человек, позже в декабре 1923 г. он уточняет эту цифру — 145 639 человек [Wrangel 1957: 326].

Эвакуация русской армии из Крыма

В то время по условиям Мудросского перемирия от 30 октября 1918 г. Турция фактически находилась под контролем держав Антанты, и 13 ноября 1920 г. Франция приняла решение взять армию генерала Врангеля под свое покровительство. Часть русских беженцев обосновалась в европейской части Стамбула, в особенности в районе Пера, в то время как 30 тысяч солдат были отправлены в военные лагеря Галлиполи и Чатаджи.

В период перемирия Анкара пристально следила за ходом дел русских беженцев в Стамбуле на предмет их связи с державами Антанты и сближения с национально-освободительным движением в Анатолии.

Отношения между Турцией и Советской Россией в период перемирия

В то время, как в России происходили крупные перемены, вызванные большевистским переворотом, Османская империя с подписанием Мудросского перемирия и Севрского договора потерпевшая полное поражение в войне, была обречена принять политическую и экономическую

гегемонию крупных империалистических держав с предстоящим территориальным разделом ее владений между странами Антанты.

После подписания 30 октября 1918 г. на борту британского крейсера «Агамемнон» в порту Мудрос (о. Лемнос) представителями Великобритании и султанского правительства Турции Мудросского перемирия, ознаменовавшего поражение Турции в Первой мировой войне, численность турецких войск сократилась, и державы Антанты приступили к постепенной оккупации обезоруженной Османской империи, чтобы превратить в жизнь заключенный еще во время войны секретный договор о ее расчленении.

В ответ на неспособность центрального правительства противостоять военной оккупации в стране начали появляться отряды народного ополчения, называемые «Кува-и Миллие» (Национальные силы). Началом освободительного движения принято считать 19 мая 1919 г. — день прибытия в Самсун Мустафы Кемалья-паши и его соратников, которые в короткие сроки объединили разрозненные войска национальных сил. Под предводительством Мустафы Кемалья-паши турецкий народ был вынужден, с одной стороны, направить свои силы на подавление восстаний, спровоцированных султанской дворцовой кликой, а с другой — бороться с интервентами за свободу и независимость страны [Aralov 1967: 20].

Единственной страной, представляющей угрозу для западных империалистических держав, к которой могли обратиться за помощью лидеры национально-освободительного движения Анатолии, стала Советская Россия. Первостепенным в тот период являлся вопрос об установлении отношений с большевиками и получения от них материальной помощи и поддержки. Именно по этой причине налаживание тесных связей с Россией стало актуальной темой, а Советская Россия — самым близким другом для новой Турции [Aslan 2002: 14; Burçak 1983: 5]. Непримиримая вражда уступила место близкой дружбе и доверию.

С 4 по 11 сентября 1919 г. Советская Россия отправила на Сивасский конгресс в качестве наблюдателя своего представителя Махмудова, а по окончании работы конгресса М. Кемаль Ататюрк направил в Москву турецкую делегацию во главе с Халилем Кут-пашой для решения вопросов о доставке оружия, боеприпасов и оказания денежной помощи. Прибыв в Москву весной 1920 г., Халиль-паша рассказал о бедственном положении Турции, отметив, что национальное правительство, которое будет сформировано в ближайшее время, своей главной задачей видит подписание с Советами соглашения о дружбе и братстве, на что был получен благоприятный ответ российской стороны. Турецкие и советские делега-

ции стали обмениваться визитами. Из России доставлялись оружие, продовольствие, медикаменты и другие необходимые средства.

1920 год стал поворотным как для Советской России с ее политической установления мирных отношений с другими государствами, так и для трех закавказских республик, провозгласивших в то время свою независимость. По окончании Гражданской войны были сформулированы основы права народов и наций на самоопределение, где главными принципами считались не отделение, а организация социалистической федерации на основе равенства и суверенности с целью защиты от колониальной политики других стран. Таким образом, советизация независимых республик Закавказья и вновь утверждающееся здесь господство России обретали законные основания.

Настроения среди «белых русских» в Стамбуле

Проживавшие в Стамбуле русские офицеры и солдаты жили одним желанием скорейшего возвращения на родину, и после уничтожения большевистской власти они были готовы поддержать любое правительство. Старая, захватническая, политика кадетов — основного ядра русского либерализма была для них химерой [Togan 1969: 147–148]. Русских в Стамбуле не интересовало ничего в мире, кроме России. Однако они не могли пережить того факта, что страны-союзники бросили Россию как во время Первой мировой войны, так и в послевоенный период. «Ради чего мы кинули 23-миллионную армию в жерло войны, во имя интересов британцев и французов, чтобы они сейчас смотрели на крах и уничтожение России?» — такие осуждающие голоса слышались повсюду [Togan 1969: 150].

Известие о том, что Л.Б. Красина пригласили в Лондон для подписания соглашения между большевиками и англичанами, превратило англичан из бывших друзей во врагов. Русская газета «Руль», выходившая в Берлине, подвергла суровой критике прием, оказанный Красину британским монархом: «Вам не стыдно было пожимать обагренные кровью сотен тысяч ни в чем не повинных людей руки приехавшего в Лондон Л.Б. Красина?» К французам же, наравне с критикой, были обращены и такие послания: «Французы! Ллойд Джордж крутит вами, как хочет. Опомнитесь! Он потом бросит вас, как и нас»².

² TİTE (Türk İnkılâp Tarihi Enstitüsü) Arşivi. Kutu No (K): 51, Belge No (B): 141, Tarih: 23/04/1337.

Англичане и французы хотели разоружить находящихся в Стамбуле русских, однако последние относились к этому крайне отрицательно и отчаянно сопротивлялись. Французы объясняли русским, что их попытка создать в Турции собственное правительство противоречит законам международного права. После принятого Декрета о всеобщей амнистии были приняты условия отъезда солдат в большевистскую Россию или Бразилию. Одна часть солдат возвращалась в Россию по собственной воле, другая — по принуждению, или поверив французской пропаганде.

В то время Советская Россия установила дружеские отношения, не имеющие на тот момент военного характера, с правительствами Болгарии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Правительство КСХС радушно встречало прибывающих русских беженцев. Ходили слухи о том, что многим русским удалось поступить там на службу в соответствии со своим званием, поэтому многие русские в Стамбуле стремились попасть в Королевство³.

Возможность того, что в случае необходимости военный надзор за порядком в Стамбуле передадут русским, объяснялась бессилием англичан. Такая ситуация противоречила интересам греков и представителей других государств. Возможно, русские и приняли бы это предложение, однако вероятность того, что англичане пойдут на это, была ничтожно малой. Служивцы репатриированных в Россию солдат оставляли себе их оружие и боеприпасы, которое они не сдавали англичанам и французам. Британцы не доверяли русским и опасались, что они в любой момент могут учинить беспорядки и в случае возникновения подобного столкновения такой расклад дела пошел бы на пользу туркам⁴.

Правительство Греции также опасалось, что русские начнут оказывать помощь туркам. Поэтому Греция прилагала все усилия, чтобы склонить русских на свою сторону. С этой целью она официально обратилась к помощнику барона Врангеля, генералу А.П. Кутепову, с просьбой объединить усилия с отличавшимися антибольшевистскими настроениями русскими в Стамбуле и организовать совместный поход против Анатолии. Кроме того, они обещали, что окажут поддержку русским и обеспечат всем необходимым для их спокойного проживания в Турции, но русские ответили отказом на предложение греков. Тем не менее греки продолжали настаивать на создании такого стратегического альянса⁵.

³ ТiTE, К: 51, В: 141.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

И действительно, такие опасения не были беспочвенными — русские, прибывшие в Турцию в очень бедственном состоянии, увидели, в каком жалком и беспомощном положении находятся и сами турки, особенно в Стамбуле, поэтому испытывали к ним искреннюю симпатию. В 1920 г. некоторые офицеры из армии Врангеля даже обратились напрямую к Февзи-паше с предложением участвовать вместе со своими солдатами на стороне турецкого народа в национально-освободительной войне, однако эти прошения не были приняты.

В докладе турецкой разведки от 23 апреля 1921 г. описывалось, каким образом русские могли бы оказать помощь туркам. Было отмечено, что русские готовы оказать туркам любую помощь. В качестве примера был приведен факт обращения к Февзи-паше. Провизии и обмундирования хватало на то, чтобы набрать солдат и отправить их в Анатолию. Но если им будет оказана финансовая и продовольственная помощь в Стамбуле, то они смогут воспользоваться ею по своему усмотрению. Было подчеркнуто, что во избежание такого развития событий необходимо договориться с русскими по каждому пункту. В докладе отмечалось, что мусульманам, находившимся среди русских в эти трудные дни, было рекомендовано извлечь из этого положения пользу, например, закупить у них дешево оружие и боеприпасы. Агенты Анкары сообщали, что в Стамбуле по просьбе народных патриотов ведется активная работа по закупке по низкой цене 5 самолетов и переправке их в Анатолию⁶.

Деятельность представителей Советской России в Стамбуле

Трудно оценить то значение, которое имел Стамбул в качестве важнейшего морского плацдарма для Франции, всегда имевшей свои интересы на Востоке. Прибытие в город около 150 тысяч русских, среди которых была целая вооруженная армия, путало им все карты. Казалось возможным, что турецкие националисты возьмут Стамбул, а народные патриоты воспользуются русским оружием и русскими кораблями, стоящими в стамбульской гавани. Кроме того, было известно, что в Черном море русские большевики имели 3 подводные лодки, против которых французы выставили 7 батальонов на проливе Босфор и 2 — в Зонгюлдаке, а англичане подтянули к проливу мощные военные силы.

⁶ Ibid.

В статье «Большевистское предательство на Востоке», опубликованной 23 декабря 1920 г. в газете «Таймс», говорилось, что советское руководство, с одной стороны, пытается восстановить торговые отношения с соседними странами и жить с ними в мире, а с другой — создать в Афганистане, Иране, Ираке, Египте и южном Кавказе оппозицию против Великобритании.

В феврале 1919 г. Советская Россия направила в качестве своего полпреда в Стамбул Шалву Зурабовича Элиаву. Сначала он был представителем русских кооперативов, а после подписания англо-советского торгового соглашения назначен главой объединенной миссии Украины и России.

Во главе большевистской торговой делегации в то время был Б.Ю. Кудиш, официальное место службы которого располагалось в Галате, в квартале Першембе Пазары (Perşembe Pazarı), в Деловом доме «Йаныкзаде». В распоряжении русской торговой миссии находились два автомобиля, в штате числились два заместителя — Е.Ф. Филиппович и Брук, секретарь Трухлый, представитель спецмиссии Золотарев, юрисконсульт Аугенблик, несколько делопроизводителей, посыльные и другие лица. Их должностные обязанности заключались в исследовании рынка, установлении закупочной цены на необходимые товары для России. В действительности же их главная задача состояла в активизации большевистской пропагандистской деятельности, которая велась, в основном, среди русских. Целью агитации было не столько распространение идей коммунизма, сколько желание советского руководства расположить к себе русских, находившихся за пределами России, и, показав мощь советской власти, склонить на свою сторону даже заядлых противников большевиков. Естественно, что вследствие такой пропаганды необычайно возросла важность будущего пребывания советского политического представителя в Стамбуле, который кроме этого внимательно следил бы и за событиями на Балканах.

Таким образом, Стамбул стал главным центром, в котором была сосредоточена работа по созданию на Балканах единой Советской республики. Большевики, привлечшие на свою сторону бывшего переводчика российского посольства в Турции Тохолка, готовились к переезду в здание посольства. В таких условиях правительство Анкары внимательно следило за отношением стран Антанты к Советской России.

Поскольку опыт с Деникиным и Колчаком не дал для Великобритании нужных результатов, она предпочла прямые переговоры с Советской Россией, выразив свое желание заключить с ней договор торгового и экономического характера, не исключая при этом политического признания последней. В это время Франция полностью прервала свои отно-

шения с Врангелем и по отношению к Советской России следовала курсу, обозначенному на конференции послов. Италия же проводила политику, сходную с британской, но более решительную — помимо установления торговых отношений с Советами, она отстаивала позицию безоговорочного признания Советского правительства.

Турецко-российские отношения после учреждения Великого национального собрания Турции (ВНСТ)

С самых первых дней своего основания правительство Турецкой республики приложило много сил для укрепления добрососедских отношений с Советской Россией. Известное письмо М.К. Ататюрка В.И. Ленину, после открытия 23 апреля 1920 г. Великого национального собрания Турции, стало одним из первых внешнеполитических актов нового правительства. В послании вождю Советской России В.И. Ленину от 26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль-паша предложил объединить политическую и военную мощь обеих стран для совместной борьбы с угрожающими империалистическими силами [Çoker 1994: 599]. В том же письме содержалась просьба к Советам выделить на первом этапе для совместной борьбы с империализмом 5 млн. рублей золотом, оружие, боеприпасы, военное обмундирование и снаряжение.

На первом заседании правительства Турции, выборы которого состоялись 3–4 мая 1920 г., было принято решение направить 11 мая 1920 г. в Россию делегацию во главе с министром иностранных дел Бекир Сами Кундух-бей. В ее состав вошли Юсуф Кемаль Тенгиршенк, доктор Ибрагим Тали Онгёрен, Осман-бей и Сейфи-бей. Ответное послание наркома иностранных дел Советской России Г.В. Чичерина от 3 июня 1920 г., в котором сообщалось, что в Турцию с официальным визитом отбыла⁷ российская посольская делегация, можно считать началом официальных дипломатических связей между Россией и Турцией [Tevetoğlu 1964: 28–31].

В то время, как турецкая делегация находилась на пути в Москву, в июне 1920 г., вооруженные армянские отряды начали масштабные выступления против власти в городе Ольты (Олту) и его окрестностях, убивая мирных турецких жителей. По этому факту 7 июля 1920 г. Министерство иностранных дел Турции заявило свой протест и направило ультиматум Армении.

⁷ Глава посольской делегации Я.Я. Упмал-Ангарский прибыл в Анкару 4 октября 1920 г. [Jaechke 1989: 123].

По прибытии в Москву 19 июля 1920 г. турецкая делегация провела ряд переговоров относительно подписания договора о дружбе с Советской Россией⁸ и уже 24 августа был подготовлен его первый проект и принято решение об оказании финансовой и военной помощи Турции. Однако 27 августа 1920 г. после предложения наркома иностранных дел Г.В. Чичерина о передаче турецких земель (Ван, Битлис и Муш) армянам⁹ переговоры прервались [Tengirşenk 1981: 158–164; Büyükhöğlu 1981: 152]. Как ответ на эти события правительство ВНСТ приняло решение о вводе войск на территорию Армении и обозначении своих границ в Восточной Анатолии. В результате военных действий, начатых 28 сентября на Восточном фронте под командованием генерала Кязыма Карабекира, были освобождены Карс и Сарыкамыш с прилегающей провинцией.

Московские переговоры вызвали дебаты¹⁰ на закрытом заседании ВНСТ 16–17 октября 1920 г. [Aslan 2002: 14–15; T.B.M.M. Gizli Celse Zabıtları Cilt: I: 159], а 7 ноября был взят Гюмри. По предложению Армении вначале было заключено соглашение о перемирии, а 2 декабря 1920 г. был подписан Александропольский договор. По условиям этого договора Турции возвращались округ Карс и уезды Ыгдыр с Тузлуджей, переданные в 1828 г. России Ираном и находившиеся с 1918 г. под властью Армении. Согласно Статье 2 этого же договора, Шахтахлы, Шарур и Нахчиванский округ временно передавались под протекторат Турции¹¹.

Тем временем Советская Россия провела переговоры с Великобританией о заключении торгового соглашения, которые закончились его подписанием 16 марта 1921 г. В преамбуле англо-советского торгового соглашения было сказано, что обе стороны обязуются воздерживаться от враждебных действий по отношению друг к другу и не вести вне собственных границ какой-либо пропаганды ни в прямой, ни в косвенной форме. Кроме того, Советская Россия обязывалась воздерживаться от любых попыток к поощрению военных, дипломатических и иных

⁸ В своем выступлении на заседании ВНСТ Юсуф Кемаль-бей пояснил, что они прибыли в Москву через семьдесят один день после отъезда из Анкары [T.B.M.M. Gizli Celse Zabıtları Cilt: I: 159].

⁹ Провозглашенная 28 мая 1918 умеренными социалистами (меньшевиками) Республика Армении со столицей Эривань, выбрала себе экспансионистскую политику, сформированную под влиянием националистической правящей партии дашнаков и стала претворять в жизнь идею создания «Великой Армении».

¹⁰ Депутат от Гюмюшхане Хасан Фехми-бей, выступивший после заявления Юсуфа Кемаль-бея на заседании ВНСТ о ходе московских переговоров, отметил, что руководство Советской России провозглашает ту же идеологию и следует тому же внешнеполитическому курсу, который выбрал Петр I [T.B.M.M. Gizli Celse Zabıtları Cilt: I: 159].

¹¹ Полномочия в вопросе регулирования Московского договора были переданы Азербайджану.

действий, противоречащих интересам Британской империи в странах Азии, в частности, в Индии и Афганистане. Со своей стороны, Великобритания принимала аналогичное обязательство перед Советским правительством не вмешиваться в политику России на Кавказе [PRO London Documents: 838–841].

Участие в Лондонской конференции принимала также делегация ВНСТ во главе с Бекиром Сами-беем, которым были подписаны ряд двусторонних соглашений с западными державами. Но, несмотря ни на налаживание дипломатических отношений Советской России с Великобританией с последовавшим заключением двустороннего торгового соглашения, несмотря на переговоры правительства ВНСТ с западными державами, 16 марта 1921 г. между Турцией и РСФСР в Москве был подписан договор «о дружбе и братстве» [Aslan 2002: 15–17].

Первый договор между новой Турцией и Советской Россией (Москва, 16 марта 1921 г.)

Еще до подписания Московского договора были назначены послы в подписавших его странах: посол Турции Али Фуад-паша приступил к своим обязанностям в Москве 21 ноября 1920 г., а посол РСФСР Буди Мдивани вручил верительную грамоту председателю ВНСТ Мустафе Кемалю-паше 5 марта 1921 г.

Еще 3 декабря 1920 г. на встрече в Гюмри с командующим Восточным фронтом Кязымом Карабекир-пашой будущий первый официальный посол Советской России в Анкаре Буди Мдивани сообщил, что в Москве ждут приезда турецкой делегации [Tengirşenk 1981: 190]. В связи с этим было принято постановление направить в Москву делегацию во главе с министром экономики Юсуфом Кемаль-беем¹². В состав делегации, выехавшей из Анкары 19 декабря 1920 г., вошли Юсуф Кемаль, Рыза Нур и секретарь посольства Мехмет Али. По прибытии в Карс 7 января 1921 г. делегация встретила с чрезвычайным и полномочным послом Турции в Москве Али Фуад-пашой.

¹² Юсуф Кемаль-паша обратился с просьбой к Кязыму Карабекир-паше направить письмо Сефиру Мдивани, в котором кратко указать текст телеграммы, полученной 3 декабря 1920 г. от Ленина и Сталина, касательно ожидаемой Советской Россией в Александрополе (Гюмри) делегации от правительства ВНСТ для участия в переговорах военно-политического характера. В письме Казыма Карабекир-паши от 14 января 1921 г. указывается, что тот же день было получено ответное послание от С. Мдивани, который подтвердил готовность руководства Советской России принять в Москве турецкую делегацию [Tansel 1991: 68; Tengirşenk 1981: 192–194].

Тем временем Мустафа Кемаль-паша направил В.И. Ленину телеграмму по поводу признания автономии Дагестана, в которой выразил уверенность в том, что это событие внесет положительный вклад в укрепление отношений между большевиками и исламским миром. 7 января 1921 г. Ленин направил полную самых искренних пожеланий ответную телеграмму Мустафе Кемалю-паше [Tansel 1991: 68]. Турецкая делегация, путь которой пролегал через Тифлис и Баку, выехала из Карса 17 января 1921 г. и 18 февраля того же прибыла в Москву. В этот же день вечером она была принята наркомом иностранных дел Чичериным и его заместителем Л. Караханом [Tengirşenk 1981: 197–203]. Во время собеседования Чичерин сообщил о надобности в подписании торгового соглашения между Россией и Великобританией, и что в планы России не входит заключение союза с Турцией, а также отметил, что в Турции жестко относятся к коммунистам. Чичерин также поднял вопрос о политической договоренности, обозначенной в письме Мдивани. Он подверг критике как отказ Турции от предложения России участвовать посредником в переговорах о мире между Турцией и Арменией, так и присутствие турецких войск в Гюмри вопреки неоднократным ее нотам протеста [Cebesoy 1953: 138; Tansel 1991: 70–71].

22–23 февраля 1921 г. состоялась встреча делегации с И.В. Сталиным, на которой он сообщил о невозможности заключения союза с Турцией по причине ожидаемого подписания торгового соглашения с Великобританией. Однако ясно дал понять о допустимости незамедлительного заключения договора о братстве и оказании денежной и военной помощи. На вопрос турецкой делегации, будет ли затрагиваться в ходе переговоров вопрос об Армении, Сталин ответил: «Вы сами полностью решили проблему с Арменией. Если остались еще какие-то нерешенные вопросы, решайте и их, но твердо обозначьте сроки, когда это осуществится» [Cebesoy 1953: 139].

С 26 февраля начались переговоры в здании Народного комиссариата по иностранным делам, в итоге которых 16 марта 1921 г. состоялась официальная церемония подписания Московского договора [Cebesoy 1953: 150; Tengirşenk 1981: 217–218; Atatürk 2000: 489; Tengirşenk 1981: 301]. От имени правительства ВНСТ договор подписывали Юсуф Кемаль-паша, Рыза Нур-бей и Чрезвычайный посол в Москве Али Фуад-паша, а от имени Советской России — нарком иностранных дел Г.В. Чичерин и член исполкома ВЧК Д.А. Коркмасов.

Согласно Статье 1 Московского договора, Советское правительство признавало Национальное правительство Турции, представленное Великим национальным собранием Турции, и обозначенные в Националь-

Подписание Московского договора.
Москва Кремль, 1921. (Фото из архива Агентства Анадолу)

ном турецком пакте территориальные границы страны. В соответствии с этим договором были определены существующие и поныне границы Турции с Россией. Таким образом, признавались и государственные границы между Турцией и Арменией, обозначенные 3 декабря 1920 г. в Александропольском соглашении о мире (Карс и Ардаган оставались в составе Турции). Согласно Статье 2, Турция отказывалась от Батума в пользу Советской Грузии при условии, что местному населению будет предоставлена широкая автономия с правом свободы вероисповедания и культурной самобытности, а Турции — право свободного транзита через порт Батум. По Статье 3, Нахичеванская область образовывала автономную территорию под протекторатом Азербайджана. Статья 5 обеспечивала открытие проливов и свободу прохождения торговых судов для всех народов и передачу окончательной выработки международного статуса Черного моря и проливов будущей конференции из делегатов причерноморских государств. В Статье 6 аннулировались все договоры, заключенные ранее между двумя странами: Турция освобождалась от финансовых обязательств, заключенных между Турцией и царской Россией. Согласно Статье 7 терял силу режим капитуляций, а согласно статье 8 обе страны обязывались не поддерживать на своей территории деятельность опасных организаций и группировок и принять на себя совместные обязательства по отношению к кавказским республикам. Статья 12 признавала право каждого жителя обозначенной территории Турции, бывшей ранее во владении России, и обозначенной территории России, ранее бывшей во владении Турции, свободно выехать на территорию той страны, которой принадлежала эта земля, с правом вывоза

имущества и денежных средств. Согласно Статье 13, между сторонами будет произведен обмен пленными, условия которого будут определены особой Конвенцией. Помимо вышеизложенных пунктов, в целом было принято решение об урегулировании между двумя странами вопросов наследования, коммуникаций, транспорта и заключении в будущем двусторонних взаимных соглашений [Benhür 2008: 277–313].

Московский договор занимает в истории турецко-российской дипломатии особое место. Установив восточную государственную границу современной Турции, этот договор заложил прочную основу дружеских турецко-российских отношений и сотрудничества на длительный период. Однако это соглашение не стало поворотной точкой в развитии отношений двух стран. Более того, в это время усилились действия западных держав, направленные на пресечение турецко-российских отношений, что еще больше усугубило проблемы, оставшиеся нерешенными после подписания соглашения, укрепив таким образом сомнение и недоверие Турции и России по отношению друг к другу [Yerasimos 1979: 325–326].

Несмотря на заключение Московского договора, в отношениях между странами продолжалась обоюдная подозрительность. Вслед за большевизацией Азербайджана 28 апреля 1920 г. части Красной армии вступили поочередно на территорию Армении и Грузии и установили в них Советскую власть. Об этом сообщалось в телеграмме представителя ВНСТ в Армении Бахаэддин-бея¹³ от 25 марта 1921 г. в Генштаб Восточного фронта, и выражалось беспокойство по поводу того, не грозит ли Турции такая расстановка сил на Кавказе¹⁴. С другой стороны, каждая из договаривающихся сторон, согласно Статье 8 Московского договора, обязалась не допускать деятельности на своей территории организаций или группировок, поддерживавших правительство другой стороны. Относительно интересов Москвы данная статья предусматривала систему мер по пресечению пантуранской агитации среди многомиллионного

¹³ После подписания Адрианопольского договора правительство ВНСТ направило своих представителей для установления политических отношений с республиками Кавказа. Как и откомандированные в Советский Азербайджан Мемдух Шевкет (Эсендал), в Советскую Армению — капитан Бахаэддин (Кубан), в меньшевистскую Грузию — полковник Кязым (Дирик), в Каракилисе функции главы делегации по контролю за соблюдением режима мирного договора исполнял капитан Хюсаметтин (Тугач), служивший под началом командующего 11-й армией Геккера [Büyükhöğlu 1958: 31].

¹⁴ Кязым Карабекир сделал приписку на телеграмме капитана Бахаэддина: «Учитывая тот факт, что Грузия находится в руках большевиков, а Армения — дашнаков, можно сказать, что это идет на пользу нашим интересам. В отношении Азербайджана и Анатолии же как у русских не будет единого мнения, так и в войсках не будет единой силы» [Отдел военной истории и стратегического планирования Генерального штаба - Genelkurmay Askerî Tarih ve Stratejik Etüt, Denetleme Başkanlığı Arşivi (ATASE), İsh: 12, K: 759, B: 116–1].

тюркоязычного населения России. А в интересы Анкары входила защита страны от большевистского заговора, который мог проникнуть с Кавказа или какой-либо другой территории [Davison 1953: 191]. Вместе с тем после подписания Московского договора в отношениях двух стран наметились серьезные разногласия, особенно ярко проявившиеся при реализации положений этого соглашения. В этой связи особенно остро стоял вопрос о Батуме, в котором после подписания Московского договора прекратилась турецкая власть.

Батумский вопрос

Согласно Александропольскому договору от 2 декабря 1920 г., Турции отошли Карс, Кагызман и Сарыкамыш, находившиеся по условиям Мудросского перемирия два года в армянской юрисдикции, а также уезды Ыгдыр и Кулп, принадлежавшие ранее Ирану и присоединенные к России в 1828 г.¹⁵ Согласно Брест-Литовскому мирному договору, в состав Турции вошли Чурюксу, Батум, Аджария и Артвин, которые после Мудросского перемирия были переданы Великобритании. Спустя несколько месяцев англичане оставили эти территории и передали их Грузии. После этих событий вопрос о возвращении обозначенных в Национальном турецком пакте территорий Ардагана, Артвина и Батума, которые находились в ведении Грузии, стал очень важной и деликатной темой в диалоге Советской России с правительством ВНСТ.

Причиной тому было следующее: территорию трех округов, находившихся под властью Грузии, необходимо было взять без вмешательства Советской России в вооруженный конфликт. По этой причине правительство ВНСТ пыталось решить этот вопрос с Грузией путем мирного урегулирования [Büyüklüoğlu 1958: 31]. В этот период Советская Россия, несмотря на мирный договор, подписанный с Грузией 7 мая 1920 г., и

¹⁵ Договор был подписан выступавшим от имени представителя правительства ВНСТ командующим Восточным фронтом Кязымом Карабекиром, начальником вилайета Эрзурума Хамит-беем и депутатом от Эрзурума Сулейманом Наджати-беем и выступавшими от имени меньшевистского правительства Армении Хатисяном, А. Гюльханданяном и И. Горгоряном. Однако 2 декабря 1920 г., в день подписания договора, в Ереване было сформировано советское армянское правительство. Несмотря на то, что подписанный бывшим кабинетом Оханджяна договор так и не вступил в силу, советское руководство и его войска фактически соблюдали его условия. Положения Александропольского договора стали основой и для определения территориальных границ, обозначенных позже в подписанных Московском и Карском договорах [Büyüklüoğlu 1958: 29].

ноты протеста продолжала процесс большевизации страны и перебросила свои войска к границе с Грузией [Sürmeli 2001: 623–624].

Получение под свою юрисдикцию Батума стало бы для России важным фактором, ускоряющим процесс переговоров о будущем торговом соглашении. Батум был нужен Советской России для транспортировки нефти; объявив 19 февраля 1921 г. войну Грузии, она установила в Тифлисе советскую власть [Sürmeli 2001: 629–635].

23 февраля Турция предъявила меньшевистскому правительству Грузии ультиматум с требованием освободить Ардаган и Артвин. В тот же день, путем мирного решения, Турция получила от Грузии округа Ардаган и Артвин¹⁶ [Kırzioğlu 1991: 212–213]. По иску Грузии от Турции отошли территории Ахалкалаки, Ахалцихе и Батума [Büyüklüoğlu 1958: 34].

Вооруженное столкновение турецких войск с Красной армией 20 марта 1921 г. в Батуме, оставшемся после подписания Московского договора за пределами границ Турции, грозило серьезным кризисом в отношениях двух стран. Командующий Восточным фронтом Кязым Карабекир в своих воспоминаниях приводит доклад представителя Турции в Батуме Кязым-бея о нападении 20 марта грузинских сил на турецкую казарму в Барутхане, в которой на тот момент находилась одна стрелковая рота и артиллерийская батарея. Эта атака была поддержана подоспевшей кавалерийской дивизией Красной армии. Несмотря на добровольную сдачу турецких солдат, все они погибли. Другие роты батальона, находившиеся в укреплении Махмудийе, ночью укрылись в турецких частях в районе моста реки Чорлу. Карабекир сообщает, что 20 марта в ходе военной операции в Батуме 30 турецких солдат погибли, из них — 4 офицера и 26 рядовых, 26 солдат получили ранения и 46 пропали без вести [Kırzioğlu 1991: 214].

Батумский инцидент подтолкнул правительство Анкары на сближение с державами Антанты. Однако через некоторое время после окончания этих событий Карабекир в телеграмме, отправленной на имя члена ВНСТ Мустафы Кемал-паши, подверг критике проводимую Анкарой политику [Yerasimos 1979: 327]. В телеграмме от 27 марта 1921 г. К. Карабекир предупреждал, что на конференции в Лондоне ведется закулисная игра, цель которой — втянуть Турцию с ее стремлением к господству на Кавказе в советско-грузинскую войну и заставить воевать на стороне Грузии против России и таким образом уничтожить Турцию в огне войны, или, в крайнем случае, воспрепятствовать заключению союза между Россией и Турцией в борьбе против меньшевистского правительства Гру-

¹⁶ ATASE, İsh: 8, K: 396, B: 60–1.

зии. Предвидя заранее развитие этой интриги, полководец предупредил об этом турецкое правительство, которое согласилось с этой точкой зрения. Далее он пояснял, что заключение соглашения с меньшевистским правительством Грузии, решение о создании Кавказской конфедерации, как и громкие аплодисменты членов ВНСТ в ответ на известие об оккупации Батума, объясняются действием мощной пропаганды Антанты, в результате которой мало кто знал об истинном положении дел на Востоке и об истинных интересах России.

К. Карабекир также подчеркивал, что произошли неожиданные изменения в утвержденном плане действий, после чего Ахалцихе и Батум были оккупированы и аннексированы, что привело к преждевременному слову сопротивления грузинского правительства и открытию большевикам беспрепятственной дороги на Батум. Поняв то, что теряет Батум, оно готово заигрывать с большевистской Россией против Турции. Во избежание ситуаций подобного рода К. Карабекир-паша рекомендовал в дальнейшем тщательно обдумывать военную стратегию и хранить ее в полной секретности. Он считал, что русские либо продолжат устанавливать свою власть на Кавказе, либо уйдут, как это было во время становления большевизма, однако это не значит, что они потеряют здесь свое влияние, как об этом говорилось в идеологических лозунгах Антанты. Вместо того, чтобы верить этой пропаганде, объяснял он, нужно реально смотреть на положение дел: пока влияние русских на Кавказе сильно, с ними нужно поддерживать дружественные отношения, а еще лучше — стать союзниками. По мнению Карабекира-паши, русских можно было убедить на словах и действиях в том, что, предлагая свою дружбу, Турция не претендует на их жизненно важные интересы. Из-за того, что строительство заводов и железных дорог при царском режиме велось с учетом ресурсной базы Баку, Россия не могла отказаться от Баку, который, в свою очередь, не мог существовать без Батума.

Кязым Карабекир-паша сообщал, что до сведения московской делегации была доведена информация о том, что часть территории, по которой проходит железнодорожная линия, соединяющая два важных порта, в декабре 1920 г. была передана нашему правительству, и добавил, что северный участок границы, обозначенный в подписанном договоре с Россией, не должен вызывать опасения у русских. С этой целью турецкие представители, в первую очередь в Баку и Тифлисе, не должны служить источником подпитки контрреволюционно настроенных комитетов. У них на руках должны быть четкие инструкции, действуя по которым, они не будут выходить за рамки политики правительства Турции. Люди, представляющие нашу страну, не должны действовать по первому по-

буждению под влиянием обстоятельств или личных эмоций. Кязым Карабекир-паша подчеркнул, что Антанта тратит значительные суммы на пропаганду и агитацию, поэтому необходимо быть морально устойчивыми, проникательными, способными к критическому мышлению, чтобы не поддаваться на эту провокацию¹⁷ [Kırzioğlu 1991: 222–223].

Приостановка движения сторонников большевизма в Анатолии

Для подготовки надежной почвы для сотрудничества с молодой Советской Россией в мае 1920 г. была тайно создана организация «Зеленая армия»¹⁸ («Йешиль Орду»), ставившая своей первоначальной целью просветить народные массы об истинном положении дел и убедить их в необходимости национальной борьбы. Среди основателей и первых руководителей организации были Назым Ресмор, шейх Сервет Акдаг, доктор Аднан Адывар, Ейюп Сабри Акгёль, Юнус Нади Абалыоглу, Хюсрев Сами Кызылдоган, Сурея Йигит, Сырри Беллиоглу, Мустафа Джантекин, Хамди Намык Гёр, Мюхиттин Баха Парс, Махмут Джелаль Байар, Хаккы Бехич Байич, Черкес Этхем-бей, Решит-бей, Тевфик-бей и др. Особая роль в расширении деятельности этой организации принадлежит начальнику уездного управления (каймакаму) Ваккасу Фериту¹⁹, который организовал в Анкаре совместно с первым официальным советским представителем Шарифом Манатовым ряд конференций²⁰, посвященных вопросам

¹⁷ Cumhurbaşkanlığı Atatürk Arşivi (CA), A= III-7-b, D= 20, F= 29,29-1, 29-2, 29-329-4 ve 29-5.

¹⁸ Существует точка зрения, согласно которой, сообщество «Зеленая армия», не выступившее перед правительством с официальным заявлением о создании и считавшееся поэтому тайной организацией, было создано с ведома Мустафы Кемаля-паши [Tunçay 1978: 130, 141; Tevetoğlu 1991: 197–261].

¹⁹ Ваккас Ферит-бей, который сам был родом из Малатии, после принятия Конституции вступил в члены партии «Единение и Прогресс».

²⁰ В своих воспоминаниях Халиде Эдип говорит, что у русских была «дьявольски» разработанная система пропаганды. Она так рассказывает о русском агитаторе Ваккасе, которого привел к ней Юсуф Хикмет-бей (Байтур): «Вначале убедившись, что мы сможем понять друг друга, он тут же приступил к своей агитации. Подобно проповедующему под открытым небом учителю, он садился, скрестив ноги по-турецки, и пересказывал все русские лозунги от начала и до самого конца. Чаще всего он говорил о проблеме богатства и бедности. Подолгу останавливался на вопросах устранения классового неравенства. Но даже тогда, когда его речи были бессмысленны, он казался очень искренним. Вкратце, он выучил наизусть все русские агитационные лозунги и повторял их без конца в любом месте, где бы не находился. И пока он говорил, человек совершенно ясно, будто видел это собственными глазами, мог представить себе весь ужас нападения крестьян на тех, кто имеет хоть какое-нибудь имущество...» [Adivar 1994: 130–131].

социализма [Tunçay 1978: 136–139; Adivar 1994: 130–131]. С вступлением в ряды «Зеленой армии» Черкеса Этхема резко возросла ее военная мощь, в результате чего она стала представлять серьезную угрозу правительству Анкары. После перемещения центрального комитета «Зеленой армии» в г. Эскишехир, где Черкес Этхем пользовался особой поддержкой, в сентябре 1920 г. при посредстве Арифа Оруча организация начала ежедневный выпуск газеты «Сейаре-и Йени дюнья»²¹ («Новый мир»). Определяя «Зеленую армию» как провокационную организацию коммунистов-большевиков д-р Самих Чорухлу (псевдоним историка Акдеса Нимета Курата) отмечает ее популярность в этот период [Çoruhlu 1966].

Для того, чтобы ослабить влияние Советской России на распространение левого движения в Анатолии, было принято решение о создании официальной Коммунистической партии Турции (ОКПТ). Указом Министерства внутренних дел от 18 октября 1920 г. решение о создании партии и включении в ее ряды «Зеленой армии» было отправлено во все провинции (вилайеты) Турции²². В телеграмме Мустафы Кемал-паши от 31 октября 1920 г. командующему войсками Западного фронта Али Фуаду-паше отмечалось, что создание Турецкой коммунистической партии с разрешения центральной власти является самой разумной мерой в ответ на проникновение и распространение в стране различных течений коммунистического толка. Таким образом становилось возможным сконцентрировать в одном месте все политические течения, так или иначе связанные с коммунистической идеологией [Cebesoy 1953: 509; Tevetoğlu 1967: 311–312].

Летом того же года при непосредственном участии первого официального советского представителя в ВНСТ Шарифа Манатова²³ в Анкаре и Эскишехире была создана тайная Коммунистическая партия Турции. Помимо Ш. Манатова, в состав бюро вошли Ариф Оруч и майор в запасе Салих Хаджиоглу. Кроме того, членами этой партии стала и часть депутатов ВНСТ от «Народной группы» («Халк зюмреси»). Действия Ш. Ма-

²¹ Присутствие в названии газеты словосочетания «Йени Дюнья» («Новый мир») символически указывало на связь с Советской Россией [Tunçay 1978: 142].

²² Среди тех, кто выполнял поручения официальной турецкой коммунистической партии, числились Тевфик Рюштю-бей (Арас), Махмут Есат-бей (Бозкурт), Юнус Нади-бей (Абалыоглу) и Кылыч Али-бей [Tunçay 1978: 163].

²³ Мете Тунджай отмечает, что 24 мая 1920 г. в качестве представителя от Башкортостана в Анкару прибыл Шариф Манатов [Tunçay 1978: 177]. Бывший руководитель Башкортостана А. Зеки Вели Тоган (А.-З. Валидов) заявил, что Ш. Манатов не имел никаких представительских функций и находился в Турции по заданию компартии, а о его высылке из страны Тоган узнал только по прибытии в Стамбул. Информацию о Ш. Манатове можно найти в письмах А. Зеки Вели Тогана, адресованных Ф. Теветоглу [Tevetoğlu 1967: 477–478].

натов были расценены как наносящие вред новой власти, из-за чего он был выслан из страны. С целью легализации деятельности партии и расширения ее социальной платформы 7 декабря 1920 г. тайная Коммунистическая партия Турции была преобразована в Турецкую народную коммунистическую партию. Основателями последней стали депутат от Токата — Назым Ресмор, от Афьонкарахисара — Мехмет Шюкрю Коч, от Бурсы — шейх Сервет, ветеринарный врач майор Салих Хаджиоглу и Зийнетуллах Нуширевян [Tunçay 1978: 177–185]. Через два месяца на основании обвинения в сговоре с Черкесом Этхемом и попытке государственного переворота деятельность Турецкой народной коммунистической партии была приостановлена, а Салих Хаджиоглу, Зийнетуллах Нуширевян и другие общественные деятели издательства газет «Фырка» («Партия») и «Емек» («Труд») были арестованы [Cerrahoğlu 1975: 446–450].

Кроме того, 2 января 1921 г. сторонники правительства разгромили редакцию печатного органа официальной Народной коммунистической партии Турции, выходившей в Анкаре газеты «Йени дюнья» («Новый мир»), а ее ответственный редактор Ариф Оруч и его сподвижники были арестованы по обвинению в поддержке Черкеса Этхема. 1 февраля 1921 г. представители Турецкой народной коммунистической партии в ВНСТ, депутаты от Токата — Назым-бек, от Афьонкарахисара — Мехмет Шюкрю и депутат от Бурсы — шейх Сервет Эфенди объявили о сложении с себя полномочий, однако, несмотря на это заявление, они предстали перед Верховным судом в Анкаре [Tunçay 1978: 248].

В результате судебного слушания по делу об обвинении в попытке свержения правительства ВНСТ и создании верховной власти вопреки воле народа Верховный суд в Анкаре признал Этхема и его братьев виновными и решением от 9 мая 1921 г. заочно приговорил их к смертной казни. Проходившие по этому делу по обвинению в причастности к попытке государственного переворота депутат от Токата Назым, один из служащих управления печати и информации Зийнетуллах Нуширевян и находившийся за пределами страны Шариф Манатов были приговорены к 15 годам каторжных работ [T.C. Genelkurmay Başkanlığı 1999: 135]. По итогам слушания дела об участии в преступной деятельности тайной Коммунистической партии к увольнению с кадровой военной службы и 15 годам каторжных работ был приговорен старший ветеринарный врач, полковник Салих Хаджиоглу-эфенди. По обвинению в участии в деятельности тайного кружка к исключению из воинских рядов приговорены ветеринарный врач капитан Осман-эфенди и Кенан-эфенди. Мера пресечения в виде заключения под стражу было решено считать для них окончательной, после чего отправить на обозначенное властями место обязательного

поселения²⁴. В отношении активистов газеты «Йени дюнья» Низаметтина, Бехрама Лютфю, Мустафы Нури, Абдулькадира Хильми, Ахмета и ветеринарного врача, капитана Эфгана были применены различные меры наказания. Решением суда к ссылке под надзор властей был приговорен главный публицист газеты «Йени дюнья» Ариф Оруч, невиновными были признаны депутат от Бурсы шейх Сервет-Эфенди и депутат от Афьонкарахисара — Мехмет Шюкрю-бей [Т.С. Genelkurmay Başkanlığı 1999: 35].

Просуществовавшая таким образом во время подавления восстания Черкеса Этхема еще три месяца официальная Турецкая коммунистическая партия прекратила свою деятельность. А Анкара не усыпляла свою бдительность и после подавления восстания. Так, в направленном во все фронтовые штабы приказе начальника Генерального штаба Февзи-паши от 23 марта 1921 г. предписывалось принять все необходимые меры, чтобы пресечь любую попытку деятельности Этхем-бея [Т.С. Genelkurmay Başkanlığı 1999: 88–144].

Однако, создав в это время в Баку Турецкую коммунистическую партию и очистив ее аппарат от старого состава с целью организации партийных ячеек в Анатолии, в Карс приехал Мустафа Супхи. Но не желая портить сложившиеся отношения с Советской Россией, правительство Анкары выслало делегацию Мустафы Супхи за пределы страны. В Эрзуруме Мустафа Супхи и его соратники подверглись нападениям и оскорблениям со стороны населения, а недалеко от Трабзона были встречены массовой акцией протеста, в результате чего не смогли попасть в город [Kurat 1990: 430–440; Aslan 1997: 264–327]. Поняв, что в таких условиях не смогут продолжать свою деятельность, они приняли решение вернуться в Россию. В спешке было нанято небольшое судно, отплывающее в Черное море, но недалеко от Сюрмене М. Супхи и его соратники были убиты капитаном судна Фаиком и его командой, а их тела сброшены в море [Tunçay 1978: 237].

Озабоченность Турции проблемой русских беженцев

Понятие «беженец» в международно-правовой литературе появилось впервые после Первой мировой войны, когда в 1920 г. при Лиге Наций был создан Верховный комиссариат по делам беженцев. В 1921 г. норвежский полярный исследователь Фритьоф Нансен был назначен первым верховным комиссаром этой организации.

²⁴ О приведении приговора в исполнение было объявлено в циркулярном письме Министерства национальной обороны. См.: ATASE, İsh: 16, K: 1129, B: 95-1.

Для рассмотрения вопроса о расселении «белых русских» в другие страны в Стамбул от Бюро труда при Лиге наций был отправлен М. Шарпантье. По решению Совета министров от 6 февраля 1927 г. было одобрено продление срока его полномочий до 6 февраля 1928 г. Этим же решением сроком на один год продлевался имевшийся на руках у русских вид на жительство.

Между тем, на протяжении долгого времени вопрос о проживавших в Стамбуле русских беженцах сохранял в Турции свою актуальность, и после организованного Лигой Наций расселения «белых русских» в другие страны Турция была озабочена вопросом о дальнейшем пребывании на своей территории оставшихся людей.

В отчете Министерства иностранных дел в Управление премьер-министра от 15–16 августа 1927 г. отмечалось, что из-за расселения русских беженцев по разным местам страны и нехватки ресурсов в Анатолийской службе общественной безопасности наблюдаются некоторые затруднения в организации сбора разведданных и слежки за ними. В случае же приобретения русскими беженцами турецкого подданства в стране могла возникнуть опасность распространения православного элемента.

Так, на 1 января 1927 г. в Стамбуле насчитывалось всего около 3 000 русских, которые были поделены при переписи на 3 группы. Первая группа насчитывала 2 259 человек, 1 198 человек из которой составляли мужчины (из них 62 нетрудоспособных по причине инвалидности), 678 — женщины (25 нетрудоспособных по причине инвалидности), 383 — дети. Вторая группа, в состав которой входили русские иудеи, насчитывала 620 человек, из которых 217 человек составляли мужчины, 248 — женщины, 155 — дети. В последнюю, третью, группу, численность которой составляла около 100 человек, входили местные русские из Стамбула.

Так заканчивалась эпопея «белых русских», вовлеченных в перипетии эпохальных исторических событий и межгосударственных отношений.

Перевод Нонны Пулат

ЛИТЕРАТУРА

- Adıvar 1994 — Adıvar H.E. Türkün Ateşle İmtihani. 11 Baskı. İst.: Atlas Kitabevi, 1994.
 Aralov 1967 — Aralov S.İ. Bir Sovyet Diplomatının Türkiye Hatıraları / Çev. Hasan Ali Ediz. İstanbul: Burçak, 1967.
 Aslan 2002 — Aslan Y. Mustafa Kemal-Frunze görüşmeleri Türk-Sovyet ilişkilerinde. İstanbul: Zirve Kaynak, 2002.
 Atatürk 2000 — Atatürk M.K. Nutuk II. İstanbul: M.E.B., 2000.

- Benhür 2008 — Benhür Ç. 1920'li Yıllarda Türk-Sovyet İlişkileri: Kronolojik Bir Çalışma // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. Konya, 2008. S. 277–313.
- Bıyıklıoğlu 1958 — Bıyıklıoğlu T. Osmanlı ve Türk Doğu Hudut Politikası. İstanbul: Harp Akademileri Basımevi, 1958.
- Bıyıklıoğlu 1981 — Bıyıklıoğlu T. Atatürk Anadolu'da (1919–1921) I. Ankara: Kent Basım Evi, Ekim, 1981.
- Bilge 1992 — Bilge A.S. Türkiye-Sovyet İlişkileri 1920–1964. Ankara: Türkiye İşbankası, 1992.
- Burçak 1983 — Burçak R.S. Moskova Görüşmeleri (26 Eylül 1939 — 16 Ekim 1939) ve Dış Politikamız Üzerindeki Tesirleri. Ankara: Gazi Üniversitesi Yay., 1983.
- Cebesoy 1953 — Cebesoy A.F. Milli Mücadele Hâtıraları. İstanbul: Vatan Neşriyatı, 1953.
- Cerrahoğlu 1975 — Cerrahoğlu A. (Kerim Sadi). Türkiye'de Sosyalizmin Tarihine Katkı. İstanbul, 1975.
- Çoker 1994 — Çoker F. Türk Parlamento Tarihi Milli Mücadele ve T.B.M.M. I. Dönem 1919–1923. C. I. Ankara: TBMM Vakfı Yayınları, 1994.
- Çoruhlu 1966 — Çoruhlu S. (Akdes Nimet Kurat). İstiklâl Savaşında Komünizm Faaliyeti. Yeni İstanbul, 3 Temmuz 1966. Tefrika No. 3.
- Davison 1953 — Davison R.H. Turkish Diplomacy From Mudros To Lausanne. The Diplomats 1919–1939 / Graig G.A., Gilbert F. (Ed.). New Jersey: Princeton Univ. Press, 1953.
- Jaechke 1989 — Jaechke G. Türk Kurtuluş Savaşı Kronolojisi Mondros'tan Mudanya'ya Kadar (30 Ekim 1918 — 11 Ekim 1922). Ankara: TTK, 1989.
- Kırzioğlu 1991 — Kırzioğlu M.F. Kâzım Karabekir (Kendi Eserleri, Haltercümeleri ve Arşiv Belgeleri'ne Göre). Ankara: Kültür Bakanlığı, 1991.
- Kurat 1990 — Kurat A.N. Türkiye ve Rusya. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1990.
- Öztoprak 2003 — Öztoprak İ. Maverayı Kafkas Hükümeti Sekizinci Askerî Tarih Semineri Bildirileri I XIX. ve XX. Yüzyıllarda Türkiye ve Kafkaslar (24–26 Ekim 2001 İstanbul). Ankara: Genelkurmay ATASE, 2003.
- PRO London Documents — PRO, London. Foreign Office Archives. Documents on British Foreign Policy 1919–1939 First Series, Volume XII, Her Majesty's Stationery Office, London 1970. S. 838–841. № 845. S. 838–841
- Roberts 2010 — Roberts J.M. Avrupa Tarihi / Çev. Fethi Aytuna, 1996. İstanbul: İnkılap, 2010.
- Sonyel 2014 — Sonyel S.R. Türk Kurtuluş Savaşı ve Dış Politika I. Ankara: TTK, 2014.
- Sürmeli 2001 — Sürmeli S. Türk-Gürcü İlişkileri (1918–1921). Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi, 2001.
- Tansel 1991 — Tansel S. Mondros'tan Mudanya'ya Kadar IV. İstanbul: Tansel S. Mondros'tan Mudanya'ya Kadar IV., 1991.
- T.B.M.M. Gizli Celse Zabıtları Cilt — T.B.M.M. (Türkiye Büyük Millet Meclisi) Gizli Celse Zabıtları. Cilt: I. Devre: I. İçtima: I. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 1999.

- T.C. Genelkurmay Başkanlığı 1999 — T.C. Genelkurmay Başkanlığı, Harp Dairesi Başkanlığı. Türk İstiklal Harbi (TİH). II. Cilt, Batı Cephesi 3.Kısım. Ankara, 1999.
- Tengirşek 1981 — Tengirşek Y.K. Vatan Hizmetinde Y.K. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1981. S. 158–164.
- Tevetoğlu 1964 — Tevetoğlu F. Atatürk'ün Sovyet Politikası. Türk Kültürü. Atatürk Sayısı. Kasım, 1964. Sayı 25.
- Tevetoğlu 1967 — Tevetoğlu F. Türkiye'de Sosyalist ve Komünist Faaliyetler. Ankara: Ayyıldız Matbaası, 1967.
- Tevetoğlu 1991 — Tevetoğlu F. Milli Mücadele Dönemi Yılları Kuruluşlar. Ankara, 1991.
- Togan 1969 — Togan Z.V. Hâtıralar Türkistan ve Diğer Müslüman Doğu Türklerinin Milli Varlık ve Kültür Mücadeleleri. İstanbul, 1969.
- Wrangel 1957 — Wrangel P.N. General Baron. Always With Honor. New York: Robert Speller and Sons, 1957.
- Yerasimos 1979 — Yerasimos S. Türk-Sovyet İlişkileri (Ekim Devriminden “Milli Mücadeleye”). İstanbul: Gözlem, 1979.
- Yıldırım, Özönder 1991 — Yıldırım D., Özönder M.C. Karabağ Dosyası. Ankara: Türk Kültürü Araştırmaları, 1991.

ОТНОШЕНИЯ «БЕЛЫХ РУССКИХ» С АНТАНТОЙ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ АНКАРЫ

Кезбан АДЖАР¹

«Белые русские» интенсивно прибывали в Стамбул с апреля 1919 по ноябрь 1920 г. и практически сразу началось их разделение на гражданских и военных. Гражданские селились в Стамбуле и окрестностях, а военных разместили на Галлиполийском полуострове, недалеко от города Галлиполи.

Сразу нужно сказать, что русские эмигранты бежали в Турцию не по приглашению Османской империи, а прибыли сюда по предложению Антанты. На то были свои причины: главная состояла в том, что во времена Первой мировой войны Стамбул теряет статус столицы Турции, а другая заключалась в том, что геополитически Стамбул — это стратегическая точка между Черным и Средиземным морями, расположенная близко к Балканам. По этим причинам для Антанты и русских эмигрантов Стамбул рассматривался всего лишь как удобный перевалочный пункт перед отправкой на Балканы и в Европу.

Ответственность за первых эмигрантов из России взяла на себя Франция. Так, в первые же дни по прибытии русской черноморской эскадры в Турцию, в стамбульском порту на борту крейсера «Вальдек Руссо» состоялось совещание, на котором с французской стороны присутствовали Верховный комиссар Франции, граф де Мартель, командующий оккупационным корпусом адмирал де Бон и его начальник штаба генерал де Бурон, а с русской — барон П.Н. Врангель и генерал П.Н. Шатилов. Здесь французами было заявлено, что они берут эвакуировавшихся из Крыма «белых русских» под свое покровительство [Даватц, Львов 1985: 15], а в покрытие своих расходов принимают русские военные и торговые корабли, на которых русские приплыли в Стамбул. Вместе с тем признавалось необходимым сохранить организационную структуру русской армии.

¹ Профессор, доктор исторических наук. Университет им. Джебеля Баяра, г. Маниса. Эл. почта: kacar45@yahoo.com.

Франция, действительно, некоторое время оказывала помощь русской армии, но в апреле 1921 г. эту помощь прекратила. Формально причиной стала боязнь Франции, что оружие русских перейдет в руки турецкой армии [Yerasimos 2000: 196]. Офицер белой армии В.В. Саханев записывал в своем дневнике, что с 1 апреля Франция, оставила «белых русских» без поддержки. Униженные и измученные издевательствами русские офицеры готовы были смыть свои унижения кровью или даже вернуться в Россию².

Но главной причиной было то, французские политики имели интерес к османским землям, а с потерей своих позиций в Турции они утратили и интерес к белой армии, загоревшись идеей создать новую «кавказскую стену» [Aslan 2002: 18]. Для этого в июле 1921 г. Франция подписала военный договор против России с Румынией, Королевством сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Польшей и странами Балтии. Кроме того, Франция также хотела выйти из Антанты и не слушала даже Англию [Sebesoy 2002: 211], а позже вступила в договоренности с советской Россией [Иванович 2005: 40]. Защищая свои интересы, она стала помогать Турецкому парламенту против Греции, а в уличной борьбе в Сакарье снабжать турок оружием и боеприпасами.

Отношения Русской армии П.Н. Врангеля с оккупационными силами Антанты

Кэримэ Шахинер писала о том, что по сводкам турецкой армии с начала 1920 г. Греция опасалась сотрудничества правительства Анкары и большевиков. Поэтому попросила поддержки у барона П.Н. Врангеля и его армии и даже отправила своих представителей в Галлиполи для встречи с командиром 1-го корпуса русской армии генералом А.П. Кутеповым. Зная бедственное положение русских войск в Турции, компетентные лица Греции предлагали Кутепову финансовую и продовольственную помощь в обмен на союз в войне против Турции. Но русские отказались [Şahiner 2003: 152].

Аналогичный этому случай рассказывает Саиме Юджеер: греки писали генералу П.Н. Врангелю, что правительство Анкары тесно сотрудничает с Советами, и спрашивали, за какую сумму его армия сможет сотрудничать с греческой. Но Врангель также отказался [Yüceer 1998: 112],

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 612 (Саханев В.В. Галлиполи. 23 ноября 1920 — 15 декабря 1921 г. Воспоминания). Л. 743.

а 27 декабря 1920 г. в газете «Vakit» (Время) вышла статья с обращением к османской общественности по поводу сотрудничества врангелевских войск с греками. В это же время из одной русской газеты в Афинах по телеграфу передаются сведения о том, что греческая армия вместе с русскими подходит к Фракии. Исходя из этих сведений, турецкое правительство интересовалось у влиятельных белых офицеров в Галлиполи, правдивы ли эти данные. На что получило ответ русских, что это всего лишь газетные утки [Masar, Masar 2010: 222–223].

Бюлент Бакар пишет про неудачные попытки сотрудничества греческого правительства с русской армией против правительства Анкары в апреле 1921 г. [Bakar 2012: 149]. Даже бедственное положение «белых русских» в Стамбуле и Галлиполи не заставило их сотрудничать с греками. Однако, некоторые из них были готовы сотрудничать с Англией против Советской России и участвовать на ее стороне против кемалистов, считая, что «уж лучше положить голову в битве, чем умереть с голода» [Şahiner 2003: 153].

Из упомянутых источников видно, что в рядах русской армии имелись кардинально противоречивые мнения по поводу сложившегося положения — одни в борьбе с большевиками отказывались воевать против национально-освободительных сил Турции, другие, не желая отношений с греками, были готовы заключить союз с Англией против большевиков и турок.

Взаимоотношения Белой армии с военными Антанты

Н.Н. Чебышев, который с первых дней в Стамбуле вел заметки, вспоминает: «Константинополь в то время полностью не принадлежал никому и даже турки были в нем как гости. Управление и размещение вновь прибывших беженцев полностью взяла на себя Антанта» [Чебышев 1933: 284], войска которой вели себя в Стамбуле, как у себя дома. Из этого ясно, что Антанта пренебрежительно относилась не только к туркам, но и к русским.

Стамбул того времени описал и другой русский эмигрант А. Слободской. По его словам, город был полон преступности и хаоса и поделен оккупационными силами на части — азиатская сторона принадлежала французам, а Пера с его населением — англичанам и итальянцам. Очень унижительно к русским эмигрантам в Стамбуле относилась английская

полиция. В Галате и Халиче существовало международное отделение полиции, в Стамбуле же беженцам приходилось балансировать между силой оккупационных войск и унижением со стороны полиции. Не считая Америки, все страны-союзницы имели свой суд и свою полицию [Слободской 1925: 58, 66].

Помощь беженцам оказывали русские, американцы и некоторые французские добровольные организации. Англичане отвечали только за спокойствие и перепись населения. Союзники создали для русских эмигрантов бюро, в котором для получения выездного паспорта нужно было получить разрешение у врача. Вследствие чего у стен этого бюро скапливались сотни людей. В особые моменты большой давки выходило по 4–5 здоровенных парней из английской полиции и начинали бить людей резиновыми дубинками по лицам, не разбирая, мужчина это или женщина. Один из очевидцев, бывший в прошлом в плену у немцев, сделал заключение, что даже немцы не издевались так над военнопленными [Слободской 1925: 67].

Бедственное положение местных жителей и беженцев приводило к тому, что «белые русские» и турецкое население стали сближаться. Причину симпатии русских эмигрантов к туркам можно объяснить схожестью их жизни в то время. Об этом упоминается в докладе османской разведки от 23 апреля 1921 г.: «Они также бессильны и истерзаны. После перемирия русские эмигранты испытывают расположение и симпатию к турецкому населению, особенно к анатолийцам» [Torat 2008: 179].

Первые шаги к сотрудничеству с кемалистами сделали находившиеся в рядах армии Врангеля солдаты и офицеры из мусульман, среди которых можно было встретить татар, чеченцев, черкесов и других. Бильге Криса отмечала: «Турецкие националисты учат молодых татар пропаганде... Создается общество опеки татар в Стамбуле. Этих татар учат внедряться к мусульманам с кораблей русской армии Врангеля и агитировать их за турок. Так, одним из участников этой агитации стал даже адмирал русской армии Садык Исламов. Он призывал военных русской армии Врангеля не воевать против турок, аргументируя это тем, что турки не большевики, а такие же патриоты своей страны, как и сами белые» [Criss 1993: 176].

По сведениям Тевфика Быыкоглу, в 1920 г. некоторые офицеры Врангеля после встречи с Ферзи-пашой хотели даже примкнуть вместе со своими солдатами к его войскам на время военных действий. Но турецкий военачальник посчитал это невозможным [Torat 2008: 179].

Страны-союзницы иногда использовали белогвардейцев как военную полицию, и только англичане выражали недовольство ношением

русскими оружия и хотели его забрать. Однако «белые русские» успели отдать его друзьям. Так на территории Анатолии в турецкой освободительной армии благодаря «белым русским» появлялось оружие. Между турецкими военными и «белыми русскими» было подписано соглашение о продаже оружия, семи пистолетов и трех самолетов, по очень низкой цене, но из-за вмешательства французов и англичан сделку пришлось отложить [Torat 2008: 179, 180].

Из дневников также известно, что несмотря на хорошее отношение к туркам, русские эмигранты тревожились из-за сотрудничества кемалистов с Советской Россией и их скорого вступления в Стамбул³ [Слободовский 1925: 97–98]. Между тем, до 1925 г. отношения между Анкарой и Москвой не влияли как-то существенно на жизнь русских эмигрантов в Стамбуле.

Политические отношения между правительством Анкары и белоэмигрантами

Самым важным фактором в политических отношениях между русскими беженцами и Анкарой являлась боязнь эмигрантов двойственной политики кемалистов. С одной стороны, правительство Анкары сотрудничало с «белыми русскими», а с другой, имело отношения с Советами. Оно получало всестороннюю помощь от советской власти во время Народно-освободительной войны, а 16 марта 1921 г. между Турцией и РСФСР был подписан так называемый Московский договор о «дружбе и братстве» до 1925 г. Но даже этот договор не повлиял в то время на отношения «белых русских» с Анкарой.

Хотя некоторые факты недоброжелательности имели место. Например, закон 1924 г. о запрете распития спиртных напитков, когда в районе большого скопления русских беженцев Бейоглу были закрыты многие бары, повлиял на отъезд некоторых русских эмигрантов из страны [Timuçin 1999: 169]. Кроме того, как следует из рассказов русского эмигранта А.А. Бурнакина, причиной ухудшения отношений стало разоблачение в ноябре 1926 г. главы организации по поддержке и помощи русским эмигрантам полковника С.Н. Крейтона в связях с англичанами, его арест и выдворение из страны.

³ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 277 (Бурцев Ф.П. Эвакуация 3-го стрелкового генерал Дроздовского полка из Новороссийска в Крым, а из Крыма в Турцию в 1920 г. Жизнь в Галлиполи. Воспоминания). Л. 28–38.

С того времени турки резко меняют взгляд на свое отношение к русским беженцам. В турецких и французских газетах появились обвинительные статьи, оскорблявшие русских эмигрантов и призывавшие правительство удалить русских из страны. Все же, несмотря на закрытие до 1925 г. многих русских организаций в Стамбуле, положение беженцев в целом было терпимым. Так, на 6 апреля 1926 г. в Турции насчитывалось от четырех до пяти тысяч русских эмигрантов, 90% которых проживали в Стамбуле, а 10 % в районах Анатолии⁴.

В то время русские эмигранты были экономически свободны в Турции и любой желающий мог открыть свое дело. Лишь на въезд и выезд из Анатолии нужно было разрешение. Они выдавались до лета 1925 г. Таким образом, большой безработицы у русских эмигрантов не наблюдалось; специалисты могли даже устроиться на государственную работу в Турции [“İkdam” 1 Teşrin-i Sani 1923; “İkdam” 4 Teşrin-i Sani, 1923].

Из турецких и русских статей того времени известно, что положение беженцев в Турции стало ухудшаться лишь с 1925 г., когда правительство Анкары приняло некоторые ограничения для русских эмигрантов и других меньшинств — иностранцам было запрещено работать по специальностям врача, стоматолога и адвоката. Четвертый пункт закона о трудоустройстве гласил, что на государственную службу принимались только граждане Турции. Чтобы работать врачом, нужно было не только иметь турецкое гражданство, но и получить медицинское образование в Турции. Русские эмигранты хотели отправить своих делегатов в Анкару для встречи с правительством по поводу разрешения на работу, но Анкара встречу отклонила [“Memurin Kanunu,” TBMM Zabıt Ceridesi, 2. Dönem, 23. Cilt, s. 509; “Tababet ve Şuabatı Sanatlarının Tarzı İcrasına Dair Kanun,” 1. Madde, TBMM Zabıt Ceridesi, 3. Dönem, 3. Cilt, s. 63]⁵.

Тогда сообщество русских эмигрантов направило делегацию к дипломатическому представителю на Балканы. Тот в свою очередь приехал в Стамбул для разговора о положении русских эмигрантов с представителями правительства Анкары. Он встречался в Анкаре с министром внутренних дел Мехметом Джемиль-беем. К сожалению, требования по улучшению жизни русских беженцев никто не собирался удовлетворять.

Современники по-разному объясняли причины ухудшения отношений. Так, руководитель миссии Российского общества Красного Креста Б.Е. Иваницкий считал, что главной причиной стала реформа 1926 г., отстаивавшая экономические интересы населения Турции и запрещавшая

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. (Доклад А.А. Бурнакина о положении русских эмигрантов в Турции). Л. 20.

⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Д. 70. Л. 38–39.

иностранным специалистам конкурировать с местными. Иваницкий тогда предположил, что сложности в отношениях правительства Турции и русских эмигрантов не обошлись без вмешательства большевиков. Такое бедственное положение русского сообщества стало известно и во Франции, которая вместе с союзниками предложила беженцам свою помощь⁶.

Вторая родина

Начиная с 1919 г., на территорию Османской империи со стороны кавказской границы начинается наплыв беженцев — «белых русских». Ввиду этого, начиная с 6 сентября 1922 г., Великое национальное собрание Турции стало выдавать им вид на жительство сроком на пять лет. С этим свидетельством можно было занимать места на государственной службе, а также работать врачами и адвокатами. Так, 8 февраля 1922 г. одному из русских археологов разрешили выехать на раскопки в Трабзон и его окрестности⁷.

Многие проблемы вроде бы решались, но некоторые ограничения все равно оставались. Так, например, для выезда из страны нужно было специальное разрешение. Из-за этих ограничений численность русских переселенцев с каждым годом сокращалась. В 1920 г. количество беженцев было приблизительно 145 000 — 150 000 человек. В апреле 1921 г. их насчитывалось 120 000, а уже в августе того же 1921 г. число снизилось до 65 777, причем 28 760 из них были бывшими военными, остальные — гражданские лица. В ноябре 1921 г. число беженцев еще больше снизилось и составляло 34 000 человек. В конце 1923 г. число эмигрантов уже насчитывало 10 000 человек⁸. Желаящие вернуться в Россию получали русский паспорт, а уезжающие в другие страны — турецкий [İkdam, 1 Teşrin-i sani 1923; İkdam, 4 Teşrin-i Sani, 1923].

Начиная с 1925 г., число желающих получить турецкое гражданство резко увеличилось. Как писала газета «Джухумриет» 30 ноября 1926 г., каждый день по двести человек обращаются в представительства для получения разрешения на турецкое гражданство [“Beyaz Ruslar Türk olmak için müracaat ediyorlar,” Cumhuriyet, 30 teşrin-i Sâni 1926].

⁶ Там же.

⁷ ВСА, fon No: 030.18.11, yer No: 4.47.12.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Д. 110. Л. 29; Д. 87. Л. 1; Ф. Р-5923. Оп. 1. Д. 7. Л. 62; Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 479. Л. 1.

Однако уже в 1926 г. число «белых русских» в Турции уменьшилось до 4 000 — 5 000 человек. После 1926 г. их число еще больше сократилось, так как вид на жительство выдавался только до 6 сентября 1927 г. На октябрь 1927 г. в Турции осталось лишь 3 519 человек. Из них: 1 900 — мужчины, 945 — женщины и 664 — дети [Йованович 2005: 41]. Кроме того, была так называемая «аборигенская группа», проживавшая без каких-либо документов. Таких насчитывалось до ста человек⁹.

27 марта 1927 г. турецкая газета «Son Saat» (Последний час) сообщала, что многие эмигранты, которые хотели получить гражданство, так и остались в статусе беженцев. Кроме того, для эмигрантов были установлены ограничения на выезд и въезд — те беженцы, которые то время были за пределами Турции, вернуться в страну уже не могли. Некоторые, чтобы остаться, были вынуждены выйти замуж или поменять вероисповедание и имя. Например, 28 мая 1927 г. газета «Джухумриет» на первой полосе писала: «Белые русские идут в турецкое подчинение», но не для всех такие попытки увенчались успехом.

И только с августа 1927 г. начинают налаживаться отношения Анкары и сообщества «белых русских»¹⁰. Эмигранты, имевшие профессию, например, инженера, и хотевшие остаться в стране, получали на это право [Cumhuriyet, 22 Kanun-ı Sani 1928]. Остальные беженцы до февраля 1928 г. должны были покинуть Турцию. В том же 1928 г. газета «Джухумриет» писала: «Белые русские, которые не имеют хорошей профессии и гражданства, могут проживать еще год, но потом обязаны покинуть страну» [Cumhuriyet, 24 Kanun-ı Sani 1928].

10 февраля 1928 г. в газете «Икдам» была опубликована статья о том, что прошения о гражданстве у турецких властей умножились. Каждый день русские, греки и армяне по 10–15 человек прилагают все возможности, чтобы стать полноправными гражданами Турции, но Анкара не удовлетворяет просьбы многих.

Наконец, 28 мая 1928 г. вышел закон «О турецком гражданстве» под № 1312. Этот закон дал некоторые послабления и теперь становилось легче получить гражданство, некоторым русским даже не приходилось ожидать пяти лет.

Ссылаясь на новый закон о турецком гражданстве, начиная с 1929 по 1930 г., многие эмигранты обратились к турецким властям по поводу гражданства, рабочей визы или разрешения на въезд и выезд. Опираясь на 6 пункт закона от 1928 г., многие «белые русские» получили разреше-

⁹ ВСА, fon Kodu: 030.10.00, Yer No: 116.808.6.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 70. Л. 38–39.

ние на подачу документов на гражданство¹¹. Только в начале 1930 г. в турецкие инстанции обратилось более 1 400 человек [Йованович 2005: 41].

Благодаря послаблениям в законе, кабинет министров давал разрешение на поездки по стране, например, спортсменам и ученым, имевшим нансеновские паспорта. Несколько примеров. Так, 9 ноября 1930 г. русскому Александру Сергеевичу Селезневу выдали рабочую визу на один год для тренировки спортсменов-мотоциклистов¹². В сентябре 1932 г. разрешение и паспорт для участия в соревнованиях получил русский атлет Педан¹³. 17 февраля 1937 г. было выдано разрешение на въезд в Анкару «белой русской» солистке парижской оперы, танцовщице Валерии Поначевной-Еланской для выступления в «Палас-отеле»¹⁴.

29 мая 1936 г. гражданами Турции стали 986 мужчин с женами и детьми [Bakar 2016: 268]. Осев здесь, они выбрали Турцию своей второй родиной.

ЛИТЕРАТУРА

- Даватц, Львов 1985 — Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Нью-Йорк, 1985.
- Йованович 2005 — Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М.: Русский путь, 2005.
- Слободской 1925 — Слободской А. Среди эмиграции: (Мои воспоминания). Киев–Константинополь, 1918–1920. Харьков: Пролетарий, 1925.
- Чебышев 1933 — Чебышев Н.Н. Близкая даль: воспоминания. Париж, 1933.
- Aslan 2002 — Aslan Y. Mustafa Kemal-M. Frunze Görüşmeleri: Türk-Sovyet İlişkilerinde Zirve. İstanbul: Kaynak Yayınları, 2002.
- Bakar 2012 — Bakar B. Esir Şehrin Misafirleri: Beyaz Ruslar. İstanbul: Tarihçi Kitabevi, 2012.
- Cebesoy 2002 — Cebesoy A.F. Moskova Hatıraları Millî Mücadele ve Bolşevik Rusya. / Haz. Osman Selim Kocahanoğlu. İstanbul: Temel Yayınları, 2002.
- Criss 1993 — Criss B. İşgal Altında İstanbul. İstanbul: İletişim Yayınları, 1993.
- Macar, Macar 2010 — Macar O. D., Macar E. Beyaz Rus Ordusu Türkiye’de. İstanbul: Libra Yayınları, 2010.
- Timuçin 1999 — Timuçin T. White Russians in Istanbul: The Plight of the Russian Emigrees during the Years 1919–1924: Yüksek Lisans Tezi. Ankara, Bilkent Üniversitesi, 1999.

¹¹ BCA, fon No: 030.10.00 yer No: 124.886.4.

¹² BCA, fon No: 030.18.12 yer No: 15.72.7.

¹³ Ibid. No: 31.61.3.

¹⁴ Ibid. No: 72.13.19.

- Şahiner 2003 — Şahiner K. Bolşevik İhtilalinden Sonra Türkiye'ye Gelen Wrangel Ordusu ve Faaliyetleri // Askeri Tarih Araştırmaları Dergisi. 2003. № 1 (1). S. 135–159.
- Stefanos 2000 — Stefanos Y. Kurtuluş Savaşı'nda Türk-Sovyet İlişkileri. İstanbul: Boyut Matbaa, 2000.
- Yüceer 1998 — Yüceer S. Vrangeli Ordusu'nun İstanbul'daki Faaliyetleri // Atatürk Üniversitesi, Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü, Atatürk Yolu Dergisi. 1998. C. 6 (21). S. 107–117.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ БЕЛОЭМИГРАНТАМ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ САНИТАРНО-ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Ойя ДАГЛАР МАДЖАР¹

В ходе Октябрьской революции 1917 г. в России была свергнута монархия и к власти пришли большевики. Однако у этой власти оказались внутренние противники, в результате действий которых началась Гражданская война. Белая армия, состоящая из противников новой власти, вела бои в разных частях страны до 1920 г. В результате боев 26 октября 1920 г. войска Белой армии под командованием генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля понесли серьезные потери и отступили в Крым. Понимая серьезность положения, Врангель и его сторонники были вынуждены покинуть Россию и искать убежища в Стамбуле.

Однако первая волна белой эмиграции в Стамбул появилась несколько раньше — еще в 1919 г., после поражения войск Белой армии под командованием генерал-лейтенанта А.И. Деникина. И все-таки самая большая волна переселения началась 14 ноября 1920 г. — на 126 кораблях, прибывших в Стамбул с 14 по 23 ноября, находилось 145 693 человека, а судя по записям барона Врангеля, около 150 000 военных и гражданских лиц. Одно судно под названием «Живой» затонуло в шторм во время перехода [Wrangel 1957: 326].

В это время в Стамбуле находились оккупационные силы, а также беженцы с Балканского полуострова и Анатолии. Обстановка в городе была беспокойной, постоянно вспыхивали пожары, превращавшие в пепел целые здания. В этих условиях разместить такое количество эмигрантов из России было практически невозможно: hostels, больницы, деревянные бараки, частные дома, гостиницы и даже палатки в парках были заполнены до отказа [Davis 1995: 182].

Чтобы решить проблему нехватки мест для размещения эмигрантов, Министерство иностранных дел Франции 19 ноября приняло реше-

¹ Профессор, доктор политических наук. Университет торговли, Стамбул. Эл. почта: oyadr@ticaret.edu.tr.

ние отправить русских беженцев в Грецию, Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) и Болгарию. При встрече на корабле «Вальдек Руссо» было, однако, окончательно решено, что донские казаки будут отправлены в Чаталджу, солдаты регулярных частей Белой армии — в Галлиполи (Гелиболу), а казаки с Терека и Кубани — на остров Лемнос в Эгейском море [Raevski 2009: 9]. Для тех, кто хотел эмигрировать в другие страны, был создан Совет эмиграции.

В то же время 24 ноября Российское посольство объявило в газетах, что русские эмигранты по причине безработицы не смогут оставаться в Стамбуле на длительный срок, что здесь останутся только те, кто в состоянии сам обеспечить себе проживание [Vakit: 25.11.1920].

В этих условиях российские и иностранные гуманитарные организации пытались оказать поддержку русским эмигрантам в Стамбуле. Некоторые из них имели здесь филиалы, остальные же за короткий промежуток времени открыли новые и начали свою деятельность. Можно сказать, что самую большую помощь эмигрантам оказали русские и американские организации. Французы, работая вместе с другими гуманитарными организациями, обеспечивали пропитанием солдат и офицеров Белой армии вплоть до их отъезда из Турции. Голландская и швейцарская организации Красного Креста помогали эмигрантам одеждой, обувью, нижним бельем [Dumesnil 1993: 82, 116].

Российские организации

Русским беженцам в Стамбуле помогали такие русские организации, как посольство России в Стамбуле, Российское общество Красного Креста (РОКК), Земство, Земгор², Зарубежный союз русских военных инвалидов, Казачий союз.

Земства и Земгор являлись по своей сути не благотворительными, а государственными и городскими организациями. Земства — это выборные органы местного самоуправления, существовавшие в Российской империи с 1864 г. Их членами были помещики, торговцы, промышленники, обладавшие недвижимостью в губерниях и уездах. Целью земств была помощь нуждающимся жителям, проживающим на этих землях. Земства находились под покровительством Земгора и во время Первой

² Земгор — сокращенное название Главного объединенного комитета Всероссийского Земского союза и Союза городов по снабжению армии, созданного 10 июля 1915 г. в целях мобилизации мелкой и кустарной промышленности на нужды фронта. Был упразднен после Октябрьской революции постановлением ВСНХ от 27 марта 1918 г.

мировой войны и позже сотрудничали с РОКК [Bumgardner 1925: 16]. Во время Гражданской войны 1917–1922 гг. часть бывших членов Земгора эмигрировала. В 1921 г. в Париже был образован Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (председателями в разное время были князь Г.Е. Львов, А.И. Коновалов, Н.Д. Авксентьев и др.), который был объявлен преемником Земгора русских в эмиграции. К прибытию русских эмигрантов в Стамбул зимой 1920 г. земства и Земгор основали там свои филиалы. Они финансировались за счет частных пожертвований и средств Финансового комитета при Соевещании российских послов, не признавших Советскую Россию, — 40 % доходов Земгора поступали из собственных средств и 60 % — от Совета послов. Представители земств и Земгора на встрече с работниками РОКК в посольстве России в Стамбуле составили план помощи эмигрантам — РОКК взял на себя ответственность за больных и раненых, земства заботились о продовольственной помощи и мастерских, а Земгор занимался школами.

В это время в посольстве России в Стамбуле был создан комитет барона П.Н. Врангеля, который доставлял нуждающимся средства, присланные из Европы и Америки [Bumgardner 1925: 76]. На встрече, состоявшейся в июне 1921 г., Врангель заявил о желании взять под свой контроль все общественные организации, оказывавшие помощь солдатам и офицерам Белой армии. Однако руководители Земгора отвергли эту идею, заявив, что они и так делают все возможное для поддержки армии [Robinson 2005: 723]. И хотя члены Земгора пытались быть объективными, большинство из них придерживалось либеральных и левых взглядов. Ряд либеральных членов Земгора верили, что эмиграция прекратится только в том случае, если Белая армия распадется в результате ослабления власти главнокомандующих. Такая позиция не помешала им выглядеть в глазах общественности политически объективными и гуманно настроенными [Robinson 2005: 724–726].

Разногласия между русскими организациями неблагоприятно отражались на качестве оказываемой ими помощи. Так, Земгор играл роль, предписанную ему Советом послов, и в открытую конфронтацию с армией не вступал. В качестве своей политической позиции Земгор принял идеи и лидерство барона Врангеля, более того, он заявил, что является противником «возвращения на родину». Именно после этого Франция стала воспринимать Земгор как сторонника барона Врангеля [Robinson 2005: 726–728, 737–738].

Центральный комитет РОКК, земства и Земгор обратились в Министерство внутренних дел с просьбой о разрешении проведения опроса

среди русских эмигрантов в Стамбуле. Однако разрешение распространялось только на территорию, находившуюся под контролем держав Антанты³. Целью этого опроса было определить число русских эмигрантов, их нужды, чтобы целенаправленно оказывать необходимую помощь.

РОКК, земства и Земгор начали работу для реализации составленного плана. Земгор сосредоточился на открытии школ, детских садов, больниц, детских домов для русских эмигрантов в Стамбуле. В различных районах города и лагерях были открыты языковые и технические курсы, агентство по трудоустройству. При участии Земгора в каждом лагере была открыта школа. За два года в различных лагерях было основано 65 мастерских, где зарабатывало на жизнь около 3000 эмигрантов.

Учебно-столярная мастерская Земгора в лагере Тузла
(Фото из архива майора Ч.К. Дэвиса Библиотеки
Гарвардской юридической школы, 1917–1923 гг.)

Земгору принадлежало три пансионата и девять швейных мастерских, в которых женщины шили одежду на продажу. Он открыл в лагерях столовые, в которых беженцам предоставляли питание по доступной цене.

Постепенно деятельность Земгора стала выходить и за пределы Стамбула. Так, в Гелиболу были открыты мастерские. К примеру, в одной из обувных мастерских было отремонтировано 5 000 пар обуви, а к ее за-

³ ВOA (Османский архив при Кабинете премьер-министра). DH. İ. UM, 11-4/6-73.

Столовая № 2 в Стамбуле (Фото из архива майора Дэвиса)

крытию, в августе 1921 г., было произведено 1 600 пар сапог. В другой же мастерской было сделано 1 000 предметов мебели.

РОКК и его представитель в Стамбуле И.П. Алексинский начали помогать эмигрантам, прибывшим в апреле 1920 г. из Одессы и Новороссийска. РОКК открыл свои филиалы и взял под контроль существующие организации в Стамбуле. С ноября 1920 г. он расширил свою деятельность и стал помогать продуктами и одеждой эмигрантам, прибывшим из Крыма, в частности, старикам и детям [Türk Kızılay Derneği Arşivi].

РОКК помогал эмигрантам с питанием, одеждой, трудоустройством и медицинскими услугами. Со склада РОКК было доставлено большое количество одежды для беженцев. Кроме того, в городе были построены склад для материалов, ателье кройки и шитья, шесть мастерских для пошива одежды. Пошитая здесь одежда распределялась среди нуждающихся [Davis 1995: 186]. В 1920 г. для русских эмигрантов в районе Пера на Венецианской улице был открыт Русский дом с 25 комнатами. В 1924 г. его перенесли на улицу Байрам, где он просуществовал до 1934 г. [Deleon 1996: 18]. Этот дом был одним из самых посещаемых. В это же время проводились различные мероприятия для сбора средств — 26–27 декабря работники РОКК собирали пожертвования на улицах, в магазинах Стамбула и района Ускюдар. С этой же целью финансовая комиссия РОКК провела розыгрыш лотереи⁴. Была организована благотворительная кампания для детей неимущих беженцев, которую поддержали

⁴ BOA. DH. İ. UM, 11-4/6-76.

правительство и общественность. В последнюю неделю декабря 1920 г. русская делегация посетила дворец султана, чтобы поблагодарить его за оказанную помощь⁵. Деятельность РОКК не ограничивалась помощью русским беженцам только в Стамбуле: к 1922 г. РОКК был основан в других местах, где проживало значительное количество беженцев.

Позже русские, осознавшие, что в ближайшее время не смогут покинуть Стамбул, начали создавать свои союзы: Союз военных инвалидов, военно-морских офицеров, безработных педагогов, русских врачей и т. п. В течение года было создано около 80 различных союзов. Так, в 1920 г. офицеры под руководством барона Врангеля основали в Стамбуле Зарубежный союз русских военных инвалидов и очень быстро расширили круг своей деятельности. К 1925 г. у них были филиалы в каждой стране, где находились русские эмигранты [Simpson 1929: 174–183], а в начале 1921 г. русскими, искавшими землю для аренды с целью создания русских колоний, был организован Казачий союз, который занимался покупкой и арендой земельных участков вокруг Стамбула до тех пор, пока не появилась возможность переезда в КСХС и Болгарию [Housden 2008: 110]. С целью повышения эффективности работы все эти союзы объединились в Центральный объединенный комитет по делам русских беженцев. Председателем комитета был избран архиепископ Анастасий, а его помощниками — генерал Раух, профессор Догель и сенатор Глинка, на пост руководителя был назначен профессор Алексинский. В русские организации также входили донские, терские, кубанские, астраханские казаки, калмыки, караимы, буддисты, евреи, эмигранты из Сибири и Дагестана, мусульмане, проживавшие на побережье Черного моря [Bumgardner 1925: 173].

Иностранные организации

Не меньшую помощь оказала эмигрантам Франция. Когда из Крыма в Стамбул прибыли русские эмигранты, французы пытались организовать лагеря, ночные приюты, детские дома. Благотворительные фонды открыли 13 общежитий в разных частях города, для оказания медицинских услуг был открыт Дом русских медсестер. Члены Красного Креста, Общества помощи военным, Женской ассоциации Франции регулярно посещали эти места, стараясь облегчить участь переселенцев.

⁵ BOA. DUİT, Dno. 17, Gömlek No. 80, Lef 2.

Многие эмигранты из России нуждались в одежде. Французский Красный Крест предоставил ткань и одежду 14 645 эмигрантам [Davis 1995: 186]. Французский комитет помощи русским беженцам госпиталя Жанны Д'Арк организовал швейную мастерскую, создав тем самым более 300 рабочих мест для женщин. У эмигрантов появилась работа, где они могли зарабатывать себе на жизнь, знакомиться с новыми людьми.

Кроме благотворительных организаций, русским эмигрантам помогали и отдельные добровольцы, например, Женской ассоциацией Франции под патронатом одной из монахинь Высшей школы имени Святой Пульхерии была открыта бесплатная столовая, которая проработала с января 1921 г. по апрель 1922 г. Жена французского Верховного комиссара лично оказывала этой столовой материальную помощь. Благодаря ее поддержке столовая предоставляла питание 600–700 человекам, здесь также раздавали одежду и молоко для детей, а с января по апрель 1922 г. оказывали помощь детям, посещающим школу [На прощание 1920–1923: XXIX].

Раздача обеда для беженцев Женской ассоциацией Франции
(Фото из альманаха «На прощание»).

Еще одним добровольцем, помогавшим русским беженцам, была Элизабет Ле Норманд. Она попросила у штаба государств Антанты использовать казарму Ташкышла в качестве убежища для русских эмигрантов. Получив разрешение, начала работу по размещению в ней 3 000 бездомных беженцев. Казарма была открыта для всех беженцев, у них не требовали никаких документов. В большинстве бараков казармы не было окон, а в качестве кроватей использовались соломенные лежанки, хотя и они были не везде. Но для беженцев, которые до этого жили на улицах,

это было большим облегчением. Со временем условия жизни в казарме улучшились благодаря участию находившихся в Стамбуле британского, американского и итальянского флотов. Адмирал Дюмениль обеспечил казарму углем, а генерал Шарпи отправил в казарму походные столовые. Э. Ле Норманд отправила письма военно-морскому командованию Антанты и добилась, чтобы в казарму отправляли оставшуюся от солдат и моряков еду. Таким образом, находящиеся в казарме эмигранты стали получать достаточное питание. Друг Элизабет Ле Норманд, посол КСХС в Турции обеспечил беженцев хлебом. Сербские пекари поставляли в казарму хлеб утром и вечером. Итальянская казарма, находившаяся по соседству, отправляла сено, кухонную утварь, маленькие печи для приготовления еды. Осетинский полковник Джанаев был ответственным за безопасность этих барачных домов и за руководство добровольцами. Ле Норманд старалась навещать бараки практически каждый день, чтобы из первых рук узнать о нуждах эмигрантов и оказать им необходимую помощь [Dumesnil 1993: 41–42].

Взяв ответственность за беженцев, французы обратились за помощью к державам Антанты. С согласия президента США американские гуманитарные организации — Американский Красный Крест (АКК), Американский Ближневосточный комитет оказания помощи (англ. Near East Relief), Юношеская христианская ассоциация (англ. Young Men's Christian Association — YMCA), Христианская молодежная женская ассоциация (англ. Young Women's Christian Association — YWCA), Американская менонитская помощь (англ. The Mennonite Relief) — предоставили помощь русским эмигрантам.

Важная роль в этом процессе принадлежала АКК. В этой организации в Стамбуле работало 332 добровольца [Hutchins 1972: 19–20], а в декабре 1919 г. было основано Стамбульское отделение Европейской комиссии АКК, которое работало в трех направлениях: помощь русским, помощь в нахождении пропавших родственников и работа в больнице адмирала Марка Ламберта Бристоля [The Orient: 16.11.1921].

Когда в феврале 1920 г. ожидалась новая волна эмиграции из Одессы, это отделение подготовило лагерь для 1500 человек на острове Кыналы [На прощание 1920–1923: X–XI]. Тем, кто жил в Гелиболу и на Лемносе, были предоставлены палатки, палаточные печи, простыни, мебель. С этой целью АКК попросил у сторонников Врангеля 700 000 долларов. Из 8 миллионов долларов, потраченных на беженцев на Ближнем Востоке, 6,5 миллионов долларов истратили на русских [Hutchins 1972: 26–28]. Эта сумма была потрачена в Стамбуле в период с февраля 1920 г. по июнь 1923 г. [Simpson 1929: 174–183].

В ноябре 1920 г. руководителем всех американских организаций в Стамбуле был назначен адмирал Бристоль. По его инициативе был создан Комитет помощи пострадавшим в бедствиях русским беженцам (англ. Disaster Relief Committee For Russian Refugees) как отдел АКК при американском посольстве. Этот комитет отвечал за все гуманитарные организации в Стамбуле и занимался координацией их деятельности [На прощание 1920–1923: X–XI].

Когда русские эмигранты прибыли в Стамбул, адмирал Бристоль отдал приказ оказать им поддержку, с этой целью глава АКК генерал-майор Дэвис отправил в госпиталь Жанны Д’Арк посылки с пижамами и нижним бельем. С ноября 1920 г. АКК оказал помощь примерно 71 850 эмигрантам, направив им через посредство различных русских гуманитарных организаций одежду [Davis 1995: 186].

Организованный адмиралом Бристолем Комитет помощи участвовал в основании Союза русских женщин (для помощи им в поиске работы), способствовал в поисках кредитов для РОКК на строительство ферм для беженцев, домов для женщин-беженцев, помогал арендовать магазины для русских на Гранд-базаре. Он оказывал поддержку школе Нератовой в Истиние, дому беженцев в Татавле, делал ежемесячный взнос реабилитационному центру на Большом острове (тур. Бююкада). Этот комитет оплачивал счета за медицинские принадлежности и лекарства в бесплатной клинике «Маяк», предоставлял инструменты и оборудование для русского лагеря в Ешилкёе и школы-интерната для русских сирот. Чтобы помочь русским беженцам, Комитет открыл в Стамбуле 157 рабочих мест. В июне 1921 г. был открыт швейный дом, где работало 1400 человек. Здесь было изготовлено около 90 000 изделий, однако осенью 1921 г. этот дом закрыли.

Когда АКК объявил, что к концу октября 1921 г. он прекратит свою деятельность в Стамбуле, на помощь пришел британский полковник Проктер, который по инициативе адмирала Бристоля вместе с чиновником Османского банка и президентом Константинопольского фонда помощи русским беженцам возглавил все британские и американские фонды, объединенные под эгидой Константинопольского фонда помощи. Фонд обеспечивал 11 500 эмигрантам ежедневное питание от британской армии [Housden 2008: 111].

Британцы помогли еще 2000-м эмигрантам, которых отправили во французский лагерь в Тузле. Британское военное министерство прислало в лагерь одежду, обувь.

Позднее с участием представителей АКК, Юношеской христианской ассоциации, Христианской молодежной женской ассоциации, Амери-

канской меннонитской организации помощи, Американского Ближневосточного комитета оказания помощи и Американского комитета помощи и обучения русской молодежи, известного как Комитет Уиттмора, был основан Бристольский комитет помощи.

Британский комитет реконструкции и помощи (англ. British Reconstruction and Relief Committee) открыл в Стамбуле школу-интернат для 150 детей-беженцев. Леди Рамболд, жена британского верховного комиссара Хораса Рамболда, основала Британский комитет по чрезвычайным ситуациям и обеспечила питанием и одеждой около десяти тысяч русских женщин и их детей [Davis 1995: 183, 186; Marrus 1985: 59]. Британский фонд «Спасем детей» и Константинопольский фонд помощи взяли АКК под свое крыло [Fisher 1927: 452] и таким образом к 1 июля 1923 г. деятельность Американской администрации по оказанию прямой помощи беженцам в Стамбуле прекратилась.

Между тем, переезд русских эмигрантов из Стамбула в другие страны продолжался. В сентябре 1922 г. в городе еще насчитывалось 25 986 русских эмигрантов. В июле 1922 г. Комитет помощи пострадавшим в бедствиях русским беженцам в сотрудничестве с Американской администрацией помощи занялся организацией перевозки беженцев. Лига Наций занималась подготовкой документов. После встречи со специально собранным комитетом, выдававшим разрешение на выезд в США тем переселенцам, чьи заявки были приняты, через Американскую администрацию помогал Мемориальный фонд Лауры Спелман Рокфеллер.

АКК предоставлял деньги на дорогу и проживание беженцам, которые должны были переехать из одной страны в другую. Переездом групп людей занималась Лига Наций, Комитет же помощи пострадавшим в бедствиях русским беженцам организовывал переезд разделенных семей или отдельных людей [На прощание 1920–1923: XIII–XIV]. Американская администрация выделила средства на эмиграцию 30 000 человек в страны Центральной Европы [Bumgardner 1925: 220].

Американский Ближневосточный комитет оказания помощи помогал эмигрантам в Стамбуле, в основном — одеялами и продуктами. Комитет сотрудничал с АКК: они вместе ухаживали за 800 русскими эмигрантами на острове Кыналы. Он также сотрудничал с Военно-морскими силами США, пытаясь с их помощью перевезти эмигрантов в КСХС. Кроме этого, комитет оказывал продовольственную помощь и занимался процедурами дальнейшей эмиграции. Он предоставлял еду, горячие ванны для эмигрантов, детей и пожилых женщин в больнице Трахома, его члены ежедневно работали в детском доме, где лечили 400 русских детей. С другой стороны, производственный отдел под начальством К.

Шелтман обеспечил работой 2 000 русских, предоставив швейные машины для женщин и инструменты для пошива и ремонта обуви для мужчин⁶ [The New York Times: 20.11.1920, 28.11.1920; Simpson 1929: 174–183; На прощание 1920–1923: XXXVIII–XXXIX].

Комитет занимался также обменом греческого и турецкого населения и в период с 1915 по 1929 гг. потратил в этом регионе около 21 миллиона долларов.

Христианские ассоциации

Значительную помощь русским беженцам в поиске работы оказали Юношеская христианская ассоциация и Христианская молодежная женская ассоциация. Российский филиал Юношеской христианской ассоциации нашел рабочие места для 808 эмигрантов. Беженцы работали в разных сферах, некоторые находили работу по профессии, другие занимались ремеслом, которому научились здесь же, на курсах. Большинство из них брались за любую работу, лишь малому количеству удавалось освоить какое-то ремесло, одновременно работая по своей специальности. Юношеская христианская ассоциация помогала эмигрантам, занимавшимся музыкой: она создавала оркестры, находила учеников для тех, кто хотел давать уроки музыки. Открыв в октябре 1920 г. офис в Стамбуле, Христианская молодежная женская ассоциация бесплатно помогала девушкам и женщинам найти работу. В 1922 г. представитель Американской администрации помощи А. Рингленд объявил, что Юношеская христианская ассоциация пожертвовала 50 тысяч долларов на образование эмигрантов в других странах [League of Nations, 1922: 530]. Юношеская христианская ассоциация открыла центр «Маяк» в Бейоглу на улице Бурса (сегодня — улица Садри Алышик) в здании № 40. Здесь проводились конференции, дебаты, мероприятия скаутов, концерты, показы фильмов, была открыта бесплатная столовая, оказывались медицинские услуги, раздавалась одежда. Позже, в ноябре, это учреждение закрылось.

Меннониты

Меннониты-анабаптисты имели колонии на юге России, в частности, в Екатеринославской и Таврической губерниях, Херсоне, Оренбурге и вдоль реки Урал. В годы Первой мировой войны император Николай обещал

⁶ BOA. HR. İM, 131 / 70.

меннонитам альтернативные варианты службы, например, в особых подвижных командах лесного ведомства и в санитарных частях. Когда к власти пришли большевики, большинство меннонитов присоединилось к Белой армии [Ерр 2006: 102–103]. Центральный комитет американских меннонитов (англ. The American Mennonite Central Committe) оказал поддержку меннонитам в России во время голода на юге России в 1920–1921 гг.

Для прибывших из России в Стамбул меннонитов была основана организация «Американская меннонитская помощь». С 27 сентября 1920 г. по 1 июля 1922 г. она помогала русским эмигрантам, особенно меннонитам. С этой целью в центре города был открыт Дом менонитов, переехавший в феврале 1921 г. в Йеникёй. В здании размещалось от 100 до 200 человек, две трети из которых были меннонитами. В целом в Стамбуле проживало 250–300 русских меннонитов, в числе которых также была «62 группа» меннонитов из Белой армии. Дом менонитов был закрыт весной 1922 г., большинство жильцов уехали в США, Канаду и Германию. За время своего существования на оказание помощи беженцам Комитет потратил 200 738 долларов.

Американская меннонитская помощь предоставляла беженцам швейные машины на приемлемых условиях выплаты, выдавала легко погашаемые кредиты для постройки новых мастерских [Davis 1995: 188]. В 1921 г. менониты зарабатывали на проживание тем, что рубили деревья во французских лагерях вокруг Стамбула. Американская меннонитская помощь и Объединенный распределительный комитет помогали русским с одеждой, причем работа Комитета пределами Стамбула не ограничивалась. Они находили солдат-менонитов в Гелиболу, забирали их из лагерей и расселяли по домам. Комитет помогал им с переездом: он обращался за визами в посольство США, находил выезжающим спонсоров-менонитов [Hiebert, Miller 1929; Davis 1995: 186].

Помощь еврейским беженцам

После гражданской войны многим евреям, особенно из Украины, пришлось бежать в Восточную Европу, США, Палестину, некоторые из них прибыли в Стамбул. Но им хотелось, как можно скорее, отправиться в другие страны, не задерживаясь надолго здесь. Среди русских беженцев было около много евреев, оказавшихся в разных частях Стамбула [Skran 1995: 40]. Большинство из них позже отправились в Польшу и Румынию. Усилиями еврейских организаций части евреев позже удалось вернуться из Румынии в Россию [Macartney 1931: 32].

Для помощи еврейским эмигрантам в Стамбуле были созданы четыре еврейские гуманитарные организации. Еврейский комитет помощи (англ. Jewish Relief Committee) помогал еврейским беженцам: он оплачивал дорожные расходы, предоставлял долгосрочные кредиты, которые они могли оплачивать после устройства на работу, помогал им визами. Комитет поддерживался еврейской общиной города, особенно — главным раввином Беджерано Хаимом.

В 1921 г. в Комитет поступило огромное количество заявок, в связи с чем он был вынужден обратиться за помощью к другим гуманитарным организациям. Однако из-за загруженности работой какую-либо помощь получить не удалось. Между тем условия, выдвинутые США, препятствовали въезду эмигрантов в страну, что вызвало негативную реакцию в Стамбуле. Оставшиеся здесь евреи не смогли уехать ни в США, ни в Палестину [The New York Times: 14.06.1921].

В 1922 г. в Стамбуле находилось 3660 русских евреев. Еврейское колонизационное общество (англ. The Jewish Colonisation Association⁷) создало Фонд «Взаймы» (англ. Loan Fund, франц. La Caisse Des Petits Prets), который взял на себя обязанности по поддержке этой группы соотечественников [Wolf 1923: 29; Bali 1997: 45–54].

Еврейский комитет помогал также эмигрантам других вероисповеданий, обращавшимся к ним за помощью.

Санитарно-здравоохранительные мероприятия

Эмигранты, плывшие из Крыма на переполненных кораблях в антисанитарных условиях, заболели еще по пути в Стамбул, а 15 ноября 1920 г. к пристани Каламыш прибыли две французские субмарины с 240 ранеными. Число больных и раненых на других суднах составляло 3 500 человек [Vakit: 16.11.1920; 19.11.1920].

С целью защиты русских эмигрантов от эпидемии, им не разрешалось покидать корабли, но и это не было решением проблемы, так как ситуация, в которой они находились, сама по себе делала их уязвимыми к болезням, особенно женщин и детей, которые весь путь провели полуголодными. К тому же корабли были переполненными, грязными, и вскоре с них начали поступать новости о вспышках эпидемии. Инспекция Французской медицинской комиссии обнаружила чуму у экипажа и пассажиров корабля «Лазарев», и корабль был помещен на две недели

⁷ Открытая в 1891 г. еврейская ассоциация покупала земли в США и заселяла их людьми.

в карантин. В течение этого времени людей дважды выпускали на сушу помыться в бане и дезинфицировать одежду. Благодаря этим мерам эпидемия была остановлена, так и не начавшись, и умерло только два человека [Uravelli 2005: 84–85].

16 ноября в прессе появились сообщения о том, что у эмигрантов обнаружили ветрянку, скарлатина, корь. Были немедленно приняты все меры предосторожности: эмигранты должны были пройти медицинский осмотр в карантинной зоне в Тузле. В это же время среди прибывших был обнаружен сыпной и брюшной тиф, что вызывало серьезное беспокойство. В декабре число заболевших брюшным тифом достигло 504 человек [Davis 1995: 182].

18–19 ноября 1920 г. русский заместитель главнокомандующего в Стамбуле посетил корабли, определив нужды эмигрантов и решил принять срочные меры по улучшению санитарных условий [İkdam: 19.11.1920]. Для больных и раненых, прибывших на этих кораблях, Французский Красный Крест и РОКК в кратчайшие сроки приготовили соломенные тюфяки. Позже они были распределены в больницы города на автомобилях, принадлежавших Британскому и Французскому Красным Крестам.

Некоторые раненые были привезены во французскую больницу, другие — в больницу в Биюкдере. Во французской больнице поместили 3200 больных эмигрантов, остальных разместили в британских и русских больницах. Однако согласно информации, предоставленной прессе русскими представителями, число прибывших в Стамбул больных и раненых русских эмигрантов было намного больше. С кораблей в больницы доставили около семи тысяч раненых [Vakit: 20.11.1920].

Военно-морскими силами США с кораблей в больницы были перевезены больные женщины. Важную роль в этом сыграл Американский Ближневосточный комитет оказания помощи [The New York Times: 23.11.1920].

Французы запретили русским эмигрантам, находившимся в городе или только что прибывшим на кораблях, выходить на улицы Стамбула из-за беспорядков и возможности распространения болезней. По этой причине корабли с эмигрантами долгое время простояли в портах Моды и Каламышы. В городе были распространены сыпной тиф, грипп, дифтерия и холера, которые могли в любой момент перерасти в эпидемию. Чтобы предотвратить любую вспышку эпидемии, Директорат по мухаджирам (беженцам) ежедневно осматривал 2 000 — 3 000 человек. Только в черте города было сделаны прививки от оспы, холеры, сыпного и брюшного тифа 30 000 эмигрантам [Davis 1995: 191]. Мобильные кли-

ники ездили по городу и прививали тех, кто жил в перенаселенных районах. Даже если у жителей не наблюдалось никаких признаков болезни, прививки делались с профилактической целью: мухаджирам в казарме Селимие делали прививки от чумы, в Гюлхане — от холеры, а жителям Давутпаша — от оспы, холеры, брюшного тифа.

Французская медицинская комиссия приняла серьезные меры предосторожности против распространения инфекционных болезней. Сначала разделили больных и раненых, затем провели процедуру дезинфекции, только после этого эмигрантов заселили в жилые районы. Для этого в Топхане для русских эмигрантов были открыты переносные бани. Кроме того, в Кыналыада американцы открыли специальный центр, где ежедневно проходило санитарный контроль большое количество эмигрантов. Но не прошло и недели, как из различных больниц, где лежали эмигранты, привезенные Французской военно-медицинской комиссией, начали поступать новости об эпидемии. Самой распространенной болезнью был сыпной тиф. Огромные потери из-за тифа наблюдались во время Первой мировой войны, но в течение последующих двух лет он практически исчез. Однако из-за перенаселенности, плохих санитарно-гигиенических условий в Стамбуле эпидемия тифа вспыхнула снова. По первоначальным сведениям, поступившим от Министерства здравоохранения, в больницах города обнаружилось 13 заболевших тифом, тридцать человек были под подозрением на наличие этой болезни.

Министерство здравоохранения заявило, что среди русских эмигрантов были больные оспой и лихорадкой. Французская медицинская комиссия, следившая за состоянием больных, в краткие сроки сделала все для предотвращения распространения эпидемии среди горожан⁸. С этой целью майор Мартен издал указ, подписанный главой Французской медицинской комиссии, в котором говорилось, что, если руководители больниц и врачи заметят симптомы болезней среди населения, они должны немедленно сообщить об этом, чтобы принять без промедления необходимые меры. Об этих случаях можно было сообщать лично или по телефону в муниципалитет, в Делегацию по эпидемиям в Стамбуле, в местные муниципальные органы или комиссару по здравоохранению, находившемуся в отеле «Грегор». Полиция имела право наказать медицинский персонал, не сообщивший о заболевших.

Однако несмотря на все усилия, из-за недостатка оборудования переселить такое большое количество эмигрантов и предотвратить рас-

⁸ BOA. DH. İUM, 71/ 69, Lef 1.

пространение болезней в городе оказалось невозможным. Более того, с приходом холодов увеличился риск распространения сыпного тифа. Чтобы предотвратить вспышки эпидемий в столице, муниципалитет предпринял ряд мер, но и этого оказалось недостаточно⁹.

С приходом зимы из-за нищеты и отсутствия возможностей для соблюдения личной гигиены у русских эмигрантов в Стамбуле появились вши, что привело к распространению сыпного тифа. Чтобы избавиться от вшей, многим русским, в том числе и женщинам, пришлось подстричь волосы или полностью сбрить их. Стоит заметить, что такая стрижка, известная как «русбаши» или «колокольчик», стала модной среди женщин Стамбула, тогда как русские вынуждены были так стричься, чтобы не заболеть [İlbeyi 2005: 68].

В свою очередь, Министерство здравоохранения Османской империи предложило ряд способов решения проблем: во-первых, открыть в городском муниципалитете ответственный за здоровье населения отдел «Хеет-и итлафие», чтобы остановить распространение эпидемий в городе; во-вторых, вывезти русских эмигрантов из Стамбула до прихода зимы, чтобы легче было реализовать меры предосторожности в городе. Однако этот план не был осуществлен¹⁰. В декабре опасность заболевания возросла. Адмирал Бристоль заявил, что все больницы в Стамбуле переполнены, сотням больных не хватает мест [The New York Times: 1.12.1920].

Сыпной тиф был самым распространенным заболеванием в госпитале инфекционных болезней, находившимся в лагере для эмигрантов в Тузле, и чтобы остановить его, были приложены немалые усилия. Помимо тифа, среди русских эмигрантов появились больные холерой. Согласно информации, предоставленной Верховным комиссариатом Франции, в декабре 1920 г. в Стамбуле 7000 эмигрантов были срочно госпитализированы, было зарегистрировано 886 случаев тифа и около 100 случаев холеры. Однако самым смертоносным из всех болезней был туберкулез. В 1920 г. от него умерло 2640 человек, в 1922 г. болезнь унесла еще большее количество людей. Было установлено, что в 1922 г. из 16 256 умерших в Стамбуле каждый шестой умер от туберкулеза [Criss 1993: 57].

Обобщая изложенное, можно сказать, что в период с 1920 по 1922 гг. в Стамбуле произошли вспышки различных эпидемий, но благодаря помощи турецких и французских властей, принявших все меры для их предотвращения, они не привели к большим потерям.

⁹ BOA. DH. İ. UM, 19-15 /1-23, Lef 26.

¹⁰ Ibid.

Здравоохранение

На момент прибытия русских эмигрантов в ноябре 1920 г. система здравоохранения в городе находилась под контролем держав Антанты. До 1920 г. стамбульский «Шехреманети» (городской муниципалитет) был ответственным за спокойствие, порядок, чистоту и здоровье жителей в городе. Будучи врачом, занимавший пост главы администрации в 1919 г. Джемиль Топузлу уделял большое внимание гигиене и здоровью жителей. Несмотря на крайне ограниченные возможности, он пытался обеспечить чистоту города: привел в порядок скотобойни, создал союзы женщин-дворников, организовал регулярное мытье улиц. В начале 1920-х гг. из-за разногласий с губернатором Джемиль Топузлу ушел в отставку, и с тех пор в дела муниципалитета стали вмешиваться французы. Через некоторое время управление городом перешло в руки государств Антанты. За этот период в системе здравоохранения произошли серьезные изменения. Представители Антанты не могли полагаться на муниципалитет, находившийся на грани разорения, в связи с чем державами Антанты и США был основан Комитет здравоохранения. В него входили представители каждой из держав Антанты, один представитель от православных греков и врач с американского корабля «Сант Луис». К концу 1920 г. Комитет разделился на городской и морской. Морской комитет, осуществлявший санитарно-карантинный контроль, находился под руководством французских оккупационных сил. Городской комитет, контролировавшийся британцами, занимался медицинским обслуживанием, уборкой в городе, канализационными работами, а также борьбой с проституцией [Criss 1993: 64–65].

В 1920 г. одной из наиболее серьезных проблем в столице стали болезни, возникшие в результате роста численности населения, связанного с прибытием эмигрантов. Здоровьем русских эмигрантов (медицинские осмотры, перевоз в больницы, лечение инфекционных заболеваний) занималась Французская военно-медицинская комиссия и лично руководитель органов здравоохранения Стамбула Пенз.

С прибытием эмигрантов встала необходимость открытия новых больниц, госпиталей и расширение существующих. В июле 1920 г. Стамбульский филиал Французского общества помощи раненым основал госпиталь Жанны Д'Арк для помощи русским эмигрантам. Кроме того, Французский Красный Крест открыл в Биюкдере реабилитационный центр и временную больницу на 40–60 человек. 24 ноября того же года руководитель органов здравоохранения Пенз заявил в прессе, что французское правительство берет на себя ответственность за размещение ра-

ненных и больных по больницам. Он пояснил, что к этому моменту они уже разместили 3000 человек, и упомянул, что другие государства также занимаются этим вопросом. За короткий промежуток времени количество пациентов выросло настолько, что только во французских больницах насчитывалось 3450 русских эмигрантов. Из-за постоянного роста количества больных большой зал посольства России и часть больницы Селимие были преобразованы в госпиталь [The Orient: 7.07.1920].

Наиболее значительная медицинская поддержка русским эмигрантам была оказана РОКК: в Стамбуле ему принадлежало пять больниц, одиннадцать диспансеров, четыре отделения приемной комиссии, семь стоматологических отделений, родильное и педиатрическое отделения, четыре аптеки, два санатория. К тому же работали хорошо оборудованные мобильные госпитали с персоналом из Красного Креста. Один из домов в Нишанташи был преобразован в санаторий, в котором работали два врача и шесть медсестер. В Каракёе, на улице Мумхане, в здании, где находилась церковь Св. ап. Андрея Первозванного, была открыта русская морская поликлиника и аптека, в которой работали 18 врачей, в том числе известные профессора [Vasilyev 2005: 1468]. В Тарабье начал работать психоневрологический санаторий, вмещавший 60 больных, в Бююкдере — женский реабилитационный центр вместимостью до 138 коек [Davis 1995: 190].

В этот период организации РОКК продолжали свое существование благодаря средствам, выделенным директором РОКК в Париже, а также различным пожертвованиям для помощи русским эмигрантам. В 1923 г. в Стамбуле осталось три подразделения РОКК — больница и диспансер Николаевского, Стамбульский диспансер и общежитие для инвалидов. В это время в городе находились 7000 нуждающихся в помощи беженцев, в связи с чем РОКК через Турецкий Красный Полумесяц обратился к Великому национальному собранию Турции и попросил разрешения остаться в стране еще на три месяца. Великое национальное собрание удовлетворило эту просьбу [Türk Kızılay Derneği Arşivi].

Больница Николаевского в районе Пангалты была основной больницей РОКК. Ее администрация полностью контролировалась РОКК, а расходами занимался Комитет Красного Креста. Источником доходов были средства и пожертвования, предоставленные директором Красного Креста в Париже. В больнице работала компетентная группа врачей, во главе которой стоял доктор Н.П. Омельченко.

В 1920 г. в больница располагала 145 койками, имелся изолятор на 25 коек, полностью оборудованная скорая помощь, приемное отделение, лаборатория и аптека. Помимо этого, бригада врачей разъезжала

Медицинский персонал Николаевского госпиталя
(Фото из альманаха «На прощание»).

по домам и школам эмигрантов, пытаясь таким образом, оказать медицинскую помощь большому количеству переселенцев. В этот период нуждающиеся эмигранты получали протезы рук и ног, бинты и другие медицинские материалы. В период с апреля 1920 г. по 1 июля 1923 г. в российском госпитале лечились 4573 эмигранта. С 1922 по 1924 г. число госпитализированных составляло 79 000, а количество обследованных в диспансерах больницы — 152 763. Российский госпиталь занимался не только лечением, но и благотворительностью — беженцы могли бесплатно пользоваться столовой, чайной комнатой, турецкой баней, пациентам раздавали нижнее белье, одеяла, простыни и лекарства, в лабораториях бесплатно проводились анализы [На прощание 1920–1923: VIII–IX].

РОКК открыл в Ешилкёе госпиталь на 250 человек, дом для инвалидов на 120 человек и дом для кормящих матерей на 25 человек. Всероссийский земский и городской союз оплатил расходы русских эмигрантов, находившихся в санаториях для больных туберкулезом [Davis 1995: 190]. Земство и Земгор помогли 6 735 больным, которые были доставлены 13 декабря 1920 г. в больницы за пределами Стамбула. За этот период они потратили в общей сумме 1 миллион 100 тысяч долларов: 800 тысяч долларов на эмигрантов в Стамбуле, Гелиболу и Лемносе, остальную часть — на эмигрантов в Греции, Австрии, Венгрии и КСХС [Hutchins 1972: 35–36].

Приехавшие в Стамбул русские врачи работали в сотрудничестве с РОКК. К концу сентября 1920 г. было основано Стамбульское общество русских врачей, его главою был выбран профессор И. П. Алексинский.

Осенью 1921 г. около 200 врачей стали членами этого общества. Восемьдесят из них хотели получить разрешение на работу в Стамбуле, большинство же планировало уехать в другие страны. Разрешение на работу врачам выдавала Международная комиссия здравоохранения. Общество создало фонд помощи, в который поступал 1 % от доходов врачей. В 1921 г. по инициативе профессора В.А. Юревича была создана Русская академическая группа и открыт народный университет с тремя факультетами — медицинским, юридическим, техническим.

Стамбульское общество русских врачей отправляло к военным в Гелиболу медицинские книги и журналы, а затем своих врачей. В июне 1921 г. в Стамбуле при участии армии и представителей общественных организаций была проведена медицинская конференция, в августе этого же года контроль над санитарными частями армии был передан РОКК.

Другие страны и гуманитарные организации также оказывали медицинскую помощь русским эмигрантам. Бельгийская делегация объявила, что отправит беженцам бинты и другие предметы медицинского назначения.

Американский комитет помощи открыл в Стамбуле две больницы, десять домов для инвалидов, пять санаториев, семь детских домов. Американский Ближневосточный комитет оказания помощи занимался лечением детей. Работающие здесь врачи и медсестры посещали эмигрантов на дому, лечили больных детей, давали молоко детям нуждающихся. Эта организация открыла в Бояджикёе больницу для детей, больных трахомой. Ей принадлежало восемь клиник, предоставлявших бесплатные услуги детям и взрослым. Американская Юношеская христианская ассоциация также оказывала медицинскую помощь русским эмигрантам. В русском отделении Юношеской христианской ассоциации, называвшемся «Маяк», было осмотрено и вылечено 6132 человека [Göçmen 2008: 207; Davis 1995: 190].

АКК оказал русским беженцам значительную помощь, особенно медицинским оборудованием. Следует отметить, что благодаря помощи АКК уровень смертности среди русских эмигрантов не превышал 4 %, несмотря на тяжелые условия проживания в лагерях. АКК построил 139 станций скорой помощи, основал в посольстве России госпиталь, вмещавший до 350 человек, ему принадлежали две больницы, десять домов для инвалидов, пять санаториев. Но больше всего АКК помог поставкой медицинских принадлежностей, приобрел медицинское оборудование приблизительно на 1 миллион турецких лир, также отправил медицинское оборудование и машины скорой помощи в Хилал-и Ахмер (Турецкий Красный Полумесяц) [Timuçin 2004: 32–34].

Значительную помощь русским переселенцам оказал Американский госпиталь имени адмирала Бристоля, открытый 20 августа 1920 г. вместе со школой для медсестер. Когда госпиталь АКК на острове Кыналы закрылся, его пациенты были перевезены сюда. После открытия Центра охраны здоровья матери и ребенка госпиталь начал работать и в этом направлении. Учащиеся школы для медсестер навещали лагерь как «медсестры общественного здравоохранения». Американцами была открыта также медицинская школа для русских женщин.

Самой распространенной болезнью среди русских эмигрантов был туберкулез. Санаторий для больных туберкулезом располагался в Шишли, где ухаживали за сотней больных, находящихся на последней стадии болезни. Часть больных туберкулезом лечилась в госпитале Жанны Д'Арк. Американский Ближневосточный комитет оказания помощи построил в Едикуле больницу для туберкулезных пациентов. Барон П.Н. Врангель ездил в США и другие страны, чтобы собрать деньги для этих больных. Он открыл санаторий в Стамбуле, а также три небольших санатория в КСХС [Bumgardner 1925: 179, 227].

К концу ноября среди русских эмигрантов участились случаи эпидемии, появилась необходимость в строительстве новых больниц. С этой целью глава Французской медицинской комиссии, военный доктор, генерал Кловер и глава Османской медицинской комиссии Абдулла Джевет пытались разместить больных русских эмигрантов в военных и государственных больницах. Они вели переговоры с властями и навещали больницы в городе, чтобы найти подходящее место. 29 ноября они провели первую инспекцию в больницах Хамидие Этфаль и Хасеки Ниса. После этого было решено отправить часть больных женщин и детей в эти больницы. Они посетили также больницу Бахрие и договорились о размещении там 32 эмигрантов [İkdam: 30.11.1920]. А 25 декабря 1920 г. больница Бахрие предоставила русским эмигрантам три большие палаты на 500 человек. С 26 декабря она стала принимать эмигрантов группами по 50 и 150 человек [Vakit, 27.12.1920].

Русских эмигрантов также принимали муниципальная больница Бейоглу и больница Малтепе, греческая больница Балыклы, Халкинская богословская школа, Болгарская больница, посольство Греции, Еврейская больница со своим персоналом — докторами Карако, Морено и Барбут [Stavridis 2005: 72].

1 мая 1921 г. в лагере в Тузле начали работать два госпиталя, весь персонал которых состоял из русских. Один госпиталь специализировался на инфекционных заболеваниях, а другой имел более общую широкую специализацию. Медицинское оборудование им предоставили британцы.

Между тем, эмигрировавшие в Стамбул русские врачи начали работать в различных учреждениях. В 1921 г. в городе, не имея подтвержденных дипломов, работало около двухсот русских врачей, хотя даже при их наличии местные законы запрещали им работать. Турецкая пресса того времени критиковала эту ситуацию [Timuçin 2004: 138].

В это же время в Стамбуле было открыто большое количество русских аптек, не имевших лицензию. 16 апреля 1923 г. администрация Стамбула заявила о своем решении закрыть русские аптеки вокруг Галаты, Перы и Таксима, обосновывая это тем, что люди, не получившие профессионального образования и не имеющие диплом фармацевта, могли нанести вред здоровью людей. Список этих аптек вместе с именами их владельцев был отправлен в Генеральный директорат полиции¹¹.

Послесловие

Начиная с ноября 1920 г. в Стамбул прибыло около 150 000 военных и гражданских эмигрантов, бежавших от большевиков. Этот поток продолжал прибывать до 1921 г. Стамбул был выбран ими неслучайно — он был географически близок, в нем, по сравнению с другими странами, хорошо функционировали гуманитарные организации, обеспечивающие возможность получения помощи, к тому же он был оккупирован силами Англии и Франции, которые также поддерживали Белую армию.

Однако, когда корабли с русскими эмигрантами прибыли в Стамбул, французы запретили им покидать судна, принимая во внимание опасность распространения эпидемий и перенаселенность города, поэтому эмигранты провели долгое время на переполненных и грязных кораблях в портах Моды и Каламышы, в результате чего люди начинали болеть.

После пятнадцатидневных переговоров французское командование оккупационных войск разрешило эмигрантам покинуть корабли. Однако во время пребывания в Стамбуле многие русские эмигранты столкнулись с эпидемиями сыпного и брюшного тифа, холеры, туберкулеза, основными причинами которых были холод, бедность, отсутствие условий для гигиены. Помимо этого, «белые русские» встретились с очень дорогим для жизни городом, большим количеством других переселенцев, также борющихся за существование, так что найти работу и жить в нормальных условиях было сложно, эмигранты были вынуждены решать проблемы с питанием, проживанием, образованием для детей и т. д.

¹¹ BOA. DH. İUM, 71/ 69, Lef 1.

Над решением этих проблем эффективно работали Российский, Американский и Французский Красные Кресты, иностранные, русские и местные турецкие государственные и общественные гуманитарные организации, а также религиозные объединения и частные лица. То, что произошло в 1920 г., явилось для них историческим испытанием, через которое все они достойно прошли.

Перевод Евгения Бату

ЛИТЕРАТУРА

- На прощание 1920–1923 — На прощание. *Nos Adieux. The Farewell, 1920–1923*: Альманах. Издание группы русских литераторов / под ред. А. Бурнакина, Д. Валери, К. Минти и Б. Ратимова. Константинополь, 1923.
- Bali 1997 — Bali R. *Bir Yahudi Malive Sosyal Yardımlaşma Kurumu: Dersaadet Küçük İstikrazat Sandığı* // *Tarih ve Toplum*. Nisan, 1997. № 160. S. 45–54.
- Bumgardner 1925 — Bumgardner E.S. *Undaunted Exiles*. Staunton: The McClure Company, 1925.
- Davis 1995 — Davis C.C. *İstanbul'da Mültecilerin Durumu* // Clarence Richard Johnson (ed.), 1920 / Cev. Sönmez Taner. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1995.
- Deleon 1996 — Deleon J. *Beyoğlu'nda Beyaz Ruslar*. İstanbul: Remzi Kitabevi, 1996.
- Dumesnil 1993 — Dumesnil V. *İşgal İstanbul'u / Çev. Emre Öktem*. İstanbul: İstanbul Kitaplığı, 1993.
- Epp 2006 — Epp I. (ed). *Constantinople: Escape from Bolshevism*. Victoria: Trafford Publishing, 2006.
- Fisher 1927 — Fisher H.H. *The Famine in Soviet Russia, 1919–1923*. New York: Macmillan, 1927.
- Göçmen 2008 — Göçmen M. *Mütareke Yıllarında Beyaz Rusların İstanbul'daki Sürgün Hayatları*. // Süleyman Demirel Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. 2008. № 20. S. 199–216.
- Hiebert, Miller 1929 — Hiebert P.C., Miller O.O. *Feeding the Hungry, Russia Famine, 1919–1925*. Scottdale, 1929. S. 90–110.
- Housden 2008 — Housden M. *Humanitarian Endeavour in the Black Sea Region. The League of Nations, White Russian Refugees and Constantinople, 1920–1923* // *The International Journal of the Humanities*. 2008. № 4. S. 109–115.
- Hutchins 1972 — Hutchins John A. Jr. *The Wrangel Refugees: A Study of General Baron Peter N. Wrangel's Defeated White Russian Forces, Both Military and Civilian, in Exile* // University of Louisville: Unpublished Ph. D. Thesis, 1972.
- İlbeyi 2005 — İlbeyi Ö. *Avrupa Yolunda Batılma ya da Batılma. İstanbul'da Sosyal Değişimler*. İstanbul: Truva, 2005.

- League of Nations 1922 — League of Nations // Official Journal. Vol. 7, Issue 6. June 1922.
- Macartney 1931 — Macartney C.A. Refugees — The Work of the League. Londra: League of Nations Union, 1931.
- Marrus 1985 — Marrus M.R. The Unwanted — European Refugees in the Twentieth Century. New York: Oxford University Press, 1985.
- Rayevski 2009 — Rayevski N. Rus Gözüyle Gelibolu — Gelibolu Günlüğü (Zorunlu Bir Gurbetin Öyküsü). / Çev. Aydın İbrahimov, Nesrin Bayraktar. İstanbul: Ağaç Yay.; 2009.
- Robinson 2005 — Robinson P. Zemgor and the Russian Army in Exile // Cahiers du Monde Russe, 2005. Vol. 46, № 4. P. 719–737.
- Simpson 1929 — Simpson J.H., Sir. The Refugee Problem — Report of a Survey. L.: Oxford University Press, 1929.
- Skran 1995 — Skran C.M. Refugees in Inter-War Europe. The Emergence of a Regime. Oxford: Clarendon Press, 1995.
- Stavridis 2005 — Stavridis V.T. Ai eis tin Polin ristianikai Ekklesiai, Omologii, Koinotites kai Proikiai. Selanik: Adelfon Kiriakidi, 2005.
- Timuçin 2004 — Timuçin T. İstanbul'da Beyaz Ruslar, 1919–1924. // CİEPO Osmanlı Öncesi Osmanlı Araştırmaları Ulusal Komitesi, XIV. Sempozyumu Bildirileri. Ankara: TTK, 2004. S. 754–764.
- Türk Kızılay Derneği Arşivi — Türk Kızılay Derneği Arşivi. Kutu № 1244. Belge № 47.
- Urvelli 2005 — Urvelli O. (der.). İstanbul'dan Geçen Ruslar. Ankara: Ümit Yayıncılık, 2005.
- Vasylyev 2005 — Vasylyev K. Refugee Physicians From the Russian State in Turkey (1919–1923) / Nil Sarı-Ali Haydar Bayat-Yeşim Ülman-Mary Işın (ed.) // The Proceedings of the 38th International Congress on the History of Medicine. Ankara: TTK, 2005. S. 1467–1475.
- Wolf 1923 — Wolf L. Russo-Jewish Refugees in Eastern Europe. Londra: Offices of the Joint Foreign Committee, 1923.
- Wrangel 1957 — Wrangel P.N. General Baron. Always With Honor. New York: Robert Speller and Sons, 1957.

ГАЗЕТЫ

- İkdam: 19.11.1920 — 45 Vapur Limanda Bekliyor // İkdam, 19.11.1920.
- The New York Times: 20.11.1920 — Ships from Crimea Bring Away 140.000 // The New York Times, 20.11.1920
- The New York Times: 23.11.1920 — Saw Crimea Ships As Floating Hells // The New York Times, 23.11.1920.
- The New York Times: 28.11.1920 — Colonies in Africa for Crimean Exiles // The New York Times, 28.11.1920.
- The New York Times: 1.12.1920 — Red Cross Sends Aid for Starving Hosts // The New York Times, 1.12.1920.

- The New York Times: 14.06.1921 — Constantinople Feels Our Immigration Curb // The New York Times, 14.06.1921.
- The Orient: 16.11.1921 — Constantinople Chapter, American Red Cross // The Orient. Vol. VIII, № 46, 16.11.1921.
- The Orient: 7.07.1920 — French Aid for Russian Refugees // The Orient. Vol. VII, № 32, 7.07.1920.
- Vakit: 16.11.1920 — Rus Sefarethanesinden Aldığımız Malumat // Vakit, 16.11.1920.
- Vakit: 19.11.1920 — Mültecilerin Miktarı Mütemaniyen Artıyor // Vakit, 19.11.1920.
- Vakit: 20.11.1920 — Rus Mültecileri // Vakit, 20.11.1920.
- Vakit: 25.11.1920 — Moda Pişgâhındaki Vapurlar // Vakit, 25.11.1920.
- Vakit: 27.12.1920 — Mülteciler Nasıl İskan Ediliyorlar? // Vakit, 27.12.1920.

ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ СТАМБУЛА, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ОККУПАЦИЕЙ ВОЙСКАМИ АНТАНТЫ И ПРЕБЫВАНИЕМ БЕЛОЭМИГРАНТОВ

Бильге АР¹

После поражения Османской империи в Первой мировой войне и оккупации Стамбула войсками Антанты (1918–1923) перед городом встала невиданная ранее проблема размещения более сотни тысяч людей. С одной стороны, оккупированный Стамбул был наводнен большим количеством солдат и офицеров оккупационных войск и мигрантов из внутренних районов страны, с другой — сюда прибыло несколько потоков «белых русских», которые искали спасения от режима большевиков в России. К ним добавлялись местные погорельцы — в городе преобладали деревянные постройки и поэтому часто вспыхивали пожары, последствия от которых принимали угрожающие размеры [Ar 2013: 71–86]. Кроме жилья, город остро нуждался в больницах, приютах и школах для детей беженцев.

На протяжении всех пяти лет оккупации Стамбула сохранялось временное владение зданиями. Ни в одном районе города не было установлено преимуществ для какого-то оккупационного государства — Великобритании, Франции или Италии. Оккупационные силы не занимались строительством новых зданий, а конфисковали существующие, переделывая их под свои нужды. При этом они выбирали в основном новые здания, например, дворец Каракёй, начальную школу-пансион в Гёзтепе [Şehsuvaroğlu 1969: 39].

Для конфискации имущества был создан специальный комитет стран-союзниц. Уведомления о конфискации имущества печатались в газетах; например, 4 сентября 1920 г. в газете «The Orient News»² со-

¹ Доктор архитектуры, Стамбульский технический университет, Стамбул. Электр. почта: bilge_ar@yahoo.com.

² The Orient News — газета, выпускавшаяся британской армией с 17 июня 1919 г. после прекращения военных действий в оккупированном Стамбуле. Своеобразный британский городской справочник о Стамбуле, некое свидетельство возвращения Великобритании на Ближний Восток. Основателем газеты был английский журналист и писатель Harry Collinson Owen. Редакция газеты размещалась в отеле «Kroesket» в квартале Бейоглу.

Стамбул и корабли, принадлежащие оккупационным силам.

Панорамное изображение 1919 г.

общалось о конфискации имущества и необходимости освобождения в кратчайшие сроки кафе, ресторанов, баров, магазинов, зданий, включая жилые дома на улицах Тимони и Дервиш, для размещения британских и индийских солдат.

Особняк Энвера-паши. Штаб оккупационных войск, 1919 г. (Из архива Ромео Мартинез)

В первую очередь были захвачены такие стратегически важные государственные здания, как Императорский музей, казарма Сулеймание и здание Парламента. Оккупационные власти конфисковали имущество у членов движения «Иттихат ве Теракки» (тур. «İttihat ve Terakki»), а также недвижимое имущество, принадлежавшее членам семьи султанов в районе Ортакей: Ферийе Даирелери (тур. Feriye Daireleri), Фехиме Султан Йалысы (тур. Fehime Sultan Yalısı), Эмине Наджие Султан Салилханеси (тур. Naciye Sultan Salilhanesi). Кроме того, у Эмине Наджие Султан, супруги считавшегося одним из главных врагов Антанты генерала Энвера-паши, который во время Первой мировой войны способствовал принятию

Османской империей стороны Германии, был конфискован особняк в Куручешме на берегу Босфора, а в доме самого генерала расположился штаб оккупационных войск.

Та же участь постигла дома других знатных людей, например, особняк Халиля Рыфата-паши в районе Нишанташи. Однако некоторые дома удалось спасти в последний момент, как, например, дом архитектора Ведат-бея на проспекте Валиконагы — Ведат-бей быстро возвел в доме дополнительные внутренние стены, благодаря чему комнаты выглядели совсем крохотными [Biol 2006: 100–103].

Места дислокации оккупационных сил Антанты

Войска Антанты были размещены сначала в казармах в районе Бейоглу, а после окончания войны — в иностранных учебных заведениях, некоторых госпиталях, частных зданиях и отелях, например, в Tokatlıyan Oteli, Pera Palas Oteli, Kroeker Oteli. Рядовые солдаты были размещены на территориях Румеликавагы, Йенимахалле и между Бююкдере и Бебеком. Артиллерийская казарма на Таксима в квартале Бейоглу, которая называлась в то время «Макмахон кышласы» (тур. Makmahon kışlası), служила местом временной дислокации сенегальских солдат, служивших в составе французской армии. Большая же часть французской армии, в которой числились солдаты из Сенегала, Чада, Алжира и Марокко, разместилась в казарме Решадие и в складских помещениях порохового хранилища в Бакыркёе — на территории современных отелей «Crowne Plaza» и «Holiday Inn». Помещения старой турецкой воинской части Йель Дегирмени в квартале Кадыкёй переоборудовали для расквартирования подразделений африканских солдат британской армии. Сегодня здесь находятся школа и жилые здания, построенные до 1930-х гг. [Каура 1990: 154].

Штаб-квартира английских оккупационных сил расположилась в

Розовый особняк (Pembe Köşk), 1919 г.

Британские солдаты перед Военной школой,
украшенной флагами стран-союзниц

Солдаты штаб-квартиры французских
окупационных сил перед распреде-
лением на ночлег в гостинице IV.
Vakıf, 1919 г.

Розовом особняке (тур. Pembe Köşk),
который принадлежит сегодня газе-
те «Cumhuriyet» (рус. «Республика»).

Примечательно, что раньше это
здание было центром младотурец-
кой партии «Единение и прогресс»
(тур. «Иттихат ве Теракки»).

Еще одним местом дислокации
британских оккупационных сил слу-
жило здание Военной школы (тур.
«Мектеб-и Харбие»), в котором сей-
час расположен Военный музей.

Здание Вақыф Хан IV (тур. IV
Vakıf Han) с вывеской «Caserne
Victor» было занято под штаб-
квартиру французских оккупацион-
ных сил [Bırol 2006: 100].

Для контроля за местными ор-
ганами управления странами-со-
юзницами были созданы комиссии,
возглавляемые верховными комис-

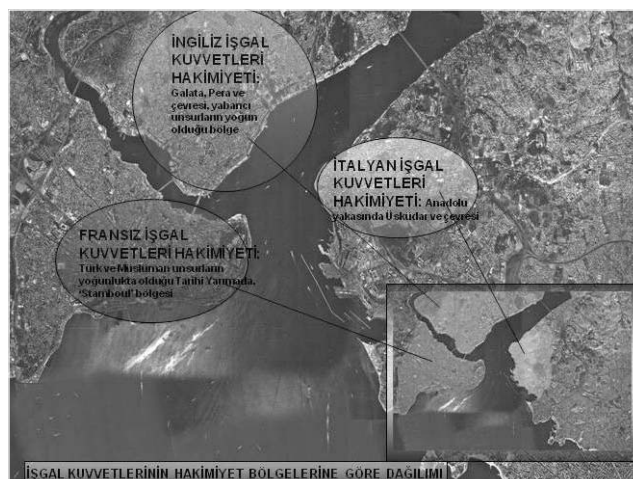
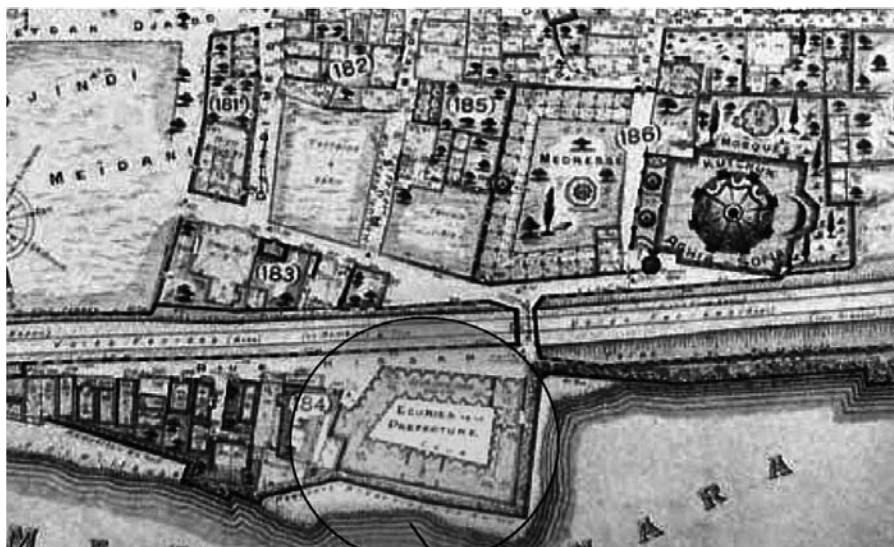

Схема районов расположения оккупационных войск

сарами, которые отвечали за ту или иную часть города в зависимости от преобладания там тех или иных сил оккупационных войск: британский контролировал районы Галата, Пера и их окрестности, где в основном проживали иностранцы; французский — Исторический полуостров³ (Старый город), где жили в основном турки; итальянский — Анатолийскую часть города (район Ускюдар и его окрестности).

В Стамбуле уже имелись остававшиеся с османских времен полицейские участки, но страны-союзники открыли новые. Так, по просьбе французской армии был построен полицейский участок на проспекте Шюкран Чифтлиги (тур. Şükran Çiftliği), в котором сейчас находится офис для сельскохозяйственного оборудования. Одно из зданий, которое было построено тогда французами, сохранилось до наших дней. Центральное полицейское бюро находилось в отеле «Шахин Паша» (тур. Şahin Paşa) в квартале Сиркеджи и подчинялся Отделу внутреннего надзора. Полицейские стран-союзников занимались только вопросами иностранных граждан, для чего в городе были открыты шесть центров: Пера, Галата, Шишли, Суричи I (окрестности Айа-Софии), Суричи II (Бейязит) и Ускюдар. Центральное бюро находилось в старом отеле «Kroeker» на проспекте Кабристан в квартале Пера. Помимо него были еще три полицейских участка в здании напротив Дююн-у Умумийе (тур. Düyün-u Umumiye), в Ускюдаре и на Галате [Riggs 1995: 285]. Полицейский участок британских оккупационных сил в квартале Галата имел также свою

³ Исторический полуостров является самым первым и старым жилым районом Стамбула.

Обозначение местоположения французской тюрьмы
в годы оккупации на картах Первитича,
где ныне располагается Культурный центр им. Н. Фазыла

временную тюрьму, где проводились следственные действия и допросы арестованных, в том числе русских эмигрантов [Talay 2004: 42–45]. С этой же целью англичане использовали гостинный двор Арап Ханы (тур. Arap Hanı), находящийся недалеко от таможни на Каракёе и башню Галата. Под постоянную тюрьму планировалось использовать здание отеля «Kroeker» и были даже разработаны макеты будущих тюремных камер [Riggs 1995: 285–304]. Сейчас в этом здании функционирует Дом учителя района Бейоглу.

Страны-союзницы имели четыре-пять временных тюрем в Стамбуле. На карте Первитича отмечены губернаторские конюшни в окрестностях Кумкапы, где в 1922–1923 гг. располагались французские тюрьмы [Riggs 1995: 285], сейчас это Культурный центр им. Неджипа Фазыла.

Построенный в 1912–1914 гг. гостинный двор Меркез Рыхтым Хан (тур. Merkez Rıhtım Han) в квартале Каракёй стал главным местом пыток заключенных. Другим местом пыток являлся двор Шансараян Хан (тур. Sansarayan Han) в квартале Бахчекапы. Здание постоянного двора Мурадидие Хан (тур. Muradiye Han), построенное в 1915 г. архитектором Ведат-беем, тоже было использовано как место допроса арестантов [Bırol 2006: 107].

Санитарно-здравоохранительные меры

В истории наблюдается такая закономерность — по окончании войны начинаются эпидемии, уносящие иногда больше жизней, чем сама война. Стамбульский муниципалитет делал все возможное для предотвращения распространения в городе инфекций. Особо активное участие в этом принял пришедший 5 мая 1919 г. на должность главы муниципалитета профессор, доктор Джемиль-паша (Топузлу), который пытался находить пути решения проблем, несмотря на тяжелейшие экономические условия. Во время его вступления в должность город находился в плачевном состоянии: из-за отсутствия работ по уборке мусора, улицы были захламлены, отходы не вывозились и накапливались на обочинах и пустых участках; освещение отсутствовало даже на самых широких проспектах; уличные торговцы заполнили самые оживленные улицы и площади, затрудняя движение; парки и сады находились в запущенном состоянии [Topuzlu 2002: 186]. Поэтому в первую очередь Джемиль-паша уделил особое внимание очистке улиц. Ввиду отсутствия необходимого количества мужчин для очистительных работ было разрешено формировать отряды уборщиков и водителей мусороборочных машин из женщин [Topuzlu 2002: 187]. Специально оснащенные грузовые машины за одну неделю убрали весь мусор, возобновилось мытье проспектов, которое проводилось в последний раз пять лет назад. Были закрыты не соответствовавшие санитарным нормам скотобойни. На азиатской стороне, перед казармой Селимие, открыли реконструированную старую скотобойню, а в европейской части на месте современного Центра конгрессов началось строительство здания новой скотобойни Сютлюдже [Topuzlu 2002: 195].

Нововведениям Джемиля-паши мешало не только слабое экономическое положение страны, но и вмешательство со стороны оккупационных властей государств Антанты. Так, например, в парке Гюльхане была облагорожена территория, высажены платановые деревья. Однако сотни французских военных, отправляясь на прогулку, привязывали своих лошадей к деревьям в парке, а на цветочных газонах французские военные подразделения разместили склады для хранения угля. Обращение к командующему оккупационными силами Франции в Куручешме не принесло должных результатов [Topuzlu 2002: 193–194]. В своих воспоминаниях Джемиль-паша рассказывал не только об этом, но и о том, что его вызывали к адмиралу Бристолу в посольство на Бейоглу и угрожали захватить газохранилища в Чубуклу, если не будут снижены цены на аренду складских помещений для ввозимого из США бензина [Topuzlu 2002: 199].

Известно, что пост главы муниципалитета был принят Джемиль-пашой при условии назначения его губернатором провинции Стамбул. Однако под давлением Верховного комиссариата войск Антанты был назначен новый губернатор, и 28 февраля 1920 г. Джемиль-паша был вынужден уйти в отставку. Муниципалитет располагался в то время в постройке, где находилась усыпальница Султана Махмуда. Сразу после отставки Джемиль-паши здание было отдано во владение стран-союзников и управление всеми городскими структурами перешло в их руки.

В этот период газета «The Orient News» писала, что городская администрация не справляется с уборкой вверенных ей территорий и соблюдением санитарных норм, поэтому страны-оккупанты были вынуждены применить жесткие меры [The Orient News: 16.07.1920]. Ограничив таким образом полномочия муниципалитета, Антанта создала новую Комиссию по охране здоровья, в которую входили по одному представителю союзнических сил и один от Греции, при активном участии военного врача с американского корабля «St. Louis».

К концу 1920 г. Комиссия была разделена на две: городскую и морскую [Peet 1995: 83–109]. Городская комиссия была под контролем Англии, она несла ответственность за инспектирование города, уборку улиц, проверку канализации и борьбу с проституцией [Criss 1993: 65]. В Морской комиссии ответственность за взятые на карантин суда несли французские военные силы [Criss 1993: 64]. На одном из кораблей в порту Хайдарпаша располагалась досмотровая станция, в которую поступала информация о передвижениях всех прибывающих и отбывающих судов. Все пассажиры судов проходили контроль работниками станции. Тем, кто не соглашался пройти эту процедуру, наказывали или даже отправляли в тюрьму [Peet 1995: 106].

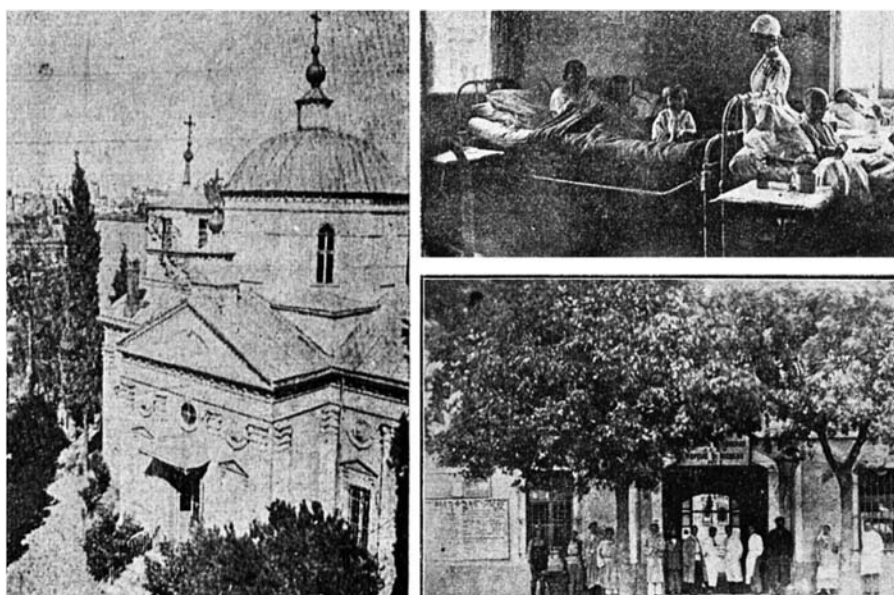
Для предотвращения распространения болезней внутри города были приняты меры предосторожности, например, в Топхане для беженцев из России были построены переносные бани [Bakar 2012: 99]. Когда в городе появились случаи заболевания брюшным тифом, была немедленно развернута широкая кампания по вакцинации населения. Комиссия по охране здоровья сообщала в газетах, в какие учреждения нужно обращаться за помощью: американцам — на военное судно США «Galveston» и в портовые доки в Топхане, англичанам — в матросскую больницу и центр в отеле «Kroecker»⁴, французам — в Zagrafos на Йюксек Калдырыме, грекам — в аптеки Красного Креста в Пармаккапы на Галате

⁴ Здание находится в квартале Тепебаши на проспекте Мешрутиет (старое название проспекта — Кабристан). Сейчас в нём располагается Дом учителя района Бейоглу.

и Фанере, османцам — в губернаторские бюро общественного здравоохранения в Фатихе, Пера, Ускюдаре и Кадыкёе, русским — на русскую военно-морскую базу. Санитарный комиссар города располагался в отеле «Gregor» [Masar, Masar 2010: 132].

Больницы работали в эти годы с чрезвычайной загруженностью, некоторые из них были расширены, открывались новые. Беженцев обслуживали такие медицинские учреждения — американская больница Бристоль, открытая 20 августа 1920 г. при содействии американского военного комиссара в старом особняке в районе Нишанташи; Дом инвалидов и Дом для кормящих матерей, открытые Российским обществом Красного Креста (РОКК) в Йешилькёе; госпиталь Жанны д'Арк, открытый Французским Красным Крестом; женский реабилитационный центр в Бююкдере; армянская больница в Йедикуле; санаторий в Тарабии; детская офтальмологическая больница в Бойяджикёе и детская туберкулезная больница в Йедикуле, открытые Комитетом Красного Креста на Ближнем Востоке; госпиталь Св. Николая в Харбие со специальным отделением для инвалидов войны [Davis 1995: 178].

Госпиталь Св. Николая, располагавший терапевтическим, хирургическим, гинекологическим, неврологическим и детским отделениями,

Госпиталь Св. Николая в Харбие. Слева — церковь, вверху справа — внутренняя палата госпиталя, внизу справа — табличка с названием и входные ворота госпиталя. Фото из альманаха «На прощание»

являлся главным госпиталем Российского общества Красного Креста. При госпитале имелись зубоврачебный и рентгеновский кабинеты, лаборатория для анализов и аптека, а также церковь, библиотека, баня, прачечная [Uturgauri 2015: 169].

В русском лагере, расположенном в Тузле, было два госпиталя: первый для общих заболеваний, другой — для инфекционных. В Йешилькёе, помимо больницы на 250 коек, имелись роддом на 25 человек и Дом для инвалидов на 120 человек [Uturgauri 2015: 190]. В апреле 1921 г. в арендованном здании из 50 комнат с участком и садом был открыт Дом инвалидов в Арнавуткёе, в котором разместились 200 инвалидов с тяжелыми увечьями. При нем находились приемный покой, амбулатория, библиотека, церковь и часовня. Для частично трудоспособных были организованы мастерские. В мастерской под наблюдением врача-ортопеда и специального мастера изготавливались протезы [Uturgauri 2015: 171–172].

В Андреевском подворье на ул. Мумхане в Каракёе были открыты больница и аптека для русских моряков, в которой работали 18 врачей [Масаг, Масаг 2010: 122]. В Тарабии был сформирован санаторий на 60 человек для больных с нервными расстройствами [Масаг, Масаг 2010: 190]. Адмирал Чарльз Генри Дюмениль выделил для российских беженцев места в госпитале Жанны д'Арк. Позже в этом госпитале работали медсестрами около 300 русских женщин. В Американской больнице для русских женщин было открыто родильное отделение [Deleon 1994: 177]. В Бююкдере был открыт центр на 138 мест для женщин, идущих на поправку. Комитет Российского общества Красного Креста на Ближнем Востоке контролировал работу детской туберкулезной больницы в Йедикуле и детскую торакальную клинику в Бояджикёе. В одном из отделений РОКК, «Маяке», находилась дневная бесплатная поликлиника. В военных казармах в районах Давутпаша, Селильмие, Ипликхане были сформированы временные санитарные пункты, а в деревянных бараках на Бейазите были открыты временные больницы [Deleon 1994: 190]. Большой зал Российского посольства также был превращен в госпиталь [Вакар 2012: 122]. Помимо этого, благодаря финансовой поддержке со стороны Американского Красного Креста и благотворительного комитета французских дам на острове Хейбели в декабре 1920 г. был основан Дом матери и ребенка, который был закрыт в конце 1922 г. в связи с тем, что русские покинули остров.

Благодаря помощи Франции, Италии, США, Чехословакии, Голландии, Норвегии и Швеции, Красный Крест открыл новый санаторий в Канлыдже [Deleon 1994: 177]. После окончания оккупации Стамбула больницы для обслуживания иностранцев были закрыты, и только рус-

ская больница в Харбие и русская амбулатория, находящаяся недалеко от собора Св. Софии, продолжали работать [Bakar 2012: 124].

К тому же другие госпитали (Дар-юль-аджезе, Хамидие Етфал, Хасеки, Больница Бахрие, расположенная в Шишли болгарская больница⁵) бесплатно лечили больных и предоставляли им места временного проживания [Bakar 2012: 99].

Размещение беженцев

Как уже сказано ранее, из-за больших пожаров и отсутствия строительного инвентаря дома и квартиры городского населения были перегружены, а помещения для размещения беженцев и эмигрантов, численность которых достигала более ста тысяч, не были готовы. На первом этапе беженцев размещали в казармах, деревянных бараках, палатках, детских садах, дешевых пансионах, временных больницах, гостевых домах, частных особняках и отелях [Davis 1995: 182]. Были организованы палаточные лагеря в Хайдарпаше [The Orient, 10.03.1920] и на островах [The Orient, 29.09.1920]. В лагере в Тузле были размещены 2 000 русских беженцев: семьи жили в деревянных бараках, а холостые мужчины — в палатках [Davis 1995: 182]. В Йешилкёе был построен Русский дом для ветеранов-инвалидов на 1 000 человек [Deleon 1994: 177]. А по приказу султана в казарме в Давутпаше и её окрестностях был создан лагерь для мусульманских беженцев, приютивший большое количество женщин с детьми и сирот [Dumesnil 1993: 12–13].

Местные и иностранные центры по оказанию помощи беженцам мобилизовались для решения этой проблемы. Они приложили немало усилий, чтобы скоординировать работу различных благотворительных организаций. Благодаря помощи таких благотворительных организаций, как Христианская молодежная женская ассоциация (англ. Young Women's Christian Association, YWCA), «белые» русские эмигранты и беженцы обеспечивались жильем в гостинном дворе «Андреа ханы» (Andrea Hani), находившимся в Галате на проспекте Мумхане, № 63, а также в местах наибольшего их скопления от Каракёя до Топхане. Кроме того, Христианская молодежная женская ассоциация открыла для них центр «Маяк» на улице Бурса, № 40 (ныне улица Садри Алышик). Благодаря работе этого центра беженцы были распределены также по временным пристанищам в бараки Долмабахче, Нишанташи, Йылдыз [Macar, Macar 2010: 104].

⁵ Ныне больница газеты «Турция».

Русским беженцам помогали не только организации, но и частные лица. Так, приехавшая тогда в Стамбул Элизабет Ле Норманд инициировала строительство мест расселения русских беженцев. В одном из источников сообщается, что она отправила в адрес представителей Антанты запрос о предоставлении беженцам турецких казарм в Долмабахче, например, казармы Гюмюшсую, находившейся на углу улиц, идущей параллельно морю и ведущей в Таксим [Dumesnil 1993: 41], которую в некоторых источниках ошибочно называли Каменной казармой [Bakar 2012: 109]. Однако Каменная казарма — это другое здание, находившееся рядом с казармой Гюмюшсую. Реальное место расположения казармы удалось установить благодаря записям Веры Дюмениль — жены главнокомандующего Средиземноморским оккупационным флотом адмирала Шарля Дюмениля.

В казарме сохранились стены и крыша, но большинство окон и дверей отсутствовало, при ней был широкий двор. На территории казармы планировалось разместить около 3 000 человек [Dumesnil 1993: 41].

Казарма Селимие — другой пример обустройства казармы под место проживания беженцев. Одна часть казармы была переоборудована под больничный блок для тяжелобольных, в другой части располагались семьи беженцев, в зависимости от их социального статуса. В одном из помещений казармы был театр [Bumgardner 1925: 184–185]. На внешней территории казармы был построен лагерь из деревянных бараков. Внутри лагеря находился диспансер, где каждый день можно было получать молоко для детей [Göçmen 2008: 205]. Для вновь созданной комендатуры лагеря беженцев на корабле «Rvön» был создан «Координационный стол» [Göçmen 2008: 208].

Казармы времен оккупации

Внутренний вид жилых помещений беженского лагеря
на территории дворца Долмабахче

Не только казармы, но и другие здания приспособливали под места для проживания. Известно, что Италия выделила 88 строений для русских эмигрантов, часть из которых находилась на острове Бургаз. Это произошло по инициативе Марки Камилло Каррони (Marki Camillo Garroni), находившегося в то время в Стамбуле. Посольство Королевства сербов, хорватов и словенцев обеспечило места для проживания и питания 250 русским беженцам [Deleon 1994: 177].

Еще один лагерь был организован на территории дворца Долмабахче, который примыкал к зданию театра, что видно на фотографиях из коллекции К. Дэвиса (Clafin Davis), хранящейся в визуальном архиве Гарвардского университета

Эта богато украшенная изнутри часть дворца была спроектирована в 1858 г. под здание театра, уничтоженного пожаром в 1866 г., и ее стали использовать под табачный склад⁶ [Рекман 2011: 45, 47, 51–52], который продолжал использоваться по тому же назначению и во времена оккупации, но к нему добавили новые постройки под лагерь русских беженцев.

⁶ Здание под № 2, обозначенное «Entrepot de Tabacco» на рис. 7 с картой Первитуца.

Здание находилось на пересечении улиц, одна из которых спускается от нынешнего стадиона Иноню, а другая идет от Кабаташа. В 1937 г., после утверждения плана французского архитектора Генри Проста (1874–1959)⁷, здание было снесено. Во времена оккупации стадион⁸ соседствовал с театром, в окрестностях которого можно было найти дворцовые конюшни, в которых, вероятнее всего, нашли себе временное убежище «белые русские».

Беженцы размещались главным образом в лагерях, расположенных в районах Хадымкёй, Пера, Кадыкёй, Мода, Тузла, Селимие, Хайдарпаша, на острове Хейбели и Большом острове [Göçmen 2008: 205]. По информации газет на 3 декабря 1920 г. распределение российских беженцев в лагерях выглядело следующим образом: казарма Сельмие — 2 500 человек, штаб-квартира порта — 57 человек, лагеря: Ланн в Бакыркёе — 240 человек, Айястефонос (Йешилькёй) — 3 000 человек, Тузла — 11 000 человек. Среди крупных лагерей можно назвать Бернадотте в Йешилькёе — 1 850 человек и Селине — 2 500 переселенцев [Bakar 2012: 62]. В палаточном городке во Флории находилось 250 русских семей.

В начале 20-х годов в Стамбуле стали открываться платные ночлежные дома и общежития. Инициатором организации одного из первых таких домов была графиня В.Н. Бобринская. Финансирование дома взяли на себя Комитет баронессы Врангель и Русская православная церковь, а обеспечение койками — Итальянское посольство. В записях доктора этого дома значилось, что нижний этаж пятиэтажного здания (полуподвальное помещение) был непригоден для жилья, но вполне подходил для устройства бани, вещевого склада и т. п. Этажом выше размещались администрация и канцелярия. Три верхних этажа — 12 изолированных и 2 проходные комнаты — отвели под помещение для ночующих. В 7 комнатах имелись печи. Из-за отсутствия какой-либо мебели люди спали на полу на своих вещах. При поселении человек получал от кассирши номер комнаты, а позже и номер места. В комнатах люди располагались тесно, вплотную друг к другу. Есть было разрешено только в столовой, но не в спальнях помещениях, причем часть людей приносила еду с собой, часть пользовалась буфетом. Чистоте в ночлежном доме отводилось особое место: по средам проводилась дезинфекция сулемой и зеленым мылом. Ночлежников в этом доме привлекали малая плата, чистота, тепло (особенно в отопляемых комнатах), а также довольно качественный и недорогой буфет. Строго контролировалось время работы дома, часы

⁷ Генри Прост приехал в Стамбул по приглашению правительства Ататюрка, где работал над генпланом города с 1935 по 1951 г.

⁸ Постройки под № 3 на рис. 7.

входа и выхода в помещение, что существенно снижало случаи воровства.

В это же время были открыты и другие общежития, где можно было за умеренную плату проживать постоянно [Uturgauri 2015: 169]. На площади Топхане, напротив Галатской башни размещался Студенческий союз. Правлению Союза удалось выхлопотать помощь у АРА (англ. American Relief Administration): они получили две палатки для бесплатного студенческого общежития. Кроме того, американцы предоставили Студенческому союзу каменное двухэтажное здание на ул. Ихламур [Uturgauri 2015: 166].

Организация питания для беженцев

В разных точках города была проведена необходимая работа для организации питания для беженцев в местах их временного пребывания. Так, например, пункт питания под открытым небом в Сиркеджи (РОКК) организовал 9 столовых для русских беженцев [Deleon 1994: 177]. Еще пять пунктов питания в Нишанташи, Суричи, Галате, Бююкдере и на острове Бургаз открыл Российский Красный Крест. Всего в разных районах Стамбула насчитывалось 12 столовых РОКК и Земгора⁹ [Masar O.; Masar E. 2010: 116]. Во дворе школы Св. Пульхерии благотворительный комитет французских дам при поддержке и контроле стамбульского филиала Сообщества «Хиляль-и Ахмер» (тур. Hilal-i Ahmer — Турецкого Красного Полумесяца) организовал раздачу бесплатного супа в рамках кампании «суп для народа» (тур. halk çorbası).

При содействии лейтенанта Джулиана Вилера (Julian Wheeler) адмирал Бристоль открыл на острове Хейбели большие кухни и столовые для русских беженцев. Кухни были со скатной кровлей, стены из гофрированных листов, а двери заменял натянутый брезент.

Американский Ближневосточный комитет оказания помощи (англ. Near East Relief Committee) работал по снижению цен и открывал магазины в кварталах Топкапы, Аксарай, Румелихисары, Махмутпаша, Пера, Юскюдар, где можно было приобрести основные продукты питания и вещи первой необходимости: хлеб, штучные сухие продукты, муку, молоко, рис, сахар, одеяла, свечи [Criss 1993: 58].

⁹ Земгор — сокращенное название Главного объединенного комитета Всероссийского Земского союза и Союза городов по снабжению армии.

Духовная поддержка эмигрантов

Увеличение числа русских беженцев требовало открытия новых церквей. В газете «The Orient» за июль 1921 г. рассказывается о группе людей из 20 семей (всего 96 человек), которые искали себе кров на улицах Галаты и Пера и нашли временное прибежище в церкви на проспекте Карнавула, № 16, в районе Тарлабаши, но из-за небольшой площади она не могла вместить всех желающих [The Orient 13.07.1921]. Духовную поддержку русским эмигрантам в Стамбуле оказывала церковь при Российском посольстве и церковь при посольской больнице на острове Хейбели, а также церкви при семи староафонских монастырских подворьях, три из которых (Св. Ильи, Св. Целителя Пантелеймона и Св. Андрея Первозванного) были построены в 1880-х гг. для отдыха паломников, державших путь в Святые места — Иерусалим и Афон. В этих подворьях в 1918 г. нашли приют русские солдаты, захваченные в плен турками во время Первой мировой войны, а позднее — отдельные группы русских беженцев [Uturgauri 2015: 188].

Две церкви были открыты в лагерях Селимие и Бернадотте. Под нужды православных была переоборудована церковь Saint Jean на Большом острове (тур. Büyükkada), а две церкви в лагере Тузлы окормляли не только православных верующих, но и протестантов. Также были организованы специальные алтари для проведения буддистских обрядов для калмыков в лагерях беженцев в Селимие и Тузле [Masar, Masar 2010: 216]. В 1920-х гг. «прибавилось еще 17 временных (палаточных) церквей для беженцев при госпиталях и общежитиях, учебных заведениях, в лагерях и бараках» [Uturgauri 2015: 188].

Меры, направленные на информирование беженцев

Для информирования беженцев недалеко от Российского посольства на ул. Сакызагаджи на Бейоглу в Стамбуле открылось Русское информационное бюро. Кроме того, в зданиях гостиного двора «Нарманлы хан» (тур. Narmanlı Han) работали отделения Российского посольства на проспекте Истикляль. Недалеко от «Нарманлы хан», около туннеля, находилось Бюро русской печати, которое возглавлял Н.Н. Чебышев. Внизу помещалась канцелярия, наверху, на антресолях, в двух комнатах работал сам Н.Н. Чебышев. Передняя комната внизу снималась книжным магазином. Бюро имело выходящую на улицу витрину. Будучи издателем, Н.Н. Чебышев оценил

значение выходящей на улицу витрины, которая в информационном смысле могла заменять газету. Однако издавать что-либо в Стамбуле из-за строгой цензуры союзного командования англичан и французов было невозможно. Спустя несколько месяцев Бюро русской печати переехало в другое здание в посольском дворе, а в сентябре 1921 г. было упразднено.

Забота о детях

Среди особо нуждающихся в помощи были дети. Одной из проблем была организация мест для временного проживания детей разных национальностей, лишившихся родителей во время войны и их обучение. Из-за большого потока беженцев и ухудшавшегося экономического положения существовавшие приюты не справлялись со своими обязанностями, поэтому в особняках, госпиталях, казармах, принадлежащих городскому управлению, открывались новые приюты. Известно, что во дворце Хедива в районе Бебек, где сегодня располагается посольство Египта, был приют, вероятнее всего, для турецких детей-сирот [Brown 1995: 216], а в реорганизованном здании военного лицея Кулели расположился армянский детский дом. Сложность заключалась в том, чтобы приспособить

Здание греческого приюта на Большом острове

эти здания под новые нужды. Особые трудности вызывали системы отопления и вентиляции, столь необходимые для соблюдения санитарных норм. Приведем еще пример, когда здание было использовано для заботы о детях. Так, известный архитектор позднего османского периода, стамбульский левантинец, француз по происхождению Александр Валлори (Alexandre Vallauri) проектировал отель на Большом острове (тур. Büyükkada), но в связи с изменившимися обстоятельствами было принято решение использовать его под интернат для греческих детей-сирот [Tutel 1994: 354].

На общем фоне переселенцев заметно выделялись русские беженцы, уделявшие особое внимание образованию детей. Благодаря личным инициативам и помощи ряда организаций были открыты различные учебные заведения, где более тысячи русских детей смогли получать образование. Так, при поддержке Всероссийского союза городов были открыты дневная средняя школа, куда приняты 316 учащихся, общежитие на 217 человек и школа на 90 учащихся, при которой имелся детский сад. Сначала школу открыли на Большом острове, но потом ее перевезли в лагерь беженцев в Тузле, где под контролем англичан и под руководством священника Комольски (Komolsky) обучались 150 учеников в возрасте от 6 до 16 лет. Там же в Тузле находился лицей, директор и педагоги которого были русскими. Всероссийским союзом городов была открыта школа в трехэтажном особняке в Эренкёе.

Комнаты с богатым внутренним убранством были переделаны в учебные классы, спальни и столовую. Освещались помещения керосино-

Русская школа, расположенная в особняке в квартале Эренкёй.
(Фотографии из архива Клаффин Дэвис)

выми лампами. Союзом был также открыт сиротский приют. Кроме того, Всероссийский союз городов организовал читальные залы и библиотеки в девяти учреждениях [Davis 1995: 186–188].

Священник Томас Уитмор (Tomas Whitemore) из Американского комитета по защите и образованию русских детей оказал помощь госпоже Нератовой и ее школе на 150 учащихся в летней резиденции Российского посольства, а также госпоже Лермонтовой и ее учебному заведению для мальчиков на 15 учащихся на острове Бургаз. Судя по фотографиям школы с дополнительными постройками со сводчатыми кровлями, принадлежавшей Нератовой, учащиеся обучались там и некоторым ремеслам. Кроме этого, там имелась капелла и лазарет. По инициативе того же священника Т. Уитмора и при поддержке Американского Красного Креста в районе Топхане была открыта школа-интернат¹⁰ на 500 учащихся в возрасте от 10 до 18 лет. В школе имелся медицинский пункт.

Французский Красный Крест открыл на острове Хейбели детский сад, который вскоре был передан Российскому консульству.

Известно, что во времена оккупации такие иностранные учебные заведения, как Роберт-колледж, женский Константинопольский колледж (позже переименованный в женский американский Арнавутский колледж), лицей «Notre Dame de Sion» и другие предоставляли стипендии детям беженцев. Кроме того, Роберт-колледж предоставлял рабочие места самим русским беженцам. Беженцы занимались огородничеством, которое спасало колледж от голода. Вблизи учебных построек, на месте заброшенного здания дервишей, они организовали ферму и конюшню.

В августе 1921 г. по инициативе адмирала Бристоля в каютах пришвартованного американского миноносца, в сооружении для ремонта судов на острове Хейбели были открыты учебные классы, в которых обучались 30 детей от 6 до 12 лет. При поддержке княгини М.А. Гагариной, которая входила в руководящий состав Комитета по защите и образованию русских детей, школа была перевезена в район Бююкдере, где продолжала свою деятельность с апреля 1922 г. по сентябрь 1923 г. [Deleon 1994: 177].

Для сравнения: для детей турецких переселенцев власти открыли только две школы в лагерях Селимие и Давутпаша.

¹⁰ Сейчас это здание расположено на верхних террасах крутого склона, недалеко от руин старой турецкой бани. На фотографиях классов, столовой и спальных комнат видны обои с рисунками, украшенные рельефным декором и ручной росписью, а также облицованный изразцами камин, что свидетельствует о том, что под учебное заведение были переоборудованы жилые помещения.

Функциональные изменения в культуре отдыха и развлечений

Во времена Османской империи основными местами развлечений в мусульманских кварталах Стамбула были традиционные «мейхане» (таверны), количество которых резко увеличилось после реформ Танзимата. В городе можно было встретить также ночные клубы и бары. Несмотря на запреты, в таких районах, как Аксарай, имелись публичные дома.

В период оккупации под влиянием иностранной культуры у жителей Стамбула изменились представления об общественных местах отдыха и развлекательных мероприятиях, связанные с понятием «ночной жизни». Все это повлекло за собой необратимые изменения и в последующие периоды.

Самыми крупными развлекательными центрами того периода были открытые англичанами «Moda Summer Club» и «Osmanbey bahçeleri». Позже на базе этих центров был открыт «British Naval and Military Gardens». «Moda Summer Club» являлся одним из самых популярных мест времяпрепровождения. По воскресеньям после обеда здесь выступали русские артисты, работавшие в «British Naval and Military Gardens» [The Orient News 10.07.1919]. Помимо этого, функционировало много небольших клубов, например, «Клуб американских матросов» [The Orient 30.03.1921] и «Лондонский автомобильный клуб».

Местные рестораны и бары обслуживали исключительно иностранный контингент стран-союзников. Рестораны, питейные заведения, концертные площадки с живой музыкой и танцами, театры-кабаре, игорные дома, открытые «белыми русскими», посещались как иностранцами, так и местными жителями. Таким образом русские эмигранты познакомили город с характерной для них культурно-развлекательной жизнью и нужно отметить, что привнесенный ими новый стиль способствовал значительным изменениям в жизни Стамбула.

Первый бар, открытый русскими, располагался на месте кофейни «Арифин кыраатханеси» (тур. Arif'in kiraathanesi), известной еще с последней четверти XIX века и расположенной в границах оборонительной стены старого города. Сейчас это место находится напротив современного медицинского музея по улице Диванйолу.

Благодаря белоэмигрантам были открыты такие места развлечений Стамбула, о которых вспоминают до сих пор, как, например, рестораны «Московит», «Режанс», «Федор», «Чардаш» в Тепебаши, «Baküs» в Бейоглу по улице Ağa Cami Sokağı, русский ресторан в Талимхане, пив-

ные бары «Novonti» в Тепебаши и «Fisher» рядом с туннелем, кабаре «Максим», Нормандское казино в Сырасельвилере, кафе-кондитерская «Петроград», находившееся напротив кинотеатра «Сарай синемасы» (тур. Saray sineması), кафе «Вена» — недалеко от туннеля, кондитерские «Pelit», «Lebon», «Нисуаз» — на углу улицы Кулоглу, «Markiz» — на месте пересечения проспекта Истикляль с Кумбараджи йокуш (тур. Kumbaracı yokuş), «Tilla» — в Тепебаши, «Parizyen» — в Галатасарае, кондитерская — в отеле «Токатлыян», пассажи «Krepen» — на рыбном базаре (старое название — Театральный переулок (тур. Sahne sokağı), «Дегюстасйон» (тур. Degüstasyon) — недалеко от цветочного пассажа и др. [Deleon 2002: 18].

Поселившиеся в домах и монастырях на Принцевых островах белоэмигранты открыли не только казино и рестораны, но и пляжи, что очень оживило жизнь на островах. Необычным подходом к использованию прибрежных территорий и открытием первых пляжей русские произвели неизгладимое впечатление на местное население. В книге воспоминаний одного из членов стамбульской левантийской семьи Вилли Сперко (Willy Sperco) упоминается об одном русском еврее, который в 1920–1921 гг. открыл пляж и нажил на этом целое состояние [Sperco 1989: 79–80]. Еще более интересным событием 1920 г. стал пляж в 12 километрах от византийской крепостной стены на берегу Мраморного моря, который организовали офицеры армии барона П.Н. Врангеля и русские женщины (очевидно, имелся в виду пляж во Флории — прим. автора). Новость о таком нововведении за очень короткое время облетела весь Стамбул, и на острова, и во Флорию, которые раньше были местами пеших прогулок, устремились местные жители, которые сначала с удивлением наблюдали, как русские эмигранты принимали солнечные ванны и купались, а потом, особенно во времена становления Республики, сами стали ходить на берег загорать [Sperco 1989: 94].

Быстрое развитие получили кинотеатры. Джулио Монгери (Giulio Mongeri) спроектировал первый кинозалон «Мажик» (Majik), а построенный в 1920–1922 гг. кинозал в пассаже Эльхама (тур. Elhama) сохранился до наших дней [Evren 1994: 9].

Спорт

Широкое развитие получил спорт: под разные виды спорта были оборудованы удобные площадки и помещения и образованы спортивные клубы.

Большой вклад в открытие гимнастических залов и развитие спортивных программ внесла Юношеская христианская ассоциация (англ.

Young Men's Christian Association — YMCA) [Toprak 1994: 531–532]. Летние спортивные лагеря открыли Юношеская христианская ассоциация и Христианская молодежная женская ассоциация (англ. Young Women's Christian Association — YWCA).

Проживавший зимой 1922 г. в доме в районе Шишли и служивший в британской штаб-квартире, которая находилась в здании Мектеб-и Харбийе (тур. Mekteb-i Harbiye), генерал Харрингтон утверждал, что в Стамбуле можно было найти хорошие клубы для охоты, поло, стрельбы, рыбалки, парусного спорта, гольфа, крикета, хоккея на траве, тенниса, сквоша и похожих видов спорта [Harington 1941: 106, 107, 148]. Кроме того, он упоминал конный спорт, волейбол, баскетбол, бейсбол и набирающие в то время популярность футбол и бокс.

Первый официальный боксерский поединок состоялся на площадке артиллерийской казармы в Таксима еще до того, как она стала футбольным полем. Местные жители, а также представители оккупационных сил и гости Стамбула, очень интересовались боксерскими поединками, а иногда являлись их непосредственными участниками. Среди них был ставший довольно знаменитым русский спортсмен Георгий Кирпичев, который вошел в турецкий бокс под прозвищем «Кирпич». Эмигрировавший в Стамбул в 1920 г. в восемнадцатилетнем возрасте, донской казак через год одержал победу над французскими, американскими и английскими боксерами, а через два года отправил в нокаут двух турецких боксеров, чем несказанно порадовал своих турецких поклонников. Продолжая боксерскую карьеру, в двадцатипятилетнем возрасте Кирпичев стал чемпионом Турции [Atabeyoğlu 1994: 41; Uturgauri 2015: 158].

Первым современным спортивным комплексом в Стамбуле стал «Moda Union Club». Здесь было открыто первое постоянное футбольное поле, второе поле было во дворе артиллерийской казармы, которую некоторое время использовали для временного проживания сенегальские солдаты и члены отрядов французских оккупационных сил. Со временем эта спортивная площадка превратилась в футбольный стадион. После того, как солдаты покинули казарму Макмахон (Makmahon), русские белоэмигранты организовывали в ее дворе скачки.

Увеличивающийся интерес к футболу, матчи которого проводились на учебных территориях казармы (ныне квартала Талимхане), собирали большое количество зрителей и стали причиной переустройства двора казармы в стадион. В этом принимал активное участие предприниматель, владелец журнала «Мир спорта» Челебизаде Саид Тевфик-бей (Саид Челеби). Благодаря крупным для того времени инвестициям Саид-бея в 1921 г. здесь был построен комплексный стадион. Но из-за противо-

стояния некоторых управляющих турецкими клубами Саид-бей не смог арендовать стадион для футбольных матчей и был вынужден передать полномочия мальтийцу Борку. Борк повесил на входе в стадион огромный греческий флаг и стал проводить там различные спортивные соревнования. Особой популярностью пользовались матчи между турецкими командами и командами оккупационных сил, состоявшими из английских и французских солдат [Atabeyoğlu 1994: 42].

Еще две футбольные и две бейсбольные площадки были открыты на местах аренды лошадей, ишаков и велосипедов на месте нынешней площади Таксим.

В порядке заключения, можно сказать, что захват Стамбула после подписания пакта о перемирии был незаконным. Хотя оккупация Стамбула и носила международный характер, нельзя игнорировать тот факт, что британские оккупационные силы доминировали над остальными. Хотя пребывание британцев в городе не соответствовало политике их страны на Ближнем Востоке, однако Стамбул являлся для них важным стратегическим пунктом в развитии ближневосточных отношений¹¹, а шаги, предпринятые в этом направлении, повлияли бы на политический статус города в будущем. Организация управления и другие предпринятые оккупационными силами мероприятия, о которых упоминалось выше, подтверждают, что страны Антанты имели крупномасштабные политические планы на этот регион. Хорошо отлаженная система управления, паспортные бюро, полицейские участки, бюро конфискации имущества и другие учреждения, организованные оккупационными силами, их чрезвычайная заинтересованность в помощи беженцам и проводимая пропаганда — все это говорило о желании оккупантов остаться в Стамбуле на постоянной основе.

В газете «The Orient» была опубликована статья об учреждениях с обучением на английском языке. В ней также говорилось о Ближневосточном агентстве ООН, которое в военные годы открыло образовательные учреждения для сирот, где, наряду с преподаванием английского языка, прививался американский стиль мышления. Это должно было стать преимуществом обучающихся перед другими, так как предполагалось, что впоследствии они будут работать в США или в Стамбуле с англичанами или американцами.

Правительство США также хотело участвовать в управлении городом, но занималось на тот момент больше благотворительной деятельностью, чем политическими проблемами. Среди иностранных благотворительных организаций только американские организации размещали

¹¹ См. об этом: [Kent 1996: 197].

свои центральные представительства в районах, населенных в основном мусульманами, например, американские школа и центры, принадлежащие YMCA, YWCA в Гедикпаше и расположенные в окрестностях этого района «Bible House», Комитет «Amerikan Board», Американское библейское общество, американский госпиталь в Чапе, американская церковь в Ланге. После провозглашения Турецкой Республики некоторые американские организации продолжали заниматься социальными проектами, но со временем их деятельность прекратилась.

В период оккупации Стамбула войсками Антанты и прибытия белоэмигрантов отмечалось стремительное переустройство города: открытие новых госпиталей, больниц, полевых кухонь, учебных заведений, сиротских приютов, ночлежных домов, мест отдыха, спортивных площадок. Малым количеством из которых могли воспользоваться, к сожалению, мусульмане и турки.

Страны-оккупанты размещали в Стамбуле сначала солдат и офицеров своих армий, а позже членов семей и близких. Желания и потребности новых жителей предопределили значительные функциональные изменения в городе. Судя по опубликованным объявлениям об аренде жилья, можно сделать вывод, что члены отрядов оккупационных войск и иностранные гражданские лица предпочитали селиться в районах Галата и Пера, что не было случайным — ведь еще до оккупации многие европейцы жили в этих кварталах. Здесь же располагались в основном иностранные торговые фирмы, бары, рестораны, врачебные и другие учреждения. Свои учреждения в этих районах открыли также русские врачи и аптекари. Однако из-за отсутствия права на работу многие из них вынуждены были закрыться [Вакар, 2012: 173]¹². Много жилья сдавалось в районе Нишанташи, в кварталах Кадыкёй и Мода — на азиатской стороне. Большие квартиры, дома и особняки на побережье Мраморного моря в районах Фенерйолу, Чифтехавузлар, Гёзтепе, Бостанджи, Пендик тоже сдавались в аренду или продавались. Но во главе этого списка были наиболее популярные места на Босфоре — Бебек, Арнавуткёй, Йеникёй, Румели Хисары.

Основными местами проживания «белых русских» были кварталы Шишли, Бейоглу, Большой остров и остров Хейбели. Открытые ими магазины, ателье и мастерские находились в основном в окрестностях Галаты и Таксима. По инициативе русских переселенцев работали пляжи на Принцевых островах и во Флории. Русский образ жизни позволил увидеть различия традиций турецкого общества и европейской цивили-

¹² Со списком аптек, работавших без официального разрешения и рекомендованных к закрытию, можно ознакомиться в документе Османского архива при Кабинете премьер-министра (тур. Başbakanlık Osmanlı Arşivi, сокращенно BOA) под кодовым номером HR. İM, 71/69.

зации. Значительные изменения произошли в таких социальных сферах, как мода и права женщин. Даже после того, как в 1924 г. большинство русских эмигрантов покинули город, введенные ими новшества и в последующие годы продолжали свое влияние на его жизнь.

В период оккупации значительное развитие получил спорт: увеличивающаяся популярность волейбола, футбола и бокса обусловила открытие новых спортивных учреждений, которые в последующие периоды продолжали развиваться. Такие виды спорта, как бейсбол, крикет и поло, не вызывали особого интереса у турецкой публики, поэтому после окончания оккупации почти все площадки для этих видов спорта были закрыты.

В завершение отметим, что происшедшая в период оккупации разносторонняя и масштабная функциональная трансформация Стамбула оказала значительное влияние не только на жизнь общества, но и на будущий архитектурный облик города. Несмотря на отсутствие возможностей для воплощения новых проектов, некоторые архитекторы продолжали заниматься своей работой. Среди них можно назвать одного из главных представителей движения Первой народной архитектуры¹³ архитектора Кемалеттина, спроектировавшего здание Каракёй Палас, чье творчество отражает стиль поздней османской архитектуры, а также стамбульского левантинца, итальянца по происхождению, архитектора Джулио Монгери, спроектировавшего Мачка Палас.

Перевод Светланы Озгюр

ЛИТЕРАТУРА

- Ar 2006 — Ar B. *İşgal Altındaki İstanbul'da Kentsel ve Mimari Ortam: Yüksek Lisans Tezi*. İstanbul, İTÜ, Fen Bilimleri Enstitüsü. 2006.
- Atabeyoğlu 1994 — Atabeyoğlu C. *Spor* // *İstanbul Ansiklopedisi*. İstanbul: Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı, 1994. С. 7.
- Birol 2006 — Birol N. *İstanbul'un İşgali* // *Atlas Dergisi*. 2006. Sayı: 156.
- Brown 1995 — Brown A.W. *İstanbul'da Yetimhaneler*. İstanbul 1920 / Yay. Haz. Clarence Richard Johnson. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1995.
- Bakar 2012 — Bakar B. *Esir Şehrin Misafirleri Beyaz Ruslar*. İstanbul: Tarihçi Kitabevi, 2012.
- Davis 1995 — Davis C.C. *İstanbul'da Mültecilerin Durumu*. İstanbul 1920 / Yay. Haz. Clarence Richard Johnson. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1995.

¹³ Первое народное архитектурное движение — архитектурный стиль, популярный в поздний османский и ранний республиканский периоды, целью которого было отобразить турецкую самобытность.

- Deleon 1994 — Deleon J. Beyaz Ruslar // İstanbul Ansiklopedisi. İstanbul: Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı, 1994. C. 2.
- Deleon 2002 — Deleon J. Eski İstanbul'un (Yaşayan) Tadı. İstanbul: Remzi Kitabevi, 2002.
- Dumesnil 1993 — Dumesnil V. İşgal İstanbul'u: Le Bosphore Tant Aimé. İstanbul: İstanbul Kitaplığı, 1993.
- Evren 1994 — Evren B. Sinemalar // İstanbul Ansiklopedisi. İstanbul: Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı. 1994. C. 7.
- Göçmen 2008 — Göçmen M. Mütareke Yıllarında İstanbul'da Beyaz Rusların Sürgün Hayatları // Süleyman Demirel Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. 2008. Sayı 20. Isparta, 2008/1.
- Harington 1941 — Harington C. Tim Harington Looks Back. Londra: Wyman & Sons, 1941.
- Kayra 1990 — Kayra C. İstanbul Mekânlar ve Zamanlar. İstanbul: Ak Yayınları, 1990.
- Kent 1996 — Kent M. Great Britain and the End of the Ottoman Empire, 1900–1923 // Great Powers and the End of the Ottoman Empire. L.: Frank Cass Publishers, 1996.
- Macar, Macar 2010 — Macar Dağlar O., Macar E. Beyaz Rus Ordusu Türkiye'de. İstanbul: Libra Kitapçılık ve Yayıncılık, 2010.
- Peet 1995 — Peet W.W. Kent Yönetimi. İstanbul 1920 / Yay. Haz. Clarence Richard Johnson. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1995.
- Pekman 2011 — Pekman Y. Geleceğe Perde Açan Gelenek — Geçmişten Günümüze İstanbul Tiyatroları II- Beyoğlu, Şişli, Beşiktaş ve Çevresi. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2011.
- Riggs 1995 — Riggs C.T. Yetişkinlerde Suç. İstanbul 1920 / Yay. Haz. Clarence Richard Johnson. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1995.
- Sperco 1989 — Sperco W. Yüzyılın Başında İstanbul. İstanbul: İstanbul Kütüphanesi, 1989.
- Şehsuvaroğlu 1969 — Şehsuvaroğlu B.N. Göztepe. İstanbul: Türkiye Turing ve Otomobil Kurumu, 1969.
- Talay 2004 — Talay Z. Galata'daki Eski İngiliz Hapishanesi // İstanbul Dergisi. 2004. İstanbul, Ocak.
- Toprak 1994 — Toprak Z. YMCA // İstanbul Ansiklopedisi. İstanbul: Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı, 1994. C. 7.
- Topuzlu 2002 — Topuzlu C. İstibdat-Meşrutiyet-Cumhuriyet Devirlerinde 80 Yıllık Hatıralarım / Yay. Haz. Cemalettin Topuzlu. İstanbul: Topuzlu Yayınları, 2002.
- Turgay — Turgay T. Bir Zamanlar Bakırköy // Osmanlı Bankası Voyvoda Caddesi Toplantıları Metinleri. URL: <http://www.obmuze.com/volvotop54.asp>. (дата обращения 17.12.2005).
- Tutel 1994 — Tutel E. Büyükaada Rum Yetimhanesi // İstanbul Ansiklopedisi. İstanbul: Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfı. 1994. C. 4.
- Uturgauri 2015 — Uturgauri S. Boğaz'daki Beyaz Ruslar 1919–1929 / Çev. Uğur Büke. İstanbul: Tarihçi Kitabevi, 2015.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ
ЖИЗНЬ БЕЛОЭМИГРАНТОВ
В СТАМБУЛЕ

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В СТАМБУЛЕ (Причины прибытия, образ жизни и протесты местного населения)

Тюляй АЛИМ БАРАН¹

После выхода России из Первой мировой войны по причине вспыхнувшей в стране революции и подписания в марте 1918 г. Брест-Литовского мирного договора начался новый исторический период не только во всей мировой истории, но и в российско-турецких отношениях.

В России был установлен большевистский режим, началась гражданская война. 25 октября 1920 г. Красная армия, состоявшая в основном из рабочих и крестьян, начала крупные военные действия против Белой армии, ядро которой составляли бывшие гражданские и военные чиновники царской администрации, а также крупные землевладельцы, представители казачьих и татарских формирований [Kocabaşoğlu, Berge 1994: 176].

В ноябре 1920 г. войска Белой армии под командованием генерал-лейтенанта барона Петра Николаевича Врангеля были разгромлены в Крыму Красной армией большевиков, возглавляемой Михаилом Васильевичем Фрунзе. Понимая, что состояние Белой армии безнадежно и что имеется риск захвата большевиками Севастополя, генерал Врангель и командующий французским флотом в Севастополе Карл Дюмениль приняли совместно вынужденное решение о срочной эвакуации из Крыма.

В море вышло 126 судов, переполненных военными и гражданскими лицами, в том числе эсминец «Генерал Корнилов», на борту которого находился барон Врангель с командным штабом Белой армии, и броненосец адмирала Дюмениля «Вальдек Руссо», доставившие часть эмигрантов на Кипр, часть — в болгарский порт Варна, а часть — в Турцию [Deleon 1996: 21; Solano 1922: 655]. Для отплывших в ноябре 1920 г. из Севастополя в Стамбул белых эмигрантов начался новый этап в их жизни, ставший новым этапом и в жизни Стамбула.

¹ Профессор, доктор исторических наук. Университет «Йедитепе», Стамбул. Эл. почта: tbaran@yeditepe.edu.tr

Среди причин, повлиявших на выбор Стамбула местом эмиграции, который рассматривался русскими эмигрантами перевалочным пунктом, были его географическая близость к России, безопасность, умеренность цен и гибкость политики Турции по отношению к беженцам [Williams 1997: 507–509; Davis 1995: 178].

Русские эмигранты прибыли в Стамбул 15–23 ноября 1920 г. В целях предотвращения возможного распространения инфекционных заболеваний французские и американские оккупационные власти запретили прибывшим покидать корабли. Оружие, имевшееся на кораблях, было передано французам [Süer 1987: 317], а раненые были размещены по стамбульским больницам до тех пор, пока не был определен маршрут их дальнейшего следования. Представитель главного командования посещал корабли с прибывшими русскими, чтобы определить их потребности.

Вот как описывает в газете «Икдам» в статье «Рус Хилеси» положение прибывших в Стамбул русских эмигрантов турецкий новеллист, журналист, дипломат и сенатор Якуп Кадри Караосманоглу (1889–1974): «Вид пароходов, прибывающих в последние дни из Крыма с русскими эмигрантами, — это одно из самых удивительных, самых трагических, самых жалких явлений. Один мой друг, видевший близко проплывающий по Босфору корабль, рассказывает: “Я никогда не забуду такого скопления народа. Не могу даже представить, что творилось внутри, но снаружи, с мачты корабля до якоря, люди висели друг на друге, как грозди винограда. На висевших с двух сторон маленьких лодках находилось, по крайней мере, по 50–60 человек. Некоторые наполовину свисали над водой, держась только одной рукой за канат. Все виденное напоминало груды грязных и потерявших человеческий облик людей”. Эти останки вчерашней величественной Российской империи запечатлелись в нашей памяти в виде этих безымянных, бесформенных, душераздирающих и печальных картин. <...> Вот уже четыре дня эти люди, битком набитые в корабли без хлеба и воды, ждали. Но чего они ждали? Ответ на этот вопрос они сами не знали. Ведь ни в одном из них не осталось и следа от какой-либо цели, дум и размышлений, боязни и надежды» [Kadri 1920].

О людях, прибывших 15 ноября 1920 г. на кораблях в Стамбул, делится в своей книге «Философия футуриста» грузинский и французский писатель и художник, проведший год в Стамбуле в ожидании французской визы, Илья Михайлович Зданевич (псевд. Ильезд Эли Эганбюри) (1894–1975): «На этих кораблях военные стояли на ногах, потому что отодвинуться, присесть или повернуться не было возможности. Эти люди, находившиеся внутри ограждений из пеньковых канатов, остались один на

один со своей судьбой, их можно было считать приговоренными к смерти от голода и нехватки воздуха. И сейчас это видится так ясно, что я могу различить выражение их лиц. Чтобы не видеть этого, я хочу повернуться спиной, однако не могу этого сделать, я не могу оторвать глаза, мне тяжело было смотреть на эти жертвы, которые днями пребывали в невыносимых условиях, в состоянии застывшего страха. Среди них были и умершие, они находились на том же, объединившем их, пространстве, где находились и те, кто еще не поддался смерти» [Zdanevič 1997: 197].

Считаем, что самую достоверную информацию о количестве прибывших в Стамбул русских эмигрантов дает сам генерал Врангель в своем выступлении во время званого обеда, организованного 4 января 1922 г. клубом Стамбульского университета, в котором он говорит, что в ноябре 1920 г. из Крыма в Константинополь прибыло 135 000 русских эмигрантов. В итоге общее количество эмигрантов достигло 167 000 человек. 69 000 из них были поселены на острове Лемнос, в лагерях в Чаталджа и на полуострове Галлиполи (Гелиболу), куда были отправлена часть русских военных на кораблях «Саратов» и «Херсон» [Süer 1987: 317]. По его же данным, во французских лагерях, в Стамбуле и близлежащих населенных пунктах находилось 4 488 человек. Англичане разместили 2 000 эмигрантов в районе Тузла. 400 человек раненых и больных и еще 1 800 человек были взяты под опеку различными русскими обществами [General Wrangel 1922: 1–2]. Кроме того, небольшая часть беженцев разместилась на Принцевых островах, а в самом Константинополе нескольким семьям было даже разрешено поселиться в престижном районе Бейоглу. В Болгарию было отправлено 3 840, в Румынию — 2 000, в Грецию — 1 742 человека².

Однако, как отмечает Поль Дюмонт, из-за постоянного притока и оттока прибывших эмигрантов, определить их количество точно не представлялось возможным. Кроме того, эмигранты, прибывавшие своими путями, оставались вне статистических подсчетов. И все-таки, считается, что количество эмигрантов в самый пик переселения только в Стамбуле и его окрестностях составляло примерно от 30 000 до 40 000 человек, что соответствовало количеству жителей такого района Стамбула, как Баязит.

Несмотря на то, что и власти Османской империи, и представители стран Антанты оказывали особое внимание обеспечению безопасности такого огромного количества людей, это оказалось достаточно сложным делом. Известен, например, такой случай, когда турецкий солдат по име-

² DH. EUM. SSM 43/18–3.

ни Мехмед из Кютахии пытался, разобрав доски здания военной скотобойни, навредить русским эмигрантам, а французский полицейский, уполномоченный по обеспечению безопасности русских, оказал ему отпор. Позже было проведено расследование по этому делу³. Через некоторое время, странным образом затонула, будучи на якоре в Мраморном море, принадлежащая русскому посольству яхта, в которой находился рабочий кабинет барона Врангеля, но сам Врангель и его семья не пострадали.

Среди прибывших в Стамбул были не только военные, но и гражданские лица [Dumont 1997: 179]. Однако большинство эмигрантов составляли солдаты в возрасте 18–40 лет, в основном из образованного городского населения. Приблизительно 50 000 человек были в состоянии прокормить себя. Но лишь немногие находили работу в качестве таксистов, страховых агентов, швейцаров, корзинщиков, мастеров по игрушкам, садовников, уборщиков железнодорожных вагонов, рабочих в ковровых и обувных мастерских, а также занимались вышивкой, шитьем, продажей газет, обувных шнурков, кукол из шерсти и войлока. По утверждению Врангеля, 9 000 эмигрантов из России хотя и были работоспособными, но не могли найти работу, 10 000 человек нуждались в поддержке и помощи: из них 6 000 больных и пожилых людей, 4 000 — в возрасте до семнадцати лет [Davis 1995: 178, 188; Mansel 1995: 399].

Для русских, которые каждую субботу после церковной службы собирались в русском посольстве для получения известий от семей, была организована архивная служба и поисково-информационный отдел [Mansel 1995: 398]. Работающие в этом бюро добровольцы записывали имена, фамилии, адреса вновь прибывающих эмигрантов, вели учет всех родственников, проживающих за рубежом, и составляли систематическую картотеку [Deleon 1996: 19]. Но приходящие в этот отдел люди не только искали родных и близких, но также обращались с просьбами найти работу и жилье. Всего за 1920–1927 г. Российское информационное бюро направило около 30 000 запросов в различные инстанции, в результате чего воссоединилось около 16 000 семей.

Хотя прибывшие первыми эмигранты находились в более выигрышном положении, однако, с увеличением числа прибывающих росли проблемы с жильем и пропитанием. Удачей для беженцев было найти место для размещения в саду русского посольства. Росла потребность в воде, поэтому недостаток воды увеличивал риск появления эпидемических заболеваний [Dumont 1997: 181].

³ BOA — Başbakanlık Osmanlı Arşivi (рус. Османский архив при Кабинете премьер-министра). Dosya № 50, Gömlek № 58.

Несмотря на то, что для их проживания были предоставлены военные лагеря, приюты, квартиры, тем не менее ощущалась острая нехватка жилья. Поэтому одной из проблем, связанных с прибытием в город огромного количества русских эмигрантов, был рост цен на жилье [Solano 1922: 661]. В связи с чем было создано общество «Босфор», которое пыталось законодательными методами противостоять росту арендной платы в городе. Оно ставило вопрос защиты населения от действий владельцев недвижимости, которые специально завышали цены на жилье. Общество владело всей необходимой информацией, связанной с перемещениями внутри Турции, а также с ситуацией, сложившейся в европейских столицах. Его представители отмечали, что такого безобразия, какое имело место в Стамбуле, не было нигде. Кроме того, члены общества жаловались на постоянные невыплаты со стороны эмигрантов. Единственно возможным выходом из сложившейся ситуации виделось полное или частичное выселение русских эмигрантов из страны до наступления зимы [The Orient 1920: 408].

Увеличение цен на арендную плату, продовольствие и перевозку сказалось на жизни населения Стамбула в целом. Большое возмущение коренных жителей города вызывал тот факт, что они были вынуждены жить на развалинах и руинах, сгоревших во время пожаров домов, в то время как часть уцелевших домов и квартир была предоставлена русским эмигрантам. В письме, направленном мэром Стамбула в Министерство внутренних дел, высказывались жалобы по этому поводу и предлагалось переселить русских эмигрантов в другие места⁴.

Кроме того, как отмечает Солита Солано, лишь небольшая часть переселенцев могла найти работу. Для подтверждения своих слов он приводит в пример принцессу, умолявшую взять ее на работу подавать кофе хозяину. Даже аристократы, профессора просились на работу продавать цветы или сигары. Очевидцы рассказывают, что Вера Дюмениль и философ Георгий Гурджиев продавали икру, а бывший в 1909–1912 г. русским послом в Стамбуле Николай Чарыков работал в своей лавке в районе Бебек. Часть образованных людей занимались продажей кексов, пирожных, различных мелочей, книг, газет, напечатанных в России. Безработным эмигрантам также была предложена работа по благоустройству улиц Стамбула [Solano 1922: 654; Dumesnil 1993: 55; General Wrangel 1922: 1–2]. Лидия Красса Арзуманова основала первую школу классического балета и пыталась организовать балетные выступления в Турции, а баронесса Валентина Юлиановна Клодт фон Юргенсбург (известная в Стамбуле как

⁴ BOA. Dahiliye Nezareti, Umur-ı Mahalliye-i Vilayat Müdüriyeti Evrakı 86/10–1.

Валентина Таскина) играла на пианино в ресторане «Режанс» в районе Тепебашы. Это лишь несколько примеров, свидетельствующие о том, как бывшие русские аристократы вынуждены были работать, чтобы хоть каким-то образом прокормить себя. Среди них было много таких, которые, не найдя работу по своей специальности, работали телеграфистами, рыбаками, гардеробщиками, официантами. Например, полковник русской армии Олег Онегин, живя в каморке на острове Бююкада, делал для кучеров кнуты с серебряной ручкой. Акробаты, музыканты, художники, поэты, певцы работали в ресторанах и кафе. Часть мужчин были заняты сельским хозяйством вблизи Стамбула. Бывшие инженеры и механики Белой армии находили работу там, где нужны были технические знания: ремонтировали машины, работали фотографами или в столярных мастерских [Dumont 1997: 183–186].

В Стамбуле было очень много благотворительных обществ, которые предоставляли эмигрантам помощь: переселенцам, размещенным в палатках, больницах, пансионатах, гостиницах, бараках, они раздавали одеяла, носилки, матрасы или просто предоставляли возможность помыться. Французское общество Красного Креста в Бююкдере открыло временную больницу и санаторий, Российское общество Красного Креста — госпиталь и дома для инвалидов и детей [Davis 1995: 181–182]. Американское общество Красного Креста кормило в день по 6 000 русских эмигрантов, раздавало муку, шоколад, консервы и одежду. Британцы курировали лагерь эмигрантов, находящийся в районе Тузла. Здесь и в других районах раздавали еду и продовольствие. При поддержке других государств также была организована раздача бесплатных продовольственных карточек женщинам, детям и больным, а для матерей и маленьких детей было организовано дополнительное питание. При поддержке находящейся в районе Пера «Христианской молодежной женской ассоциации» (Young Women's Christian Association — YWCA) был организован приют для сирот, основан фонд помощи, открыты дома с игровыми комнатами и садами. Ассоциацией была организована помощь в виде раздачи питания, тканей и материалов для шитья [Solano 1922: 654–655; YWCA 1922: 6; Davis 1995: 184–186].

Таким образом, в плане организации безопасности, обеспечения питанием и проживанием русских эмигрантов это был достаточно сложный период как для них самих, так и для Турции. Однако со временем эмигранты своим образом жизни начали оказывать влияние на моду, культуру питания и сферу развлечений Стамбула.

Вместо прогулок по набережной Босфора становится модно ездить для прогулок и купания на Принцевы острова. Мода на пляжную одежду

Русская мода в Стамбуле

тоже приходит вместе с русскими. Жители Стамбула, ездившие некогда послушать пение птиц в известный своими платанами и источниками район Фюльюрие, стали приезжать сюда для купания и принятия солнечных ванн, из-за чего под влиянием русского языка район «Фюльюрие» стали называть «Флорией» [Toprak 1995: 73].

Благодаря этим новшествам, а также открывшимся с приходом русских ресторанам, концертным залам, барам, кабаре и игорным домам, район Бейоглу приобретает новый облик. Топрак добавляет: «В этих местах, управляемых большей частью русскими евреями, стамбульские юноши знакомятся с ночными развлечениями. Таким образом, благо-

Русские рестораны в Стамбуле

даря русским Стамбул, изнывающий от оккупации стран Антанты, начинает оживать» [Торрак 1992: 73]. Открываются такие заведения, как «Режанс», «Туркуаз», «Русский ресторан Айаспаша», «Гарден бар», «Максим», «Московит», «Георгий Карпыч», «Медведь», «Роз-Нуар», «Спленидид», «Шерезаде», отели и рестораны «Новотный», «Киевский», бар и ресторан «Кит-Кат», ресторан «Дюльбер» и кафе «Де Кавказ Дюльбер», «Сарматов», «Доре», «Петроград», кондитерские «Нисуаз» и «Анкара».

Все эти заведения, как и «Чичек Пассаж», который возник как своего рода убежище для продающих цветы русских девушек от приставаний английских и французских военных, внесли разнообразие в жизнь Стамбула. Одно из таких заведений — «Гарден бар», которое впервые было открыто в зимнем саду в районе Тепебашы, со временем переросло в место, где выступали всемирно известные артисты русского балета и каждый вечер с 22 до 24 часов организовывались различные развлекательные программы.

Как отмечает в своем произведении «Ночи Гарден бар» Фикрет Адил, для турецких мужчин было очень важным потанцевать с русскими девушками после их выступления. В то же время он сетует, что проживание в Стамбуле русских, наряду с положительным влиянием, имело и отрицательные стороны: «Приехавшие после революции русские были самой образованной и культурной частью царской России. Первые капли зелья “цивилизации” в Стамбул были привнесены именно ими. Некоторые представители традиционных турецких семей, которые сумели оправиться после тяжелых военных потрясений, попадали под влияние чар русских красавиц. Помню одного юношу, потерявшего из-за одной из них все до последней копейки. Вы думаете, он одумался? Нет. Он полностью потерял рассудок. Недавно услышал, что собирается убить эту женщину, которая представлялась герцогиней и стала причиной его полного экономического краха» [Adil 1993: 8, 10, 12–13].

Наряду с такими историями, которые стали причиной серьезных недовольств и возмущений, заметно увеличилось употребление наркотических веществ, которые распространялись через бары и кофейни. Вот что пишет по этому поводу Мазхар Осман: «С приходом армии Врангеля лучшее сословие Стамбула попало под влияние этого смертоносного зелья» [Behmoaras 2001: 240].

Пребывание русских в Стамбуле, изменившее культурно-развлекательную сферу жизни города, воспринималось как причина многих нежелательных явлений, которые нужно было искоренить. Недовольство в обществе возникло и из-за организации русскими эмигрантами мест для азартных игр, в том числе и для розыгрышей лотерей. В связи с этим

было незамедлительно основано Общество борьбы с организаторами лотерей, пытавшееся запретить эти развлечения. Активисты Общества руководствовались тем, что азартные игры оказывают пагубное влияние на моральный облик и религиозные чувства мусульман.

Дело в том, что по праву на проведение лотерей в Стамбуле и других городах Турции принадлежало Организации содействия инвалидам войны (тур. *Malulin-i Askeriye Muavenet Heyeti*). Созданная под покровительством падишаха во времена Османской империи, эта организация, наряду с тем, что оказывала поддержку и помощь находящимся в трудном положении инвалидам войны, Дому неимущих (тур. *Darülaceze*) и Дому бездомных (тур. *Darüleytam*), приносила также доходы в казну правительства. Розыгрыши лотерей продолжительностью не более десяти дней проводились в Стамбуле или других городах, как правило, один раз в год. Половина полученных денег уходила на выигрыши, не более 20 процентов из оставшейся суммы покрывало расходы на проведение самой лотереи, а 30 процентов поступало на нужды инвалидов войны и раненых. Для контроля за проведением лотереи Городским советом назначались два чиновника, которые организовывали проведение лотереи, а также выбирали помощников из числа инвалидов, членов их семей и семей ветеранов войны (тур. *gazi*), обеспечивая тем самым этих людей работой⁵.

Несмотря на установленные в Османской империи правила и порядок проведения розыгрыша лотерей, русские эмигранты начали организовывать на улицах Стамбула розыгрыши лотереи с целью наживы. Это и было одной из причин протестов местного населения против организации таких лотерей. Особое недовольство вызывало то, что эти игры проводились русскими женщинами, и то, что играющие в лотерею люди, тратя зачастую свои последние деньги, попадали в затруднительное материальное положение. Азартные игры, раньше проводившиеся в районе Бейоглу, постепенно распространялись и на мусульманские кварталы и районы Шехзадебашы и Баязит, что вызвало волну негодования из-за их отрицательного влияния на моральный облик мусульман. Главными доводами в борьбе против лотерей было то, что проводимые русскими игры являются азартными и запрещенными исламом как противоречащие канонам веры. Для немедленного запрета противоречащих исламу розыгрышей лотерей Шейх-уль-ислам написал письмо-обращение в Министерство внутренних дел⁶.

⁵ BOA. DH. EUM. AYŞ, 53/13–10.

⁶ BOA. DH. EUM. AYŞ, 53/13–11; 53/13–12.

Само Министерство внутренних дел приводило в качестве основного довода для запрещения розыгрышей лотерей ухудшение и без того неблагоприятного материального положения мусульманского населения. С целью оказания всяческой помощи и поддержки стамбульской полиции в деле запрещения азартных игр в мусульманских районах Стамбула было направлено письмо-прошение в Министерство иностранных дел⁷. В ответе, поступившем на это письмо, было указано, что до тех пор, пока не будут предприняты усилия в разрешении этого вопроса со стороны Комитета союзных государств (тур. *Düvel-i Müttefika*), запрет этих игр не представляется возможным⁸. На случай такого негативного ответа со стороны Комитета союзных государств предполагалось предложить перечислять часть дохода, полученного от этих игр в фонд Организации содействия инвалидам войны⁹. Следует отметить, что проведение азартных игр было разрешено полицейским управлением союзных государств (тур. *Düvel-i Müttefika Zabitası*), поэтому установление запрета виделось возможным только со стороны более высокой инстанции — Чрезвычайного комиссариата союзных государств (тур. *Düvel-i İtilafiye Fevkalade Komiserliği*). Поэтому в виду отсутствия других вариантов Министерство внутренних дел решило направить письмо туда. Однако Чрезвычайный комиссариат союзных государств посчитал невозможным установить этот запрет¹⁰.

Ситуация, сложившаяся в результате проведения разрушительных по своим социальным последствиям игр в мусульманских районах Шехзадебаши, Диванйоглу и Сиркеджи и в их окрестностях, представлялась как весьма удручающая. Вместе с тем вызывало осуждение то, что полиция, хотя и закрывает игорные дома, в то же время разрешает или относится лояльно к организации такого рода азартных игр¹¹. Впоследствии было решено отправить хозяевам кофеен, в которых проводились эти игры, уведомления с предупреждением и в случае повторных нарушений открывать расследование вплоть до подачи судебных исков¹².

Для усиления этой борьбы Ахметом Хамди Башаром было создано Общество борьбы с организаторами лотерей [Trak 1983: 1088], сыгравшее впоследствии важную роль в национализации стамбульской торгово-промышленной палаты в первые дни провозглашения Республики. Общество насчитывало от 300 до 400 членов и состояло в основном из студентов

⁷ BOA. DH. EUM. AYŞ, 53/13–15.

⁸ BOA. DH. EUM. AYŞ, 53/13–8.

⁹ BOA. DH. EUM. AYŞ, 53/13–1; 53/13–2.

¹⁰ BOA. DH. EUM. AYŞ, 53/13–3.

¹¹ BOA. DH. EUM. AYŞ, 53/13–13.

¹² BOA. DH. EUM. AYŞ, 53/13–15.

университета. Его представители выступали с речами, в которых обличались азартные игры, являющиеся причиной обнищания народа и разлада в обществе. Члены общества обходили кофейни, предупреждая или даже страшая хозяев. Понимая, что этих мер может оказаться недостаточно, члены Общества проводили собрания, разъясняя народу вред лотерей. Более того, в мечетях повсеместно проводились проповеди против этих игр [Torpak 1992: 76]. Усложняло ситуацию и то, что участие русских женщин в этих играх воспринималось как побуждение к разврату.

Негативное отношение турчанок к моральному облику русских женщин нашло отражение на страницах турецких газет. В статье «Требуем выселения русских женщин», напечатанной на второй странице известной газеты «Танин» от 22 августа 1923 г., говорилось о том, что в администрацию вилайета поступило большое количество жалоб от жительниц Стамбула с просьбой о выселении русских женщин. В одной из жалоб писалось: «Враждебные силы, оккупировавшие нашу родину и наши дома после Мудросского перемирия, арестовали и бросили в тюрьмы часть наших мужчин. Несмотря на эту насильственную и враждебную кампанию против исламских устоев и порядков, они не смогут сломить моральные устои нашего народа. Вдобавок ко всему, наш Стамбул, очевидно, с целью провоцирования беспорядков, был заселен бежавшими от большевистского режима остатками русского деспотизма».

Таким образом, можно утверждать, что большая в численном отношении группа русских эмигрантов, оказавшая за столь короткий промежуток времени как положительное, так и отрицательное влияние на социальную жизнь Стамбула, естественно, стала не только темой разговоров и пересудов, но вместе с тем оставила глубокий след в жизни города, запечатленный в ряде книг.

Одна из этих таких книг — книга Фикрета Адиля «Асмалымесджит 74» представляет собой важный источник, рассказывающий о жизни русских того периода в Стамбуле [Adil 1988]. А в книге А. Рубе-Янски «Черная роза» (Alexandra Roube-Jansky «La Rose Noire»), повествующей о любви русской девушки и японца в Стамбуле, подробно описан мир развлечений в Стамбуле того времени [Janski 1966].

Особый интерес представляют: книга «Русская пикантность» (Acide Russe), написанная Полем Гериге, роман Луи Франциса «Снег над Галатой» (Louis Francis «La Neige De Galata»), сборник изданных в 1923 г. в Берлине статей под названием «Русские в Галлиполи», книга Поля Морана «Открыто ночью» (Paul Morand «Ouvert La Nuit»), книга Вилли Сперко «Турки — от прошлого до настоящего» (Willy Sperco «Turcs d'hier et d'aujourd'hui: d'Abdul-Hamid à nos jours») [Üsdiken 1999: 237].

Множество карикатур, посвященных жизни русских эмигрантов в Стамбуле, можно обнаружить в выходившей по понедельникам и четвергам сатирической газете «Айдеде» (тур. «Aydede»), хозяином которой был Рефик Халид (см. номера подшивки «Айдеде» за 1922 г.).

Русские эмигранты, привнесшие в общественную жизнь Стамбула много нового, вызывавшего порой недовольство среди коренного населения, постепенно покидали город — в ноябре 1920 г. при содействии Отдела помощи русского посольства было отправлено на Кавказ 5 000 человек, в 1921 г. в Сербию уезжают 22 306 человек, Болгарию — 3 840, Румынию — 200, Грецию — 1 742 человека, а в 1920–1921 г. в другие славянские страны — 10 300 человек. Были эмигранты, которые отправились в Бразилию, что оказалось для большей части из них неудачной затеей, так как одна часть оказалась неспособной заниматься сельским хозяйством, как планировалось, а другая просто не смогла привыкнуть к Бразилии [Criss 1994: 52–53].

Таким образом для многих русских эмигрантов Стамбул стал своего рода перевалочным пунктом. Предполагалось, что это первый шаг на пути возвращения назад в Россию [Davis 1995: 192]. Согласно данным барона Врангеля, в 1922 г. в Россию вернулось всего 12 000 человек, в Стамбуле осталось 34 000, в Гелиболу — 2 140 человек. Большинство эмигрантов поселились в балканских странах [General Wrangel 1922: 1–2]. Сам генерал П.Н. Врангель уехал из Турции в Америку в феврале 1922 г. [Criss 1994: 127].

По данным Верховного комиссариата Лиги Наций число русского населения в Стамбуле снизилось за восемь лет с 30 000 до 1 400 человек. Однако в этих статистических данных не учтены эмигранты, получившие турецкое гражданство и потерявшие тем самым статус беженца [Dumont 1997: 194]¹³.

Несмотря на все невзгоды, находившийся в трудных условиях оккупации и Освободительной войны Стамбул предоставил приют русским беженцам и в свою очередь сам изменился под их влиянием.

Понимая все это, уезжая из Турции, группа русских издала в 1924 году альманах «На прощание», включающий три раздела — на русском, французском и английском языках. В нем были перечислены благотворительные организации и частные лица, оказавшие помощь русским эмигрантам за весь период их пребывания в Стамбуле, была представлена информация о русских, привнесших в жизнь Стамбула «разнообразие, смех и комедию, красоту, музыку, страсть и надежду». В альманахе вы-

¹³ BOA. Meclis-i Vükela Mazbataları, 221/100.

Из альманаха «На прощание», часть II, С. II

ражалась глубокая благодарность представителям правительственных, общественных и религиозных гуманитарных организаций России, США, Болгарии, Японии и Королевства сербов, хорватов и словенцев.

На странице под заглавием «Тебе, Турция, посвящается», на которой была размещена фотография Мустафы Кемалю Ататюрка, русские пишут о том, что, уезжая из Турции, которая стала для них второй родиной, они не могут найти слов для выражения благодарности: «Вы видели в нас не только гостей. Вы оказали нам теплый и радушный прием в своей стране и дали возможность сделать передышку. Мы прибыли в 1919–1920 годах в вашу страну, потерявшие надежду, опустошенные, отчаявшиеся, сейчас же мы, набравшись сил, храбрости, уезжаем в Америку и страны Западной Европы. Вы всегда с теплом и нежностью относились к нам, как к братьям и сестрам. Мы никогда не чувствовали себя чужими в вашей стране, в связи с этим, хотим письменно выразить свою огромную благодарность вашему милому, благородному, гордому и смелому, как лев, народу» [Farewell 1924: Fr. II].

Перевод Ильсии Рамеевой

ЛИТЕРАТУРА

- Adil 1988 — Adil F. Asmalımescit 74. Intermezzol. İstanbul: Sel Yayıncılık, 1988.
 Adil 1993 — Adil F. Avare Gençlik. Gardenbar Geceleri. İstanbul: İletişim Yayınları, 1993.
 Behmoaras 2001 — Behmoaras L. Mazhar Osman. İstanbul: Remzi, 2001.
 Birsel 1981 — Birsel S. Ah Beyoğlu Vah Beyoğlu. İstanbul: Karacan, 1981.

- Criss 1994 — Criss B. İşgal Altında İstanbul. İstanbul: İletişim, 1994.
- Davis 1995 — Davis C.C. İstanbul'da Mültecilerin Durumu. İstanbul 1920, Yay. Hazırlayan C.R. Johnson. İstanbul: Türk Tarih Vakfı, 1995.
- Deleon 1966 — Deleon J. Eski İstanbul'un (Yaşayan) Tadı. İstanbul: Remzi, 1966.
- Dökmeci, Çıracı 1990 — Dökmeci V., Çıracı H. Tarihsel Gelişim Sürecinde Beyoğlu. İstanbul: Tübing, 1990.
- Dumesnil 1993 — Dumesnil V. İşgal İstanbul'u. — İstanbul: İstanbul Kitaplığı, 1993.
- Dumont 1997 — Dumont P. Beyaz Yıllar İstanbul 1914–1923 / Hazırlayan Stefanos Yerasimos. İstanbul: İletişim, 1997.
- The Orient 1920 — Exorbitant Rents in Constantinople // The Orient. 1920. № 7/41 (8 September).
- Farewell 1924 — Farewell. Constantinople: Babok et Fils Galata. 1924.
- General Wrangel 1922 — General Wrangel At The University Club // The Orient. 1922. № 9/1 (January). P. 1–2.
- Janski 1966 — Janski A.R. Siyah Gül — Natacha / Çev. Beyhan Solmaz. İstanbul, 1966.
- Kadri 1920 — Kadri Y. Rus Hilesi // İkdâm. 1920. 1336. 19 Teşrin-i Sani.
- Kocabaşoğlu, Berge 1994 — Kocabaşoğlu U., Berge M. Bolşeviklik İhtilali ve Osmanlılar. Ankara: İletişim, 1994.
- Koraltürk 1997 — Koraltürk M. Türkiye'de Sermaye Birikimi Sorununa Tarihsel Perspektiften Bir Bakış ve Ahmet Hamdi Başar'dan Seçmeler. Ankara: Kebikeçyay, 1997.
- Mansel 1955 — Mansel P. Constantinople; City of the World's Desire, 1453–1924. L.: John Murray, 1955.
- Solano 1922 — Solano S. Constantinople Today // The National Geographic Magazine. 1922. XLI/6 (June). P. 647–655.
- Süer 1987 — Süer A. Gelibolu'da Ruslar // Belleten, 1987. C. LI. № 199, Nisan. TTK. S. 315–355.
- Toprak 1992 — Toprak Z. İstanbulluya Rusya'nın Armağanları Haraşolar // İstanbul Dergisi. İstanbul: İletişim, 1992. Sayı 1. S. 72–79.
- Trak 1983 — Trak A. Liberalizm–Devletçilik Tartışması (1923–1939) // Cumhuriyet Dönemi Türkiye Ansiklopedisi. 1983. Cilt 4. S. 1088.
- Üsdiken 1994 — Üsdiken B. Eski Beyoğlu'nda Restaurant, Birahane, Bar, Gazino ve Meyhaneler–II // Toplumsal Tarih. 1994. № 4/1. S. 43–47.
- Üsdiken 1999 — Üsdiken B. Pera'dan Beyoğlu'na 1840–1955. İstanbul: Akbank, 1999.
- Williams 1997 — Williams R.C. The Emigration // Critical Companion To The Russian Revolution 1914–1921. L.: Hodder Arnold Publication, 1997.
- YWCA 1922 — YWCA Service Center, Pera «The Orient». 9/19. October, 1922. S. 6.
- Zdaneviç 1997 — Zdaneviç I.M. Bir Rus Fütürizminin Dört Vizyonu. İstanbul 1914–1923 / Haz. Stefanos Yerasimos; Çev. Cüneyt Akalın. İstanbul: İletişim, 1997.

«ТУРЕЦКИЕ» РИСУНКИ ГАЛЛИПОЛИЙСКОГО ВИЗУАЛЬНОГО ТЕКСТА

Ирина АНТАНАСИЕВИЧ¹

Попытки описать русскую эмиграцию сквозь призму визуальных знаков и изображений пока еще немногочисленны², но нам кажется, что наступает период актуализации данной проблематики, поскольку исследование визуальной составляющей какого-либо явления позволяет описать его на разных уровнях³.

Формирование свода визуальных образов было сознательной задачей, которую решало Общество галлиполийцев. Идея о создании такого общества возникла весной 1921 г., с началом переброски чинов 1-го армейского корпуса генерала А.П. Кутепова в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) / Сербию и Болгарию. Уже в июне 1921 г. капитан Марковской железнодорожной роты В.В. Орехов, штабс-капитан штаба 1-го армейского корпуса Н.З. Рыбинский и подпоручик 6-ого отдельного бронепоездного артдивизиона, бывший приват-доцент Харьковского университета В.Х. Даватц подали командующему 1-м корпусом рапорт с предложением о создании Общества галлиполийцев. Они опасались, что с ликвидацией корпуса исчезнет не только сама армия, но и та идентичность, которую ее носители определяли как боевое братство. Структура создаваемого Общества должна была полностью воспроизводить структуру I-го армейского корпуса⁴.

¹ Доктор филологических наук, профессор Белградского университета, Республика Сербия. Эл. адрес: antiira@mail.ru.

² Чаще рассматривается сам образ русской эмиграции, который возникает в художественной литературе или культурной памяти [Волков 2002], или же образы, которые использовала русская эмиграция в сатирической прессе [Антанасиевич 2014; Антанасиевич 2018a; Антанасиевич 2018б].

³ При этом различные группы создают различные тексты, которые используют как универсальные визуальные образы, так и узкие, присущие только определенной группе (гендерной, возрастной, профессиональной и пр.).

⁴ Позже, в период своего создания, Российский общевоинский союз (РОВС) повторит структуру Общества галлиполийцев, чем укрепит традицию и выведет ее на новый символический уровень.

В своих практиках Общество закрепит те визуальные образы, которые создавались в период галлиполийского стояния (сидения) не только Уставом (принятым на собрании учредителей Общества 22 ноября 1921 г., в годовщину прибытия 1-го армейского корпуса в Галлиполи), но и выработает единый образец, в соответствии с которым будут формироваться подобные общества (лемносское, бизертское и пр) и тем самым запустит модель создания аналогичных визуальных образов, перерабатывает и модифицирует традиционные образы, отвергнет одни и популяризирует другие, возведя их на уровень универсального знака, объединяющего всю эмиграцию.

О значительной и объединяющей роли визуального образа свидетельствует и отрывок из книги «Русские в Галлиполи»: «О художниках ранее никто не знал. Они не были нужны в бесконечных походах и боях, и только очень близкие, которым на стоянках приходилось иногда потешаться какой-нибудь карикатурой или вспоминать знакомый уголок кубанской хатки по случаю уцелевшим листкам никому не нужного, измызанного альбома, знали, что под формой офицера и солдата скрывалось истинное лицо человека — его гений. И сами художники неохотно себя афишировали. До художников ли теперь? <...> И какой я художник, когда пять-шесть лет стреляю, или в меня стреляют, а рисовать некогда? <...> Но здесь, в Галлиполи, даже на самых первых порах, сам быт, сама обстановка жизни “вызвали” художников на свет Божий. Произошло нечто похожее на исторический процесс развития искусства: будто до Галлиполи ничего не было, был хаос, будто отсюда начинается процесс культуры...» [Русские в Галлиполи 1923: 295].

Но есть в истории формирования галлиполийского визуального текста особый начальный период, когда художники запечатлевали ряд образов, в которые не вкладывали отдельную символику, но которые, несомненно, будут обладать всеми свойствами галлиполийского визуального ряда. Образы эти закладывались в рукописных и машинописных журналах, которые появляются в Галлиполи.

Первым рукописным журналом был юмористический «Эшафот»⁵, который издавали Георгий Шевляков⁶ (автор текстов) и Николай Муравьев (художник). К лету 1921 г. в Галлиполийском лагере выходило десять журналов — уже упомянутый нами «Эшафот», журнал «Шакал» Марковского пехотного полка, «Изгой» — Марковского артиллерийского дивизиона, «Огни» — Корниловского ударного полка, «Луч» — Радиотелеграфного отделения, «Сергиевец» и «Константиновец» — журналы

⁵ Именно он заложил фольклорные традиции именования Галлиполи как Голого поля.

⁶ Позже один из авторов сборника «Русские в Галлиполи».

Сергиевского артиллерийского и Константиновского военного училищ, «Веселые бомбы», «Думки запретные» и «Лепта артиллериста» — журналы Дроздовского артиллерийского дивизиона, «Развей горе в Голом поле» — журнал кавалерийской дивизии и т. п. издания, которые еще ждут исследования в рамках истории русской зарубежной рукописной периодики. В Галлиполи также выходило много сшитых (сброшюрованных) вручную изданий (например, журнал «Инвалид»), зачастую представленных в единственном экземпляре.

Все журналы были иллюстрированы, причем очень разнообразно. Так, например, оформление журнала «Константиновец»⁷ совмещало в себе и традиции русской рукописной миниатюры, и русского иллюстрированного журнала XIX века, и лубка, и жанровой карикатуры (к сожалению, сегодня мы знаем имена лишь трех художников, рисовавших в журнал — В. Ковалевского⁸, Г. Лебо, Орлова, хотя, их было значительно больше).

Галлиполийский журнал «Школьная заря»⁹ оформлял известный в будущем художник С.В. Соловьев — один из основателей югославского комикса¹⁰. Почти наверняка можно утверждать, что в оформлении рукописного журнала «Развей горе в голом поле» принимал участие С.М. Головченко, также один из основателей югославского комикса, известный иллюстратор и карикатурист¹¹.

Первые зрительные образы обращались прежде всего к местным реалиям, в которых художники фиксировали окружающие и поразившие их своей экзотичностью образы — турецкие кувшины, дома, дети и ослики, старики в чалмах и курящие старухи, мечети с высокими пиками минаретов и греческие православные в несколько непривычных рясах священники, сенегальцы и французы и пр.

Всю эту пеструю экзотическую смесь пытались перелить в форму кодового визуального изображения — как определение места пребывания, причем многие изображения стали знаковыми, и следовательно, тиражируемыми в дальнейших изданиях о Галлиполи.

⁷ См. журнал здесь: <https://archive.org/details/konstantinovetssandr>.

⁸ Вероятнее всего речь идет о Василии Платоновиче Ковалевском, мастере болгарского киноплаката, члене Общества русских художников Болгарии.

⁹ Еженедельный литературно-юмористический журнал юнкеров 2-го эскадрона Николаевского кавалерийского училища. Интересно, что название журнала совпадает с названием рукописного журнала, выходившего в 1834 г. в школе гвардейских прапорщиков, в создании которого, используя псевдонимы Диарбекир и Степанов, принимал участие М.Ю. Лермонтов.

¹⁰ О нем подробнее см.: [Антанасиевич 2018б].

¹¹ О нем подробнее см.: [Антанасиевич 2018в].

Галлиполийский залив из сборника «Русские в Галлиполи». Рис. Василия Антипова¹²

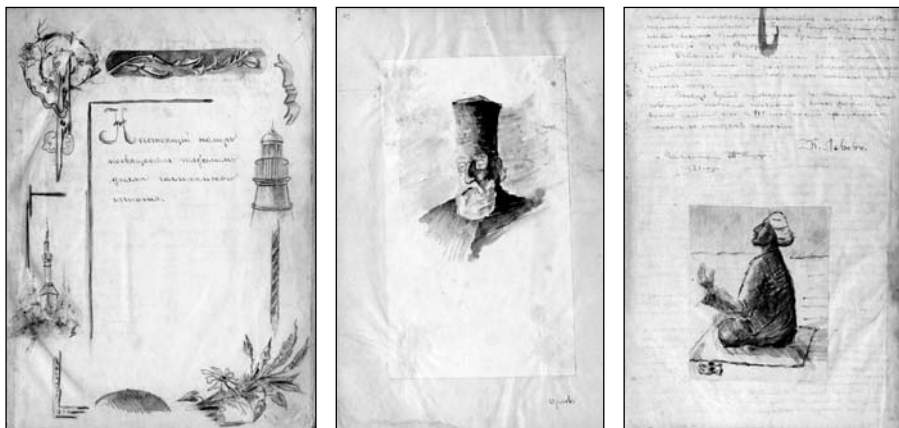

Галлиполийский залив. Рис. Михаила Кузнецова¹³

Об обилии рисунков с местной экзотикой свидетельствует и сборник «Русские в Галлиполи»: «Белые-белые стены армянской квартирки покрылись десятками рисунков, они уже вылезли через дверь в следующую комнату и поползли в разные стороны сплошной массой разнообразных голых тел, портретов черных, как чечевица, негров, напудренных французских лейтенантов, толстых обрюзгших гречанок, художников, офицеров, позировавших вместо моделей русских дам, видов Галлиполи. Здесь и синее море, и узкая-преузкая улица с косыми многоугольниками

¹² Вероятнее всего речь идет о Василии Петровиче Антипове, художнике и сценографе, жившем в Югославии.

¹³ Михаил Яковлевич Кузнецов, уроженец Херсона, поручик Дроздовского полка. Жил и умер в Болгарии.

Рисунки из журнала «Константиновец» (1921. № 2, 3) с местной тематикой (неизвестный художник и Орлов¹⁴)

теней, и солнечные пятна на сиреновом мраморе турецких могил, и заостренные иглами мечети, пестрые в красном и зеленом “кардаши”, и тихие заводы каких-то нездешних мест, и оранжереи с ползучими цветами, и карикатуры всех родов, рисунки углем, карандашом, акварелью...» [Русские в Галлиполи 1923: 296]¹⁵.

Первые местные зрительные образы были прямой отсылкой к пространству эмиграции — использование полумесяца, розы (так изображались заросли шиповника, которых было много в окрестностях галлиполийского лагеря), турецкой мечети, скорпионов, змей и сколопендр (которых также было много и по которым галлиполийцы называли место пребывания —

Долиной смерти, роз и ползучих гадов:
О, долина пустынная смерти и роз,
Гадов, змей, сколопендр, скорпионов!
Сколько горя я в лоне твоём перенес,
Не сочтут и десятки Ньютонов¹⁶.

Местные мотивы будут украшать обложки первых книг о Галлиполи [Рыбинский 1926; Критский 1922].

¹⁴ К сожалению, даже инициалов художника Орлова у нас нет, хотя можно предположить, что речь идет о художнике Александре Константиновиче Орлове, жившем потом в Болгарии, Праге и Париже.

¹⁵ Упоминаемая армянская комната — это съемная квартира, где собиралось Общество художников Галлиполи, созданное в марте 1920 г. и насчитывавшее в то время 43 человека.

¹⁶ Из журнала «Веселые бомбы».

Обложка книги Н.З. Рыбинского «Галлиполийские рассказы» работы Л. Ковалевской¹⁷

Местные мотивы будут доминировать в рукописных журналах лагерного периода наряду с жанровыми зарисовками, описывающими, зачастую комически¹⁸, быт галлиполийских сидельцев.

Карикатура М.Г. Чернявского («Зеро»)¹⁹

¹⁷ По всей видимости художницы Людмилы Николаевны Ковалевской-Рык, жены архитектора Ивана Афанасиевича Рыка.

¹⁸ Так, сатирические журналы лагеря А.П. Кутепова называли *Кутеп-паша* или *Инжир-паша*.

¹⁹ Собраны отдельным альбомом и выпущены предположительно в Софии в 1932 г. Датировка опирается на дарственные надписи автора на переплете альбома, большая часть которых

Парад Русской армии в Галлиполи через 25 лет пребывания в этом городе. Принимает А.П. Кутепов, изображенный в традиционной турецкой одежде и с погонами русского генерала. Рисунок неизвестного автора.

Обращает на себя внимание, что ряд образов не просто представлял собой зарисовки на местные темы, но и тиражировался многими изданиями зарубежной русской периодики, по сути формируя особое галлиполийское клише, узнаваемое как галлиполийцами, так и теми, кто об этом лишь читал.

Например, рисунок Г. Лебо в сентябрьском номере журнала «Константиновец»²⁰ с изображением заброшенной мечети и подписью «Русское общежитие» появляется в виде виньетки и в сборнике «Русские в Галлиполи», и в сборнике «Галлиполийские рассказы» Н.З. Рыбинского, являясь по сути не абстрактным изображением экзотической мечети, а понятным каждому галлиполийцу

Рисунок Г. Лебо на обложке седьмого номера журнала «Константиновец»

датируется 1932 г. С ноября 1933 г. вторая порция рисунков «Зеро» печаталась в «Вестнике Общества галлиполийцев», который издавался в Софии.

²⁰ Номер 7 за 1921 год.

Рисунок В. Антипова
в сборнике «Русские
в Галлиполи»

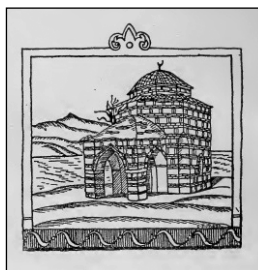

Рисунок В. Антипова
в сборнике «Галли-
полийские рассказы»
Н. Рыбинского

Рисунок
М.Я. Кузнецова

образом знакомого им пространства, образом галлиполийского быта — русского общежития, находившегося в этом здании.

Подобная ситуация и с рисунком бывшего дервишского дома, ставшего русской гауптвахтой. Сам рисунок несколько раз обозначался потом и как бывшая мечеть.

Рисунок Г. Лебо в третьем номере журнала «Константиновец»

Частым будет и образ мусульманского источника — чешме, который располагался на территории лагеря, а также вид Галлиполийской бухты, греческая церковь, малое русское кладбище и т. д.

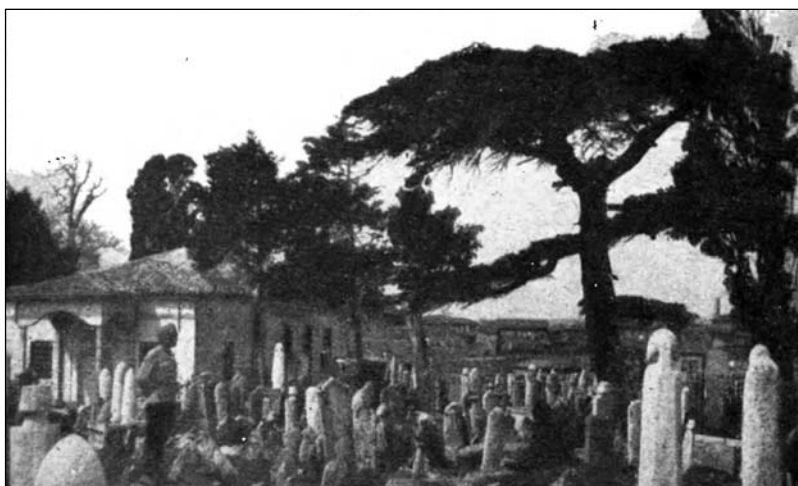

Обложка журнала
«Инвалиды»

Рисунок Д. Яковлева из сборника
«Русские в Галлиполи»

Многие образы, представленные в журналах той поры, пересекаются с фотографиями, составляя им пару, что дает нам возможность утверждать, что формирование галлиполийского визуального текста была связана с конструированием образов саморепрезентации и презентации. Так, например, в фотоальбомах (чаще всего, когда речь идет о Галлиполи, пользуются альбомами корпусного фотографа А.А. Федорова, генерала А.В. Туркула и доктора С.П. Казанцева) есть фотография турецкого кладбища, которое потом использовалась в качестве общего визуального образа пространства Галлиполи (и в качестве маркера места, и качестве символической составляющей).

Из сборника «Русские в Галлиполи» (использовался альбом А.В. Туркула)

Из сборника «Русские в Галлиполи» (рисунок Д. Яковлева)

Причем образ этот идет в обязательном тандеме с изображениями малого русского кладбища (чаще всего почти одно за другим), но не в качестве компарации или смысловой оппозиции, а просто потому, что малое русское кладбище (13 могил) было расположено в северо-западной части турецкого кладбища, что таким образом составляло целостную картину общего пространства, понятного каждому галлиполийцу.

Сборник «Русские в Галлиполи (фотография из альбома А.В. Туркула)

Фотография из альбома
С.П. Казанцева

Рисунок В. Антипова из сборника
«Русские в Галлиполи»

Способность активировать старые символы, а также перенимать чужую символику и, перекодируя, включать ее в свой фонд — вот особенность иллюстраций галлиполийского периода, что заставляет нас рассматривать их как единый визуальный текст, чей смысл прочитывается и улавливается только в совокупности.

ЛИТЕРАТУРА

- Антанасиевич 2014 — Антанасиевич И. Русская эмиграция на Балканах: проблема понимания и взаимопроникновения культур // Сборник радова Филозофског факултета у Приштини: Руска емиграција на Балкану: проблем разумевања и културне интеракције. 2014. Vol. 44, Br. 2.
- Антанасиевич 2018а — Антанасиевич И. Галлиполийский визуальный текст // Философические письма: русско-европейский диалог. 2018. Т. 1, № 2. С. 91–96 (<https://phillet.hse.ru/article/view/8718/9276>).
- Антанасиевич 2018б — Антанасиевич И. «Казакі»: комикс русского эмигранта Сергея Соловьева по мотивам «Тихого Дона» с приложениями // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2017. Международный научный журнал. М.: Факультет журналистики МГУ, 2018. С. 90–106.
- Антанасиевич 2018в — Антанасиевич И. Русский комикс Королевства Югославия. СПб.: Скифия, 2018.
- Волков 2002 — Волков Е. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага». Челябинск, 2002.
- Критский 1922 — Критский М.А. Сказание о Галлиполийском сидении. Белград, 1922.
- Рыбинский 1926 — Рыбинский Н.З. Галлиполийские рассказы. Белград, 1926.
- Русские в Галлиполи 1923 — Русские в Галлиполи: сборник статей, посвященный пребыванию 1-го армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Берлин: EAG Druck, 1923.

ЦЕНТРЫ ПРИТЯЖЕНИЯ БЕЛОЭМИГРАЦИИ В СТАМБУЛЕ

Ирина КАСИМОВА¹

Гражданская война в России спровоцировала массовый исход несогласных с идеалами Октябрьской революции людей. Сотни тысяч человек оказались за пределами своей Родины: некоторые обосновались в Европе, другие разъехались по всему миру, третьи остались в Турции. Многих из них объединяло то, что первым пунктом их вынужденного путешествия стал Константинополь. Прибыв в этот город, эмигранты стекались к официальным российским представительствам для получения документов либо другого практического содействия. Благотворительные организации, биржи труда, оздоровительные учреждения, религиозно-культурные сооружения, безусловно, являлись основными пунктами обращения русских беженцев. С целью заработка наиболее предприимчивыми из них стали открываться различные заведения.

Здание посольства Российской империи в Константинополе, бесспорно, являлось главным центром притяжения белоэмигрантов. Оно стало основным свидетелем многочисленных исторических перипетий, по-разному складывавшихся на этом переломном этапе людских судеб.

Прежде чем описывать, как российская дипмиссия функционировала в период наплыва волны белогвардейцев из Крыма, представляется важным охарактеризовать общий фон происходивших в это время событий.

Во время Первой мировой войны отношения между Российской и Османской империями были разорваны, российские дипломаты покинули посольство в Константинополе. Интересы России представляли итальянская и голландская дипмиссии. Именно голландцы опечатали здания русского диппредставительства и следили за сохранностью имущества и другой утвари [Касимова 2012: 74].

¹ Доктор международных отношений. Сотрудник посольства Российской Федерации в Анкаре.

Российский посольский дворец

С приходом к власти в России большевиков и образованием нескольких монархических оплотов сопротивления обязанности министра иностранных дел непризнанных правительств А.В. Колчака и А.И. Деникина выполнял фактически находившийся в Париже С.Д. Сазонов, который, оставаясь до конца верным данным союзникам обязательствам, не допускал возможности восстановления отношений с бывшими неприятельскими странами, в том числе с Османской империей [Миронова 2005: 56–122]. Поэтому в период 1917–1918 гг. российского представителя в Константинополе не было.

Однако в связи с тем, что в город постепенно начинали прибывать беженцы с многочисленными проблемами, в декабре 1918 г. в Константинополь был направлен Б.С. Серафимов, до войны работавший в ранге коллежского асессора в российском посольстве при Высокой Порте. Между тем, полномочия Б.С. Серафимова, приехавшего по указанию посла России в Италии М.Н. Гирса, показались голландцам, по всей вероятности, спорными, и вопрос передачи ему зданий был направлен на утверждение Гааги².

² Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ). Ф. Посольство в Риме. Оп. 525. Д. 2544. Л. 14–19.

После капитуляции Османской империи в результате поражения в Первой мировой войне в период с 1919 по 1922 гг. Константинополь был занят французскими, английскими и греческими войсками. В начале 1919 г. в зданиях российского посольства и драгоманата разместилось Бюро Французского Верховного командования.

Весной 1919 г. руководство, набиравшего силы «белого движения» Юга России, направило для «организации русского Представительства в Константинополе» Г.Н. Кутепова, который пробыл в городе шесть недель, работая в сотрудничестве с Б.С. Серафимовым³. Главнокомандующий вооруженными силами Юга России генерал А.И. Деникин планировал затем направить своим представителем в Константинополь князя Трубецкого, однако ухудшившееся положение на фронте заставило его отказаться от этих планов и самому убыть в Турцию.

Генерал И.П. Романовский

5 апреля 1920 г. А.И. Деникин с семьей прибыл в Константинополь. Сопровождал высокопоставленного военного начальник его штаба генерал И.П. Романовский.

Последний «был не только выдающимся офицером Генерального штаба. Это был глубокий, умный человек, отличавшийся от прочих генералов точностью понимания действительности, очень современным взглядом на сущность революции и на задачи и цели контрреволюции, которая должна была состояться во имя высоких целей возрождения страны и государства. Генерал Романовский был убежденным монархистом, но, будучи внимательным и умным свидетелем происходящего, он согласовал свои убеждения, чувства и даже вкусы с современностью. Поэтому он стремился глубоко обосновать контрреволюцию. Он понимал, что не физическое уничтожение революционеров дает контрреволюции фундамент, а только пробуждение в массах контрреволюционного духа и может и должно дать истинное возрождение родины. Всех тех контрреволюционеров, которым казалось, что революцию надо лишь схватить за горло и прикончить посредством нагана и нагайки, Романовский считал неврастениками и авантюристами, вызывающими опасения...» [Гуль].

³ Там же. Л. 10–13, 20–25.

5 апреля 1920 г. здание посольства стало свидетелем трагической смерти генерала. И.П. Романовский был убит М.А. Харузиным — членом ультрамонархической офицерской организации, возлагавшей на генерала личную ответственность за поражение деникинских войск. Вот как описывает это событие один из эмигрантов, находившихся в то время в здании посольства: «5 апреля 1920 г. из Феодосии на английском линкоре “Император Индии” в Константинополь прибыл с семьей бывший главнокомандующий генерал Деникин и вместе с ним <...> начальник его штаба генерал Романовский и еще несколько наиболее близких к нему лиц. С миноносца Деникин вместе с Романовским отправился в посольство...», но по прибытии «вспомнил, что на миноносце он забыл некоторые свои книги и документы. Немедленно Романовский отправился на автомобиле и вскоре возвратился обратно... Когда он вошел в двери вестибюля, к нему обратился какой-то офицер... Неожиданно прогремели два-три выстрела... Вслед за этим кто-то начал стучать в стеклянную дверь с лестницы, которая была заперта на ключ. Быстро подойдя к двери, я открыл ее. Не останавливаясь, офицер быстро и взволнованно бросил фразу: “Бегите вниз. Генерал зовет”. И по черной лестнице, ведущей во двор драгоманата, побежал вниз. В вестибюле перед лестницей было пусто. Бросились налево в вестибюль, ведущий во двор, — тоже никого. Тогда, заглянув в бильярдную, которая отделяла внутреннее помещение от второго вестибюля, мы наткнулись на человека, лежавшего на полу. Это был Романовский... Убит он был наповал тремя пулями, из коих одна попала в сердце...» [Слободской 2003: 60–61].

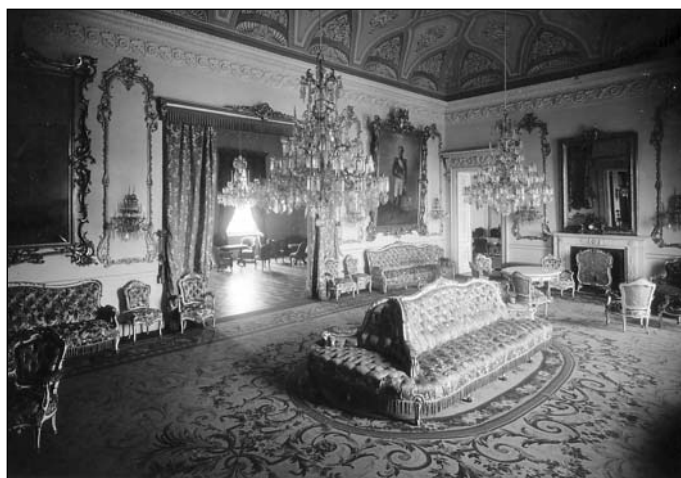
Дальнейшие события в связи с убийством известны. Оно вызвало необычайное возмущение в кругах союзного командования, особенно у англичан. Предполагая, что со стороны этой же организации может произойти покушение и на жизнь генерала А.И. Деникина, генералы Мильн и Хольман ввели немедленно английские войска в здание русского посольства для охраны генерала А.И. Деникина. В тот же день генерал А.И. Деникин перешел на английское судно, а на другой день отплыл на дредноуте “Мальборо” в Англию [Гуль].

Начиная с 1919 г. вместе с руководителями «белого движения» в Константинополь прибывали беженцы, многие из которых нашли приют в здании посольства, где также располагалось Отделение помощи русским беженцам [Johnson 2013: 182]. Написанные ими немногочисленные мемуары помогают нам понять, каким предстал перед ними российский дворец. «Все три зала⁴ были превращены во временное общежитие. Все

⁴ Речь идет о расположенной на втором этаже дворца анфиладе парадных залов.

начали отстраиваться с таким расчетом, чтобы каждому иметь свою отдельную и совершенно обособленную квартиру или, по меньшей мере, комнату. Между местами, занятыми семьями, отгороженными друг от друга вещами, появился еще целый ряд занавесок. Солдатские серые шинели, английские шерстяные одеяла, простыни, ковры и т.д. обозначали границы и стены комнат каждой семьи или беженца. Беженцы-мужчины тихо бродили по залам. Останавливались около своих знакомых по эвакуации. Собирались небольшими группами и короткими односложными фразами вспоминали все то же. Женщины более быстро освоились с положением и уже хлопотали около своего несложного хозяйства. Семейные мыли, кормили, одевали своих детей, другие приводили в порядок своих “измученных” кошек и собак, третьи перед куском разбитого зеркала завивали волосы и доставали костюмы и шляпки» [Слободской 2003: 52].

Один из залов (ныне он называется «голубым»), представлявший собой в царские времена наиболее уютное и в то же время помпезное помещение дворца, убранство которого восхищало всех входящих в него посетителей, принял «сливки» эмигрантских кругов.

Голубой зал посольства

Как пишет один из беженцев, «эти люди, будучи еще в России, заблаговременно договаривались о возможности остановиться в посольстве и с соответствующими письмами прямо с пристани прибывали сюда. Обстановка в этом зале отличалась от других. Здесь были стулья и столы. Кроме того, этот зал отапливался и по утрам убирался посольской

прислужой. Им оказывали внимание из уважения к их высокому происхождению и прежнему положению. Жильцы этого зала абсолютно все подлежали дальнейшему отправлению в Англию, Францию, Италию и Германию. Все требуемые для этого формальности и основания у них были, и им необходимо было лишь отбыть карантинный двухнедельный срок...» [Слободской 2003: 36–37].

Посольский двор стал местом сбора эмигрантов и «напоминал собой пчелиный улей... Сюда стекались со всех концов Константинополя..., чтобы узнать и послушать последние новости. Здесь были вывешены различные приказы, объявления, воззвания, списки и т.д.... Среди двора и по бокам наиболее предприимчивые беженцы открыли на столиках собственные “магазины”, “лавки”, “столы справок” и столовки... Торговали и просто с ручных лотков. Направо от ворот расположился “книжный магазин”, уместившийся на маленьком переносном столе. Слева под деревом — “стол справок”...» [Слободской 2003: 36–38].

Порою эмигранты находили для себя самые неожиданные развлечения. Как вспоминает один из них, однажды поздно ночью в посольское общежитие вернулась пьяная компания офицеров, которая решила немного «попугать» беженцев. «С этой целью человек пять стали на четвереньки и с диким рычанием, изображая медведей, начали бегать по спящим на полу беженцам. Крики, плач перепуганных ... женщин и детей наполняли общежитие». Когда один из не выдержавших это дебоширство эмигрантов — врач попросил их прекратить, они набросились на него, повалили на пол, «один из них кинжалом начал щекотать у него по спине. Остальные с револьверами в руках наслаждались этим зрелищем. Вдоволь насладившись криками и визгами врача, они заставили его подняться и повели вниз во двор, чтобы “пустить в расход”. Жена врача побежала в драгоманат за помощью... Прибежавшая с Лукомским охрана застала врача уже “у стенки” и в некотором отдалении от него пьяных офицеров, готовивших свои револьверы. После короткого сопротивления пьяные офицеры были обезоружены. На следующий же день они были отправлены в Крым. Трезвые они поняли, чем грозила им отправка в Крым, и на коленях плакали и умоляли Лукомского простить их» [Слободской 2003: 67–68].

Когда ситуация на южном фронте менялась, и новое руководство во главе с бароном П.Н. Врангелем одерживало победу за победой, в Константинополе начиналась массовая мобилизация. Боеспособные представители беженской массы стекались в посольские залы, откуда на грузовых автомобилях они отправлялись в порт для посадки на пароходы [Слободской 2003: 71].

Между тем, барон П.Н. Врангель поставил задачу скорейшего восстановления отношений с бывшими неприятельскими странами. Выделив Ближний Восток и Балканский полуостров в особый регион, он отдал роль старшего представительства посольству в Турции, руководителем которого в апреле 1920 г. назначил фактически возглавлявшего на протяжении двух последних лет Управление внешних связей Юга России в ранге товарища министра иностранных дел А.А. Нератова. Еще до начала Первой мировой войны А.А. Нератов был товарищем министра иностранных дел С.Д. Сазонова, а во время болезни последнего принимал бразды правления министерством в свои руки. На новой должности А.А. Нератову были подчинены представительства в Болгарии, Сербии, Греции и Румынии [Миронова 2005: 56–122].

При после А.А. Нератове в уже упоминавшемся нами Голубом зале дворца в апреле 1920 г. группой эмигрантов была проведена «выставка и распродажа вещей русских беженцев», так называемая «Exposition de Russie». Как пишет один из участников: «Официально цель была весьма благая. Во-первых, познакомить иностранцев с богатством русского беженства и, во-вторых, продать эти вещи по наиболее выгодной цене помимо спекулянтов, греков и турок. Помещение было предоставлено за какой-то ничтожный процент от чистой прибыли в пользу Красного Креста.

Успех этой выставки-распродажи был колоссальный. Весь большой голубой зал посольства был битком набит вещами беженцев. Бриллианты, драгоценные камни, золото, серебро, картины знаменитых художников, ковры — все это предстало перед глазами иностранцев и поражало их богатством и количеством. Они все спрашивали, как могли беженцы привезти все с собой и тем более в момент гражданской войны и столь спешного бегства. В первые дни выставки посетителями исключительно была знать и верхи союзного командования, послы, их секретари, адмиралы, командующие, директора банков, знатные турки, греки и другие. Каждый обязательно что-нибудь покупал. В первый же день выручка достигла 8 тысяч турецких лир. За все время существования выставки-распродажи, месяц или полтора, было продано вещей на сумму свыше чем на 200 тысяч турецких лир. Считая, что вещи принимались по самой минимальной расценке, в 5–10 раз дешевле их действительной стоимости, можно судить, какое огромное богатство было вывезено из России. Ведь это только из Константинополя и первыми беженцами...» [Миронова 2005: 68–69].

После окончательного поражения «белого движения» в ноябре 1920 г. П.Н. Врангель вместе с остатками белогвардейской армии был

П.Н. Врангель произносит речь на открытии Русского совета в Константинополе

вынужден покинуть Крым. Барон также прибыл в Константинополь, где жил на яхте «Лукулл», а в посольстве разместил свой штаб и проводил собрания созданного в апреле 1921 г. правительства в изгнании — Русского совета.

К моменту его прибытия все залы посольства были очищены от беженцев, и в них был устроен госпиталь с ранеными и больными, эвакуированными из Крыма. Во избежание повторения инцидента с И.П. Романовским все входы и выходы из посольства охранялись доверенными лицами [Слободской 2003: 77].

П.Н.Врангель с белогвардейцами на крыше драгоманата

После того, как 15 октября 1921 г. в отсутствие П.Н. Врангеля его яхту протаранил итальянский пароход «Адрия» и она затонула, барон принял решение покинуть Константинополь.

В отдельно стоящем в глубине посольской территории здании драгоманата размещалась контрразведка. Она следила за соблюдением дисциплины и порядка, нарушители из числа военнослужащих наказывались — вплоть до отправки на фронт [Касимова 2011].

Не уменьшался поток русских беженцев, желавших получить всевозможную помощь, и в здание Генерального консульства⁵, где также размещались Комитет Российского общества Красного Креста (РОКК) в Константинополе [Johnson 2013: 182; Слободской 2003: 37], а также российское торговое представительство.

Здание Генерального консульства Российской империи, ныне Нарманлы Хан

Беженский поток вынужденно направлялся сюда в связи с изданным приказом, предусматривавшим обязательную регистрацию в консульстве и получение паспортов вместо беженских карточек и прочих документов. Подходившие к консульству эмигранты видели следующую картину: «На белом здании развевается трехцветный флаг. У ворот опять толпа — русских в “защитных” отрепьях. ... В тесном проходе под воротами консульства стояли фотографии-греки, которые сотнями изготавли-

⁵ Генеральное консульство Российской империи в Константинополе располагалось в нескольких метрах от посольского дворца на улице Истикляль в так называемом «Нарманлы хане». Такое название здание получило в XX веке по имени владельцев, выкупивших его у СССР в 1933 г.

вают карточки для паспортов со сходством на родственника из десятого поколения. Через пять минут готова карточка. Плата — 15 пиастров за пару. Главным образом снимаются русские, так как для получения паспорта нужно представить в канцелярию две фотографии... Недалеко от фотографа стоит “его превосходительство”... с трясущейся от старости нижней челюстью. Он держит в руках маленькую корзиночку с финиками и продает их...» [Федоров 2003: 261]. «Некоторые беженцы-офицеры совместно с солдатами и казаками организовывали продажу горячего «русского борща», который приготавливали у себя дома, а здесь подогревали на мангале» [Слободской 2003: 79]. Во внутреннем дворе двое часовых в погонах и с обнаженными шашками стоят у входа. «Часовые одеты с иголочки. Лакированные сапоги со шпорами. Лихо сдвинутые на висок бескозырки с блестящими “под офицера” кокардами. Лица лоснятся от жира и полнокровия, наглый взгляд...» [Федоров 2003: 261].

Расположенный при Генконсульстве Комитет РОКК возглавлял известный московский хирург проф. И.П. Алексинский. Альманах «На прощание» описывает деятельность этой организации следующим образом: «Аппарат Красного Креста совершенно не был подготовлен к обслуживанию десятков тысяч людей, нуждавшихся в медицинском и социальном признании. Однако объединенная деятельность русских общественных организаций и щедрая международная помощь преодолели все трудности. Отчет о краснокрестной деятельности с апреля 1920 г. по июль 1923 г. развертывает ряд внушительных цифровых данных. За это время Красный Крест имел пять госпиталей, одиннадцать амбулаторий, четыре приемных покоя, семь зубных кабинетов, приюты — родильный и детский, четыре аптеки, два санатория, два инвалидных дома и два убежища, восемь столовых, три мастерских, чайную и пекарню, свои склады и лабораторию и т.д. Сейчас у Красного креста остается двенадцать учреждений. На первом месте стоит прекрасно оборудованный госпиталь в Харбие...» [На прощание 1920–1923: VIII].

По воспоминаниям современников, для того, чтобы получить возможность питаться в столовых Красного Креста, необходимо было оформить талончики на питание и всякий раз отстаивать длинную очередь в самой столовой. Некоторые из эмигрантов в этих столовых нашли не только еду, но и приют на время, когда ночевать было негде.

Помощь оказывали не только благотворительные организации. «Усилиями супруги русского генерального консула М.И. Якимовой удалось устроить даровое питание ежедневно для свыше 200 человек в течение более двух лет. Сперва это делалось на денежные пожертвования, собиравшиеся ею по подписным листам или лично путем обхода банков, магазинов,

ресторанов и частных состоятельных лиц, при чем все национальности, турки, греки, армяне, грузины и евреи, давали по мере сил пропитание голодавшим русским беженцам» [На прощание 1920–1923: XV].

Еще одним центром притяжения белоэмигрантов стала территория другого принадлежащего России комплекса — летней резиденции в Бююкдере.

Летняя резиденция российского посольства в Бююкдере

Известно, что в 1920 г. супругой посла России в Константинополе В.В. Нератовой на посольской даче была основана Крестовоздвиженская школа, а также устроен лазарет. Когда в 1922 г. школа переехала в Болгарию, на ее месте в апреле 1922 г. была открыта английская школа, в которой также обучались временно находившиеся в Турции кадеты расформированного Донского корпуса.

Беженцы, немало вероятно, стекались и к площади Туннель, где был расположен Отдел пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России — «Осваг», «в громадных витринах которого были вывешены карты военных действий с передвижным фронтом и вывешивались официальные сообщения от штаба Деникина» [Слободской 2003: 37]. Именно здесь работал поручик М.А. Харузин, застреливший генерала И.П. Романовского [Гуль]. В Константинополе эмигранты были полны надежд на то, что в самое ближайшее время будет сформирована армия, и они вернутся в Москву: «Работавшие в

“Осваге”, делая хорошую мину при плохой игре, загадочно улыбались и иногда по большой доверенности интимно говорили: “Ждите больших событий: скоро поедем домой”...» [Вертинский 2007: 124–145].

Важным объектом для прибывавших в Стамбул беженцев стал и построенный в 1873 г. русский Николаевский госпиталь в Пангалты (Харбие) — одно из лучших медицинских учреждений, находившееся в ведение Комитета РОКК. Во время Первой мировой войны он сначала закрывался, потом функционировал как турецкий военный госпиталь. По окончании же войны больница вновь перешла в российские руки и в первую очередь использовалась как госпиталь для лечения белых эмигрантов и частей Добровольческой армии. Как видно из статистических данных Генерального управления безопасности Стамбула, в 1915 г. в городе находился 1491 российский гражданин, в ноябре 1920 г. их число достигло отметки в 136 500 человек. Управление и финансирование госпиталя осуществляла РОКК. В период с 1922 г. по 1924 г. в больницу обратилось 79 тысяч человек. В связи с бедственным положением в больнице в качестве поваров работали казацкие генералы, прачкой — княгиня Голицына. Помимо прямых своих обязанностей по оказанию медицинской помощи служащие больницы устраивали обеды для эмигрантов, принимали в стирку их одежду, раздавали лекарственные препараты на безвозмездной основе [Масар 2010: 631–643].

Прибывавшие в Константинополь эмигранты были людьми глубоко верующими, поэтому, безусловно, культовые сооружения имели для них огромное значение. В царское время в османской столице функционировало несколько храмов. В посольском дворце в Пере располагалась церковь св. Николая, на летней резиденции в Бююкдере — церковь Св. равноапостольных царей Константина и Елены, действовала часовня при Николаевском госпитале, а также помпезный храм, который был расположен в Сан-Стефано (современный район Ешилькей). Последний, к сожалению, был взорван в самом начале Первой мировой войны.

Кроме этого, окормлением русских подданных занимался целый ряд сконцентрированных в портовом районе Каракёй церквей. Во второй половине XIX века русскими афонскими монастырями были выкуплены/построены большие дома вблизи паровой пристани, на верхних этажах которых освящены домовые церкви в связи с увеличивавшимся количеством следовавших на Афон, в Иерусалим и другие святые места Востока через Константинополь паломников, сталкивавшихся в османской столице с проблемами размещения и совершения религиозно-культурных обрядов на понятном для них церковно-славянском языке. Среди них — подворья Свято-Пантелеймонова монастыря, Свято-Андреевского

и Свято-Ильинского скитов, а также дома Свято-Троицкой, Свято-Николаевской и Иоанно-Златоустовской обителей (принадлежали Свято-Пантелеймонову монастырю), Крестовоздвиженской кельи, относившейся к Каракальскому монастырю, и Русский странноприимный дом Положения Пояса Богоматери — подворье Русской обители Положения Пояса Богоматери, расположенной в пределах Иверского монастыря.

Все эти восемь подворий в годы Первой мировой войны были закрыты, имущество частично расхищено, здания заняты под казармы (подворье Свято-Андреевского скита под склад), а некоторые монахи интернированы.

Уже вскоре после капитуляции Османской империи, осенью 1918 г., реквизированные турецкими властями храмы решением правительства были возвращены русским монахам, при этом составлены акты, по которым турецкие власти обещали вернуть разграбленное имущество.

Никольская церковь при посольстве также была снова открыта при «белом» правлении. Управлялась она архиепископом Анастасием, который занимался сбором помощи для русских беженцев и ее последующим распределением. В церкви пел хор из пятнадцати певчих, некоторые из них были ранеными военными [Johnson 2013: 122–123]. Во главе вновь образованного хора встал прибывший в Константинополь в 1920 г. выпускник Казанской духовной семинарии Б.В. Разумовский, до этого руководивший хором русской колонии на о. Халки. Успехи этого хора скоро обратили на себя общее внимание и весной 1921 г. Б.В. Разумовский стал во главе только что организованного хора посольского храма. Много упорного труда и энергии пришлось вложить Б.В. Разумовскому в дело музыкальной подготовки этого молодого хора, и в короткий срок в руках талантливого регента зазвучал мощный вокальный инструмент. Как повествует альманах «Русские на Босфоре», Разумовскому удалось создать лучший церковный хор в Европе, художественная ценность которого была засвидетельствована и общей любовью к хору эмигрантов, и единодушными похвалами зарубежной печати, как русской, так и иностранной, и, наконец, покровительством ряда меценатов [Бурнакин 1928].

После установления дипломатических отношений Турции с Советской Россией советские дипломаты, прибывшие в Стамбул, закрыли церковь, в результате чего кафедральным русским храмом стала церковь Пантелеймоновского подворья. Туда же перешел и хор Б.В. Разумовского [Бурнакин 1928].

Монахи церквей в Каракее охотно предоставляли в своих зданиях приют беженцам и постепенно при подворьях образовались большие русские общины. Самой многочисленной и активной из них была общи-

на при церкви св. Илии. В 1923 г. в эту общину также вошли прихожане закрытой советскими дипломатами посольской церкви Св. Николая.

В годы русской эмиграции Свято-Андреевское подворье также являлось «излюбленным беженским приютом и подлинным очагом русской жизни». Стены храма были расписаны художником Н.К. Перовым в «нестеровском» стиле в 1928–1929 гг.

Подворье Свято-Андреевского скита

Прибывавшим в Константинополь белоэмигрантам, не имевшим возможности следовать дальше в Европу и вынужденным осесть в Турции, приходилось искать средства к существованию. В городе в начале 1920-х гг. существовал ряд международных благотворительных организаций. Помощь русским эмигрантам оказывали: Христианский союз молодых людей (УМСА), Христианская молодежная женская ассоциация (YWCA), Красный Крест (русское, американское, французское отделения), Русский Белый Крест и др. Они открывали столовые, школы, обеспечивали эмигрантов продуктовыми пайками, одеждой, создавали рабочие места [Касимова 2011].

Известно, что Американский Красный Крест обеспечивал питание 6000 русских, предоставляя муку, шоколад, консервы и другие продукты, выдал одежду для свыше 70 тысяч человек, в мастерских, созданных Американским Красным Крестом, было трудоустроено 350 — 400 человек [Johnson 2013: 184, 186, 188].

На улице Кючук Пармаккапы находилось Российское общество Белого Креста. Оно начало свою заграничную деятельность в Турции с осно-

вания хирургического лазарета на 120 коек в Галлиполи (современный район Гелиболу северо-западной провинции Турции Чанакале). Там же были открыты церкви, баня с дезинфекционной камерой и кооперативная лавка. В Сан-Стефано (современный стамбульский район Ешилькей, где расположен аэропорт им. Ататюрка) был открыт терапевтический лазарет на 200 коек и родильный дом. Для кормящих матерей и детей от 2-х до 16-ти лет был устроен питательный пункт, где ежедневно получали обед и ужин свыше двухсот человек. Кроме того, Белым Крестом был основан первый инвалидный дом на 100 человек с мастерскими: столярной, швейной, сапожной и художественной. В исторической части города открыта булочная и два общежития [На прощание 1920–1923: LX].

На улице Сыраселвилер действовал Фонд по оказанию помощи русским беженцам, созданный Американским обществом христианской науки, «куда всегда был открыт свободный доступ каждому русскому беженцу, со всеми его большими и малыми горестями и многообразными нуждами, и откуда ни один из них не выходил иначе как обласканный и согретый и почти всегда материально устроенный». [На прощание 1920–1923: XXIV]. Это было своего рода практическое отделение, в котором выдавались финансовые средства русским. При этом с целью исключения любых попыток афер, махинаций и злоупотреблений фондом была разработана четкая схема проверки и обработки заявок обратившихся [На прощание 1923: англ. версия 49]. Многие организации, такие как Красный Крест и Красный Полумесяц, оказывали материальную помощь, отчисляя средства в Фонд. Каждую среду Ферид Ханым, руководившая фондом, организовывала собрания для решения проблем русских беженцев [Deleon 2003: 27].

Немаловажную роль в жизни русских беженцев играло и стамбульское отделение Всероссийского земского союза. Это была общественно-политическая организация, возникшая в России летом 1914 г. для оказания помощи больным и раненым. На деньги российского правительства организация оборудовала госпитали, санитарные поезда, пункты питания, заготавливала медикаменты, белье, обучала медицинский персонал. Члены Союза враждебно встретили Октябрьскую революцию. В январе 1918 г. главный комитет Союза был упразднен, однако его отделения продолжали действовать за рубежом. В Константинополе Всероссийский земский союз функционировал с апреля 1920 г. по сентябрь 1923 г. на третьем этаже «Пассажа Карлман» [Üsdiken 1999: 252]. Основной его задачей в Турции стало предоставление русским эмигрантам питания, одежды и жилья по приемлемым ценам. За время своего существования столовыми земского союза было отпущено свыше 2 миллионов бесплатных обедов и завтраков, не считая около 1 миллиона порций чая. Через ночлежный

дом Земского союза прошло около 100 000 человек, бюро труда союза устроило на работу более 6000 человек и выдало ссуд и пособий 8656 лицам. На средства союза содержался санаторий для больных туберкулезом, где лечилось свыше сотни русских [На прощание 1920–1923: XI].

В начале 1920 г. в Константинополе при финансовой поддержке Юношеской христианской ассоциации (УМСА) было создано общество «Маяк». Директором его стал известный коллекционер старины С.В. Аресон, неустанно трудившийся на благо эмигрантов вместе с супругой. В 1922 г. их сменили Ч. Александер, А. Бреди, проработавшие в нем вплоть до его закрытия. В качестве первоочередной задачи в Константинополе общество «Маяк» ставило оказание помощи нуждающимся. Известно, что около сотни русских эмигрантов питалось бесплатно в открытых обществом столовых. Свыше 6 тысяч эмигрантов обратилось за бесплатной медицинской помощью в поликлинику, находившуюся на обеспечении общества.

Кроме того, в «Маяке» устраивались лекции по русской литературе, демонстрировались спектакли по произведениям русских писателей [Deleon 2003: 51–54], проводились концерты и конференции по актуальным, но не политическим темам [Johnson 2013: 189]. Обществом «Маяк» был открыт спортивный клуб, имевший свои теннисные корты, организовавший турпоходы. В 1920 г. членами клуба были 50 человек, в 1921 г. — 120 [Masar, Masar 2010]. Впервые членами организации становились не только мужчины, но и женщины [На прощание 1920–1923: XXIV].

Известно, что 9 октября 1921 г. в «Маяке» была организована первая выставка произведений русских художников, которая положила начало объединению «Союз русских художников в Константинополе». Оно окончательно было сформировано в 1922 г. при участии Перова, Алексинской, Астафьева, Бобрицкого, Билинского, Кайсарова, Сабанеева, Федорова, Калмыкова, Измайловича, Ивановой. Союз возглавлял живописец В.И. Иванов, устроителем выставок был Д.В. Измайлович. Всего в «Маяке» было устроено девять выставок [На прощание 1920–1923: LXIII]. «Маяк» просуществовал до ноября 1922 г., что вызвало сожаление тех, кто остался в Константинополе [На прощание 1920–1923: XXV].

По некоторым направлениям деятельность «Маяка» перекликалась с задачами, стоявшими перед другой важной эмигрантской структурой, проводившей в жизнь культурно-просветительскую деятельность, — Главным комитетом Союза русских городов. Он создал русскую гимназию, детский сад, организовал цикл лекций в беженских общежитиях и лагерях, открыл курсы иностранных языков, трехмесячные курсы по разным специальностям, девять читален и библиотек. С этой же целью

Союзом была выкуплена библиотека Сытина, насчитывавшая 68 тыс. томов, которая была предоставлена в пользование эмигрантам [Johnson 2013: 187–188]. К сожалению, дальнейшая судьба этой уникальной коллекции книг неизвестна.

На улице Сакызагаджи располагалась одна из ключевых и наиболее востребованных в эмигрантских кругах структур — Главное справочное бюро по розыску русских во всех странах. Оно было основано в 1920 г. с целью розыска родных и близких, сбора сведений об умерших и погибших, а также для оказания всякого рода содействия. «Бюро существовало на началах самоокупаемости, так как являлось учреждением частным и материальной помощи ниоткуда не имело. При непосредственных запросах, справки из имеющегося регистрационного материала для населения России, равно как и для общественных организаций и учреждений, выдавались безвозмездно. Розыск же затерявшихся лиц оплачивался по существующей таксе и велся во всех странах Старого и Нового света. Владелец этого Бюро и ответственным лицом был энергичный, отзывчивый эмигрант Д.И. Цапов...» [Бурнакин 1928].

Ряд организаций ставил перед собой задачу трудоустройства русских беженцев. Одной из таких структур стало Бюро трудоустройств, расположенное по адресу: улица Шимал, дом 10. Оно было открыто Христианской молодежной женской ассоциацией. В результате его деятельности работу получили сотни русских девушек: они нанимались гувернантками, секретарями-стенографистами, учителями и домработницами. Тем, кого не могли сразу трудоустроить, давали стипендии для обучения на курсах в подготовительном центре [На прощание 1920–1923: англ. версия XLIII].

Другая русская биржа труда функционировала на улице Сакызааджи. Вот как описывает ее современник: «Небольшая комнатка, в стене два окошечка. Над одним висит надпись: “Спрос рабочей силы”, над другим “Предложение рабочей силы”. У окошечек небольшая очередь, главным образом женщины. Лица многих мне знакомы. Когда я эвакуировался из Севастополя на пароходе “Владимир”, они также ехали на нем. Разница была только в том, что я мерз на палубе под открытым небом, а они ехали в каюте. Я пил воду теплую, затхлую из бака, а они — “красное” и “шампанское”...» [Федоров 2003: 281].

Наиболее предприимчивые эмигранты открывали в Константинополе свое дело в зависимости от способностей, увлечений, занятий в «предыдущей» российской жизни, пытаясь таким образом найти свою нишу, обрести собственный источник дохода.

Как пишет оказавшийся вместе с эмигрантами в Стамбуле А.Н. Вертинский: «С нашим приездом Константинополь стал очень быстро руси-

фицироваться. На одной только улице Рю де Пера замелькали десятки вывесок ресторанов, кабаре (дансингов тогда еще не было), магазинов, контор, учреждений, врачей, адвокатов, аптек, булочных... Все это звало, кричало, расхваливая свой товар, напоминало о счастливых днях прошлого. Зернистая икра, филипповские пирожки, смирновская водка, украинский борщ. Все это дразнило аппетит, вызвало к желудку... Положение женщин было лучше, чем мужчин. Они привились, их охотно брали на всякие должности. Мужчинам же найти работу было очень трудно. Мужчины устраивались главным образом при тех же ресторанах: чистили картошку или ножи, мыли посуду. Почтенные генералы и полковники шли на любую работу чуть ли не за тарелку борща... Голодных, конечно, было больше, чем сытых, но и сытых было немало...» [Вертинский 2007: 124–145]

Справа от посольства работала сапожная и балетная мастерская Б. Аблаева, на рекламном проспекте которой значилось: «Изящное изготовление дамской и мужской обуви. Специальный мастер балетных туфель». Можно предположить, что среди частых посетителей этой лавки были Ольга Александровна Мечковская, в прошлом известная балерина Варшавского театра, приехавшая с дочерью Анной в Константинополь и открывшая первую балетную студию. Она, как пишет альманах «Русские на Босфоре», по справедливости может считаться вдохновительницей русского балета в Константинополе [Бурнакин 1928]. Вслед за ней подобную школу организовала Лидия Красса-Арзуманова, родившаяся в Петербурге в 1897 г. и учившаяся танцам там же. С появлением русских спрос на пуанты и другую балетную обувь возрос, ведь именно русские эмигранты популяризировали классический балет в Константинополе. «Русский балет сумел завоевать прочные симпатии здешней публики после первой же постановки в 1920 г. “Шехерезады”, прошедшей под режиссурой Надеждина. В течение последующих трех лет Константинополь увидел целый ряд русских балетных постановок, в которых отметим “Лебединое озеро”, “Курильщики опиума”, “Волшебная флейта”, “Дон Жуан” и др.» [На прощание 1920–1923: 51].

Рядом с Центральным почтамтом на проспекте Истикляль на первом этаже функционировало часовое и оптическое отделение Русского кооператива, где «аккуратно, быстро и добросовестно осуществлялась починка всевозможных часов, очков, пенсне и т.д.» [На прощание 1920–1923: Приложение].

С 1 апреля 1920 г. в «Пассаже Ориенталь» на Гранд рю де Пера (современный проспект Истикляль) располагалось русское бюро квартир и труда — контора «Экспресс», на вывеске которой было написано: «Всегда

имеются в большом выборе свободные квартиры и комнаты, и всякого рода прислуга: мужская и женская с солидными рекомендациями». Кроме всего прочего, контора также занималась «исполнением всяких поручений по городу своими экспрессами» [На прощание 1920–1923: Приложение].

На улице Асмалымесджит и в переулке Ада располагались две биржи Корпорации русских шоферов. Как повествует альманах «Русские на Босфоре», «русские шоферы-эмигранты стали в Константинополе заправскими профессионалами, сразу же выдвинувшимися на первое место. “Русский шофер”, “русский механик” — в Константинополе значит “лучший» шофер”, “лучший» механик”, и эта отличная репутация с честью поддерживается нашими авто-работниками и в настоящее время. Автомобильное дело стало одной из наиболее прочных и выгодных беженских профессий, а русские шоферы и механики за семь лет работы на берегах Босфора создали весьма солидарную корпорацию, тесно спаянную и проникнутую общностью интересов и идей взаимопомощи. Вообще, шоферской профессии беженцев посчастливилось — среди русских шоферов весьма значителен процент собственников машин, причем и среди остальных русских шоферов наблюдается постепенный переход на собственные машины, приобретаемые на трудовые сбережения» [Бурнакин 1928].

Многие прибывавшие в Стамбул эмигранты принадлежали к образованной интеллигенции. Неслучайно, что с их появлением на Гранд рю де Пера открывается целый ряд русских книжных магазинов, библиотек, редакций газет.

В одном из домов на улице Кумбараджи в 20-е годы прошлого столетия работал «Русский книжный писчебумажный магазин и библиотека». Посетителям предлагались «все новинки книжного рынка, антикварные издания, технические и детские книги». На полках магазина прогуливавшийся мимо прохожий мог увидеть издаваемые Обществом русских писателей и журналистов в Константинополе труды русских литераторов, такие, как сборник «Листья» под редакцией Е.Н. Чирикова, Б.В. Ратимова, В.А. Кадашева, Д. Амфитеатрова, сборники стихов «Чужая даль» А.А. Бурнакина (1922), «Лунное венчание» (1923), «Золотой Рог» (1927 г.) И.А. Корвацкого. Рядом с книжным магазином находился русский кооператив [«На прощание» 1920–1923: Приложение].

В апреле 1921 г. русским эмигрантом Г.Л. Пахаловым неподалеку от голландской дипмиссии был открыт Дом книги «Культура», в котором продавались издания на русском, французском и английском языках. Позже здесь также была открыта библиотека. Рассчитанная на широко-

го читателя, она быстро завоевала симпатии публики [Deleon 2003]. Как отмечал альманах «Русские на Босфоре», «дело, созданное в беженских условиях, не только не захирело, но стало прочно поставленным коммерческим предприятием. При магазине была организована обширная газетная экспедиция, которая благодаря добросовестной постановке дела приобрела общее доверие со стороны зарубежных издательств и книжно-газетных предприятий. Г.Л. Пахалов пытался привить здесь и издательское дело, выпустив несколько сборников А.Т. Аверченко, но неблагоприятные условия для развития печатного дела не позволили поставить издание книг в надлежащем масштабе» [Бурнакин 1928].

Учрежденный Г.Л. Пахаловым Дом книги «Культура»

В особняке «Анадолу Хан» располагался книжный магазин «Русь», в котором предлагались все новинки, медицинские, детские книги, классика, учебники. Тут же была и библиотека, за чтение в которой платили 75 пиастров в месяц, 2,5 пиастра в день.

Напротив посольского дворца в 20-е гг. прошлого века открылась редакция «Вечерней газеты». По воспоминаниям современников, это было издание единственной местной русской газетки под редакцией Е.В. Максимова, «неизменно проявлявшего большую отзывчивость к нуждам и интересам русских беженцев. Издавалась она на французском (так называемом “пресс дю суар”) и русском языках с тиражом первое время около 200–300 экземпляров» [Слободской 2003: 37–38]. «Вечерняя пресса» была основана 6 мая 1920 г. и являлась старейшим печатным органом

русской эмиграции. За все время своего существования она, с одной стороны, неизменно стремилась к укреплению уз дружбы между турецким и русским народами, а с другой — являлась проводником идей русской национальной государственности. В издании «Вечерней газеты» принимал участие автор нескольких сборников рассказов и стихов, музыкальный критик, публицист, энергично боровшийся под знаменем «русской идеи» И.А. Корвацкий.

Среди русских торговых предприятий можно отметить обувной магазин «Владимир» в «Пассаже Ориенталь» [Васильев], «Дом мехов Самары» — в «Пассаже Карлман» (современный деловой центр «Одакуле» на проспекте Истикляль), меховой магазин москвича Турчихина, «Обувная лавка адмирала Николая» — неподалеку от голландской дипмиссии, галантерейная «Лавка Григорьяна» — в «Пассаже Альхамбра», «Общество русской торговли», «Русская торговля И.Е. Бенедато и К^о» на улице Хамальбаши, где покупателям предлагались «колбасы собственного производства, молочные продукты, привезенные с собственной фермы», а также овощи и фрукты. В пассаже «Сите де Пера» русскими эмигрантами стали открываться цветочные магазины после того, как зарабатывавшие деньги продажей цветов на улице Истикляль молоденькие симпатичные эмигрантки начали вынужденно укрываться в нем от настойчивых ухаживаний местных мужчин и военнослужащих сил коалиции. Благодаря этому пассаж получил название «Цветочный».

Отель «Пера Палас» распахнул свои двери перед состоятельными эмигрантами, также став свидетелем целого ряда мероприятий с участием талантливых русских артистов и художников. Известный русский певец и музыкант А. Вертинский в своих мемуарах «Дорогой длиною» пишет: «Поселились мы не более и не менее как в самом фешенебельном отеле Константинополя — “Пера Палас”». [Вертинский 2007: 124–145] В этом шикарном отеле выступал П.А. Замуленко со своим салонным джаз-оркестром, в который входили В.И. Поржицкий, А. де-Матеи, И. Чарковский, А. Иванов, В. Беккер. П.А. Замуленко — хорошо известный в международных кругах Константинополя талантливый дирижер и скрипач, пользовался большой популярностью в местной русской колонии как музыкальный деятель, охотно отдававший свое время бескорыстной работе по удовлетворению эстетических запросов русской публики, так любящей музыку и в условиях эмиграции лишенной возможности наслаждаться искусством в русском масштабе. Речь идет о целом ряде симфонических концертов, данных им в годы пребывания в Стамбуле, во время которых исполнялись произведения выдающихся русских и зарубежных композиторов [Бурнакин 1928]. В отеле «Пера Палас» были устроены две само-

стоятельные художественные выставки русского эмигранта Н.Н. Беккера, которые имели крупный успех [На прощание 1920–1923: LXIII].

Значительную роль в организации досуга константинопольцев играли русские эмигранты. В районе Пера ими был открыт целый ряд увеселительных заведений. Одно из них — кабаре «Паризиана», появившееся на месте располагавшегося вблизи отеля «Пера Палас» «Garden Bar», сгоревшего в 1914 г. В 20-е гг. XX века в управлении кабаре начинают активно участвовать опереточный артист В.П. Смирнов, построивший в Стамбуле завод «Смирновской» водки, вместе со своей женой, примадонной В. Пионтковской. По воспоминаниям современников, в кабаре «собирались по вечерам сливки экспедиционного корпуса». В этот период здесь часто выступали русские балетные труппы. Лучшие из лучших, ставшие звездами балета в Европе, танцевали на сцене этого заведения. Программа строилась таким образом, что с 10 до 12 вечера проходило шоу, а после полуночи балерины развлекали публику, танцуя с посетителями. Здесь можно было увидеть и артистов труппы С. Дягилева. Гости с великими муками дожидались конца их выступлений в надежде, что после полуночи им удастся потанцевать с русскими красавицами. Как писал А.А. Вертинский, «простодушные, грубоватые американцы, суховатые, снобизирующие англичане, пылкие и ревнивые итальянцы, веселые и самоуверенные французы — все совершенно менялись под благотворным влиянием русских женщин...» [Вертинский 2007: 124–145]

Выходцем из России неким Михаилом Михайловичем на первом этаже «Пассажа Карлман» (современный деловой центр «Одакуле» на проспекте Истикляль) был открыт самый старый русский ресторан «Тюркуаз». Обширное пространство бара-ресторана было поделено на три зала, в которых размещались 250 столиков. Столики расставлены были таким образом, что в центре оставалась танцевальная площадка. Слева у входа располагался бар, на стенах висели зеркала. Здесь всегда выступали самые лучшие оркестры, демонстрировались самые лучшие варьете, проводились балы, в том числе «Балы красоты» [Üsdiken 1999: 103–104, 249–252]

Слева от здания Генерального консульства Швеции находился русский ресторан «Яр». Такое название носили несколько знаменитых ресторанов Москвы в XIX — начале XX века, пользовавшихся успехом среди богемной публики и любителей цыганской музыки. Открыв одноименный ресторан, предприимчивый хозяин избегал затрат на его популяризацию. В константинопольском «Яре» не только можно было вкусно поужинать «по умеренным ценам», но и также насладиться цыганским хором, представлением лучших балетных трупп Константинополя.

Другим не менее популярным заведением был открытый напротив голландской миссии выходцами из России ресторан «Московит». При входе в него слева в глубине была большая сцена, прямо за которой располагался оркестр. Перед сценой по диагонали были расставлены столики. Посередине между сценой и столиками зал украшала большая пальма. Справа наверх уходила лестница на балкон, где столики были расставлены таким образом, чтобы было видно оркестр. Когда в ресторане не было никаких представлений, сцену использовали как танцплощадку.

В 1925 г. этот ресторан был выкуплен Юрием Карповичем, который, сделав некоторые изменения, назвал его своим именем «Жорж Карпич» или просто «Карпич» [Üsdiken 1999: 97]. Как писал турецкий автор Решат Нури Гюнтекин, перу которого принадлежит известный в России роман «Птичка певчая»: «Как не соблазниться?! Тут и невиданный до этого времени декор, тут и черная икра горой на столах, подаются необычайно вкусные блюда...». Карпич Эфенди, как называли владельца местные жители, стал менять сложившиеся в Турции обычаи и традиции приема пищи. Официантам строго-настрого указывалось, сколько должно пройти минут между подачей первого и второго, второго и третьего блюд. Конечно же, такой подход становился причиной конфликтов нерасторопных официантов с любителями как можно быстрее покушать из клиентов-турок. Тогда Карпич отвечал официантам следующее: «Может, оно и так. Вы можете получить и пощечину от клиента. Но если вы подадите мясо ранее, чем через восемь минут после супа, тогда я сам лично выгоню вас отсюда... Они должны привыкнуть есть с удовольствием». И его настойчивость имела результат: как позже писал турецкий литературный критик Н. Атач, «Карпич действительно стал человеком, который обучил нас кушать». Ресторан просуществовал до 1928 г., когда Юрий Карпович по просьбе первого президента Турецкой республики Кемаля Ататюрка переместил свое заведение в Анкару, где открыл ресторан «Şölen» («Банкет») [Ünsal 2010: 781–782].

Самым известным из русских ресторанов, наверное, все-таки являлся расположенный в пассаже «Оливио» «Режанс». Как утверждается, его любил посещать отец турецкой нации Мустафа Кемаль Ататюрк, который, по преданию, даже имел свой столик номер 2. В «Режансе» можно было встретить сливки турецкого общества — высокопоставленных чиновников, представителей консульского корпуса, разбогатевших предпринимателей, деятелей искусства и науки. К сожалению, этот самый популярный русский «долгожитель» Бейоглу недавно был закрыт.

Популярным среди выходцев из России был находившийся на площади перед Галатасарайским лицеем «Киевский уголок». Когда А. Вертин-

ский, прибыв в Константинополь, вышел на первую прогулку по городу, он встретил многих своих знакомых, которые не преминули предложить ему откусать в «Уголке»: «Вы уже пообедали? — нет. — Ну зайдем куда-нибудь. Хотите в “Уголок”? Тут русские держат. Заходили, выпивали, закусывали, разговаривали по душам. Борщ подавали отменный. Мы от такого борща давно уже отвыкли. Все было первоклассного качества, а главное — подавали дамы. Молодые, нарядные, слегка кокетничавшие своим неумением подавать. Ну откуда же мне знать — это говорили ее глаза, я же не привыкла. Горчички?! — Ах да, забыла, еще чего хотите? Смелый, немного беспомощный взгляд и улыбки, улыбки без конца. Это заменяло недостаток сервиса. Обалдевшие с непривычки подвыпившие гости уходили, оставляя на чай больше, чем стоил весь обед. Неудобно: она такая милая! Мы с другом тоже оставляли с непривычки много, но потом спохватывались и стали ходить в турецкие кофейни. Это было гораздо дешевле...» [Вертинский 2007: 124–145]. В «Киевский уголок» любил наведываться Бронислав Кудич — тридцатидвухлетний коммунист, прибывший в Стамбул 21 февраля 1921 г. во главе первой советской делегации Внешторга [Dumont 1996: 189].

Напротив британского генконсульства в 1921 г. известный уже нам Юрий Карпович открыл первый свой ресторан в Стамбуле «Bon Gout», в котором подавались блюда русской и французской кухни. Возможно, именно здесь стамбульцы впервые отведали русские пирожки и борщ, попробовали русскую водку из маленьких рюмок [Üsdiken 1999: 97], что было оригинально, ибо в турецкой ресторанной культуре до этого не использовались маленькие рюмки-стопки.

Прямо на углу улиц Мешрутиет и Хамальбаши располагался ресторан «Медведь». Выглядело это заведение следующим образом: «вместо входной двери была занавеска. Внутри стоял полумрак, освещения было исключительно мало. Оформление же зала было оригинальным. На стенах висело бесчисленное количество русских икон. В углублениях в стенах, сделанных в виде полок, стояли старые русские картины. Столики располагались по периметру зала в нишах в стенах. Скатерти на столах — белоснежные. Из-за царившего полумрака на столах были расставлены свечи. Около входа располагался гардероб. Так как он отделялся занавеской, находившуюся внутри верхнюю одежду снаружи видно не было. Официантами были исключительно русские девушки. И вообще во всех русских заведениях официантками были только русские девушки. В отличие от других заведений этот ресторан проработал недолго и, возможно, из-за узкого пространства был вскоре закрыт» [Üsdiken 1999: 97].

В 1920-е гг. в здании Восточного клуба «Cercle d'Orient» открылось еще одно популярное среди русских эмигрантов и, как утверждается, одно из лучших в то время константинопольских кабаре «Rose Noire», в переводе на русский «Черная роза». Полной ясности относительно того, кто открыл это заведение, нет. Историк Б. Усдикен утверждает, что заведение это появилось благодаря усилиям киевского еврея Вайнбаума. В то же время в своих мемуарах А. Вертинский пишет: «В это время, встретив в городе одного знакомого турка, которого я знал по России, некоего Нуреддин бея, — он был дипломатом в Петрограде и говорил по-русски — я уговорил его открыть кабаре. Надо же было что-то делать. Кабаре называлось “Черная роза” и сразу привилось с большим успехом» [Вертинский 2007: 124–145].

Много талантливых артистов выступало на сцене этого кабаре. Среди них — сам А. Вертинский. Вот как он описывает это в своих мемуарах: «Я пел в “Черной розе”. Конечно, не свои вещи, которых иностранцы не понимали, а преимущественно цыганские. Веселые — с припевами, в такт которых они пристукивали, прищелкивали и покачивались. Это нравилось. Почти ежевечерне по телефону заказывался стол верховному комиссару всех оккупационных войск адмиралу Бристолу. Он приезжал с женой и со всей своей свитой, пил шампанское и очень любил незатейливую гусарскую песенку “Оружием на солнце сверкая”, которую я пел, искусно забавляя ее всякими имитациями барабанов и военных труб. Тратил он очень много, и мой патрон был в восторге. А за адмиралом тянулась и остальная денежная публика...» [Вертинский 2007: 124–145].

В «Черной розе» также выступал скрипач И.С. Очник — талантливый виртуоз, сочетающий технику с темпераментом и соперничающий с такими исполнителями как Жан Гулеско [Бурнакин 1928]. Позже, руководствуясь спросом публики, предпочитавшей на лето уезжать из города на берега Босфора, владельцы открыли кабаре «Черная роза» и в районе Бебек, которое работало в летний сезон [Üsdiken 1999: 98]. Заведение с одноименным названием существовало в 1930-е годы на проспекте Мешрутиет, о чем свидетельствует первый наиболее полный путеводитель по Стамбулу, составленный в 1934 г. работавшим в мэрии Стамбула Нури Эргином [Ergin 1934: 228].

Бар-кабаре «Максим» был открыт знаменитым «московским негром» Федором Федоровичем Томасом, прибывшем в Стамбул вместе со своей «женой-блондинкой». По прибытию в Константинополь Томас сначала создал кабаре в саду «Стелла» в районе Шишли, но затем, осознав удаленность «Стеллы» от района ночной жизни Константинополя, принял решение открыть бар на площади Таксим и назвать его в честь

московского кабаре «Максим», хозяином которого он являлся. «Максим» вскоре стал самым известным увеселительным заведением города, где работали привлекательные «кельнерши» из числа русских эмигранток. В «Максима» блистал знаменитый скрипач Михаил Иванович Голеско, эвакуировавшийся в Константинополь в 1921 г. Здесь же вместе с неким Поляцким, очень способным музыкантом, выступала племянница донского атамана Богаевского Валентина Юлиановна Таскина, приехавшая в Константинополь в 1920 г., ставшая позже первой пианисткой турецкого радио [Deleon 2003]. Однако через пять лет «Максим» был объявлен банкротом и закрыт: сказались расточительность и разгульный образ жизни Томаса. Сам хозяин бара умер в нищете. Вскоре на площади открылся новый бар, получивший соответственно название «Новый Максим» [İstanbul Ansiklopedisi 2010: 196–197].

Особняком стояла кондитерская «Нисуаз» — богемное место встречи писателей, поэтов, музыкантов, словом, деятелей культуры и искусства. Это было изысканнейшее место, где официантками работали русские графини и княгини, некогда «носившие меха и дорогие украшения», гардеробщиками — русские генералы и полковники. Однако со временем оно испортилось, и в 60–70-е гг. прошлого века оно предстояло перед посетителями в следующем виде: «Если войти в кофейню с улицы Истикляль, справа находилась витрина, рядом с ней касса ..., слева выстроились допотопные плетеные кресла, скамейки, покрытые клеенкой, столы, поверх которых располагалось стекло. В глубине кофейни — полупустая витрина, перед ней диван и пять-шесть плетеных кресел — как бы отделяли один зал от другого. Окна, выходящие на узкую улицу Кулоглу, двадцать четыре часа открыты, в ранние часы свет не зажигали, поэтому здесь всегда был полумрак» [Birsal 2009].

Через 3–4 лавки после кондитерской «Нисуаз» открылась не менее популярная кондитерская «Петроград», бывшая в жизни Константинополя тем же, чем в былое время знаменитое кафе Филиппова в Москве и Петрограде. «Это — русская кафе-кондитерская, где все изготовлено и подано по-русски, в соответствии с русскими привычками и размахом. Только тут, в “Петрограде”, посетитель получит кофе, шоколад, пирожные, пирожки, кулич или сырную пасху, изготовленные точно так же, как это делалось в России. Еще недавно маленькая беженская кондитерская “Петроград” очень скоро стала наиболее посещаемым кафе в центре города. Для русского “Петроград” — его каждодневная база, его клуб, место встречи, излюбленный уголок еды и отдыха. Теперь в “Петрограде” бывают все. Интернациональное по составу своих посетителей, это кафе во всей неприкосновенности сохраняет свое “русское

лицо”, и, по-видимому, это и является причиной растущей популярности “Петрограда”. Уже и сейчас ему несколько тесно в расширенном двухэтажном помещении на углу улиц Пера и Брусса, а по пятницам в кафе трудно протолкаться. Служащие в кафе все русские, работающие по многу лет, прекрасно знающие свое дело и вкусы посетителей» [Бурнакин 1928].

Популярностью пользовались и бар-ресторан «Сарматов» (в современном пассаже «Азнавур»), «Русский ресторан» С. Гловацкого (там же), кондитерская «Кибар» (напротив британского генконсульства) и кондитерская «Москва» (в здании «Восточного клуба»), ресторан «Splendid», а также театр-кабаре «Синяя птица».

На сцене Городского театра в Тепебаши, художником-декоратором в котором работал уже упоминавшийся эмигрант из России Н.К. Перов, блистали русские артисты. В течение шести лет во главе оркестра театра стоял Х. Лашенский, дирижер, концертмейстер, скрипач и обладатель сильного тенора, прибывший в Константинополь через Севастополь в 1919 г. В оркестре театра выступал талантливый маэстро-скрипач М.И. Голеско, эвакуировавшийся с Кавказа в Константинополь в 1921 г. «М.И. имеет как классический, так и цыганский и специально-румынский репертуар, и виртуозно исполняет его, воскрешая своей игрой добрые старые времена нашего широкого русского веселья и былых “безумных ночей”» [Бурнакин 1928].

На сцене театра выступал пользующийся громадным успехом артист Дягилевского балета В.В. Карнецкий. В 1924 г. он совершил две гастрольные поездки в Константинополь, поразив публику красотой и мощностью своих танцев. «Появление в нашем городе большого мастера балета, естественно, привело к тому, что к Карнецкому пришла учиться вся местная балетная молодежь, и он ревностно принялся за подготовку молодых танцовщиков...», пишет альманах «Русские на Босфоре». «Создаваемый В.В. Карнецким балет является русским балетом не только по национальности учеников и учениц Карнецкого, но и по своим художественным традициям — на берега Босфора В.В. Карнецкий принес тот высокий и взыскательный вкус и ту любовь к стилю, которые создали теперь мировую славу русского балета» [Бурнакин 1928].

Сенсационной стала постановка В. Зимины балета «Шехерезада» Римского-Корсакого, в котором в одной из главных ролей блистала русская балерина Е. Глюк. Прекрасные декорации к постановке создал художник П. Челищев. Представление нашло горячие отклики в сердцах местной публики, а артисты получили заслуженную славу. Считалось большим везением попасть в класс балета Е. Глюк.

Таким образом, эмигранты оставили значительный след в культурной и социальной жизни Константинополя 1920-х гг. В то же время вынуждены констатировать, что спустя почти столетие, сохранилось крайне мало объектов, связанных с их деятельностью, в результате чего значительный пласт истории города оказался незаслуженно забыт. Попадая в современный Стамбул, простой обыватель, заранее не прошедший предметных, целенаправленных изысканий, рискует пройти мимо тех мест, которые хранят в себе память о наших соотечественниках.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурнакин 1928 — Русские на Босфоре: Альманах. / Сост. А.А. Бурнакин. Стамбул, 1928.
- Васильев — Васильев А. Красота в изгнании. URL: <http://duchessselisa.livejournal.com/104174.html?thread=3475438> (дата обращения: 14 сентября 2017).
- Вертинский 2007 — Вертинский А.Н. Дорогой длиною. М.: АСТ, 2007. С. 124–145.
- Гуль — Гуль Р. Я унес Россию. Апология русской эмиграции. Т.2. Ч.2. URL http://www.dk1868.ru/history/gul2_2.htm (дата обращения: 14 сентября 2017).
- Касимова 2011 — Касимова И.С. По местам пребывания русских эмигрантов в районе Пера (Бейоглу). Стамбул, 2011.
- Касимова 2012 — Касимова И.С. Русский дворец в Стамбуле. Стамбул, 2012.
- Миронова 2005 — Миронова Е.М. Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории Русского Зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М.: Наука, 2005.
- На прощание 1920–1923 — На прощание. Nos Adieux. The Farewell, 1920–1923: Альманах. Издание группы русских литераторов / под ред. А. Бурнакина, Д. Валери, К. Минти и Б. Ратимова. Константинополь, 1923.
- Слободской 2003 — Слободской А. Среди эмиграции // Белое дело. Константинополь — Галлиполи / Под ред. С.В. Карпенко. М.: РГГУ, 2003. С. 60–61.
- Федоров 2003 — Федоров Г. Путешествие без сентиментов // Белое дело. Константинополь — Галлиполи / Под ред. С.В. Карпенко. М.: РГГУ, 2003.
- Birsel 2009 — Birsel S. Ah Beyoğlu, Vah Beyoğlu. 6. Baskı. İstanbul: Sel Yayıncılık, 2009.
- Deleon 2003 — Deleon J. Beyoğlu'nda Beyaz Ruslar. İstanbul: Remzi Kitabevi, 2003. S. 51–54.посо
- Dumont 1996 — Dumont P. Beyaz Yıllar. İstanbul 1914–1923 Kaybolup Giden Bir Dünyanın Başkenti ya da Yaşlı İmparatorlukların Can Çekişmesi. İstanbul: İletişim Yayınları, 1996. S. 189.
- Ergin 1934 — Ergin N. İstanbul Şehri Rehberi. İstanbul: İstanbul Belediyesi, 1934.
- Johnson 2013 — Johnson C.R. (ed.) İstanbul 1920. Çev. Sönmez Taner. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları 19, 2013.

- İstanbul Ansiklopedisi — İstanbul Ansiklopedisi. İstanbul: NTV Yayınları, 2010. S. 196–197.
- Macar 2010 — Macar O. D. 'Rus Hastanesi' Geçmişten Günümüze İstanbul'da Sağlık 3-6 Kasım 2010 / Ed. Prof. Dr. A. Demirhan Erdemir, Prof. Dr. İ. Başağaoğlu, Prof. Dr. Ö. Öncel. İstanbul, Nobel Yayınları, 2010. S. 631–643.
- Macar, Macar 2010 — Macar O. D., Macar E. Beyaz Rus Ordusu Türkiye'de. İstanbul: Libra Yayıncılık, 2010.
- Ünsal 2010 — Ünsal A. Rus Lokantaları // İstanbul Ansiklopedisi. İstanbul: NTV Yayınları, 2010. S. 781–782.
- Üsdiken 1999 — Üsdiken B. Pera'dan Beyoğlu'na 1840–1995. İstanbul: Akbank, 1999. S. 252.

ШТРИХИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СТАМБУЛЕ (1919–1929)

Тюркан ОЛДЖАЙ¹

«Русь пришла!» Так восклицали в оккупированной войсками Антанты столице Османской империи, когда 126 судов с беженцами один за другим бросали якорь в Мраморном море и в бухте Золотой Рог. Эта была последняя и крупнейшая волна русской эмиграции, хлынувшая на турецкий берег после овладения Красной Армией Крымом 16 ноября 1920 г. Стамбульские улицы залила многотысячная масса беженцев самых разных слоев российского общества: от крестьян и казаков до членов императорской семьи, разных наций, политических взглядов и профессий. Среди них было множество представителей творческой интеллигенции: музыканты, артисты театра, оперы и балета, а также художники, писатели, издатели и журналисты.

Несмотря на царивший беженский хаос, россияне показали завидную способность к самоорганизации и активной творческой деятельности. «Русская экспансия», если можно так выразиться, шла в двух направлениях — бытовом и культурном, которые переплетались, и порой одно было трудно отделить от другого. С одной стороны, эмигранты открывали аптеки и кондитерские, рестораны и кабаре, — их названия «Эрмитаж», «Аркадия», «Режанс», «Стелла» напоминали добрую старую, российскую жизнь, мелькали вывески русских врачей, адвокатов, мастеровых, русские салоны платья и мехов, ателье и обувные мастерские стали модной новинкой года Стамбула, а с другой, превратили город в пестрый очаг русской культуры — «русский балет, оперетта, опера и русские концерты были вереницей художественных вечеров, на которые часто сходились жители Пера, восхищавшиеся музыкальным и артистическим гением русских людей» [На прощание 1923: XLV]. Об этом свидетельствует и автор статьи «Белые русские» в «Энциклопедии Стамбула» Решад Экрем Кочу: «Белым русским принадлежит важное место в культурной истории Стамбула. Большин-

¹ Профессор, доктор филологических наук. Стамбульский университет, Стамбул. Эл. почта: turkanolcay@gmail.com.

ство из них выходцы из самых высоких и образованных кругов царской России. «...» В открытых ими ресторанах, ночных клубах, кабаре-театрах турки увидели подлинное, освещенное благородством искусство» [Кош 1961: 2625]. Главной притягательной силой русских развлекательных заведений оказалась выступавшая в них гильдия музыкантов и артистов разных жанров — от классики до «казачка». Русские музыканты, а также целые русские оркестры, выступали почти во всех ресторанах, кабаре и кинотеатрах Стамбула. В застывшую и замкнутую жизнь города поселилась красота — зазвучала симфоническая, камерная и оперная музыка, шли балетные постановки, открывались выставки...

Мир русской классической музыки

Без преувеличения можно сказать, что всей музыкальной жизнью Стамбула в первый год эвакуации руководили братья Слатины — трое сыновей выдающегося музыкально-общественного деятеля Ильи Ильича Слатина (1845–1931), организатора и главы Харьковского отделения Императорского русского музыкального общества и музыкального училища. Приехавшие в Стамбул в 1919 г. братья Слатины окончили столичные консерватории и были замечательными музыкантами: Илья Ильич (1888 — после 1945) — пианист, Владимир Ильич (1889–1947) — скрипач, Александр Ильич (1891–1962) — виолончелист. Будучи также талантливым дирижером, хоровиком, композитором и педагогом Илья Ильич Слатин (младший) с 1912 по 1918 г. служил дирижером оперного и оркестрового отделений Московской консерватории. Со страниц альманаха «На прощание» узнаем, что под его управлением в Стамбуле состоялся классический концерт, где впервые прозвучал «Реквием» Моцарта [На прощание 1923: XLIX]. В 1920 г. братья Слатины переедут в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где продолжат свою активную музыкальную деятельность на протяжении двух десятилетий. С окончанием Второй мировой войны Илья Ильич переселится в Германию, а Александр Ильич — в США.

Среди эвакуировавшихся в 1919 г. был также профессор Московской консерватории по классу пианино Сергей Константинович Писанко-Романовский (1893–1962). О его деятельности, как и о деятельности других известных имен русской творческой интеллигенции, находим подробные сведения в изданных в Стамбуле альманахах «На прощание» (1920–1923) и «Русские на Босфоре» (1928), являющимися источниками редкой ценности. Из главы о Романовском в альманахе «Русские на Босфоре» известно, что он изучал органную музыку в Риме, жил определенное

время в Вене, выступал на австрийской, немецкой и итальянской сценах. «Мистическая фантазия» и «Индийские молитвы» Романовского стали первыми образцами экзотической музыки в Стамбуле, а «Реквием Аве Мария» и «Карнавал жизни и смерти» — значительными произведениями церковной музыки. Современники называли Романовского «мелодраматическим поэтом классической музыки». На стамбульской сцене он не выступал — играл в основном в домах своих друзей, где ему больше всего аплодировали за исполнение сочинений Чайковского [Бурнакин 1928]. Активно занимался преподаванием. Концерты его воспитанников были одними из самых престижных выступлений в городе. Прожив здесь приблизительно год, Романовский покинул Стамбул. В некоторых источниках имеются сведения о том, что он вместе с Чижевским уехал в Париж, а оттуда в США [Делеон 2003: 59, Утургаури 2013: 178].

Однако в результате наших разысканий имена Сергея Константиновича Романовского и его матери Ольги Николаевны Романовской (1868–1948) были обнаружены в списках захороненных на кладбище «Тестаччо» в Риме. Фамилия, имена и отчества, как и данные о месте и дате рождения обоих, были также проверены нами на генеалогическом форуме «Всероссийское генеалогическое древо». Таким образом, можно с уверенностью сказать, что дальнейший путь Романовского в эмиграции вел в Италию. Его сопровождала мать. Они жили в Риме, где спустя 28 лет (21 января 1948 г.) О.Н. Романовская скончалась, а 9 марта 1962 г. — и он сам. Оба в документах, касающихся их гражданства, обозначены как «апатриды», т.е. «без гражданства, без родины».

Другим преподавателем классической музыки, оказавшимся в Стамбуле, был Александр Александрович Селиванов. Музыкальное образование по классу скрипки он получил у Горского в Саратове, а вокала — у профессора Геральда в Киеве. На родине Селиванов был также известен как баритон. Эвакуировавшись в начале 1920 г. в Стамбул, он выступал как скрипач, музыкальный критик и преподаватель. Применяя оригинальную систему вокальной подготовки, Селиванов воспитал около ста учеников. Вместе с тем он занимался методологией и теорией аналитического пения. В Стамбуле же в 1925 г. была издана брошюра Селиванова «Methode analytique Pour Placer La Voix» («Аналитический метод постановки голоса»).

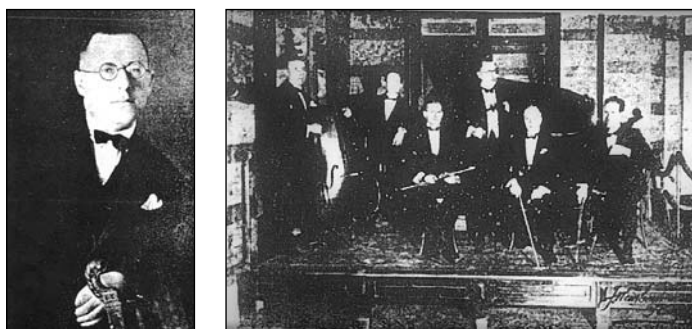
Своей преподавательской деятельностью приобрела известность выпускница Московской консерватории Наталья Ивановна Жило, получившая вокальное образование у известного певца и педагога-теоретика Мельхисидека в Париже. В Стамбуле она выступила с теоретическими лекциями об «искусстве выразительного пения», а ее система препода-

давания стала объектом интереса стамбульской ежедневной газеты «Le Journal d'Orient»: «Голоса учеников Н.И. Жило — этого выдающегося педагога — все без исключения прекрасно поставлены, что характеризуется полнотой звука, которую в надлежащей мере умеет извлечь их руководитель из предоставленного в его распоряжение материала» [цит. по: Бурнакин 1928]. Вместе с тем Жило была известна как концертирующая певица с богатым репертуаром русских песен и романсов, которые исполняла в красивом «великокняжеском» сарафане и расшитом жемчужном кокошнике [Васильев 2008: 100].

Стамбульским культурным кругам были хорошо знакомы также имена талантливых дирижеров-скрипачей Павла Алексеевича Замуленко, Ивана Ивановича Полянского и Христиана Лашенского.

Обладая солидной музыкальной подготовкой, П.А. Замуленко прославился в Стамбуле как дирижер салонного оркестра в крупнейшем фешенебельном отеле «Пера Палас». В репертуар оркестра входили произведения Глинки, Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина, Новаковского, Бетховена, Вагнера, Листа, Шуберта, Массне и других композиторов. Особенно удачно дирижером трактовались 4, 5 и 6 симфонии Чайковского и «Итальянское каприччио». Много понимания и вкуса Замуленко также вкладывал в исполнение произведений Мусоргского, мастерски выявляя его глубоко русские и размашистые мелодии.

Тон Замуленко-скрипача восхищал «мягкостью» и «нежностью», а его смычек соединял «легкость и воздушность с силой и трепетностью» [цит. по: Бурнакин 1928]. В состав оркестра входили В.И. Поржицкий, А. де Матеи, И. Чарковский, А. Иванов и В. Беккер. С теми же музыкантами Замуленко создал и знаменитый джаз-бэнд опять же при отеле «Пера Палас». Ряд благотворительных концертов принесли Замуленко попу-

П.А. Замуленко и его оркестр при гостинице «Пера Палас».
(Фото из альманаха «На прощание»)

лярность и в русской колонии. Каждый концерт под его руководством становился важным культурным событием.

Маэстро И.И. Полянский учился по классу скрипки у профессора Зелихмана в Ростовском музыкальном училище. До эвакуации он был председателем Союза оркестровых музыкантов и инспектором симфонического оркестра в Евпатории. Успешно дирижируя оркестрами крупных кинотеатров в Ростове, приобрел известность как «умелый иллюстратор переживаний на экране». Той же деятельности посвятил себя Полянский и в Стамбуле, где будет дирижировать в кинотеатре «Сине-Маджик» и руководить репертуаром в «Сине-Модерне». Его высокое мастерство музыкальной интерпретации помогало умело сгладить слабые эпизоды фильмов. В «Маджик» чаще ходили послушать музыкантов, нежели посмотреть фильм. Вместе с тем он организовал музыкальный ансамбль при благотворительном клубе «Маяк», являвшемся одновременно стамбульским центром YMCA (Юношеская христианская ассоциация).

Христиан
Лашенский

Приехавший весной 1919 г. концертмейстер Христиан Лашенский в течение шести лет возглавлял оркестр театра «Пти-Шань», на сцене которого была проведена большая часть культурных мероприятий белоэмигрантов в Стамбуле. За плечами Лашенского был зальцбургский «Моцартеум» по классу скрипки у профессора Цинке. Обладая большим талантом и обширными музыкальными познаниями, сильный тенор Лашенский исполнял произведения Шумана, Шуберта, Вагнера (партию Зигфрида) и других композиторов, играл на многих инструментах. Как скрипач отличался «силой смычка и красивым тоном игры» [цит. по: Бурнакин 1928].

Среди прославившихся в Стамбуле дирижеров нужно упомянуть также имя Ивана Григорьевича Бутникова (1893–1972), который сразу же по приезду в город организует свой симфонический оркестр в составе 50 человек, выступивший в Стамбуле в 1922 г. на сорока пяти концертах [На прощание 1923: XLVIII]. Бутников активно помогал при создании новой турецкой консерватории, при которой впервые открылись классы западной классической музыки и инструментов, а также участвовал в открытии русско-турецкой филармонии.

Исключительной популярностью славился «Русский квартет» принца Абдуррахима Хайри-эфенди — сына султана Абдулхамида, хорошего

Иван Бутников

Гостиница «Токатлиан» и ее русский оркестр. (Фото из альманаха «На прощание»)

знатока западной музыки и изобразительного искусства, игравшего на нескольких музыкальных инструментах, а также владевшего основами дирижирования. В состав этого струнного квартета входили братья В. и А. Стернад, В. Гедройц и И. Розов. Кроме регулярных концертов по вторникам в особняке принца в «Нишанташи», квартет успешно выступал в дворцовых и других высокопоставленных кругах.

Салонный оркестр второй по величине в городе фешенебельной гостиницы «Токатлиан» был представлен весьма талантливыми музыкантами, прошедшими солидную оркестровую школу в России. Скрипач оркестра Иван Степанович Ончик по приезду в Стамбул в 1920 г. играл в «Сплениде» (первон. «Токатлиан») и «Роз Нуаре», а затем — в «Муниципале», на острове Принкипо, а с 1924 г. — у М. Токатлиана. Виолончелист оркестра Александр Прокофьевич Сулин также был высоким профессионалом. В России он играл в оркестрах опереточных трупп Крылова, Амираго и Потопчиной. Имел оркестр в Ереване. Ончик, Сулин и пианист оркестра Яков Соломонович Кордун создали трио, обладавшее обширным репертуаром и пользовавшееся неизменным успехом.

Нельзя не упомянуть и скрипачей Михаила Ивановича Голеско и Евгения Ивановича Шведе. Талантливый маэстро-скрипач М.И. Голеско приехал в город в 1921 г. и, выступая на концертах первой скрипкой, одновременно работал в «Максима» и «Пти-Шане». Он виртуозно исполнял как классический, так и цыганский, а также родной ему румынский репертуар. Евгений Шведе учился в Петербургской консерватории у профессора Налбандяна, в то же время имел и юридическое образование. В Стамбуле отдался исключительно музыкальной деятельности. Успешно выступал с сольными концертами, давал и частные уроки по классу скрипки.

Русские музыканты показали стамбульской публике также классическую фортепианную игру. Одним из них был пианист и композитор Владимир Николаевич Дроздов (1882–1960), в 1914–1917 г. профессор

Евгений Шведе

Павел Лунич

Владимир Дроздов

Петроградской консерватории. Пианист серьезной школы и большой техники, Дроздов обучал виртуозов Кондури, Иванова и Гелодо. Другим музыкантом, сосредоточившим свою фортепьянную деятельность на популяризации классической европейской музыки, был Павел Лунич. С редким мастерством им исполнялись лучшие произведения Бетховена, Баха, Мендельсона, Шопена, Рахманинова, Гайдна, Дебюсси, Шумана и Листа. Одновременно он пропагандировал и произведения современных ему корифеев музыки: Сергея Рахманинова, Александра Скрябина, Антона Рубинштейна и Цезаря Кюи. Самостоятельные фортепьянные концерты, данные им в Стамбуле с 1920 по 1927 г., включали около ста пьес названных авторов.

Перечень русских музыкантов можно продолжить именами пианиста и начинающего композитора Константина Дмитриевича Никольского, пианисток Марии Владимировны Оболенской, А.М. Высоцкой и Воскобойниковой, дирижера Константина Степановича Стенгача, теоретиков музыки, профессоров Овтехаренко и Гартмана, скрипачей И.А. Вольпина, В. И. Поржицкого, С. Борицера и Н. Корсака, а также В.И. Овчаренко, С.В. Петрова, В.А. Подгаецкого, Н.Н. Черепнина, Ф.Г. Гиллоди, И. Фригмана, В. Заржицкого, А. Петровского, Углицкого, Сербулова, Гердера, семьи Блиндер и многих других.

Среди беженцев оказались и русские оперные артисты, прибывшие сюда преимущественно в 1920 г. Сразу же по приезде при Итальянском оперном обществе была организована оперная труппа, в состав женской части которой вошли Васенкова, Селиванова, Табасси, Панкова, Милош, Василькова, Кайзер; мужской — де Нери (бежал из Одессы, итальянский тенор), Дубинский, Кондратьев, Глиноецкий, Григорович, Лампи, Веков и др. Заведующим художественной частью стал бывший художник Московского художественного театра Узунов, режиссером — Дубинский, оркестрантом — М. Скарселли. В репертуаре труппы были такие известные произведения, как «Аида», «Фауст», «Кармен», «Паяцы», «Сельская

честь», «Баттерфляй», «Тоска», «Манон», «Лючия де Ламермур» и другие. Первое выступление труппы состоялось 4 декабря 1920 г.

На стамбульской сцене часто выступали Анна Павловна Волина и Наталья Ивановна Полянская (супруга дирижера-скрипача И.И. Полянского), а также Александр Александрович Соколов.

Анна Волина являлась неизменной участницей всех крупных музыкальных мероприятий русской колонии в Стамбуле. Ее репертуар был весьма широким — от оперных арий до старинных русских и украинских народных песен, а также и «цыганщина». Она пользовалась большим успехом также и у местной публики, впервые слышавшей в ее исполнении русские романсы в турецком переводе.

В престижных стамбульских концертах принимала также участие молодая концертная певица Наталья Полянская. Воспитанница харьковской вокальной школы Н.П. Давыдовой, она исполняла арии из «Царской невесты», «Пиковой дамы», «Тоски», «Сельской чести», романсы Рахманинова, Чайковского и Стравинского, пела в дуэтах. Ее выступления в Итальянской оперной труппе, как и концерт в день французского национального праздника 14 июля 1922 г. во Французской консерватории, вызвали положительную оценку местной печати. Аккомпанировал ей известный пианист, композитор Луиджи Скарселли. Среди партнеров Полянской были баритон Сарри и бас Александр Александрович Соколов.

Наталья Полянская

Анна Волина

Александр Соколов

Александр Соколов был виртуозом пения. О мастерстве исполнения им арий Мефистофеля из «Фауста» и Кардинала из «Жидовки», а также партии Дона Базилио из «Севильского цирюльника», писали с восторгом во всех крупных газетах. Не обошла своим вниманием пресса и рециталы Соколова в салоне оперного центра «Каза д'Италия», а также в Оперном содружестве при павильоне под открытым небом «Алай» в знаменитом

стамбульском парке «Гюльхане». Для широкой публики Соколов перелажал тексты некоторых произведений русских композиторов на турецкий язык. Так, например, он исполнял романсы Слонова «Ах ты, солнце» и Гречанинова «Смерть» на турецком, в стихотворном переводе Шериф-бея.

В ту пору в Стамбуле оказалась также артистка Императорской Мариинской оперы, меццо-сопрано, камерная певица и педагог Мария Эдуардовна Маркович (урожд. Берген; наст. имя Микалина). И хотя она являлась одной из лучших в России исполнительниц вагнеровского репертуара, выступала, к сожалению, очень редко, преимущественно в больших благотворительных концертах.

Несмотря на большие усилия русских оперных певцов, русская опера в Стамбуле не привилась. Космополитическая публика предпочла ей оперетту и романсы, репертуар которых был весьма обширен, а постановки — экзотичны, красочны и развлекательны.

С учетом этого предприниматель и солист Мариинского театра Владимир Петрович Смирнов² (1875–1934) открыл кабаре-театр «Паризиана». Так Стамбул стал родоначальником искусства русского эмигрантского кабаре. В популярном кабаре «Черная роза» выступал звезда эстрады Александр Вертинский (1889–1957). Турки, не понимая русских слов, буквально млели от его оригинальных интонаций. В том же кабаре выступали Юрий Спиридонович Морфесси (1882–1957) и Елена Никитина. В «Пти Шане» пели шансонетки. В «Стелле» у московского негра-джазиста Фредерика Брюса (Федора Федоровича) Томаса (1872–1928) играли русские музыканты и танцевали русские балерины. В одном из кабаре пела русские и цыганские песни А.И. Тараканова, выходившая на сцену в русском кокошнике. В другом кабаре цыганские романсы исполняла Анастасия Алексеевна Полякова (1877–1947).

Закрыв «Паризиану», В.П. Смирнов вместе с примадонной Мариинского театра, лирическим сопрано Валентиной Ивановной Пионтковской (1877 — не ранее 1926) организовал музыкальный театр «Буфф». Здесь под руководством режиссера А.Я. Любина они поставили оперетту Оффенбаха «Прекрасная Елена», в которой приняли также участие опереточный и эстрадный актер, обладатель бархатного баритона Юрий Спиридонович Морфесси и известный опереточный комик Александр Семенович Полонский (1860–1944).

² В. П. Смирновым в Стамбуле было основано также и небольшое производство водки под именем «Бывшего поставщика царского двора П. А. Смирнова», выпуск которой был рассчитан на русских эмигрантов, а деньги, вырученные от ее продажи, должны были идти на содержание «Паризианы».

Владимир
СмирновВалентина
ПионтковскаяАлександр
Полонский

«Прекрасная Елена», которую стамбульчане видели впервые, прошла с грандиозным успехом. Об этом вспоминает и князь Петр Петрович Ишеев в «Осколках прошлого»: «Елену — Пионтковскую выносили в паланкине чернокожие рабы, и это не были статисты, вымазанные сажею, а настоящие колоссального роста негры и нубийцы. Агамемнон выезжал на ослике, а Менелая — Полонского выносил на сцену турецкий грузчик “хамал”. Если прибавить к этому участие Юрия Морфесси, кордебалет и хор, оригинальную постановку, перенесение действия в зрительный зал при эффектном освещении прожекторов, красочность костюмов, то будет понятен ошеломляющий успех “Прекрасной Елены»» [Ишеев 1959: 138].

Среди других русских опереточных артистов в Стамбуле назовем Веру Викентьевну Бураго-Цехановскую, Александра Аркадьевича Балабана (ум. 1950) и Николая Георгиевича Северского (наст. фамилия Прокофьев, 1870–1941). Последний являлся участником опереточной труппы Давецкой и Ардатова, о деятельности которой информировал обозреватель культурной жизни города издаваемого в Берлине двухнедельного журнала «Театр и жизнь» Григорий Рагозин в августовском номере 1922 г.: «Опереточная труппа Давецкой и Ардатова делает прекрасные сборы. (...) Репертуар: “Сильва”, “Гейша”, “Прекрасная Елена”, “Добродетельная грешница”, “Корневильские колокола”, “Ева”, “Дочь фараона”, “Жрица огня” и др. Наибольшим успехом из оперетт пользовались “Жрица огня” Валентинова, “Дочь фараона”, превращенная волею режиссера в одну из “Тайн гарема”, того же Валентинова и “Ева” Легара. Объявлены “Роза Стамбула” и “Синяя мазурка”. Из актеров на первом месте В.И. Пионтковская, завоевавшая прочные симпатии публики. Следует также отметить и госпожу Селиванову, прекрасную “Жрицу”, “Анжель” и “Вдову”. Из мужчин, кроме признанных уже Н. Северского и А. Полонского, неизменным успехом пользуется молодой артист Г. Кларин — великолепный

тенор с блестящими верхами и необычно ласкающим тембром» [цит. по: Васильев 2008: 99].

В 1923 г. русская оперетта продолжалась в саду на площади Таксим, по-прежнему имея во главе Пионтковскую, но со значительно побледневшим составом, пополненным, правда, артисткой тифлисской оперы Боярской и баритоном Данюшиным, выдвинувшимся исполнением партии Раджами в новой оперетте «Баядерка».

Выступления артистов балета, кино и театра

Среди беженцев, оказавшихся в Стамбуле, было немало артистов русской балетной школы, классических танцоров и танцовщиц.

Турецкая публика, познакомившаяся с классическим балетом, была глубоко впечатлена высоким мастерством русских балерин. По этому поводу Жильберто Прими пишет, что «... чувства, которые вызывали изящество и строгая красота русских балерин, не поддаются словесному выражению. <...> Принеся на турецкую землю поэзию танца, они открыли туркам искусство балета не только классического, но и современного — модерн» [На прощание 1923: XXXIX]

Учредитель классического хора при Турецком национальном радио Месут Джемиль, в ту пору преподаватель османского музыкального училища «Дарульелхан», будет вспоминать спустя четверть века о своей первой встрече с балетом: «... в театре “Ферах”, где я был с покойным Мусой Сюрейей, я впервые в моей жизни познакомился с большим искусством людей, которые, танцуя под музыку, превращали трехчасовое время в сладостное и подобное сну мгновение...» [Cemil 1949: 72].

Первой встречей турецких зрителей с классическим балетом стала «Шехерезада» — одноактный балет на музыку Н.А. Римского-Корсакова по мотивам сказок «Тысяча одна ночь». Она была поставлена Надеждиным в сезоне 1920–1921 гг. в театре «Пти-Шань» при участии Елизаветы Глюк и Виктора Зимина, который также был хореографом-постановщиком этого балета. Художественное оформление принадлежало Николаю Ивановичу Васильеву (1892–1970), а художником по костюмам был Павел Федорович Челищев (1898–1957).

В том же составе «Шехерезада» успешно ставилась и в последующих двух сезонах. О совершенстве постановки Надеждина и мастерстве сопровождающего оркестра под руководством И.Г. Бутникова, а также о блестящем успехе Елизаветы Глюк, сообщается в издаваемой в Стамбуле

на английском языке еженедельной газете «Ориент Ньюз» от 10 февраля 1922 г.

Постановку хвалил и Григорий Рагозин — стамбульский корреспондент русского журнала «Театр и жизнь»: «С исключительным успехом прошла “Шахерезада” Римского-Корсакова, повторенная несколько раз. Постановка эта явилась подлинным художественным событием. Блестящий и яркий балет завоевал публику. Прекрасный оркестр г. Бутникова, знакомого русским по кисловодским и харьковским сезонам, звучал превосходно. “Шахерезаду” танцевала Е. Глюк, имевшая шумный успех в дивертисменте в “Умирающем лебеде”» [цит. по: Васильев 2008: 103].

Рагозин, однако, не получил полного удовлетворения от постановки. В балете, по его мнению, «чего-то не хватало. Хотелось бы больше экзотики, колорита, всего того, чем так богата музыкальная палитра Римского-Корсакова. В. Зимин был достаточно пластичен, красиво танцевал, но и только. А “Шахерезада” прежде всего требует “лица”. Вот мимика-то и была слабым местом у несомненно талантливого молодого танцовщика. Технически подготовив партию, он недостаточно продумал образ персонажа. Массовые сцены были великолепно задуманы, но исполнены технически несовершенно, что следует отнести за счет слабости кордебалета. В общем же “Шахерезада” была прекрасным зрелищем; после любительских, наскоро и неряшливо слаженных спектаклей это была подлинная победа русского искусства» [цит. по: Васильев 2008: 103].

На сцене театра «Пти-Шань» в последующие три года космополитичная публика увидела ряд русских балетных постановок, среди которых «Лебединое озеро», «Курильщики опиума», «Волшебная флейта», «Дон Жуан», «Голубой поезд», «Вальпургиева ночь», а также постановку на восточные мелодии «Персидские ковры» и «Итальянскую рапсодию» на музыку Равеля.

Вот что пишет о зимнем сезоне 1924–1925 гг. Месут Джемиль: «На протяжении всей зимы стамбульские ночи оживлялись Чайковским. Особенно красота так называемого “Танца гладиаторов” была у всех на устах. Балет “Саломея” был испещрен восточными звуками. Как будто древнеегипетские фрески ожили и явились в Стамбул. Нам нелегко вылить свои чувства на бумагу. Словами не описать изящество русского балета. Белые русские, вынужденные навсегда покинуть свою родину, подарили ночам Перы балет» [Semil 1949: 73].

Авторство большинства постановок сезона 1924–1925 гг. принадлежало гастролировавшему в ту пору в Стамбуле бывшему артисту Дягилевского балета Василию Карнецкому. «Танцовщик крупного таланта, он в то же время является весьма трудолюбивым балетмейстером и ре-

Василий
Карнецкий

Марта
Крюгер

Михаил
Заварихин

жиссером, входящим во все мелочи и детали постановок». Выступив в «Персидских коврах» и «Итальянской рапсодии» в театре «Пти-шань», Карнецкий поразил публику «красотой и мощью своих танцев» [Бурнакин 1928]. Наряду с классическим танцем он проявил себя и как незаурядный артист-импрессионист. Ряд своих постановок («Голубой поезд», «Вальпургиева ночь», «Шехерезада», «Студио» и др.) Карнецкий оформил в стиле модерн. Особое внимание он обращал на роскошь, красоту и оригинальность костюмов.

В Стамбуле Карнецкий создал самостоятельный балетный театр и образовал молодежную труппу, с которой выступал на турецкой сцене. В большинстве постановок партнершей была его талантливая ученица Марта Крюгер.

Популярными в Стамбуле были и выступления группы русских танцовщиков под руководством известного балетмейстера петербургского Мариинского театра Евгении Степановны Воробьевой. Ей принадлежат постановки одноактных феерий и скэтчей «Лесные тайны», «Русский хоровод», «Блан э нуар», «Пляска Саломеи». Артисты исполняли не только балетную классику, но и русские народные, древнееврейские, египетские, арабские, испанские, горские танцы. Пресса пестрела откликами о выступлениях, восхваляя рисунок танца, виртуозную технику, эмоциональную выразительность и владение драматургическими элементами.

Николаем Ильичем Триполитовым (1894–1972) и Ольгой Смирновой был создан дуэт «Смирнова и Триполитов», исполнявший эксцентрические балетные миниатюры и отличавшийся сложными поддержками.

Любителям балета хорошо было известно и имя бывшей балерины Варшавского театра Ольги Александровны Мечковской, прославившейся в Стамбуле как преподаватель классического балета. За годы пребывания в городе ею были подготовлены к сцене около 50 учениц, среди которых и ее дочь Анна Мечковская.

Л.К. Арзуманова с воспитанниками, 1950-е гг.

Из балетных артистов и танцоров в эти годы в Стамбуле выдвинулись также Бианка Фоска, Борис Князев, Елена Дмитриевна Полякова, Тамара Оболенская, Стрельская, Лантревич, Эгрих, Хорват, Герман, Ларионова, Лореп, Траполли и Дакс, Заварихин, Дроздов, Геролович и др.

В зале «Каза д'Италия» с аншлагом проходили концерты трио Виктора Крюкова и его сестер Джеммы и Надежды. Классические, народные и современные танцы в их исполнении имели большой успех. На открытой площадке парка «Гюльхане» выступал со своей труппой казачий офицер Михаил Турпаев (танцор Казбек)³.

К концу 1920 г. большинство танцовщиков уехало в Европу и США. Среди оставшихся добились популярности Женя Нанасова, Купреянова и особенно выпускница Петербургского хореографического училища Лидия Арзуманова (1897–1988), известная как Лейла Арзуман.

Л. К. Арзуманова является основателем первой балетной студии в Турции в конце 20-х годов. Первое выступление ее участников состоялось в 1931 г. в зале «Каза д'Италия». Спустя 10 лет, продолжая работать в студии, Арзуманова начала давать уроки в муниципальной консерватории района Тепебаши, а позже создала школу танца при культурно-просветительском Народном доме в районе Эминёню. С постановкой балета «Лесная сказка» на музыку известного композитора Аднана Сайгуна в Анкаре в 1944 г. Арзуманова стала первым хореографом, осуществившим постановку балета на музыку турецкого композитора. За долгие годы служения турецкому балету она воспитала не одно поколение танцоров-исполнителей, которых научила понимать классическую музыку и выражать ее языком танца.

В Стамбул в те годы попали также некоторые пионеры русского кино и театра.

³ Завоевавший известность как непревзойденный исполнитель горских танцев с кинжалами, Михаил Турпаев дожил в Стамбуле до 98 лет и умер в 1978 г.

Артисты кино и театра

10 февраля 1920 г. в Стамбул эвакуировалось около 20 актеров и работников студии «Товарищество И. Ермольева», среди которых сам Иосиф Николаевич Ермолев (1889–1962), ведущие артисты Наталья Андриановна Лисенко (1884–1969) с мужем Иваном Ильичом Мозжухиным (1889–1939), Зоя Владимировна Карабанова (псевд. Мара Крэг) (1900–1960), Николай Александрович Римский (наст. фамилия — Курмашов, 1886–1942), кинорежиссеры Яков Александрович Протазанов (1881–1945), Александр Александрович Волков (1885–1942), художник кино и продюсер Александр Владимирович Лошаков (1871–1942) и другие. Артисты студии дали несколько импровизированных спектаклей. Особенно неподражаем в этих полуконцертных выступлениях был Иван Мозжухин.

Кинокартины студии И. Ермольева показывали в открывшемся в марте «Русско-американском синемаграффе» (Cinema Russo-Americain). По всей вероятности, тут была показана и отснятая в Стамбуле Я. А. Протазановым и И. И. Мозжухиным «Дорога горя» — почти документальная кинокартина о трудном и горестном пути белоэмигрантов.

Свою прокатную контору открыл также находившийся в то время в Стамбуле пионер русского синемаатографа Александр Алексеевич Ханжонков (1877–1945). В ноябре 1920 г. с участием актеров МХТ им же была создана производственная компания «Кинофильм» и были «анонсированы костюмные драмы на сюжеты турецкой истории, выставлять которые предполагалось в собственном кинотеатре» [Янгиров].

В ноябре Григорием Ивановичем Либкиным в содружестве с Верой Чаровой, Владимиром Стрижевским, Георгием Азагаровым и др. была

Иван Мозжухин

Сине-Маджик

основана третья по счету русская кинопрокатная фирма в Стамбуле. Наряду с прокатом иностранных и русских фильмов прошлого проводилась и съемочная работа. Так, например, в 1922 г. Либкиным была снята картина «Трагический Стамбул»⁴.

Кинодеятели занимались также и педагогической деятельностью. Так, например, под руководством актера, режиссера и сценариста Георгия Георгиевича Азагарова (1892–1957) в Стамбуле стала действовать учебная киностудия. Уроки здесь вели актер Аркадий Сергеевич Бойтлер (1890–1965), балерина Юлия Николаевна Седова (1880–1969), режиссер и драматург Петр Михайлович Ярцев и другие.

В иноязычной среде тяжелее всего приходилось драматическим артистам. Они выступали лишь перед русскоязычной аудиторией и были вынуждены искать пути гастролей в такие города переселения своих соотечественников, как София, Белград, Прага, Берлин, Париж. Таким образом через Стамбул стал пролегать путь гастрольных театральных трупп.

Самим ярким событием стал первый спектакль гастролирующей труппы Московского художественного театра с участием О.Л. Книппер, В.И. Страховой, П.Ф. Шарова, Н.О. Массалитинова и В.И. Качалова 11 октября 1920 г. в театре «Пти-Шане». За ним состоялось еще несколько представлений. Публике с большим успехом были показаны инсценировки рассказов А.П. Чехова «Забыл», «Хирургия» и «Гавань» Мопассана.

В связи с этим интерес представляет статья Г.Д. Гребенщикова «Несмотря ни на что!..» в газете «Общее дело» от 20 декабря 1920 г.: «В Константинополе — на этой грязной международной толкучке, где никогда не было ни одного приличного (в европейском смысле слова) театрального представления, где считалось неприличным останавливаться для гастролей, нынче, когда отовсюду на Россию смотрят как на бывшую и несуществующую державу, эта самая Россия показывает Константинополю свой Московский Художественный театр с Книппер, Качаловым,

⁴ В русских источниках сообщается, что им же снята «драма необузданной и неукротимой страсти» — «Тайны Босфора», режиссура — Мухсина Эртугрула, сценарий — Ильи Василевского-не-Буквы, с участием Эм. Сарматовой. Однако ни в анонсах фильма, ни на афише, ни в воспоминаниях самого М. Эртугрула — основоположника современного турецкого театра и кино, нами не было обнаружены сведения о вкладе Либкина и Ильи Василевского-не-Буквы в съемки этой кинокартины. Упоминаются лишь имена трех российских актрис (Сарматова, Е. Антипова, А. Мариевич), снимавшихся в этом фильме. Картина о страстной натуре главы религиозного ордена «бекташи», являющаяся вторым по счету в истории турецкого кино, была снята по роману турецкого классика Якуба Кадри Караосманоглу «Отец Нур». Постановщиком был Шакир Седен, режиссером и сценаристом — М. Эртугрул. После уличного протеста и нападения «бекташей» на съемочную группу во время натурных съемок в 1922 г. название фильма было изменено на «Тайны Босфора» (тур. *Boğaziçinin Esrarı*), а сам фильм был показан лишь в конце 1923 г.

Массалитиновым и др., показывает свой сказочный балет в лице Фроман и др. и, наконец, ставит своего бессмертного “Евгения Онегина”. Надо знать те гнусные условия, созданные атмосферой беженства — этого отвратительного явления современности, чтобы оценить подвиг, совершенный русскими артистами... Пусть бывшие в театре: изысканный француз, высокомерный англичанин, грубый и невежественный грек, эпически наивный турок и наши маленькие братушки славяне, словом, все, перед которыми мы вынуждены ломать шапки, слушая и видя русское искусство, знают, что Россия, нищая сейчас материально — никогда не будет нищей духом!..» [Гребенщиков 1920: 2].

Из драматических артистов назовем также Ф.С. Горскую и известного актера А.А. Мурского, о котором в 1922 г. писал журнал «Театр и жизнь»: «А.А. Мурский закончил свои гастроли в Константинополе. Игра его восстановила в памяти любителей русской сцены славные времена классической школы. Сочные, полные жизненной силы воплощения прошли перед местной аудиторией. Отсюда А. А. Мурский едет на гастроли в Европу» [цит. по: Васильев 2008: 104].

Весьма активной была творческая деятельность оказавшихся среди беженцев художников и декораторов. Наряду с вереницей красочных экспозиций, декораций к постановкам, оформлением стен увеселительных заведений, ими же было осуществлено и множество работ по реставрации церквей, росписи интерьеров и аркад строившихся в то время на Бейоглу и в прилегающих к нему кварталах государственных зданий, пассажей, кинозалов и особняков элитных семей.

Русские художники в Стамбуле

Творчество художников белоэмигрантов в их стамбульский период тяготело в своей массе к бытописательству или отражало в основном жизнь самих эмигрантов. Преобладали по большей части акварели и масляная живопись в академической манере с видами города и экзотическими сценками из жизни горожан, пейзажи с изображениями византийских храмов, мечетей и минаретов, интерьеры, натюрморты и портреты. Особенно были востребованы акварели и масляная живопись с видами Босфора и Золотого рога, на водной поверхности которых отражалась игра света и тени, а также исторические достопримечательности города-колыбели трех цивилизаций, тающие в мягких и пурпурных тонах. Таким был спрос рынка и художники шли навстречу требованиям публики.

На продажу картины выставлялись первоначально в галантерейном магазинчике российского армянина «Грегорьян» в пассаже шестизэтажного здания «Элхамбра» («Альгамбра») на улице Гранд рю де Пера⁵.

21 июля 1920 г. стамбульская газета «Акшам» (рус. «Вечер») сообщала, что в бывшем танцевальном зале Российского посольства проходит выставка работ эвакуированных представителей русской аристократии, участие в которой оплачивалось им двумя лирами. В сообщении обращалось внимание на ценность экспонатов, представлявших Российскую империю. Уведомляя о высоком качестве выставленных работ, газета приглашала любителей искусства посетить выставку и поддержать таким образом беженцев [Akşam, 21 Temmuz 1920].

Важным событием художественно-культурной жизни города стало открытие 9 октября 1921 г. выставки в галерее благотворительного клуба «Маяк». В профессиональном плане она считается первой в Стамбуле.

Участники выставки 9 октября 1921 г.
(Фото из альманаха «На прощание»)

Очень скоро художники объединились и создали Союз русских художников, в составе приблизительно шестидесяти членов, среди которых были: Евгений Андреевич Агафонов, Татьяна Александровна Алексинская, Георгий Калистратович Артемов, Константин Николаевич Астори (наст. имя Астафьев), Николай Николаевич Беккер, Влади-

мир Васильевич Бобрицкий, Николай Иванович Васильев, Александр Петрович Греков, Алексей Васильевич Грищенко, Михаил Анатольевич Дубинский, Николай Васильевич Зарецкий, Владимир Федорович Зендер, Александр Иванович Иванов, Василий Иосифович Иванов, Владимир Степанович Иванов, Дмитрий Васильевич Измайлович, Николай Иванович Калмыков (Наджи Калмыкоглы), Петр Николаевич Кареев, Н.И. Кравченко, Леон Яковлевич Мурадов, Николай Константинович Петров, Владимир Константинович Петров, Николай Николаевич Сарафанов, Ибрагим Сафи (Рахман Сафиев), Леонид Романович Сологуб, Николай Григорьевич Узунов, Павел Федорович Челищев, Борис (Барух, Бари) Исаевич Эгиз и другие.

⁵ Ныне Истикляль.

На первом заседании 1 января 1922 г. председателем Союза был избран Василий Иосифович Иванов, а куратором выставок — Дмитрий Васильевич Измайлович. Вместе с тем директор «Маяка» известный коллекционер Стенли Хэррисон был единодушно избран первым почетным членом Союза.

В галерее клуба «Маяк» на улице Бурса⁶ в доме № 40 до его закрытия в октябре 1922 г. были устроены еще семь экспозиций. Их постоянными участниками были Д.В. Измайлович, Н.Н. Сарафанов, Н.К. Перов и Н.В. Зарецкий. Иногда здесь выставлялись также работы Алексинской, Астафьева, Бобрицкого, Кайсарова, Сабанеева и Федорова [Deleon 2003: 53].

Во второй половине 1922 г. усилиями управляющего Американским посольством Фостера Стэрнса и его супруги была открыта художественная мастерская, а в казарме «Макмахон» на Таксима стала действовать еще одна художественная галерея. Здесь и в залах YMCA состоялись три выставки: 18 июня и 10 декабря 1922 г., 24 июня 1923 г. Все они, как и те, которые проходили в клубе «Маяк», были удостоены большого внимания прессы.

Так, например, за день до открытия выставки 18 июня 1922 г. газеты «Пеями сабах» и «Вакит» анонсировали ее и горячо рекомендовали своим читателям посетить, гарантируя хорошее времяпрепровождение. Обращалось также внимание, что визитом на выставку будет оказана помощь людям, находящимся в большой беде. Организационным комитетом был объявлен свободный вход для учащихся. Благодаря всеобщим усилиям выставка привлекла большое число посетителей. Доход от продажи картин целиком был пожертвован нуждающимся художникам в России [Peyâm-ı Sabah. 17 Haziran 1922; Vakit 17 Haziran 1922].

Широка была освещена в прессе и экспозиция 24 июня 1923 г. в залах YMCA в квартале Пера, на улице Кабристан Йолу дом 40. Из сообщений узнаем, что на ее открытии присутствовали все оставшиеся в Стамбуле члены Союза русских художников, местные и иностранные художники, а также любители искусства. Среди экспонатов больше всего выделялись «Портрет князя Валковского» Н.И. Васильева (1887–1970), «Портрет Шамашиновой» Е.А. Агафонова (1879–1955), «Спящая женщина» Б.И. Эгиза, «Три грации» Л.Я. Мурадова, миниатюры Лобана, религиозные изображения Н.К. Перова и работы В.И. Иванова [Vatan 25 Haziran 1923].

Акварельные и масляные работы В.И. Иванова, воспитанника акварелиста академика С. Васильковского, отличались красочностью и свето-

⁶ Нынешнее название улицы — Садри Алышик.

выми эффектами. Его лучшие акварели — «Золотой Рог при лунном освещении», «Остров Принкипо», «Окрестности Малтепе», «Долмабахче», «Типы турок» были закуплены представителями оккупационных сил, а работы маслом — «Глицини», «На террасе» — местным коллекционером Сюлейман Беем, «Восточный танец» — мадам Бристоль. Исполненная художником акварельная серия тончайшей работы — «Коллекция турецких денег» была приобретена профессором Восточной высшей школы Роэрсом [Бурнакин 1928].

Интерес любителей искусства привлекали также работы Д.В. Измайловича (1890–1976) и Н.В. Зарецкого (1876–1959). В 1922 г. ими в том же «Маяке» были осуществлены персональные выставки.

Д.В. Измайлович оказался на берегах Босфора осенью 1919 г. В свой семилетний стамбульский период он написал около тысячи работ, среди которых преобладали натюрморты, пейзажи с видами Стамбула и портреты. Измайлович также сделал изобразительные копии множества фресок и мозаик византийских храмов. Некоторые его картины приобрела Эдит Вильсон, вдова президента США Вудро Вильсона, посетившая его мастерскую в 1926 г. Она же оказала художнику поддержку при открытии в 1927 г. его выставки в Бруклинском музее и распродаже картин [Искусство и архитектура русского зарубежья].

Д. В. Измайлович

Д. В. Измайлович. Стамбульский пейзаж,
1924

Н.В. Зарецкий получил художественное образование сначала в рисовальной школе петербургского Общества художников, а затем в Академии художеств у Д.Н. Кардовского и Я.Ф. Ционглинского. Известны его иллюстрации к произведениям А.С. Пушкина и А.А. Блока. В Стамбуле до своего отъезда в Берлин в 1920 г. художник отдавал предпочтение графике и акварели.

Крупнейшим событием 1922 г. стали открывшиеся в залах фешенебельной гостиницы «Пера Палас» две выставки Н.Н. Беккера (1877–1962).

Будучи воспитанником Императорской академии художеств по классу батальной живописи у П.О. Ковалевского и Ф.А. Рубо, Н.Н. Беккер прославился еще до Первой мировой войны своими великосветскими портретами. Большой успех принесли ему семейные портреты Юсуповых и Строгановых. А пейзаж «Из путевых впечатлений» (1914 г.) приобрела вдовствующая императрица Мария Федоровна. В дни революции им были написаны портреты великой княгини Марии Павловны-старшей и великих князей Бориса и Андрея Владимировичей. Они и стали последними портретами Особ Императорского Дома, написанными в России русским художником [Искусство и архитектура русского зарубежья].

Николай Беккер

Н.Н. Беккер. Портрет князя
Ф.Ф. Юсупова (1914 г.)

Н.Н. Беккер. Портрет
Н.Х. Делеон (1922 г.)

В Стамбул художник приехал в 1920 г. с отцом — известным профессором архитектуры, статским советником Николаем Федоровичем Беккером, по проектам которого были построены многие доходные дома в Санкт-Петербурге.

Во время трехлетнего пребывания в Стамбуле Н.Н. Беккером были написаны 168 мужских и женских портретов. Среди них — портреты верховного американского комиссара, адмирала Бристоля, майора Дэвиса, супруги французского адмирала Веры Николаевны Дюмениль, дочери английского верховного комиссара Серы Румбольд, известного местного адвоката Алберта Делеона и его жены Натальи Хомяковой Делеон, датируемые 1922 г. Вот как о творчестве Н.Н. Беккера писалось в 10-м номере журнала «Театр и жизнь» в том же году: «...Можно гордиться, что наш соотечественник превзошел таких королей салонного портрета, как

сошедший со сцены Больдини и еще не сошедшие — Ласло и Этчевери. Этих виртуозов кисти Беккер затмил тем, что им не дано, — психологическими и техническими исканиями и достижениями. Вот что в избытке есть у Беккера, этого европейца с чисто русской душой...». С 1923 г. художник продолжит свою деятельность в Париже. Временами будет работать также в Лондоне и Мадриде и напишет множество портретов знати.

Другим прославившимся своими портретными работами мастером кисти был Борис (Барух) Исаевич Эгиз (1869–1947). За его плечами были Одесское художественное училище, Петербургская и Парижская художественные академии, а затем поездки за границу с целью изучения работ мастеров портрета — Веласкеса, Рембрандта, Ван-Дейка, Тициана и др. Мастер приехал в Стамбул 19 октября 1922 г., оставив на родине свои работы. Здесь продолжил писать портреты и давать частные уроки. Его работы, исполненные глубоким психологизмом, вбирали в себя художественные традиции академической живописи русской школы и восточные мотивы.

Интересно, что изображение на «Портрете неизвестной женщины» (1927) Б.И. Эгиза до сих пор остается неразгаданным. Осмелимся высказать предположение, что художнику позировала жена адвоката Алберта Делеона — Наталья Хомякова Делеон. При внимательном рассмотрении нами обнаружено явное сходство портрета Эгиза с обликом Натальи Хомяковой Делеон на портрете Н.Н. Беккера.

Борис (Барух) Эгиз

Б.И. Эгиз. Женский
портрет 1920 г.Б.И. Эгиз. Портрет неиз-
вестной женщины, 1927 г.

Весьма впечатляющими были также импрессионистские акварели Алексея Грищенко (1883–1977). До эвакуации осенью 1919 г. он писал картины кубистического и примитивистского толка, разрабатывал живописный метод «цветодинамос», основанный на научных представле-

ниях о природе цветового восприятия. В Стамбуле Грищенко освобождается от теорий и дает полную свободу своему таланту. Это отметит Павел Ковжун — первый биограф и исследователь творчества художника в своей книге о нем: «В Константинополе Грищенко рисует много. Рисует интересно, с новой энергией и новой любовью. И вещи совсем новые. Не такие, как были. Грищенко не ищет в них художественного высказывания. Он бросает красочные пятна и контуры с удивительной отвагой и необычно чувствительным лиризмом. Эти работы художника — триумф его предыдущего художественного достояния, они не дают ему попасть в отупение. Напротив, они становятся завершением всего пройденного, пережитого и переработанного опыта» [цит. по: Шерман, Яринич].

В Стамбуле, на одной из бульжных мостовых квартала Топхане, рисующего Грищенко заметил известный турецкий художник импрессионист Ибрагим Чаллы (1882–1860) и, подружившись с ним, приютил его. Грищенко жил у Чаллы до самого отъезда во Францию в апреле 1921 г. Сам Чаллы, закончив Художественную школу в Стамбуле, обучался с 1910 по 1914 г. во Франции у Фернана Кормона. Ровесники делились друг с другом опытом и знаниями об искусстве. Встреча с Грищенко во многом повлияет на творчество турецкого художника.

В свой стамбульский период Грищенко писал импрессионистские пейзажи с изображением видов старого города, церквей, мечетей и дервишских обителей, продолжая применять приемы и образы русской

Алексей Грищенко

А.В. Грищенко. Розовый дом, Стамбул, 1920 г.

А.В. Грищенко. Турки в кофейне, Стамбул 1921 г.

иконы, украинского лубка и итальянской фресковой живописи. Более шестидесяти его работ приобрел Т. Уиттимор — американский ученый, проводивший реставрационные работы в храме Св. Софии и церкви-мечети Карие. С 1921 г. Грищенко становится экспонентом Осенне-

го салона под председательством Фернана Леже. Последний отобрал 24 стамбульские акварели Грищенко и потребовал, чтобы их разместили в одном зале с его собственными работами. В дальнейшем произведения Грищенко выставлялись в галереях Персье, Анри Бинга, Кати Гранофф, Друэ... Помимо Фонда Барнса, обладающего одной из лучших коллекций авангарда, его работы хранятся в Национальном центре искусства и культуры имени Жоржа Помпиду и Музее д'Орсэ, нью-йоркском МОМА, музеях Мадрида и Монако, королевских музеях Копенгагена и Брюсселя [Шерман, Яринич].

Большой интерес привлекало также многообразное творчество другого художника-импрессиониста, подписывавшего свои работы инициалами В. П.-Ч. Его творчество и талант описывается на трех страницах альманаха «Русские на Босфоре»: «Молодой русский художник В. П.-Ч. давно уже обращает внимание как тонкий стилист, сочетающий дар стилизации с пышной фантастикой, дар композиции — с даром колорита. <...> Чуждый копизма, репродуктивности, “натюрмортизма”, он поэтически преображает мир и всякую натуру, пользуясь при этом своеобразной палитрой, богатой не только по диапазону тонов, но и по тональности вообще. Художник мастерски владеет полутонem и удачно пользуется им при разрешении сложных световых и пространственных задач. Творчество этого художника сложно и многообразно: декоратор с неиссякаемой фантазией, сюжетностью и композиционной изощренностью, он в то же время утонченный график и миниатюрист со строгостью и точностью линий, ясностью замысла и завершенности отделки...» [Бурнакин 1928]. Многочисленные панно В. П.-Ч. украшали ряд залов или служили декорациями, часть из них, закупленная коллекционерами, была вывезена в Париж, Лондон, Копенгаген и Каир.

К 1924 г. с отъездом большинства художников деятельность Союза русских художников прекратилась. Лишенные объединения, оставшиеся в городе М.С. Безуглый, А.П. Греков, В.И. Иванов, Д.В. Измайлович, Н.И. Калмыков, Ф.П. Макурин, Н.К. Перов, В.К. Петров, И. Сафиев, В.П.-Ч., Б.И. Эдиз, Н.Н. Яacobсон были обречены на замкнутость и исполнение случайных, зачастую «рыночных» заказов. После ухода оккупационных сил выставок почти не бывало, интерес общества и печати постепенно угас.

В 1927 г. ввиду отсутствия у оставшихся в стране белоэмигрантов гражданства турецкие власти поставили перед ними условие — принять турецкое или советское гражданство или уехать из страны. Скульптор Ф.П. Макурин (1884–1937) в декабре 1927 г. возбуждал перед полномочным представительством СССР в Турции прошение о предоставлении советского гражданства, в чем, вероятно, ему было отказано и он пересе-

лился в Бразилию. Измайлович переехал сначала в США, а через год — в Бразилию. В 1928 г. А.П. Греков переехал с семьей во Францию. Б.И. Эгиз выехал в Париж в 1929 г., а в 1930 г. переехал к сестре в Польшу и поселился в Вильно. Куда направились В. П.-Ч. и В.К. Петров — неизвестно.

В городе окончательно обосновались Николай Калмыков (1896–1951), Ибрагим Сафиев (1898–1983), Николай Перов (1886–1963) и Николай Николаевич Якобсон (1895–1964).

Зарабатывая на жизнь, Николай Калмыков оформил множество интерьеров в Стамбуле и Анкаре. Росписи стен и потолков кисти Калмыкова и сегодня хранятся в стамбульском кинотеатре «Мелек Сюрейя», в парадных некоторых элитных жилых домов на Таксима. Им же расписаны стены «Сюмер» банка, в Народном доме и Государственной консерватории в Анкаре, отреставрированы фрески католического костела Успения Пресвятой Богородицы в Бююкдере.

Впервые Николай Калмыков выставил свои работы в 1930 г. в Стамбуле на смешанной выставке в Галатасарайском лицее. Среди них два этюда, пейзаж с видом Анкары и три портрета, один из которых автопортрет. Получив спустя шесть лет турецкое гражданство, художник принял имя Наджи Калмукоглу и стал подписывать им свои работы. В последующие годы, вплоть до своей кончины он занимался исключительно живописью, сочетая академическое письмо и приемы импрессионизма. Изображал исторические события, сцены из дворцовой жизни, написал множество натюрмортов, портретов, урбанистические и пасторальные

Н. Калмыков. Автопортрет

Н. Калмыков. Прогулка на лодке

пейзажи. Большой успех ему принесли портреты цыганских девочек и ню-моделей. Он провел более десяти персональных выставок, большинство работ с которых было распродано. До 2007 г. работы художника можно было отыскать лишь в частных коллекциях и каталогах аукци-

онов. В том же году вышла книга арт-консультанта и исследователя И. Халильхана Достала «Наджи Калмыкоглу», на 271 страницах рассказывающая о жизни и творчестве художника в сопровождении репродукций его лучших произведений [Dostal 2007].

Ибрагим (Рахман) Сафиев оказался в Стамбуле в конце гражданской войны. В 1923 г. он окончил Художественную школу в Стамбуле, где обучался у известного турецкого живописца Намыка Исмаила. В продолжении семи лет работал в его мастерской. Познакомившись с Николаем Калмыковым, совместно с ним оформил интерьеры нескольких стамбульских элитных зданий. Получив турецкое гражданство в 1942 г., стал подписывать свои картины именем Ибрагим Сафи. С 1946 г. он начал выставлять свои работы, после чего добился успеха и популярности. Писал в свободной импрессионистской манере. Создавал пейзажи с изображением Босфора, турецких городов и деревень, портреты, жанровые сцены, натюрморты с цветами и фруктами.

В 1955–1966 гг. Ибрагим Сафи изучал живописное искусство в Западной Европе и одновременно проводил свои выставки в Женеве, Цюрихе, Мюнхене, Кельне, Франкфурте, Бонне, Вене, Риме, Париже, Марселе и Афинах. Некоторые из них прошли при содействии правительства Турецкой республики. Его творческая деятельность во многом способствовала признанию турецкой живописи на Западе. Работы Ибрагима Сафи находятся в музейных собраниях Турции и Азербайджана, а также в частных коллекциях.

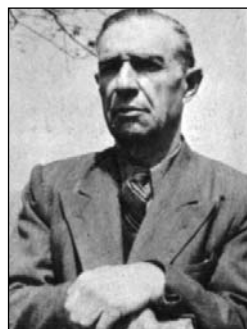

И. Сафиев.
Автопортрет

И. Сафиев. Эминеню

Николай К. Перов эвакуировался на Босфор с Белой армией осенью 1920 г. [Олджай 2018]. Первоначально жил на острове Халки, где работал грузчиком — таскал тяжелые тюки с товарами на пароходы. Переехав

Николай Перов

Николай Перов. Мадонна

в город, устроился хористом в посольской церкви. Принимал участие в выставках Союза русских художников. В 1922 г. получил первую большую реставрационную работу при французской церкви Св. Луи (Saint Louis) на Бейоглу. В сентябре 1923 г. в Стамбул приехала его супруга Анна Александровна Перова, также выпускница Харьковского художественного училища, с их семилетним сыном Левушкой⁷. Вместе они писали иконы для Николаевской церкви, а затем последовал заказ от доктора Усова расписать Свято-Андреевскую церковь русского подворья на Каракее, где Перов в течение двух лет (1928–1929) исполнил иконостас и росписи в «нестеровском» стиле. Одновременно он пел в хоре русской Свято-Пантелеймоновской церкви, которую также расписал. Кроме того, Перов исполнял заказы для греческих и униатских церквей. Ему же принадлежит реставрация в 1927 г. росписей православной церкви в Сан-Стефано совместно с его учеником и помощником, а в будущем известным художником-реставратором, Александром Петровичем Грековым (1909–2000).

В 1927 г. турецкий режиссер Мухсин Эртугрул, увидев панно, сделанные Перовым для ателье фотографа Жюля Канцлера, предложил ему работу декоратора в Стамбульском городском театре. До конца жизни Перов являлся художником-декоратором этого театра, проработав в нем 35 лет. Вместе с тем он состоял членом Общества турецких художников, выставлял свои картины на выставках.

⁷ Рукопись А. Перовой о муже Н.К. Перове // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Rare Book and Manuscript Library. Butler Library. Columbia University in the City of New York (USA). Ms Coll. Barry Box 7.

Наряду с художественной Перов вел активную общественную деятельность. Он играл большую роль в церковной жизни русской колонии. Долгие годы Н.К. Перов был регентом Свято-Пантелеймоновской церкви. На церковных службах художник нередко читал проповедь. С закрытием Свято-Пантелеймоновской церкви он стал старостой Свято-Андреевской церкви. В 1950 г. Перов был одним из основателей, а с 1957 г. вплоть до смерти в 1963 г. — председателем Русского благотворительного общества помощи русским беженцам в Стамбуле при Андреевском подворье.

С Обществом помощи русским беженцам в Стамбуле был тесно связан и художник-реставратор Николай Николаевич Якобсон. Он прошел обычный путь русского офицера. После окончания в 1914 г. Суворовского кадетского корпуса поступил на ускоренные курсы в Елизаветградском кавалерийском юнкерском училище, где 1 декабря 1914 г. был произведен в офицеры. Воевал на Западном фронте в составе 2-го Лейб-уланского Курляндского полка. Из статьи за подписью Н.Б. (Надир Бек⁸) узнаем, что «репутация хорошего художника и талантливого реставратора картин, а затем и старинных икон создали ему имя далеко за пределами Турции. Антиквары, и коллекционеры старинных икон приезжали к нему в Стамбул из больших европейских центров со своими старинными сокровищами. И тут он делал положительно чудеса искусства и техники» [Н.Б. 1964: 5].

Как писал русский судебный деятель, участник Белого движения Н.Н. Чебышев, Стамбул был «полон журналистами и литераторами, не успевшими ещё рассыпаться по вселенной» [Чебышев 1933].

Литературно-издательская деятельность

Через Стамбул пролегал путь в эмиграцию Алексея Николаевича Толстого (1883–1945) и его супруги поэтессы Натальи Васильевны Крандиевской-Толстой (1888–1963). Толстые прибыли в Стамбул из Одессы на пароходе Доброфлота в апреле 1919 г. и, получив в июне визу во Францию, продолжили свой путь в Париж.

Тем же путем пройдут Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) с Верой Николаевной Муромцевой (1881–1961). В мирное время Бунин много раз бывал в Стамбуле, но «теперь, словно нарочно, попал в него в тринадца-

⁸ Псевдоним Николая Лиодоровича Хлебникова, бывшего галлиполийца, корреспондента газет «Русская мысль» и «Часовой» в Турции.

тый раз, и это роковое число вполне оправдало себя: в полную противоположность с прошлым, все было крайне горестно теперь в Константинополе» [Бунин 1950].

Стамбул стал началом эмигрантской одиссеи и для Надежды Александровны Тэффи (1872–1952). После недолгого пребывания здесь она обосновалась в Париже, став «королевой русского юмора». С ней в Стамбуле оказался и Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881–1925) со своим театром «Гнездо перелётных птиц». На протяжении полутора лет театр стал одним из заметных явлений беженской жизни белоэмигрантов.

В 1920 г. Стамбул оказался кратковременным пристанищем как для творчески зрелых, так и начинающих поэтов, среди которых были: Николай Яковлевич Агнивцев, Лидия Алексеевна Алексеева (урожд. Девель, в замуж. Иванникова), Аминад Петрович Шполянский (псевд. Дон-Аминадо), Вадим Леонидович Андреев, Пётр Андреевич Бобринский, Анатолий Евгеньевич Величковский, Валентин Иванович Горянский (наст. фам. Иванов; псевд. Вал, Борцов и др.), Владимир Д. Дитерихс фон Дитрихштейн, Иван Иванович Новгород-Северский (наст. имя и фамилия Ян Пляшкевич), Галина Николаевна Кузнецова (по мужу Петрова), Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (урожд. Пиленко, во 2-м браке Скобцова, в монашестве — мать Мария; псевд.: Юрий Данилов и Ю.Д.), Софья Юльевна Прегель, Леонид Григорьевич Мунштейн (Леон Гершкович, псевд. Lolo), Владимир Алексеевич Смоленский, Николай Владимирович Станюкович, Юрий Константинович Терапиано, Зинаида Алексеевна Шаховская (в замуж. Малевская-Малевич; псевд. Жан Круазе и Зинаида Саран), Александр Сергеевич Штейгер и многие другие. Не всем из них удалось раскрыться на поприще поэзии и творчества в турецкой столице: получив нужное разрешение, большая часть из них уехала в другие страны и только некоторым из них суждено было в дальнейшем применить свой поэтический талант [Командорова].

Несмотря на временный и преходящий характер пребывания, на трудности в материальном и моральном отношении, беженцы вели в Стамбуле организованную литературно-издательскую деятельность.

Первой формой литературного объединения в Стамбуле явился Цареградский цех поэтов, основанный летом 1920 г. по инициативе 17-летних поэтов Бориса Юлиановича Поплавского (1803–1935) и Владимира Александровича Дукельского (1903–1969). Оценив их старания, многие скептики становились членами содружества. Цех организовывал беседы и вечера на литературные темы, на которых поэты читали свои стихи, им оказывалась также поддержка в издании сочинений. Первым таким изданием стал сборник стихов Андрея Аллина (наст. фам. Блюм) «Солнеч-

ный итог» объемом в 78 страниц, вышедший в 1920 г. (2-е изд. – 1922 г.). В том же году Б.Ю. Поплавский уедет в Париж, а В.А. Дукельский отправится в США годом позже, где прославится на музыкальном поприще под именем Вернона Дюка. С их отъездом деятельность Цареградского цеха поэтов замерла.

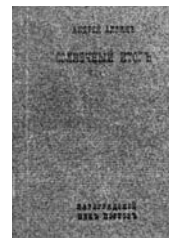
В первые месяцы эмиграции увидели свет «Стихи» Ольги Ярославны на 39 страницах, сборники стихов «Царь-Солнце» Игоря Ястребцова (1920, 96 с.), «Пасмурные птицы: Стихи 1918–1920» Григория Финна (1921, 32 с.) и «Яичница с луком: Стихи, шаржи, напевы и перепевы» Станислава Францевича Сарматова (С.Ф. Опеньховского; 1921, 93 с.). Множество лиричных, патриотичных и преимущественно «хватавших за эмигрантскую душу» стихов выходило и в издаваемых здесь перио-

И. Ястребцов, «Царь-Солнце», Царьград, 1920

Литературный сборник «Листья», К-поль, 1921

А.Аллин, «Солнечный итог» К-поль, 1922

дических изданиях. Именно здесь, в Стамбуле, впервые поэтически прозвучал мотив трагедии изгнанничества, столь характерный для всей последующей литературы русского зарубежья: «Из города в город бредем мы бесцельно, / С израненным сердцем, угрюмы и немые... / И в гнев бессильном, в тоске беспредельной, / Мы сами не знаем, откуда и где мы» (Л.Г. Мунштейн «Беженцы»).

В феврале 1920 г. на острове Принкипо⁹ Л.Г. Мунштейн напишет одно из лучших своих стихотворений — «Пыль Москвы», пропитанное глубокой тоской по родине: «Пыль Москвы на ленте старой шляпы / Я как символ свято берегу».

23 ноября 1920 г. под председательством известного публициста Владимира Львовича Бурцева (1862–1942) состоялось собрание русских писателей и журналистов, на котором было принято решение о создании

⁹ Ныне Бююкада (Большой остров)

комиссии взаимопомощи писателям-белоземгрантам. Главой комиссии был назначен Евгений Николаевич Чириков (1864–1932).

3 января 1921 г. был учрежден Союз русских писателей и журналистов в Стамбуле. Среди членов этого Союза были такие известные люди, как Аркадий Аверченко, Валентин Горянский, Владимир Даватц, князь Павел Д. Долгоруков, Иван М. Калинин, Анатолий П. Каменский, Борис А. Лазаревский, Валерий Левицкий, Николай Н. Львов, граф Владимир В. Мусин-Пушкин, Константин К. Парчевский, Илья Д. Сургучев, Николай С. Трубецкой, Николай Н. Чебышев, Евгений Н. Чириков, Василий В. Шульгин и др. Писатели собирались, обсуждали новую Россию и положение беженцев в Стамбуле, попутно критикуя творчество друг друга.

В то же время возникло и первое литературно-художественное общество им. А.П. Чехова, возглавленное писателем И.Д. Сургучевым. Обществом были организованы литературные вечера, посвященные смерти А.А. Блока, гибели Н.С. Гумилева, обсуждению книги «Россия во мгле» Г. Уэллса, публицистики В.Г. Короленко, творчества С.А. Есенина [Агеносов]. Справедливости ради надо сказать, что Союз русских писателей и журналистов в Стамбуле не играл такой роли, как в Праге, Париже или Берлине, поскольку большинство его членов скоро переехали в Европу. Оставшиеся организовали Общество ученых и писателей во главе с профессором Сергеем Константиновичем Гогелем (1860–1933) и его заместителем Сергеем Ивановичем Варшавским (1879–1945).

Важнейшим объединяющим началом для беженцев был родной русский язык. Эмиграция усилила значимость печатного слова. Литература стала главным источником сохранения национального самосознания и языка как основы русской культуры.

Содержание и потенциал литературно-издательской деятельности в Стамбуле определялись потребностью понять, что же произошло с Россией. Десятки беженцев, среди которых были и высшие офицеры, письменно изложили свои взгляды на развивавшиеся в России события и их последствия, и сразу по прибытии в Стамбул опубликовали свои тексты. Первыми примерами этих изданий стали: «В стане белых (от Орла до Новороссийска): Гражданская война на юге России» (1920) военного журналиста Григория Николаевича Раковского, служившего на Южном фронте, анонимное издание «Последние дни Крыма: впечатления, факты, документы» (1920), «Трагическая судьба русской императорской семьи» (1921) Пьера Жильяра, «О любви к Отечеству и народной гордости: беседы» (1921) Валерия Левицкого, «Требую суда общества и гласности» (1921) генерала Якова Александровича Слащева-Крымского, «Записки редактора-швейцара» (1921) Н.И. Вознесенского.

Союз русских писателей и журналистов выпустил в 1921 г. сборник очерков об эмиграции под названием «Листья». Его редакторами были Евгений Николаевич Чириков, Борис Васильевич Ратимов и Владимир Александрович Кадашев-Амфитеатров. Живое и достоверное описание переживаний десятков русских эмигрантов позволяет рассматривать его как документальный рассказ.

Союзом также были изданы сборник «Чужая даль: Стихотворения 1907–1922» (1922) и сатирическая пьеса в стихах «Революционная вампука или “Пауки и мухи”» (1923) Анатолия Бурнакина, «Лунное венчание: Стихотворения 1908–1922» Ивана Корватского (1923) с предисловием А. Бурнакина.

Вот как отзывалась белоэмигрантская литературная критика о сборнике А.А. Бурнакина: «Что за песнь у подстреленной птицы? Только б вылилось горе души. Сколько таких, томящихся на чужбине, тоскующих в одиночестве “подстреленных птиц”! Все у них отнято, а рассказать о своей боли они не умеют. И только изредка один из них расторгает немоту и говорит за всех. Так нестерпимо молчание, так непреодолима жажда “излить душу” ... Если эта маленькая книжка кого-то обрадовала, кого-то утешила, может быть, она не так уж и беспомощна. Нового мы в ней не найдем. Знаем эту муку-разлуку, эту “сирость и бездомность”, эту “надорванность и уныние”; то жалобы, то проблески надежд, то страстная вера в Бога и Россию, то “алкоголь и “стыд горючий”. Одни “отводят душу” за стаканом вина, другие пишут дневники и мемуары. А. Бурнакин с грехом пополам втискивает свои “раздумья” в шаткие размеры и позвякивает старенькими рифмами (высота — красота, рыдания — страдания, кровь — любовь). Но и в таком принаряженном виде они все же стихами не становятся. И было бы педантичным рассматривать “поэтические” свойства строф вроде: Веру дай в святое назначенье / Русского народа — страстотерпца, / Что бессмертно к Правде в нем влечение, / Что взыскует Града наше сердце» [Мочульский].

Самым активным среди писателей, нашедших убежище в Стамбуле, был знаменитый сатирик, новеллист и драматург Аркадия Аверченко (1881–1925). Приехав в город 15 ноября 1920 г., Аверченко начал сотрудничать в ежедневной газете «Presse du Soir» («Вечерняя пресса»), которую возглавляли Е. Максимов и О.Г. Зелюк. 4 декабря 1920 г. газета начала публиковать цикл фельетонов Аверченко под заглавием «Записки простодушного» (в конце 1921 г. сборник выйдет в Стамбуле отдельным изданием). Регулярно печатались здесь и другие фельетоны, которые нередко оказывались «хорошо забытыми старыми» перепечатками из севастопольских «Юга» и «Юга России». Недоброжелатели писателя, раз-

умеется, не оставили это без внимания. Так, например, в 1923 г. за подписью А. Б-ский вышла брошюра под названием «Подвал литераторов или посмертные похождения русских писателей в Константинополе. Стенографический отчет одного вечного заседания на 36 страницах». Предполагаем, что ее автором является литературный критик и поэт Александр Браславский. В этой брошюре, наряду с характеристикой литературного стиля Н.В. Гоголя, Т.Г. Шевченко, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.С. Грибоедова и А.С. Пушкина, жестко критикуется А. Аверченко: «Вы... избрали себе благую часть: а именно — новых статей не пишете, а перепечатываете на досуге старые под видом новых, по свойственной вам самоуверенности полагая, что дура-публика уже забыла про них, а потому и прочтет с новым удовольствием. Ведь теперь нет ни одного самого захудалого... органа, где бы не красовались ваши старые фельетоны, которые мы все читали в Крыму, во время врангелевской эпопеи, — и уже тогда находили отвратительными. Вы хоть обстановку переменили бы: на кой, спрашивается, ляд нужна в Константинополе ваша гражданская война» [Б...ский 1923: 11].

Деятельность А. Аверченко в Стамбуле

Спустя год книгоиздательство «Культура» выпустило второй сборник рассказов Аверченко «Кипящий котел» (1922), в котором гротескно описываются Крым «врангелевского сидения» и жизнь эмиграции. В том же году вышел его сборник рассказов «Дети» с приложением «Руководства к рождению детей».

Аверченко писал также фельетоны о текущей жизни. За тринадцать с половиной месяцев (с 31 декабря 1920 г., когда появился первый фельетон «Жизнь за Троцкого», и до 14 апреля 1922 г., когда был напечатан

последний — «Светлый праздник в Москве») сатирик опубликовал в «Вечерней прессе» 46 фельетонов и 17 комментариев под рубрикой «Волчьи ягоды».

Помимо литературной деятельности Аверченко вместе с артистом императорских театров В.П. Свободным возродил к концу декабря 1920 г. на Гранд рю де Пера созданный им в Севастополе за несколько месяцев до бегства театр миниатюр «Гнездо перелётных птиц». В обширном веселом репертуаре, рассчитанном преимущественно на русских беженцев, имели место «экспромты Аркадия Аверченко, рассказы Свободина, крохотные пьески и инсценировки, много музыки и пения <...> Имели успех “Нестеровские настроения” Тэффи в передаче Бучинской и “Москвичка в Константинополе”, диалог Арк. Аверченко в исполнении самого автора и г-жи Твардовской» [Аверченко 2013].

Аверченко собрал талантливую труппу из 28 человек. В некоторых представлениях принимала также участие Елена В. Бучинская — дочь Н. Тэффи. Однако после того, как вся труппа покинула Стамбул, театральная деятельность Аверченко, на которую он потратил немало труда, в апреле 1922 г. подошла к концу¹⁰.

Наряду с писательским и театральным опытом Аверченко активно участвовал в издании еженедельного журнала «Зарницы» (под редакцией А.Т. Аверченко, Н.Н. Чебышева, В.М. Левицкого, Ш. Ривэ) и газеты «Press du sour». Самостоятельно выпустил журнал «Рождественский сатирикон», ставший преемником известного петербургского «Сатирикона». Однако, судя по подзаголовку «одиновременный номер», Аверченко запланировал всего один выпуск этого журнала.

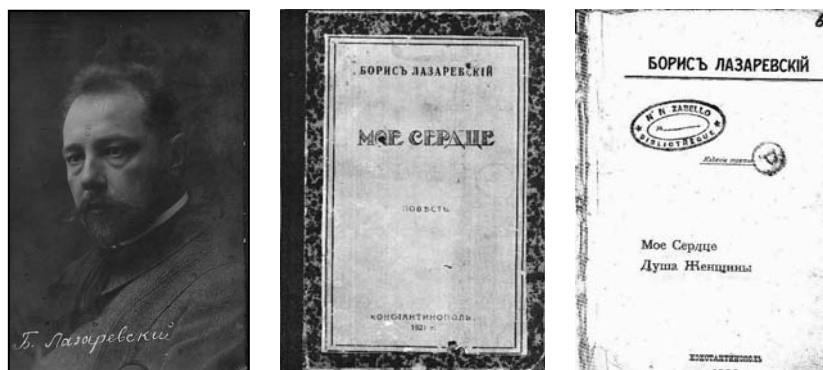
Жизнь белоэмигрантов в одном из лагерей в Стамбуле особенно мастерски описал Илья Дмитриевич Сургучев (1881–1956) в своей пьесе «Реки Вавилонские» (1922, Париж). Мотив изгнанничества проходит красной нитью сквозь всю драму. Русские беженцы сравниваются с изгнанными из рая библейскими грешниками. Они свято хранят в памяти образ утраченной родины. Персонажи пьесы осознают, что возвратиться на родину пока не могут и, несмотря на невзгоды, готовы налаживать свою жизнь на чужбине. Несмотря на безрадостное звучание ряда сцен, финал произведения окрашен настроением оптимизма, надежды на будущее.

Весьма популярным именем в Стамбуле был Борис Александрович Лазаревский (1871–1936) — сын знаменитого украинского историка Александра М. Лазаревского. О его популярности можно судить по трех-

¹⁰ Кроме того, в Стамбуле был поставлен спектакль Аверченко «Флирт Розенберга».

кратному изданию сборника «Мое сердце. Душа женщины» (1920). Сюжеты рассказов однообразны, посвящены преимущественно любовным переживаниям. Однако острая наблюдательность автора, закончившего юридический факультет и работавшего в прокуратуре, предопределила проникновение в мотивы поступков героев и психологизм рассказов. Лазаревский успешно вживался в женские образы, из-за чего его произведения пользовались успехом у «слабой» половины читательской публики.

Очередная повесть Лазаревского «Вдова капитана» в 49 страницах была издана в том же 1920 г. издательством «Верба». Одновременно было осуществлено и третье издание «Моего сердца» на 60 страницах. Однако на обложке стоит год издания — 1921.

Борис Лазаревский и его повести

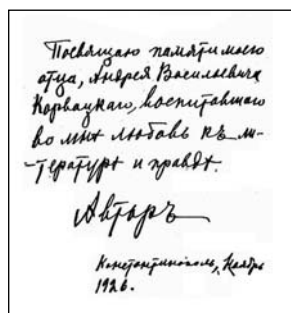
В 1923 г. вышел в свет сборник стихов Ивана Андреевича Корвацкого «Лунное венчание», а спустя четыре года — второй сборник его стихов «Золотой Рог» и сборник рассказов «Без ветрил»¹¹.

Выступая в печати с 1907 г., Корвацкий всесторонне проявил себя не только на литературном поприще (автор сборника стихов «Безбурность» (Москва, 1908), поэмы «Земля» (Москва, 1910), этюда «Исцеление» (Москва, 1912) и сборника рассказов «Так было» (Ростов на Дону, 1919), но и как музыкальный критик, публицист, энергично боровшийся под знаменем «русской идеи». Корвацкий сотрудничал в ряде московских, харьковских и крымских изданий, а во время революции создал

¹¹ В сборник «Без ветрил» вошли рассказы: «Стихия», «Поджигатель», «Ермак-Крузо», «Шайтан», «Сто рублей», «Они вам покажут!», «Иван Кириллович», «Босфор», «Наймэ», «Вечер у господина Бертрана», «В хорошем обществе», «Развод» и «Летаргия».

собственную, весьма популярную в Крыму, газету «Таврическая речь», являвшуюся органом русской национальной мысли. Продолжая работать на литературном и журналистском поприще, в Стамбуле он обратился в сторону интересов чистого искусства. Будучи в то же время пианистом и преподавателем по классу пианино, Корвацкий писал для газет музыкальные обзоры и статьи о Стравинском. Участвовал также в ряде зарубежных изданий («Зарубежный клич», «Константинопольский курьер», «Вечерняя пресса» и «Вечерняя газета»).

Из альманаха «Русские на Босфоре» известно, что в 1927 г. Корвацкий работал «над большим романом, обнимающим три эпохи русской жизни последних четырёх десятилетий» [Бурнакин 1928: 37]. В альманахе размещены также одиннадцать его стихотворений — четыре из «Лунного венчания» и семь из сборника «Золотой Рог», в которых описываются душевные переживания лирического героя перед красотой «Босфора», Принцевых островов — «Принкипо» и «Халки», залива Золотой Рог, района «Эюб» с усыпальницей султанов. Четыре первые, под названиями «Мама», «Колыбельная», «На закате» и «Quand Mème», пропитаны нежной любовью к матери, родине, чувством одиночества и глубокой ностальгией [Бурнакин 1928].

Иван Корвацкий. Без ветрил. Стамбул, 1927 г.

Бесподобная красота Стамбула и Босфора нашли отражение также и в стихах поэтессы Елены Бокард, одно из которых также опубликовано в вышеупомянутом альманахе.

Наряду с литературными произведениями в Стамбуле издавались учебники и словари, среди которых можно назвать «Краткую грамматику и самоучитель турецкого языка» (1921) тюрколога Г. Троценко. Наряду с фонетикой и грамматикой турецкого языка в книге имелись турецко-русский словарь «самых необходимых слов», тематический разговорник, образцы писем, популярные песни, басни и анекдоты.

Все вышеперечисленные издания печатались в русских издательствах «Л. Бабок и сыновья», «Пресса», «Сфинкс», «За рубежом», «Русская мысль» и других.

При издательстве «Русская мысль» на площади Туннеля в доме № 2 имелись книжный магазин и библиотека, в которых читателям предлагался большой выбор художественной литературы, энциклопедий, учебников, самоучителей, словарей, русских нотных изданий, а также открыток с видами русского ландшафта. Одновременно предлагались и русские заграничные газеты и журналы.

Работали книжные магазины. Первый из них — «Культура», был открыт в апреле 1921 г. на улице Пера в доме № 385 Г.Л. Пахаловым. Здесь продавались книги на русском, французском и английском языках, а в витрине выставлялись произведения преимущественно русских авторов.

Повышенный интерес к книге побудил Г.Л. Пахалова к созданию библиотеки при магазине. Наряду с художественной литературой желающим предоставлялась возможность ознакомиться и с книгами по истории России, в частности, истории последних лет. Однако дороговизна закупки и доставки книг из-за границы ухудшили материальное положение Пахалова, и к концу 1922 г. он был вынужден закрыть свой книжный магазин. Но через три года при поддержке журналиста Гордова¹² им был открыт газетный киоск на улице Бейоглу, где скоро стали продаваться и книги, из-за чего киоск прозвали «Библиотекой Пахалова».

Очевидцы вспоминают, что сам Пахалов работал над трудом о русских эмигрантах в Турции. Однако участь этой работы неизвестна, по крайней мере, понятно, что он не был опубликован. Над той же темой работали профессор Юревич, Алексинский и Позняков.

Несколько позже двумя русскими эмигрантами Иваном Нарцевым и Николаем Николаевичем Забело в Стамбуле были открыты еще два книжных магазина. Наряду с «Нарцевым» и «Забело» работали также магазины «Маршак» и «Чернов». Все они помимо произведений русских авторов, изданных за границей, заказывали и произведения мировой классики в русском переводе, а также выполняли функцию библиотек.

Русские в Стамбуле имели и свою периодику. Первоначально здесь было организовано издание двух русских газет — «Русское эхо» и «Вечерняя пресса», выпускавшихся по условиям административного оккупационного управления городом на русском и французском языках. В них печатались авторы, волею судеб оказавшиеся в городе (А.Т. Аверченко,

¹² Гордов в России был судьей. По приезду в Стамбул с помощью корреспондентов Гречиной и Шиловой начал журналистскую деятельность. Писал статьи для западной прессы, в которых хвалил Стамбул и выражал благодарность белоэмигрантам Турции.

Н.А. Тэффи, Е.Н. Чириков и другие). «Русское эхо» издавалось с 1920 по 1923 г. Его редактором был И. Василевский (Не-Буква), а директором — О.Г. Зелюк. На три года дольше просуществовала ежедневная литературно-политическая и финансовая газета «Вечерняя пресса». С 1920 по 1923 г. ее издателем был Е. Максимов, а ответственным редактором — Э. Дакюс. С 1923 г. ответственным редактором был назначен Абдул Вехаб, а в 1925 г. — заменивший его Хасан Хайдар. В апреле газета была закрыта турецкими властями.

При финансовой поддержке эмигрировавших из России в 1919 г. аристократов 6 мая 1920 г. начала выходить газета «Вечерние новости». Статьи выходили за подписью Варшавского, а карикатуры — Аверченко. Однако жизнь «Вечерних новостей» оказалась кратковременной.

Тем же временем в Стамбуле выходила газета «Русская мысль», ставшая всезарубежной русскоязычной газетой, продолжающей свою жизнь до наших дней в Париже. Выходили также газеты «Новый век», «Новое время», «Время», «Последние новости», «Общее дело», «Руль», «Воля России», «Константинопольский курьер коммерческий». В 1925–1926 г. ежедневно, кроме воскресенья, издавалась «Вечерняя газета» (ответственный редактор Драмали-заде).

В 1920-х годах в Стамбуле издавались также журналы: еженедельный «Наши дни» (редактор В. Кудрявцев, издатель В. Северский), «Голос зарубежья» А. Бурнакина, «Русская волна» Литвина, «Мужественный русский» Кудрявцева и Витроновича, «Путь: Журнал общественный, финансово-экономический и литературно-художественный» (главный редактор и издатель А.А. Гурлянд, зав. редакцией И.Л. Нейман, ответственный редактор Абдурахим) и др.

Другим издававшимся в Стамбуле печатным органом был альманах «Зарницы» под редакцией И.М. Калининкова и при участии А.Т. Аверченко, М. Волошина, В.И. Горянского и др. В 1921 г. вышло всего 26 номеров. Из-за протестов советских представителей «Зарницы» стали издаваться в Софии, а готовые экземпляры привозили в Стамбул.

Среди других изданий нужно упомянуть альманах искусств «Жизнь и искусство» (редактор А. Аллин, издатель М. Шульман; заголовок и часть текста были даны параллельно на французском языке), еженедельный журнал группы инвалидов «К далекой родине» (редактор Лапкин-Медведицкий; издатели А. Тульцев, Б. Русланов; иллюстратор Е. Алехин), «Русское воскресенье: хроникер-альманах» (издатель и ответственный редактор А. Спасский), газета «Радио» (под редакцией Н.А. Ильина) и др.

Стамбул оставался местом пребывания белой эмиграции до 1924 г., так и не став ее постоянным центром. К этому моменту русская эмигра-

ция Стамбула, пережив пору недолгого расцвета, стала постепенно разъезжаться. Покидающими город группой русских литераторов в 1923 г. был издан альманах «На прощание» (под редакцией А.А. Бурнакина, Д. Валери, К. Минти и Б.В. Ратимова).

Редколлегия альманаха «На прощание». (Слева направо) Г-жа Регина, Н. Сандлин, Д. Валери, П. Ле Гоф, Е.В. Максимов, А.А.Чебышев, Л. Нахоун, (сзади) Грати-бей, И.А. Корвацкий, А.А. Бурнакин

Состоящий из трех частей на русском, французском и английском языках, альманах, по словам издателей, явился попыткой «выразить чувство признательности всем тем, кто протянул руку помощи русским эмигрантам, очутившимся на берегах Босфора» [На прощание] Тем же Бурнакиным спустя четыре года будет составлен и издан альманах «Русские на Босфоре», ставший дополнением к предыдущему альманаху.

Альманах «Русские на Босфоре» (составитель и издатель А. А. Бурнакин)

В заключение можно сказать, что феномен русской эмигрантской культуры «первой волны» заключался в том, что это был вынужденный исход сотен тысяч людей, спасавшихся от физической смерти, а также в том, что другого такого целенаправленного исхода из одной страны и

существования в других странах мировая история не знает. Несмотря на временный преходящий характер пребывания здесь, на трудности в материальном и моральном отношении, все они создали в Стамбуле «яркий очаг» русской духовной культуры, «приобщив к ней все национальности и все слои населения» [Ратимов 1923: XXIX]. Стамбул стал местом, где русские изгнанники пытались жить и творить в новых тяжелейших условиях. Несмотря на то, что в эмигрантской среде гениальных художественно-культурных достижений не произошло, эксперимент удался. Именно культурно-художественная жизнь стала самым действенным средством объединения и поддержания духа россиян в Стамбуле. Русский Стамбул стал прообразом русских Берлина, Праги, Парижа.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверченко 2013 — Аверченко А.Т. Чудаки на подмостках // Собрание сочинений в 13 томах: Т. 8. М.: Дмитрий Сечин, 2013. URL: http://az.lib.ru/a/awerchenko_a_t/text_1921_gnezdo2.shtml (дата обращения: 12 июля 2016).
- Агеносов — Агеносов В.В. Статьи. А. Аверченко в Константинополе, URL: http://www.laoshi2.ru/?page_id=49 (дата обращения: 18 июня 2016).
- Б...ский 1923 — Б...ский А. Подвал или посмертные похождения русских писателей в Константинополе. Константинополь: Л. Бабок и С-ья, 1923.
- Бунин 1950 — Бунин И.А. Гегель, фрак, метель // Бунин И.А. Воспоминания. Париж, 1950. URL: <https://www.litres.ru/ivan-bunin/gegel-frak-metel/chitat-onlayn/> (дата обращения: 10 июня 2016).
- Бурнакин 1928 — Русские на Босфоре: Альманах / Сост. А.А. Бурнакин. Стамбул, 1928.
- Васильев 2008 — Васильев А. Красота в изгнании: Королевы подиума. М.: Слово, 2008. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/vasil/index.php (дата обращения: 10 июня 2018).
- Гребенщиков 1920 — Гребенщиков Г. Несмотря ни на что!.. (Письмо из Константинополя) // Общее дело. Париж, 1920. 20 декабря.
- Ишеев 1959 — Ишеев П.П. Осколки прошлого. Воспоминания 1889–1959. Нью Йорк, 1959.
- Командорова — Командорова Н.И. Русский Стамбул. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1032610> (дата обращения: 10 июня 2016).
- Мочульский — Мочульский К.В. Кризис воображения. URL: http://www.xliby.ru/literaturovedenie/krizis_voobrazhenija/p5.php#metkadoc16 (дата обращения: 02 августа 2016).
- На прощание 1923 — На прощание. Nos Adieux. The Farewell, 1920–1923: Альманах. Издание группы русских литераторов / под ред. А. Бурнакина, Д. Валери, К. Минти и Б. Ратимова. Константинополь, 1923.

- Н.Б. — Н.Б. (Надир Бек). Памяти Н.Н. Якобсона // Русская мысль. Париж, 1964. 23 мая.
URL: <http://www.artz.ru/download/1805287539/1805172601/1> (дата обращения: 16 октября 2016).
- Олджай 2007 — Олджай Т. Русский след в Стамбуле // 1917 год в российской и мировой истории: материалы международной научной конференции. Красноярск: «Красноярский писатель», 2007. С. 179–188.
- Олджай 2018 — Олджай Т. Из Севастополя в Стамбул: история жизни одного белоэмигранта на «том берегу» // Cross Cultural Studies: Education and Science. 2018 (September). Vol. 3, № III. P. 464–470. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-sevastopolya-v-stambul-istoriya-zhizni-odnogo-beloemigranta-na-tom-beregu> (дата обращения: 11.11.2018).
- Словарь — Словарь русской эмиграции. URL: <http://www.mochola.org/russiaabroad/porov/d.htm> (дата обращения: 18 октября 2016).
- Утургаури 2013 — Утургаури С.Н. Белые русские на Босфоре 1919–1929. М.: ИВАН РАН, 2013.
- Шерман, Яринич — Шерман А., Яринич С. Беседа. О творчестве Алексея Грищенко рассказывает коллекционер Мишель Лиевр-Маркович. URL: <http://antikvar.ua/publications/collection/462-2013-07-16-09-42-43.html> (дата обращения: 28 сентября 2016).
- Чебышев 1933 — Чебышев Н.Н. Близкая даль. Париж, 1933. URL: <http://www.dk.1868.ru/history/chebishev.htm> (дата обращения 12.05.2013).
- Янгиров — Янгиров Р. Летопись русского кинематографа за рубежом. URL: http://www.bfrz.ru/data/cinematograf_iangirov/letopis.pdf (дата обращения: 21 сентября 2016).
- Cemil 1949 — Cemil M. Bale Tarihi // Radyo. 1949. № 86. P. 72.
- Deleon 2003 — Deleon J. Beyoğlu'nda Beyaz Ruslar. İstanbul: Remzi, 2003.
- Dostal 2007 — Dostal H. Naci Kalmukoğlu. İstanbul: Denizler Kitabevi, 2007.
- Коçu 1961 — Коçu R. E. Beyaz Ruslar // İstanbul Ansiklopedisi. İstanbul: Tarih Vakfı, 1961. Cilt V. S. 2624–2626.

ГАЗЕТЫ

- Rus sefaret-hanesindeki sergi // Akşam. 21 Temmuz 1920.
- The Russian Ballet at the Petits Champs // The Orient News. 10.02.1922.
- Rus resim sergisi // Peyâm-ı Sabah. 17 Haziran 1922.
- Rus resim sergisi // Vakit. 17 Haziran 1922.
- Rus resm-i meşheri // Vatan. 25 Haziran 1923.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СТАМБУЛЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ АЛЬМАНАХА «ЗАРНИЦЫ»

Севинч УЮЧГЮЛЬ¹

Сегодня широко известны такие выражения, как «русский Париж», «русский Берлин», «русская Прага» и «русский Харбин», чего нельзя сказать о «русском Стамбуле».

Исследователи первой волны русской эмиграции XX века всегда больше внимания уделяли описанию положения и культурного наследия бывших подданных Российской империи, эмигрировавших в Европу и другие регионы мира, и меньше — оценке роли Стамбула, оказавшегося, между тем, одним из первых крупных транзитных центров в истории русской эмиграции 1919–1940 годов.

Русские эмигранты первой волны оставили после себя богатое духовно-культурное наследие, в котором немалое место занимает активная издательская деятельность и периодическая печать. Именно эта особенность отличает их от многих эмигрантов других национальностей.

Целью данной статьи является восполнение недостаточно известной в историографии издательской деятельности и периодической печати русских в Стамбуле. Несмотря на некоторую скудность информации, мы постараемся проследить ее на конкретном материале альманаха «Зарницы», выходившего в Константинополе в 1921 г.

Актуальность избранного ракурса исследования определяется тем, что именно эмигрантская пресса, всесторонне освещающая повседневные и социально-политические проблемы, стала в те годы не только важнейшим средством информации и общения, но и инструментом самоорганизации вынужденных переселенцев из России.

Задача настоящей работы — охарактеризовать содержание и некоторые особенности оформления альманаха русской эмиграции «Зарницы», дать его общую характеристику, определить его направленность, а также обозначить роль и значение в общественно-политической и культурной

¹ Профессор, доктор филологических наук, Университет Эрджиес, Кайсери. Эл. почта: uchgul@yahoo.com.

жизни «белых русских» в Стамбуле. Кроме того, в задачи статьи входит анализ мнений авторов, печатавшихся в альманахе с учетом общеполитической направленности указанного издания.

Первый этап работы — описательно-реестровый. В нем будет представлено описание разделов альманаха, которые отражали такие аспекты жизни русских эмигрантов в Константинополе, как политический, культурно-просветительский, социально-бытовой, имущественный, медицинский, фармакологический, гастрономический (открытие гостиниц, ресторанов, столовых, аптек, лечебниц и т. п.). Особое внимание будет уделено разделам, посвященным рассмотрению положения русской армии в Турции и на Балканах.

Можно утверждать, что в «Зарницах» детально отразилось соединение суровой повседневной-бытовой и духовно-идеиной реальности — русские были уверены, что своей деятельностью они, с одной стороны, находят способы выживания, а с другой, — выполняют некую миссию по спасению России.

Следующий этап нашей работы — концептуальное осмысление проблемного поля «Зарниц». В номерах альманаха отражены особенности вхождения русских в новый для них мир — мир Востока, приводятся интересные детали, свидетельствующие об особом восприятии русскими «турецкого» пространства.

Являясь сегодня свидетелями бесконечного потока беженцев из Сирии, мы можем представить себе атмосферу переселенческого сообщества, его трудности, проблемы и пр. А тогда — в начале XX века Турция столкнулось с двумя разнонаправленными потоками переселенцев — извне и внутри страны. Мы не стремимся их сопоставить. Но то, что русская эмиграция начала XX века имела собственное лицо и оставила глубокий след в культурной жизни Турции, не подвергается сомнению.

Изучая разные источники, можно с уверенностью сказать, что русские, куда бы их ни забрасывала судьба, не превращались в бесформенную массу беженцев, несмотря на все трудности, они формировали вокруг себя уникальную социально-культурную и политическую среду, которую называют российской эмиграцией. Отличительной чертой этой эмиграции были, с одной стороны, борьба за собственное выживание, за свою русскость, страхи, связанные с потерей самоидентификации, а с другой, антибольшевистские настроения, стремление во всех своих бедах винить большевиков.

Несмотря на сложную социально-политическую обстановку в Турции тех лет, русские эмигранты задумывались не только о преодолении таких бытовых сложностей, как поиск еды, места обитания в Стамбуле,

болезни и т. п., но и о «высоких» материях: об образовании детей, о работе театров и клубов, дискуссиях о судьбе России, о событиях в мире, об издании газет, журналов и пр.

Интересные сведения находим в книге «Врангель» из серии «ЖЗЛ». По словам помощника генерала в те годы по гражданским делам Николая Николаевича Чебышева (1865–1937), «политик П.Н. Врангель сказывался в ясном понимании, что спасенная, им вывезенная из России часть русского народа в лице армии, доказавшей свою жертвенность в борьбе с 1918 года, культурные силы, ушедшие за границу вместе с нею, учреждения церкви, воспитания, призрения, молодежь, дети, представители науки, литературы и искусства и т.д. — это тот свободный кусок русской земли, который необходимо сберечь от распыления для будущего» [Сokolov 2009: 451]. В подтверждение вышесказанного можно привести интересный факт из воспоминаний Н.Н. Чебышева о переживаниях русских эмигрантов:

«Вошел вдруг старый турок. Он, бросив несколько слов хозяину по-турецки, приблизился к нам, указал на погоны Уварова и спросил на чистом русском языке:

— Какая это форма? Теперь столько русских форм...

Он оказался русским офицером, покинувшим Россию тридцать лет тому назад, известен в литературе трудами, строил с Анненковым Закаспийскую железную дорогу. Это был тоже эмигрант, но другой эпохи, когда-то “с жира” бросивший Россию. Неужели и мы станем когда-нибудь такими, потеряем настолько свой облик?» [Чебышев].

По этим причинам решение о создании собственной прессы было одной из форм самоорганизации русских эмигрантов. Наряду с другими видами деятельности, создание собственных органов печати было вызвано необходимостью освещать события, происходившие в России, и тем фактом, что волей судеб русские эмигранты оказались в 26-ти странах мира.

За короткий период с 1920 по 1922 гг. в Константинополе выходит больше двадцати изданий русских эмигрантов². Конечно, не все из них смогли длительно продолжать свою работу. Например, «Альманах современной литературы» (Константинополь, 1921 г.), «Путь» (Константинополь, 1924 г.), «Русский зарубежный календарь» (Константинополь, 1926 г.) просуществовали только несколько месяцев и выпустили по несколько номеров. А некоторые издательства, начавшие работу в Константинополе, вынуждены были затем переехать в другие страны. Это

² Сводный каталог периодики русского зарубежья. URL: <http://www.emigrantica.ru/category/konstantino-pol>. (Дата обращения — 01.11.2016).

всезарубежная русскоязычная газета «Русская мысль», которая и в наши дни издается в Париже, «Зарницы» (Константинополь, София, 1921 г.) и др. Другие издания функционировали достаточно длительное время — в течение несколько лет. Среди самых долго издаваемых русскоязычных изданий была газета «Вечерняя пресса» («Presse du soir») (Константинополь, 1920–1925 г.).

Каталог периодических изданий показывает, что выходившие в Константинополе газеты и журналы отличались не только разнообразием своего содержания, но и отражали разные сферы эмигрантского бытия — экономическую, политическую, социальную, культурную, духовную. К сожалению, их деятельность была коротка по причинам экономического и политического характера.

В этом ряду трудно переоценить роль и значение общественно-политического альманаха «Зарницы»³. Он вышел по инициативе Н.Н. Чебышева и по совету генерала П.Н. Врангеля. Участие и поддержка последнего имели огромное значение для этого издания. Сведений о финансировании журнала другими лицами или организациями практически нет. Н.Н. Чебышев приводит слова П.Н. Врангеля: «Теперь наступает минута, когда придется некоторое время, быть может, довольно продолжительное, действовать не оружием, а словом, — в дело должна вступить печать» [Чебышев], которые и послужили основной причиной создания Бюро печати. Генерал П.Н. Врангель назначил Н.Н. Чебышева главой Бюро печати в Константинополе, каковым он и являлся в 1920–1921 гг.

«23 декабря <1920 г. — С.У.> П.Н. Врангель предложил мне занять должность начальника бюро русской печати в Константинополе. Должность эта освобождалась за уходом стоявшего до этого времени во главе бюро Х-о. Последние дни я П.Н. Врангеля не видел, и предложение было мне сделано через В.В. Мусина-Пушкина, бывшего 23 декабря на “Лукулле”. Вечером 23 декабря из Парижа прибыл <П.Б.> Струве, которого чуть не убило дышлом налетевшей на его автомобиль извозчицкой пролетки при переезде с вокзала в посольство. 24 декабря на “Александре Михайловиче” происходило совещание в связи с приездом Струве и Я.Д. Юзефовича. Перед совещанием я имел наедине беседу с П.Н. Врангелем. Мне хотелось выяснить некоторые вопросы прежде, чем принять место. Я себе выговорил право заниматься журналистикой и издавать газету. Кроме того, мне должно было быть предоставлено для политических на-

³ В предыдущих публикациях мы уже упоминали об истории создания журнала и публицистической деятельности русских эмигрантов на его страницах, см.: [Учгюль 2013; Учгюль 2015; Üçgül 2016].

добностей отлучаться, когда найду нужным, из Константинополя, с передачей моих обязанностей другому лицу. Я предвидел необходимость при издании органа, ведение которого, как показывали обстоятельства, могло проходить в Константинополе с перебоями, передвигаться в смежные балканские государства. Предвидел печатание органа в болгарском городе. Этот труд мне впоследствии облегчил И.М. Калинин. П.Н. Врангель на все согласился, и я предложение принял» [Чебышев].

Являясь консультантом по политическим делам при военном представителе генерала П.Н. Врангеля и возглавляя гражданскую канцелярию генерала, именно Н.Н. Чебышев предложил выпуск журнала. «Между тем, бюро исполняло важную работу — оно служило связью армии с печатью Запада, обличало ложь, призывало к помощи, защищало от вывоза на плантации и в совдепию...» [Чебышев]. В посмертной статье А. фон Лампе о Н.Н. Чебышеве написаны следующие строки: «В страдные дни Крымской эвакуации и Галлиполийского сидения оценивший веру и верность Николая Николаевича ген. П.Н. Врангель передал ему руководство нервом дела белых — русское бюро прессы в Константинополе» [Лампе 1937].

Воспоминания Н.Н. Чебышева позволяют получить некоторое представление о периоде формирования, а также о целях и задачах журнала «Зарницы». Он назначил редактором альманаха И.М. Калиникова (1892–1924), о котором писал в своих воспоминаниях: «Он был журналистом с головы до пяток. Он знал цену схваченным на лету мазкам, заменяющим конченную картину; мог писать на обрывке, среди шума разговоров; готов был сделать двадцать верст для получения интересного сведения в пять строчек; вдыхал, как запах резеды, типографскую краску; бодрился от мерного стука машины; смаковал красоты искусной верстки. Он не знал разницы между ночной и дневной работой, видимо, предпочитал ночную, лихорадочно спешную; любил добираться до подopleки вещей. Считал, что обслуживаемая печатью потребность знать все самое сокровенное, совпадает с известной социальной необходимостью» [Чебышев].

Альманах планировали издавать по четвергам. Первые два номера, вышедшие в Константинополе, появились под видом литературного издания с подзаголовком «Альманах». Еженедельный альманах «Зарницы» издавался в Константинополе и в Софии в 1921 г. Всего вышло 26 номеров альманаха. Первый номер — 13 февраля 1921 г. и, по словам Н.Н. Чебышева, «проскочил благополучно. Его продавали на улицах, но контрразведка не обратила внимания. Мы “притворились” литературным альманахом» [Чебышев].

Как видим, по словам Н.Н. Чебышева издание выходило под видом литературного альманаха лишь для маскировки. На самом деле это был общественно-политический журнал. Его название «Зарницы»⁴ имело символическое значение. Смысл, который вкладывали сами авторы в название, образно раскрывается в стартовой статье первого номера: «Россия на чужбине. Россия ушла из родного дома. Россия странница, даже без посоха, без нищенской сумы. Она в пустыне. Перед нею тянутся незнакомые, чуждые поля, она несет ниспосланные ей судьбой вериги через неведомые города и веси. Из окон поселений на нее смотрит чужое благоденствие и уют. День кончился, а бесконечный трудный путь впереди. Вокруг сгущается мрак. Душа жаждет забыться, глаза рады не видеть. Но где-то в даях стихия кует грозовые силы, вспышками пронизывающие ночную тьму. Это зарницы. Они больше чем предвестницы возможной грозы. Они мерцания вечного духа силы, властвующего над землей, озаряющего путь страдальцу на роду.

Не бойся ночи. Не бойся извилистой тяжкой тропы, одинокая скиталица Россия. В душе своей береги память о твоих святынях, единственное оставшееся у тебя достояние. Огни, мелькающие с неба то здесь, то там, отражения отлетевшей от земли ничем неистребимой духовной мощи, зовущей тебя в темноте к далеким великим целям. Это зарницы. Это может быть заря» [Зарницы № 1, с. 1].

Здесь неслучайно выбрано слово «зарницы» — это призыв к смелости перед «ночью», где пессимизму нет места, хотя атмосфера описывается в мрачных тонах чужбины. Все чужое и чуждо. Единственным достоянием считается «память о собственных святынях», а этими святынями являются Родина, Россия. Ощущается призыв ко всем русским и россиянам — надеяться на будущее, беречь и поднимать национальный дух. Стоит обратить внимание на слова «Россия — на чужбине». Речь идет именно о России, а не о русских на чужбине.

Название журнала «Зарницы» сохранялось во всех номерах, но из-за цензуры подзаголовки часто менялись: «Еженедельный политико-общественный журнал», «Русский национальный еженедельник», «Русский еженедельник», «Русский еженедельник и Revue Hebdomadaire

⁴ В «Большом энциклопедическом словаре» слово «зарницы» толкуется следующим образом: «Зарница, вспышка света на горизонте при отдаленной грозе; молнии при этом не видно, грома не слышно». А в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова находим следующие пояснение: «Зарница, — ы, ж. Отдаленная вспышка на небосклоне, отблеск далеких молний. На горизонте играют зарницы» (URL: <http://slovarius.com/page/zarnica.php>; дата обращения: 05.08.2016). В словаре Даля сказано: «Зарницы — отдаленная молния, когда виден свет и блеск ее, а грома не слышно, блискавица» [Даль, 1955: 627].

Russe». Если 1-й и 2-й номера вышли как альманах «Зарницы», 3-й и 4-й — как «Еженедельный политико-общественный журнал» <выделено мной — С.У.>, то с пятого номера это был уже «Русский национальный еженедельник» <выделено мной — С.У.>, с 10-го — просто «Русский еженедельник» <выделено мной — С.У.>, а с 15-го — «Русский еженедельник» и «Revue hebdomadaire russe “Zarnitzy”» (добавляется «Revue hebdomadaire russe “Zarnitzy”» <выделено мной — С.У.>. В шестнадцатом номере журнала «Зарницы» (воскресенье, 17 июля 1921 г.) с подзаголовками «Русский еженедельник» и «Revue hebdomadaire russe “Zarnitzy”» уже нет штампа «К продаже в Константинополе не допущен». Затем последовал перерыв в шесть недель.

В семнадцатом номере журнала «Зарницы», вышедшем с подзаголовком «Русский еженедельник и Revue hebdomadaire russe “Zarnitzy”», появляется адрес на штампе: «Constantinople Place du Tunnel, 2» и «Sophia B-d Dondoukov, 41», в восемнадцатом — штамп «Constantinople Ambassade de Russie Dragomanat» и «Sophia B-d Dondoukov, 41». Через две недели с девятнадцатого по двадцать четвертый номер дается снова прежний адрес: «Constantinople Place du Tunnel, 2» и «Sophia B-d Dondoukov, 41». В 25-м и 26-м номерах, то есть в последних номерах журнала, уже нет адреса «Constantinople Place du Tunnel», есть только: «София Булевард Дондуков, 41» на русском языке и на латинице «SOPHIA B-d Dondoukov, 41».

№ 8 и №12 «Зарницы»

Жесткий контроль над Русской армией в Константинополе создавал серьезные препятствия в издании журнала. Его номера регулярно конфисковались полицией Константинополя. За девять месяцев издателям пришлось пережить много трудностей: они меняли место издания, переименовывали, сформировывали новые жанровые характеристики и пр., чтобы не привлекать внимания. Бывало, что редакции приходилось предупреждать читателей, что журнал не допущен к продаже в Константинополе, или не выйдет вовремя, или произойдет задержка в периодичности выхода его номеров.

После второго номера журнал был запрещен, и его печатание было перенесено в Софию: «Посадили там “выпускающего” редактора. Он получал от нас весь материал, наблюдал за набором, вел корректуру, иногда помещал экстренные статьи, тираж отсылал от себя в армию, в Галлиполи, на Лемнос, контрагентам и подписчикам в разные концы и нам, в Константинополь.

На улицах Константинополя у газетчиков опять появились “Зарницы”. Междусоюзные цензоры не взвидели света. В двадцатый раз ко мне пожаловала полиция:

— На каком основании вы позволяете себе игнорировать распоряжения военных властей?

— Журнал издается в Софии, а продавать его в Константинополе мне никто не запрещал... Продаются же безвозбранно “Общее дело”, “Последние новости” ...

Офицера передернуло, но он ничего не мог возразить. Непроданные экземпляры третьего номера были конфискованы у газетчиков, а я получил никем не подписанное сообщение, воспрещавшее в Константинополе “продажу” “Зарниц”. От продажи в Константинополе пришлось отказаться. Но мне не запрещалось дарить журнал. “Зарницы” в Константинополе стали раздаваться даром — нотаблям русской колонии и учреждениям. Это было убыточно. Но пропагандная цель достигалась не хуже. Журнал расхватаывали — гонения на него стали всем известны. На обложке не без озорства постоянно печаталось: “Запрещен к продаже в Константинополе”. Дело было хлопотное» [Чебышев].

После перенесения печатания в Софию третий номер вышел только через месяц — 20 марта 1921 г. После этого издание выходило уже по воскресеньям теперь уже в открытую с подзаголовком «Еженедельный политическо-общественный журнал».

Переезд издания в другую страну вызвал много трудностей: пересылка материалов, недостаток служащих, недоверие к почте, финансо-

вые проблемы, жесткий цензурный контроль и т.п. Преодоление их отнимало много сил и времени.

«Редакцию от типографии отделяла целая страна — Фракия, оккупированная греками. Материал, пересылаемый в Софию, нельзя было доверять почте. Калинников отправлялся с рукописями на вокзал к отходу экспресса и изучал пассажиров. Усмотрев заслуживающее доверия лицо, Калинников вручал путешественнику пакет с рукописями для передачи в Софии станционному буфетчику. Случаев промаха не было. Только раз пассажир в Софию проспал и вернул нам с дороги пакет. Иногда, впрочем, и тут вырастал барьер: железнодорожное движение в связи с вдруг возникшими военными обстоятельствами приостанавливалось. Новый способ распространения как-то ускользал от учета. Следили за улицей. На улице журнал не появлялся. Меня, однако, продолжали тормозить. Подсылали провокаторов, справлявшихся о редакции “Зарниц”, угрожали, делали в бюро обыски, отбирали номера, накладывали печати на пустые шкафы. В Софии возникали свои местные затруднения. Болгарские коммунисты предъявили типографии требование не набирать “Зарниц”. Такое требование не было праздною угрозой. Коммунисты являлись главными заказчиками той же типографии. Пришлось послать в Софию своего метранпажа. Впоследствии, приехав туда, я застал в типографии следующую картину: за одним столом наш софийский “выпускающий редактор” И.П. Нилов диктовал экстренную статью, а за другим столом коммунисты правили корректуру ожесточеннейших выпадов против русских белогвардейцев, допущенных в Болгарию» [Чебышев].

Несмотря на политическую ситуацию в Турции, давление союзников и переезд издания журнала после второго номера в Болгарию, «Зарницы» стали одним из главных пропагандистских органов русской колонии в Турции в условиях жесткой союзнической цензуры. О чем Н.Н. Чебышев вспоминал следующее: «На втором номере нас прихлопнули. Французы пришли в ярость, может быть, потому, что проглядели первый номер. Вероятно, не обошлось без доноса соотечественника. Показалось обидным, что вот ухитрились же люди под носом у междусоюзной полиции выпускать политический журнал, на одном языке, без разрешения, без предварительной цензуры» [Чебышев].

Технические сведения о журнале, можно описать так: календарные сведения — число, день, порядковый номер и цены указаны во всех номерах, в тринадцати номерах (11–14, 16–18, 20–22, 24–26), а это половина всех номеров журнала, отсутствовали имена членов редколлегии. Иногда указывали о задержке выхода журнала, но не указывали причину. Например, в 5-м номере под заголовком «От редакции» находим

следующую информацию: «Цензурный союзнический комитет в Константинополе издал распоряжение о воспрещении продажи журнала “Зарницы” в пределах Константинополя. Мотивировано это запрещение следующим образом: после введения разрешительного порядка и цензуры на все печатные произведения в Константинополе (после 2-го номера) печатание журнала перенесено в Софию; в “Зарницах” печатаются сообщения (приказы, воззвания и постановления общественных организаций), запрещенные константинопольской союзной цензурой для местной печати» [Зарницы № 5, с. 16]. А на страницах журнала читаем: «“Зарницы” был конфискован полицией в книжных магазинах и у газетчиков в Константинополе по ордеру политической секции дирекции печати» [Зарницы № 5, с. 16], а иногда: «В издании нашего журнала произошел временный перерыв, обусловленный не зависящими от редакции обстоятельствами» [Зарницы № 3, с. 13].

Эти и похожие препятствия вставали на пути издания до самого конца, что подтверждается и заявлением от редакции, появившемся на первой странице предпоследнего 25-го номера: «Все, что теперь делается русскими за границей, сопряжено с исключительными трудностями. Особенно тяжело вести повременные издания. Нам пришлось преодолевать препятствия, неизвестные другим русским изданиям за границей.

Журнал возник в Константинополе в оккупационной зоне со всеми ее запретами и стеснениями. После второго номера мы вынуждены были перенести печатание в Софию, редакция же осталась в Константинополе. Типография отделялась от редакции целой страной — Фракией, через которую иногда прерывалось сообщение. В Константинополе обращение нашего журнала остается под запретом. Мы не касаемся ряда других общих ограничений, неблагоприятных для надлежащей постановки там всякого периодического издания.

Ныне оказалось возможным перенести редакцию в Софию. Выпущая настоящий 25 номер, мы ввиду появившихся в печати неверных сведений считаем нужными заявить, что журнал — издание, свободное от всяких обязательств в отношении каких-либо властей, установлений или организаций. Журнал и его общее политическое руководство принадлежат лицу, подписывающему его в качестве издателя. Журнал служит задачам русского национального дела и посильно борется со всеми враждебными ему течениями. За три четверти года существования журнала читатели имели возможность попутно ознакомиться с общим политическим направлением издания по отдельным вопросам, выдвигаемым действительностью. Русский вопрос приобретает с каждым днем в мировом сознании все большее значение и заслоняет все остальные не-

домогания человечества. Перед нами долго наматывался спутанный клубок запросов, предъявляемых потребностями борьбы с поработителями родины и сложными условиями ее восстановления, когда совершится их падение. Клубок этот начинает разматываться. Сознание русских людей проясняется, Долг <с большой буквой — С.У.> печати, стремящейся к скорейшему освобождению России, — найти спасительный конец нити и больше не терять его из руки, препятствуя прялке революционных туманов пустить веретено в обратном направлении» [Зарницы № 25, с. 1–2].

Несмотря на то, что с 3-го номера журнал выходил в Софии, его читателями были эмигранты, проживавшие в основном в Константинополе. Журнал целенаправленно обращался к проблемам русских в этом городе. Большинство материала было посвящено русским. Это особенно ярко проявлялось в рекламах, объявлениях, афишах, в судебных хрониках и разных материалах, опубликованных на страницах журнала.

Главная цель журнала заключалась в поддержке патриотических настроений русских и в освещении положения Русской армии в Турции и на Балканах. Журнал издавался только на русском языке. Однако география распространения номеров журнала свидетельствует о том, что он достигал не только Константинополя, но и разных стран Западной Европы, США и Азии.

У нас нет точных сведений о количестве экземпляров каждого тиража. Можно предположить, что журнал выходил большими тиражами. Одна только рассылка по лагерям составляла 1200 экземпляров, которые распространялись бесплатно. Предположение о больших тиражах может также основываться на факте продажи журнала в разных городах мира — Париже, Лондоне, Берлине, Нью-Йорке (в трех местах), Праге, Белграде, Гельсингфорсе, Ужгороде, Ревеле (нын. Таллин), Риге, Риме, Копенгагене, Владивостоке, Триесте, Ковна (нын. Каунас), Женеве, Рагузе, Милане, Загребе, Лейпциге, Мюнхене, Гамбурге, Харбине, Шанхае, Софии, Плевне и Варне (в киосках, во всех книжных магазинах, у газетчиков), Чикаго, Сан-Франциско, Львове, Варшаве, Афинах, Мадриде, Тель-Авиве, Сараево, Будапеште, Яссы, Олифанте, а в Константинополе продажа журнала производилась в Бюро русской печати, в книжном магазине Чернова и в газетных киосках, у всех газетчиков. Таким образом, журнал можно назвать средством консолидации и объединения всего Русского Зарубежья.

О посылке номеров альманаха в разные страны, к сожалению, пока мало сведений. Нам неизвестно, велись ли какие-то переговоры в различных инстанциях об условиях доставки номеров журнала, имелись ли какие-то льготы, как решались вопросы таможенных пошлин, как вели

работу по подписке на журнал в разных странах. Начиная с 11-го номера, в журнале появилась информация о представительствах по распространению альманаха с указанием адресов в разных городах. А в некоторых номерах отсутствуют сведения о географии распространения журнала. Можно также отметить постепенное увеличение количества распространяемых экземпляров, чему, скорее всего, способствовал тот факт, что военным в лагерях, журнал раздавался бесплатно. О тесных контактах эмигрантской прессы из разных стран можно судить по материалам статей, дающих информацию о жизни русских эмигрантов в этих странах. Указанный факт демонстрирует то, настолько быстро русскоязычная пресса реагировала на события в жизни эмигрантов разных стран.

У журнала не было стандартного формата, по объему он имел отличия: 5-й и 8-ой номера — по 16 страниц, 18-й номер — 40 страниц, 25-й — 38 страниц, а остальные номера, начиная с 24-го по 32-й — 34 страницы. Наличие в номере меньшего количества страниц можно объяснить финансовыми сложностями и политическим и цензурным давлением. Непостоянный объем дает представление о нестабильности передачи материалов, о чем открыто говорилось в самом журнале: «Ввиду исключительно тяжелых условий, в которых, по независящим от редакции обстоятельствам, выходил настоящий номер журнала, он выпущен в уменьшенном размере. Следующий номер будет иметь нормальный объем» [Зарницы. № 5 с. 16].

В состав редакции входили писатели, журналисты, историки, ученые, политики и общественные деятели, которые в те годы жили в Константинополе. Интересно, что в состав редакции входили и те писатели, которые не являлись эмигрантами и не проживали в Константинополе. Изучая состав редакции, мы обнаружили, что в каждом номере журнала в редакционной коллегии значились разные имена. Редакционная коллегия журнала представляла собой сочетание политиков, военных, писателей, поэтов и представителей разных слоев русской эмиграции: А.Т. Аверченко, М. Волошин, В.И. Горянский, князь Павел Дм. Долгоруков, Д.Н. Ермолов, Историк (псевдоним), И.Х. Даватц, И.М. Калинин, П.М. Богаевский, В.А. Лазаревский, полковник А.М. Лампе, В.М. Левитский, И.А. Литвинов, Н.Н. Львов, граф В.А. Мусин-Пушкин, А.И. Назаров, И.Ф. Наживин, И.П. Нилов, К.С. Острожский, В.С. Полянский, Б.К. Проскуряков, Я.Н. Репнинский, Carles Rivet, А.А. Столыпин, К.С. Соколов, И.Д. Сургучев, князь Г.Н. Трубецкой, М.А. Циммерман, Н.Н. Чебышев, Е.Н. Чириков, Г. Шенгели, В.В. Шульгин, А.М. Федоров и др. Но вместе с тем в редакторском составе были и постоянные члены, которые участвовали в работе редакции, давали свои материалы во все или во многие номера.

Первые страницы альманаха «Зарницы»

Оформление первых двух номеров отличала особая графика. Название «Зарницы» было написано короткими линиями, словно вспыхивающие зарницы на небе. Надпись была расположена и на обложке, и на первой странице вертикально. С 3 номера по 15-й журнал имел более скромные крупные и четкие полужирные шрифты, с большими яркими буквами сверху. А с 15 до 26 номера иллюстрация появилась на заднем плане в виде облаков на заре и был выбран особый курсивный шрифт.

Особое внимание издатели уделяли обложке журнала, так как несмотря на единую форму, во многих номерах, чтобы привлечь внимание читателей и дать им представление о его содержании, помещали карикатуры политического характера. А первая страница журнала имела ряд особенностей, связанных с тем, что здесь помещали самые важные сообщения, написанные ответственным за издание Н.Н. Чебышевым. Почти все номера начинались с его статей, но 3, 9 и 11 номера открывались статьями В.В. Шульгина, а 8 номер начинался стихами Валентина Горянского, а следом за ними шла статья Е.Н. Чирикова «Пасха».

На самых заметных местах — это первые страницы журнала — были реклама, объявления, афиши и пр. А в некоторых номерах реклама и объявления размещались и на последних страницах. Рекламные объявления почти во всех номерах давались в основном русскими, оказавшимися в вынужденной эмиграции и обживавшими новое пространство, встраиваясь в новые для себя обстоятельства. Их жизнь была полна проблем. Поэтому наряду с материалами политического и идеологического харак-

тера в «Зарницах» мы находим разнообразную информацию, имеющую отношение к повседневной жизни русских эмигрантов в Константинополе. Она отражает городские будни и заботы переселенцев, дает представление об их социальном укладе и попытках, оставаясь самими собой, интегрироваться в новое для себя пространство. Эта сфера бытия русских константинопольцев оформляется в жанре рекламы, коротких объявлений о жилье, аптеках, медицинских кабинетах и др., краткой информации о предстоящих концертах, театральных спектаклях и др. Анализ материалов в разных номерах журнала показывает обилие различных объявлений относительно арендной платы на отели, квартиры, продажи разных вещей, услуг и адресов докторов (даже акушеров), аптек, комиссионных магазинов, возможности сдачи медицинских лабораторных анализов и проведения диагностики инфекционных болезней, лечения зубов. Были и анонсы книжной продукции, объявления о продаже и покупке почтовых марок, биноклей. Помещались справочники о местонахождении русских учреждений в Константинополе, а также адреса иностранных консульств и бирж в городе, приглашения на работу в агентства для сбора объявлений и обучения по разным специальностям, включая обучение у оккультиста, ясновидящей и хиромантки. Привлекали внимания объявления банковских контор и сведения о курсах разных валют, включая русские деньги, в Константинополе, Париже, Шанхае и других городах. Приведем пример, рекламы и объявлений разного содержания:

- ❖ Реклама отеля: Специально для русских Новый отель НУР-ОСМАНИЯ в Константинополе.
- ❖ Большой русский комиссионный магазин. (Магазин существует уже год).
- ❖ Стефану Корестеджан нужны опытные агенты для сбора объявлений в Константинополе и в Софии.
- ❖ М-ме Анжелина Сакко, ученик оккультиста, ясновидящая и хиромантка.
- ❖ Первый русский трактир в Константинополе «Медведь».
- ❖ Русское торговое товарищество (покупка и продажа всевозможных вещей) в Гранд де Пера.
- ❖ Комиссионный магазин в Константинополе.
- ❖ Квартирное и комиссионное бюро «Меркурий».
- ❖ Продажа и покупка почтовых марок, биноклей... Стефан Корестеджан.
- ❖ Нужны опытные агенты для сбора объявлений в Константинополе и в Софии.
- ❖ Романсы Вертинского, нотное издательство.

❖ Справочник: Русские учреждения в Константинополе. Биржа в Константинополе.

❖ 1-я русская биржевая и комиссионная контора. Иван Акимович Феодоров. Галата. Прием объявлений для «Зарницы».

❖ А. Лернет Красильная, ...прачечная, Галатский спуск.

❖ Техническая контора. Подряды на постройку и ремонту зданий, Галата–Хан.

❖ Врачебный отдел: Русская морская аптека, аптека Теодоридес, поликлиника, гинекологическая и хирургическая клиника, акушерка, практика 15 лет. Женщина врач Ф. Штранг из Петрограда по женской беременности, венер. сифилису, врач ухо-горло-нос, роды и приют.

Среди этих рекламных объявлений имеются интересные в плане патриотического содержания. Например, «русские должны покупать только у русских» или о русском трактире «Медведь», в котором обещали русскую кухню в московском стиле. Описание адреса: «Около Галатской башни, в нескольких шагах от Галатского спуска, где торговля русскими деньгами. Только здесь вы можете вспомнить Москву и ее знаменитые трактиры!» На страницах журнала иногда встречаем призывы редакции к читателям такого содержания: «Дайте книги! Редакция журнала “Зарницы” обращается ко всем читателям, а особенно к русским издательствам за границей, с просьбой присылать для отсылки в лагеря всякие книги, особенно самоучители иностранных языков, технические, учебники, беллетристику. В лагерях страстная жажда чтения, но нет вовсе книг. Всякая книга будет принята с глубокой благодарностью и немедленно отправлена в лагерь. Список пожертвованных книг будет в журнале. Пожертвованы книги: А.И. Черновы (книжный магазин “Русская мысль”)» [Зарницы. № 6, с. 30]. Эти и подобные материалы еще раз показывают, насколько популярен был журнал среди русских в Константинополе.

Наряду с информацией о социальной, бытовой, экономической, политической жизни русских эмигрантов, в «Зарницах» часто встречались произведения Николая Гумилева, Александра Блока, Максимилиана Волошина, Ильи Эренбурга, критические статьи и рецензии на новые книги, обзор литературных изданий, анализ произведений молодых поэтов, содержались художественные и публицистические произведения, авторами которых были, находившихся в те годы в Константинополе такие русские писатели, поэты, критики, как Аркадий Аверченко, Евгений Чириков, Илья Сургучев, Валентин Горянский, В. Шульгин, Вл. Ленский и др. В их произведениях разного жанра — миниатюрных рассказах, фельетонах, юмористических зарисовках, публицистических заметках, стихах,

отразились умонастроение и мироощущение русских, покинувших Россию после революции 1917 г.

В журнале тщательно следили за всеми литературными событиями и датами. Подобным примером могут служить статьи о смерти А.А. Блока или о 50-лети М. Горького.

Статьи журнала иногда сопровождались рисунками, карикатурами или фото. На первых и последних страницах размещалось много рекламных объявлений, поступавших как от учреждений, так и от частных лиц. Редакция журнала указывала, что наряду с розничной продажей возможно оформить месячную подписку на журнал. Обложка журнала не имела постоянной формы, каждый номер оформлялся по-разному, весьма скромно. Во многих номерах на обложках журнала были помещены карикатуры, которые требуют особого исследования.

Обложки «Зарницы» № 5 и 7

Помимо карикатур в оформлении журнала имелись и фотографии. Они иллюстрируют, в основном, сферу политической жизни эмигрантов. Это фотографии разных политических деятелей, фоторепортажи всевозможных политических и социальных мероприятий и фоторепортажи о жизни в лагерях. Например, на обложке третьего номера журнала впервые можно увидеть фотографию Главнокомандующего Русской Армией, генерала П.Н. Врангеля и командира 1-го армейского корпуса, генерала А.П. Кутепова. А на 32-й странице помещена фотография «В день откры-

тия памятника 16 июля. Общий вид парада». К сожалению, ни на одной из фотографий нет фамилии фотографа.

Материалы о различных мероприятиях во многих номерах журнала подкреплены фотографиями, что имеет важное документальное значение. Например, в 4-м номере на обложке размещена фотография со следующими подписями: «Главнокомандующий награждает кубанцев гвардейского дивизиона на о. Лемнос», а ко второму фото — «Посещение командиром французского Константинопольского оккупационного корпуса ген. Шарпи русского лагеря в Галлиполи. Из палатки выходят — начальник пехотной дивизии ген. Витковский и ген. Шарпи» [Зарницы. № 12, с. 12]. В 6-м номере на С. 32 представлено фото «К открытию Русского совета», на котором изображены В.Ф. Малинин, генерал Кусонский, кн. П.Д. Долгоруков, генерал. Фостиков.

Особенный интерес представляют фотографии, иллюстрирующие материалы о лагерях. Общий панорамный вид дает представление об условиях жизни в них. Например, в номере 12 на С. 12 под заголовком «Русская армия на чужбине», первое фото — «Общий вид лагеря пехотной дивизии в Галлиполи. В центре — лагерь пехотного генерала Дроздовского полка, левее — лагерь полка пехотного генерала Алексеева. По ту сторону реки — лагерь кавалерийской дивизии». В том же номере на С. 13 представлены три фотографии о параде в Галлиполи: одна панорамная, развернутая на две страницы. Это общий вид парада. Второе фото — «Передняя линейка лагеря пехотного ген. Корнилова полка. В центре — павильон со знаменами полка». Третье фото — «В гор. Галлиполи. Сергиевское артиллерийское училище. Практические занятия. На щитах — девизы училища: “Армия вне политики”, “Дисциплина — душа армии”, “Только смерть избавит тебя от обязанностей перед родиной”, “Родина ждет от тебя спасения”».

В номере 13 на С. 14 под заголовком «В лагерях Дроздовского полка. — Учебная команда на занятиях» представлены следующие фотографии: «Закладка памятника на гарнизонном кладбище»; «Вынос плащаницы в Страстную пятницу в Галлиполи»; «Лагерь в Галлиполи. Вид с горы на городок 2-го кавалерийского полка». В том же номере на С. 15 имеются фотографии: «Часовой у знамени Л. Гв. Финляндского полка»; «Сцена у походных кухонь»; «Парад кавалерийской дивизии — ген. Кутепов обходит части»; «Офицерская землянка. — Корниловский артиллерийский дивизион»; «Каждый должен принести для будущего памятника по камню».

Последняя фотография является иллюстрацией к статье «Письмо из Галлиполи» [Зарницы. № 12, с. 13–14], в котором рассказывается история о том, как юнкера Сергиевского училища устроили праздник-чаепитие для детей Галлиполи. За длинными столами сидели оживленные веселые

дети. Их угощали чаем, печеными жаворонками с начинкой из риса с изюмом, ореховыми леденцами. После чая были организованы игры для детей. По дороге домой дети встретили солдат из лагеря, которые шли на кладбище, у каждого из солдат при себе был камень для памятника всем похороненным в Галлиполи. «Это была идея генерала Кутепова, чтобы на галлиполийском кладбище был сооружен памятник всем, кто навсегда упокоился там, и чтобы эти камни были принесены каждым чином Армии. И часть за частью идут из лагеря, неся на спине, на ремне, на веревке по большому камню и складывают это на кладбище, где уже есть много русских могил. И никому ведь не придет мысль подобрать эти камни там же на кладбище, а все несут их из лагеря за 7–8 верст...» [Зарницы. №12, с. 14].

Несмотря на трудные условия, в 12-м номере на С. 14 три фотографии являются безмолвным свидетельством того, как юнкера выражают свою тоску по родине, свой патриотический дух. На первой фотографии «Алексеевское юнкерское училище в гор. Галлиполи» мы видим, что на каменной стене нарисован углем вид Кремля и то, как группа юнкеров стоит перед витриной, на которую прикрепляются страницы газет «Общее дело» и «Руль». На втором фото, сделанном в лагере в Галлиполи, «Палатка со знаменами пехотного ген. Дроздовского полка». Перед палаткой виден двуглавый орел, выложенный из камней и осколков стекла. Под орлом — солнечные часы. О тяжелых условиях жизни лагеря в Галлиполи говорит третье фото, на котором изображен один из домов-трехстенок, где всю зиму жили войска. На фотографиях под общим названием «Русская армия на чужбине» [Зарницы. № 13, с. 12] представлен вид праздника Алексеевского военного училища. Там же имеется и интересное фото детского праздника. На этих праздниках было сделано фото генерала Кутепова со штабом и приглашенными лицами. Далее в номере 13 на С. 12 размещены фотографии церкви Корниловского полка и церкви Алексеевского полка на Страстной неделе. Кроме того, в номере 16 на С. 26 можно видеть фотографии лагеря Корниловского полка, гимнастический праздник и раздачу георгиевских крестов юнкерам.

В последнем, 26-м номере появилась фотография, отмечающая такое событие, как «Карташевская неделя в Галлиполи», на которой генерал Кутепов приветствует профессора Карташева. Там же помещены фотографии Ленина, Троцкого, Дзержинского и фотография Ленина с Бонч-Бруевичем. Все фотографии были опубликованы под общим названием: «Четыре года власти большевиков (1917 г. — 25 октября (7 ноября) — 1921 г.). Последние портреты поработителей России». На всех фотографиях были зафиксированы моменты их деятельности: «Владимир

«Русская армия на чужбине»

Ильич Ленин говорит речь на митинге в день 3-й годовщины советской власти; Председатель реввоенсовета Лейба Давидович Троцкий (Бронштейн) после взятия Кронштадта; Председатель Совнаркома Владимир Ильич Ленин (Ульянов) и управляющий делами Совнаркома Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич; Председатель всероссийской чрезвычайки Феликс Эдмундович Дзержинский («Золотое сердце») в саду ВЧК в Москве на Лубянке». Выражение лиц «вождей революции» на всех фотографиях довольное и самоуверенное. Они явно в хорошем настроении.

Еще больший интерес представляют карикатуры, помещенные в журнале. В основном карикатуры отражают нетерпимо-ироничное отношение к большевикам.

На обложке восьмого номера помещена карикатура «Антанта-советская дружба. Красное яичко к Светлому Празднику» — имя художника не указано. А в № 16 карикатура и надписи: «Смерть капиталистам!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Совдепия», «На всех парах к капитализму... Ленин: Капиталисты всех стран соединяйтесь для обогащения в Российской Советской Федеративной Республик...». Эти карикатуры уже не были анонимными, под ними была подпись «Рис. худ. Кадулина».

Информация о Кадулине, к сожалению, скудна. Только на одном сайте мы нашли о нем такую информацию: «В 1902 году он обучался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, доучиваться перешел в Киевское художественное училище. Обучение Кадулина закон-

Две карикатуры
из «Зарниц» №24 и №14

чилось в 1905 году, в том числе, и из-за денежных проблем. Это не помешало ему добиться успеха. Появившиеся вскоре многочисленные его рисунки оказались очень популярными и расходились нарасхват. Только открытки с изображениями студентов переиздавались несколько раз в период с 1910 по 1915 года. Часто свои карикатуры художник подписывал вымышленной фамилией Наядин. К сожалению, после 1917 года никаких сведений о художнике не сохранилось. Замечательно, что сохранились открытки с работами Кадулина⁵, коллекционеры насчитывают около 100 видов»⁶.

⁵ Похожую краткую информацию о В.Ф. Кадулине можно найти на следующих сайтах: и http://sias.ru/upload/2015_1-2_560-578_ishunina.pdf.

⁶ URL: Великолепный Наядин (Кадулин) // <http://tanjand.livejournal.com/561818.html>. (Дата обращения — 01.11.2016).

В журнале осуществлялась серьезная правка напечатанного. Иногда сообщалось об опечатках. Например, в номере 11 на С. 9 указывалось: «В № 10 “Зарницы” в отделе судебной хроники, в заметке о третейском суде следует читать вверху с. 28-ой не “Н.Н. Чебышев”, а “А.А. Чебышев”».

Как уже было отмечено выше, главной целью журнала было поддержание патриотического духа в армии и среди гражданских лиц. Поэтому очевидно, что главной задачей журнала стало освещение происходившего в большевистской и «зарубежной» России, анализ исторической ситуации, интерпретация политических событий.

И все же содержательной доминантой журнала была судьба Русской армии в эмиграции. Авторы статей давали подробную информацию в каждом номере журнала о материальном и моральном состоянии армейцев в лагерях в разных странах. В 8-м номере в статье о лагере в Кабаджи описывается случай, связанный с тем, как французский командир и его солдаты демонстративно обходили лагерь и на всех видных местах расклеивали декларацию о возвращении на родину [Зарницы. № 3, с. 9].

Под рубрикой «Хроника» можно было найти много материалов о лагерях, благотворительной деятельности, о культурной жизни беженцев (театры, спектакли, концерты, спортивные мероприятия, газеты, пресса, новые журналы, бюро русской печати и пр.).

Большое место в публикациях было отведено главнокомандующему Русской армии П.Н. Врангелю, его письмам, обращениям, встречам и визитам. Иногда издавались копии официальных документов — например, от имени Верховного комиссариата Французской Республики на Востоке «Письмо ген. П.Н. Врангелю. Копия перевода Константинополь. Политическая часть №257/12. 14 мая 1921 года» и ответ генерала П.Н. Врангеля генералу Пелле [Зарницы. № 11, с. 10].

В журнале писали о положении в большевистской России, о большевиках и их деятельности за границей («Из жизни русской колонии в разных странах») и обсуждали причины произошедшей русской трагедии. В рубрике «В Советской России» часто давались статьи под разными заголовками, например: «Балаклавские коммунисты», «За «ненависть к советской власти»», «Система заложников», «На севере», «Казни в Петрограде», «Студенчество в Советской России», «Распродажа художественных сокровищ», «Л.В. Собинов», «Детская милиция», «Шкурники и хулиганы», «Ураган («Красный Крым»)», «Фронты», «Греб неделя», «В Ростове», «11 часовой рабочий день», «Неудачный съезд», «Махно в Херсонской губернии», «Восстание в Елизаветпольской губернии», «Повстанческое движение», «Плоды советского творчества». Кроме того, печатались сообщения о разных событиях на Украине, в Киеве, в Елиза-

ветграде, на Дальнем Востоке, на Кавказе и пр. Перепечатывались сообщения из разных газет, например, «Советский Юг», «Советское радио», «Батумская жизнь», «Разум сердца», «Temps», «Journal de Debats» [Зарницы. № 2, с. 22]. В журнале был также специальный раздел «Русские на Балканах», в котором описывалось положение соотечественников в КСХС и Болгарии.

И все же самая обширная информация дана под рубрикой «В Константинополе». Эта рубрика заслуживает более подробного исследования.

Анализ номеров «Зарниц» позволяет утверждать, что издание адресовалось не только русским военным, но его чтение было рассчитано также и на всех русских эмигрантов. Журнал устанавливал прямую связь со своими читателями, был открыт для них, о чем свидетельствует обязательное указание адреса во всех номерах журнала. Тематическое разнообразие материалов на страницах журнала говорит о том, насколько он был популярен в то время. Так, например, он публиковал «Воззвание матери»: «Мать убедительно просит сообщить знающих что-либо о судьбе братьев Есауловых. Адрес Ревель, Ратушная пл. 17. Газета “Последние известия”, госпоже Есауловой» или просьбы: «Розыскивается человек для передачи письма от сестры».

Группируя публикуемые материалы по содержательному принципу, можно сказать, что в нем самое значительное место занимала армейская тема. За ней идут политические и экономические сюжеты, международная проблематика, вопросы культуры и литературы, затем проблемы повседневной жизни и др.

Хотя главной задачей журнала было поддержание патриотического духа, в рядах Русской армии он выполнял и культурно-просветительскую миссию. В первом номере в статье «Наш долг» Валерий Левитский пишет о русских в Константинополе. Здесь отражены их трудности «в поиске куска хлеба», описаны их жилищные условия, положение в лагерях беженцев, но особенно много внимания уделяется молодежи. «В среде молодежи происходит любопытнейший процесс. Боятся опуститься. Из последних сил стремятся к свету. В общежитиях, ночлежках, по палаткам лагерей страшная жажда духовной пищи. Не все, конечно, но многие ценят газету и книгу наравне с куском хлеба. Не прочь отказаться ради них от самого необходимого. При первой возможности учатся, стараются наверстать потерянное за войну время». Автор называет их «самыми нужными людьми родины». Он пишет: «Все, что осталось культурного, должно им протянуть руку помощи. Это наш долг». Автор делает ударение на то, что среди молодежи чувствуется жажда духовной пищи, и при-

зывает всех русских помочь молодым. Переживание о будущем России автор передает следующими словами: «Среди молодежи есть и, конечно, будут и правые, и левые. Многие уже и теперь по-разному смотрят на будущее России, на разрешение основных проблем русской жизни. Но сейчас всех начинает объединять сознание национального единства. Все хотят быть русскими» [Зарницы. №1, с. 2–3].

В журнале явно ощущается ностальгическое настроение русских как на службе, так и в повседневно-бытовом плане. За короткий срок русские в Константинополе постарались воссоздать свой привычный уклад жизни. Это было необходимо, прежде всего для зарабатывания на жизнь, но с другой стороны, это помогало оторванным от привычной жизни эмигрантам восстановить душевное равновесие. Они открывали русские кафе и рестораны, ставили спектакли по произведениям русских авторов, создавали русские хоры, места для лото, и самое главное, в таких примитивных и экономически скудных условиях в развлекательном поле жизни придумали инновационные развлечения такие, как «тарака-ньи бега» и т. д. «Зарницы» и в этом плане оказывали поддержку, печатая на своих страницах объявления об открывшихся русских кабаре, трактирах, ресторанах, кафе, лечебницах, магазинах, и пр.

Журнал прекратил свое существование 6 ноября 1921 г. в связи с эвакуацией Русской армии из Турции в Болгарию и КСХС. По этому поводу Н.Н. Чебышев написал: «Мои обязанности начальника Бюро печати подходили к концу. Кончились и “Зарницы”» [Чебышев]. А на последней странице 26-го номера читаем следующее: «Ввиду переезда редакции и издательства еженедельника “Зарницы” в Софию, всю корреспонденцию просят направлять по адресу: Revue Hebdomadaire “Zarnitzky”, 41 B-d Dondoukov, Sofia (Bulgarie)». Знали ли редакторы, что это был последний номер? Текст выше показывает, что они планировали продолжить свою деятельность в Софии, поэтому о прекращении издания речь не идет, есть просьба о направлении материала и корреспонденции в указанный адрес. И это дает нам основание сказать, что прекращение работы издания было внезапным и незапланированным.

Следующий этап нашей работы — концептуальное осмысление проблемного поля журнала «Зарницы».

В номерах альманаха отражены особенности вхождения русских в новый для них мир — мир Стамбула и Турции, приводятся любопытные детали, свидетельствующие об особом восприятии русскими «турецкого» пространства.

Особенно интересным представлялся русским святой месяц Рамазан, о чем Валентин Горянский написал в стихах. В этом стихотворении

поэт описывает свое видение и свои чувства к новым в его жизни реали-
ям, с почтением говорит о другой вере:

Стамбул традиции хранит,
Искусь Европы превозмог он,
Живет его спокойный быт
За гранями суровых окон.

Святой Коран османы чтят
В саду цветистого уклада,
И благолепный аромат
Под сеньями струится сада.

Не отрекаясь от святых,
В их мудрости не разуверясь,
Стамбул отверг врагов своих
Цивилизованную ересь...

Отверг, и как из года в год,
Во славу вечного Корана
Пророком избранный народ
Справляет праздник Рамазана.

Дабы постом усилить дух,
Для новых светлых назначений,
Дабы раскрыть всецело слух
Словам священных поучений.

Пылайте же яркие огни
На устремленных минаретах,
Держите ход часы и дни
В добровещающих приметах.

Аллах напасти отправит,
И ниспошлют для вас благия
Султан-Ахмет и Беязит
И мусульманская София.

В. Горянский «Рамазан» [Зарницы. № 13, с. 7]

Также в журнале можно было найти материалы о военно-политическом положении Турции и хотя чувствуется, что авторы статей не очень углублялись в освещение вопросов турецкой политики, но зато часто помещали материалы о турецких реалиях. В некоторых номерах в рубрике «Иностранный обзор» была представлена информация о политическом и военном положении страны. Например, в статье «Греко-турецкая война» автор М.А. описывает военные действия греков против турок, но сохраняет при этом нейтральное отношение к происходящим событиям. Особенно ярко восприятие обстановки того времени было представлено в воспоминаниях Н.Н. Чебышева:

«Константинополь того времени представлял для беженцев одно преимущество. В Константинополе не было тогда хозяев. Все были гостями, в том числе и сами турки. Хозяевами могло считаться союзное командование. Но оно числилось на этом положении только по праву силы и захвата, а потому морально тоже не могло признаваться настоящим хозяином. У турок же моральные права на положение хозяина яростно оспаривали греки. А греков усиленно, страстно отвергали турки, ненавидевшие их больше, чем “союзников”. Таким образом, русские, прибыв из Крыма, чувствовали себя дома. Я думаю, можно утверждать без преувеличения, что никогда больше во время эмиграции, даже в гостеприимных славянских странах, русские не чувствовали себя “так у себя”, как тогда в 1921 и 1922 годах в Константинополе» [Чебышев].

Особый интерес вызывает статья о приеме председателя Русского совета профессора И.П. Алексинского у Великого визиря Тевфиг Паши. Прием состоялся 8 мая 1921 г., а информация о нем нашла свое отражение в 10-м номере журнала от 15–22 мая 1921 г. В статье приводится детальное описание встречи и передача чувства благодарности русских граждан главе турецкого правительства. И.П. Алексинский выразил уверенность, что турецкое правительство и впредь не изменит своего благожелательного отношения к русским, и выразил свою встревоженность соглашением между Анкарой и Москвой. Он также обратился с просьбой о предоставлении в некоторых районах Турции земельных наделов для работы на земле. Визирь выразил свое сожаление по поводу сложных условий, в которых приходится работать турецкому правительству, и в том, что русским эмигрантам оказывается не так много помощи, как бы хотелось. Визирь успокоил И.П. Алексинского, сказав, что никакой духовной связи между турками и большевиками нет и не может быть, а на просьбу проф. Алексинского о выделении земли, сообщил, что турецкое правительство не располагает полномочиями выделять земельные наделы в Анатолии, поэтому и не обещает, но на европейской территории могут их предоставить по раз-

решению турецкого министерства торговли и промышленности. В заключении Визирь выразил надежду на то, что «на почве личного знакомства русских граждан с турецким народом отношения между русскими и турками навсегда останутся дружественными» [Зарницы. № 10, с. 26].

Отношение турок к русским также нашло свое отражение, например, в 9-м номере журнала. На не очень заметном месте, в конце статьи «Кизил-Ермак» после трех звездочек говорится:

«Один из русских беженцев, говорящий по-турецки, обратился к команде парохода “Решид Паша” с просьбой посоветовать ему, можно ли поехать в Советскую Россию, где остались его жена и ребенок. Турки, только что отвозившие в Советскую Россию две партии казаков, сказали беженцу: Никоим образом не советуем вам ехать. Разве вы не знаете, что вас ожидает верная казнь. Даже и солдатам в большинстве своем грозит то же самое. Мы все очень удивляемся русским, которые, зная большевиков, все-таки едут в Советскую Россию» [Зарницы. № 9, с. 22].

В 10-м номере в очерке Валерия Левитского «У стены Константинополя» приводится описание Семибашенного замка. Но автор не останавливается только на описании замка, но с любовью пишет также о встречах с рабочими турками и восхищается турецкими женщинами, мастерицами коврачества.

«По странной благосклонности судьбы новая жизнь принесла в старый замок самое красивое и богатое. Со всех концов города сносят сюда огромные, чудесные ковры и у древнего колодца полощут в известковой воде. И даже среди причудливой резьбы и майолики старинных мечетей так не радовали душу их бесконечные узоры и переливы, как здесь, в сочной траве лужайки, окруженной серыми зубчатыми стенами.

Как очарованные ходили мы среди этих художественных сокровищ, созданных где-то далеко, безымянными, давно в грязи и нищете умершими художницами. Рабочим туркам понравилось наше внимание. Один за другим начали распахивать они уже просохшие сокровища.

Есть что-то чарующе грустное в этой непередаваемой красоте старого восточного ковра, так гармонирующего с неторопливыми, полными достоинства движениями здешней женщины.

Турчанка, ведь, все еще уверена в своем праве на жизнь, ей чужда европейская приниженность и искательство» [Зарницы. № 10, с. 17].

Далее он пишет: «Поблагодарив радушных, милых турок, мы пошли бродить по узеньким лесенкам огромных башен». В этой статье не замечается ни гнева, ни страха, а когда им предложили войти вовнутрь, автор отказывается: «Зачем беречь свежие раны. Так и были щедро вознаграждены» [Там же].

В 6-м номере еженедельника «Зарницы» под рубрикой «В Константинополе» мы встречаемся с описанием того, какие развлечения были доступны в Константинополе. Здесь особенно интересно короткое сообщение «Гнездо», которое написал автор под псевдонимом Полуночник. Он описывает одно из мест развлечений ночного Константинополя «Гнездо перелетных птиц», называя его «бывшим Русским очагом» в зимнем саду. Автор обращает внимание на то, что здесь «царит благодушное веселье», а А.Т. Аверченко и В.П. Свободин ведут с публикой беседы, пересыпанные шутками.

В «Русском очаге» наряду с русскими было много иностранцев. Разные имена из петроградских и московских артистических кружков посещают «Гнездо» и даже иностранцы, не понимая русского языка, с удовольствием слушают исполнение русских артистов. В составе исполнителей были такие артисты, как Твардовская, Бучинская, Горская и Солома.

«Превосходны миниатюры с Твардовской. Бучинская с изумительной законченностью исполняет персидский танец и песенки. Горская отлично пародирует ея вокальные номера. Неаполитанская капелла наполняет зимний сад целыми каскадом знойного бурного веселья, а в промежутках вам предоставляется возможность несколько опомниться от нахлынувших на вас впечатлений, несколько помечтать, несколько погрустить. Скучно будет в Константинополе, когда уйдут русские» [Зарницы. № 6, с. 31].

В заключении хотелось бы отметить, что журнал «Зарницы» отразил не только отчаяние, чувство потерянности, попытки найти опору в хаосе, поиски своей идентичности людей, оказавшихся на чужбине, но и ценный материал для постижения загадки русской души. Публикации журнала ценны не только как богатый источник сведений об экономической, военной и социально-политической составляющих жизни «белых русских» в Стамбуле начала XX века, но и как резервуар художественного опыта русской писательской мысли, нашедшей свое отражение в разных литературных формах.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Госиздательство иностранных и национальных словарей, 1955.
- Лампе — Лампе А. фон Берлин, март 1937 г. // Часовой: Орган связи русского воинства и национального движения за рубежом. Bruxelles, 1937. 20 марта. № 187. С. 18. URL: <http://krim1920.narod.ru/bio/chebyshevbio.html> (дата обращения: 05.08.2016).

- Зарницы — Зарницы: Альманах / Ред. И.М. Калинин. Константинополь, 1921. № 1–26.
- Каталог — Сводный каталог периодики русского зарубежья. URL: <http://www.emigrantica.ru/category/konstantinopol> (дата обращения: 05.08.2016).
- Соколов 2009 — Соколов Б. П.Н. Врангель. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Учгюль 2013 — Учгюль С. «Константинопольские повседневности» русской эмиграции первой волны по страницам политико-общественного журнала «Зарницы» // Literature in Exile. Emigrants' Fiction (20th century experience). Тбилиси, 2013. Т. 3. С. 65–73.
- Учгюль 2015 — Учгюль С. Публицистика русской эмиграции в константинопольский период в еженедельнике «Зарницы» // *Slowianie na Emigracji. Literatura — Kultura — Język* / Red. B. Kodzis, M. Gej. Racibórz; Opole: Wydawnictwo Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej; Uniwersytet Opolski, 2015. S. 79–93.
- Üçgül –Üçgül S. Daily Life of the First Wave of Russian Emigrants in Constantinople (on the pages of the Political and Social Magazine Zarnitsy) // Literature in Exile Emigrants' Fiction 20th Century Experience / Ed. by Irma Ratiani. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 241–252.
- Чебышев — Чебышев Н.Н. Близкая даль. Крымская эвакуация. URL: <http://www.dk1868.ru/history/chebishev.htm> (дата обращения: 05.08.2016).

ПРОВИНЦИИ ИЗГНАНИЯ: А.А. БУРНАКИН О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ТУРЦИИ

Марина СОРОКИНА¹

Столетие так называемой «первой волны» русской постоктябрьской эмиграции, или «Зарубежной России», ставшей прямым следствием Первой мировой войны и Русской революции (1917), — серьезный повод для подведения некоторых итогов изучения феномена «русского зарубежья» в целом и тем более хороший стимул для его нового осмысления и концептуализации в рамках истории XX века.

Как известно, научное изучение Зарубежной России было фактически табуировано в СССР. Только с началом эпохи «перестройки и гласности» конца 80 — начала 90-х годов XX века — русская эмиграция, в том числе и прежде всего «первой волны», получила статус нового объекта профессионального исторического исследования. За прошедшие почти тридцать лет ее изучение стало одним из самых модных направлений российской гуманитарной науки, что выразилось в резком увеличении диссертационных исследований [Пронин 2009] и появлении значительной научной литературы.

Российские исследователи изучают ее как неотъемлемую часть «внутренней» истории Российской империи / СССР, как историю прежде всего «потерь» и «страданий», а в последние годы — и «вклада» русских изгнанников в мировую культуру и науку. Зарубежные историки рассматривают историческую судьбу российского зарубежья² по-иному — как часть «своей» национальной истории, акцентируя проблемы «помощи» и «адаптации / интеграции». Только в последнее время стали появляться работы, анализирующие весь спектр амбивалентных отношений любой диаспоры и принявшей ее страны и общества — от вопросов взаимодей-

¹ Кандидат исторических наук. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, Москва. Эл. почта: msorokina61@gmail.com.

² О разнообразном употреблении терминов «русская эмиграция», «русское зарубежье», «российское зарубежье» см.: [Sorokina 2014].

ствия и интеграции до конфликтов и противостояния [Йованович 2005; Gousseff-Klein 2008; и др.].

Главным фокусом новой российской историографии стал «Исход», как нередко именуют трагический для Белого движения результат гражданской войны (1917–1921), когда за границами бывшей Российской империи оказались около миллиона новых беженцев. Процесс их сложной адаптации и интеграции в новое языковое, культурное и ментальное пространства затронул многие страны мира, в том числе и прежде всего Турцию, которая в это же время, наравне с Россией, испытывала сложную постимперскую трансформацию.

Как выжить в новых, неожиданных для многих, условиях и не потерять при этом человеческого и профессионального достоинства, как не раствориться в воронке послевоенной истории, сохранив семью и русскую культурную идентичность — эти вопросы повседневной практики беженцев составляли и основу их духовной драмы, и в то же время формировали своего рода стартовый трамплин в новую жизнь. Они отразились в исторической памяти самого эмигрантского сообщества, создавшего мощный образ «русского зарубежья», переданный им современной российской историографии.

Центры русской эмиграции в европейских столицах — Берлине, Париже, Праге и др., концентрировавшие общественно-политическую и культурную жизнь постреволюционной диаспоры, стали одной из магистральных тем историографии, затмив изучение многочисленных и очень своеобразных «провинций изгнания». Константинополь / Стамбул, который всегда занимал и занимает важнейшее знаковое пространство как транзитный пункт, мост между «до» и «после», был одной из таких провинций русской эмиграции, о которой исследователи фактически забыли на десятилетия. Появившиеся в последние годы работы С. Утургаури, Т. Олджай, М. Сигирджи и др. заново открывают эту важную страницу русского зарубежья [Утургаури 2013; Олджай 2018; Сигирджи 2018].

В центрах русской эмиграции межвоенной Европы сохранение русской культурной и языковой идентичности эмигрантов осуществлялось и поддерживалось прежде всего через создание различных национальных эмигрантских институций — от школ до церковных, военных и общественных организаций, периодической печати и литературы, которые сформировали особое, параллельное большевистской России, пространство, сохранявшее, по их мнению, подлинные духовные ценности дореволюционной России как основу коллективной русской эмигрантской идентичности.

В «провинциях изгнания», где численность бывших подданных Российской империи была существенно меньше, а расспыленность — больше, рождалась и иная форма идентичности русского беженца — как человека отдельного, умеющего самостоятельно, без или с минимальной опорой на эмигрантские ресурсы выжить и добиться успеха, не теряя при этом своей русской культурной составляющей, и напротив, обогащая ее новым опытом в стране пребывания. Так происходило во многих странах Латинской Америки, Ближнего Востока, Японии и др.

Турция была первой в ряду таких «провинций изгнания». Несмотря на то, что впоследствии известный литературовед Глеб Струве описывал первые годы русских беженцев в тюремных терминах и называл Константинополь «пересыльным этапом» [ЛЗР: 17], немало русских эмигрантов видели этот город совсем в иной оптике и сделали свой выбор в его пользу, оставаясь здесь не только в течение многих лет после завершения основных международных эвакуационных процедур, но нередко — навсегда.

Интенсивная культурная жизнь «белых русских» нашла детальное отражение в периодической печати и прежде всего в их литературных альманахах «На прощание» и «Русские на Босфоре», опубликованных в Константинополе соответственно в 1923 и 1928 г. Первый из них был издан сразу на трех языках — французском, русском и английском в знак признательности тем, кто протянул руку помощи русским эмигрантам в Турции. Второй — вышедший в один из самых драматичных моментов в истории русской беженской колонии, когда ее обитатели были поставлены перед фактом выбора — покинуть страну или принять турецкое гражданство, до сих пор сохраняет свое значение как один из главных опубликованных исторических источников и одновременно литературный памятник русским беженцам Константинополя.

Одним из главных инициаторов, составителем и редактором этих альманахов был поэт, литературный критик и журналист Анатолий Андреевич Бурнакин, имя которого ныне почти забыто. Остающаяся единственной персонально посвященной ему статья Д.М. Магомедовой была опубликована еще в 1989 г. в биографическом словаре «Русские писатели» [Магомедова 1989: 370], но до сих пор неизвестна ни дата рождения Бурнакина, ни точная дата его кончины³, не существует библиографии произведений этого весьма плодовитого литератора, ни его индивидуальной фотографии. Да и упомянутые выше важнейшие константинопольские тексты русской эмиграции — альманахи «На прощание» и

³ Во многих изданиях энциклопедического характера указывается 27 октября. Однако эта дата явно возникла на основании даты публикации некролога в «Последних новостях» (1932. 27 октября) и вряд ли точна.

«Русские на Босфоре» остаются почти не учтенными в современных литературных справочниках и библиографиях.

Впрочем, такое положение типично для посмертной судьбы многих русских литераторов «второго и третьего ряда», хотя именно они, обладая острым социальным чутьем, нередко первыми откликались на самые актуальные вызовы времени и формулировали ответы на них. Вот и Анатолий Бурнакин может считаться одним из первых мифотворцев (и/или историографов) русской постреволюционной эмиграции.

Известный в дореволюционные годы сотрудник право-консервативного суворинского «Нового времени», в 1923 г. он опубликовал в альманахе «На прощание» статью-манифест с удивительным для публициста почвеннического толка названием «Гражданин мира» и еще более удивительным содержанием. Уже на самом раннем этапе становления русского эмигрантского сообщества Бурнакин предложил видение русского беженца не как патриота, сидящего на чемоданах и ожидающего скорого возвращения на родину, а как космополита, смело смотрящего в будущее: «Русский человек, — писал он, не только ко всему привыкает, он еще и отлично приспосаблиется, применяясь к самым невозможным условиям, комфортабельно устраиваясь в самой невероятной обстановке... <...> Русский человек ... подлинный гражданин мира, для которого теперь родина весь мир, а братья все люди» [Бурнакин 1923: XXIII. 90].

Бурнакинский прогноз выглядит тем более поразительно и даже вызывающе, что почти параллельно, в 1924 г. в Париже, с программной речью «Миссия русской эмиграции» выступил другой писатель — великий Иван Бунин (1870–1953), будущий Нобелевский лауреат, заявивший, что вынужденные покинуть Россию после большевистской революции и гражданской войны многие сотни тысяч (или даже миллионы) ее граждан вовсе «не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину»⁴. Этим риторическим ходом писатель пытался

А.А. Бурнакин (2-й в верхнем ряду).
Фрагмент групповой фотографии сотрудников
газеты «Новое время». 1916 г.

⁴ Цит. по: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2142.shtml (дата обращения 10 февраля 2012).

Обложка альманаха «На прощание»
1920–1923. Константинополь, 1923 г.

опровергнуть ту жесткую реальность, с которой он, как и многие другие его соотечественники, не мог и не хотел согласиться, — «белые русские», или «миллион из числа лучших русских душ», были именно изгнаны из страны и в статусе «беженцев» признаны Лигой Наций и другими международными организациями. Влиятельность и весомость бунинского призыва противостояния большевистскому злу, разнесенного и растражированного по миру русской периодикой, в сочетании с образом «русской эмиграции» как хранителя подлинного духовного наследия распавшейся империи, на многие десятилетия стали базовой идейной платформой Зарубежной России.

Если «эмигрантский миф», основные несущие конструкции которого были созданы в Париже, не только закрепился в художественной и мемуарной литературе, коллективной и семейной памяти, но продолжает довлеть многими академическими исследователями и в наши дни, то модель «нового» русского эмигранта как индивидуалиста и космополита, провозглашенная Анатолием Бурнакиным в Константинополе и вступавшая в явное противоречие с этим мифом, многие десятилетия оставалась невостребованной и только сегодня постепенно находит интерес в историографии.

Тем любопытнее взглянуть, как складывалась жизненная траектория «длинноволосого юноши весьма унылого и нелепого вида»⁵, всю жизнь, казалось бы, существовавшего «в» и «для» литературной среды, но в эмиграции сумевшего увидеть и сформулировать основные черты «нового» русского человека XX века.

Первое литературное выступление Анатолия Бурнакина состоялось в 1903 г. в родном Харькове, где юный поэт дебютировал стихотворением в газете «Победа», а уже в 1906 г. он выпустил первый сборник стихов

⁵ О скандальном поведении молодого Бурнакина — «точно заноза в нем сидела» — вспоминали мемуаристы Серебряного века [Вересаев 1984: 476–489; Садовской 1994: 167]. Но только недавно своего рода «акционизм» и литературное поведение Бурнакина были интерпретированы как «прообраз футуристических начинаний».

«Вольные песни»⁶. В том же году молодой человек переехал в Москву и начал сотрудничать в меньшевистской газете «Наше дело». Неизвестно, что именно подействовало на бывшего харьковчанина, но очень скоро Бурнакин, по словам Д.Н. Магомедовой, потерял социалистические иллюзии и в 1907–1908 г. предпринял попытку сблизиться с символистскими кругами, издав двухтомник «Белый камень: альманах индивидуального искусства и индивидуальной мысли», для участия в котором ему удалось привлечь И.Ф. Анненского и И.А. Бунина [Магомедова 1989].

Как многие провинциальные юноши, презжавшие покорять столицы, Бурнакин искал, но не очень находил признание сложившейся литературно-художественной богемы Москвы и Петербурга. Зато, когда в конце 1909 г.⁷ он опубликовал сборник литературно-критической публицистики «Трагические антитезы», на страницах которого защищал идеал «братского слияния» интеллигенции и народа «на фундаменте нашей самобытной культуры, триединая формула которой — Земля, Народ, Христос» [Бурнакин 1909: 52], книгу заметил известный критик и публицист В.П. Буренин (1841–1926) и пригласил ее автора писать для суворинской газеты «Новое время». Это приглашение стало судьбоносным для молодого Бурнакина, здесь он сделал быструю журналистскую карьеру — и его «литературные заметки» стали регулярно появляться по пятницам, чередуясь с «критическими очерками» Буренина, вплоть до 1917 г.

После большевистского переворота 1917 г. Бурнакин вернулся в Харьков и его журналистские дороги в годы гражданской войны повторяли дорогу побед и поражений Белой армии. В «добровольческих» Курске и Харькове 1919 года он вместе с Б.А. Сувориным (1879–1940) издавал газету «Вечернее время», а переместившись к лету 1920 г. в Крым, редактировал ее уже во врангелевском Севастополе. В другой харьковской газете — «Русская жизнь», Бурнакин сотрудничал с известным славистом, профессором местного университета А.Л. Погодиным (1872–1947), с которым вновь уже встретился в Белграде в конце 1920-х годов. В Харькове же, в Кафе поэтов «Сезам»⁸ произошло и знакомство журналиста с кумиром русской эстрады Александром Вертинским (1889–1957), которое продолжилось в Константинополе в 1921 г.

⁶ В 1928 г. белградская газета «Новое время» опубликовало 14 августа большую статью «К юбилею А.А. Бурнакина (1903–1928)», посвященную 25-летию его литературной деятельности, в которой уточнялись сведения о молодых годах юбиляра.

⁷ Время фактического издания, хотя на обложке обозначен 1910 год.

⁸ О харьковской литературной жизни лета 1919 г. и участии в ней А.А. Бурнакина интересные воспоминания оставил врач и литератор Владимир Николаевич Унковский (1888–1964), один из организаторов общества «Литературное содружество» в Харькове и председатель кафе поэтов «Сезам» [Унковский 1958].

С эвакуацией Русской армии из Крыма Анатолий Бурнакин на корабле «Великий князь Александр Михайлович» достиг Константинополя — или Царьграда, как он обозначил место издания своего итогового сборника поэзии «Чужая даль» в 1922 г., и оставался здесь до 1928 г. В эти годы Бурнакин активно сотрудничал в русскоязычной прессе (газеты «Вечерняя пресса», «Вечерняя газета», «Слово», «Курьер»), опубликовал пьесу-сатиру «Революционная Вампука, или «Пауки и мухи» [Успенская 2017].

Годы, проведенные Бурнакиным в Константинополе, вполне можно назвать продуктивными и творчески насыщенными, несмотря на многочисленные и глубокие личные и идейные расхождения внутри русского эмигрантского сообщества. Литературно-публицистические альманахи играли особую роль для эмигрантской интеллигенции, не только поддерживая, но и объединяя русских изгнанников, оказавшихся в разных странах. Реализация «русской идеи» как стратегии объединения стала главным содержанием жизни А. Бурнакина в эти годы. Так, в 1921 г. он участвовал в изданном в Софии альманахе с говорящим названием «Зарубежный клич», смысловой доминантой которого стал де-

виз «Русские всех стран, соединяйтесь!». Другой, связанный с неутомимой деятельностью Анатолия Бурнакина альманах — «Русские на Босфоре» — также имел знаковое название, отсылавшее к известной книге русского генерала и дипломата Н.Н. Муравьева-Карского (1794–1866), известного не только своими военными достижениями, но и бескровными дипломатическими победами, основанными на принципе «русский, страшный враг на поле брани, — самый лучший друг в дни мира».

Тем не менее национально-окрашенный пацифизм оказавшегося в «провинции изгнания» Бурнакина находил мало отклика в центрах русской эмиграции. С 1926 г., вспоминая, по-видимому, севастопольские контакты, он обращался к П.Б. Струве (1870–1944), надеясь создать константинопольский отдел газеты «Возрождение». Аттестуя себя как «своего человека» в «перенасыщенном большевиками» Константинополе, он жаловался, что его

Обложка альманаха
«Зарубежный клич». София, 1921 г.

к П.Б. Струве (1870–1944), надеясь создать константинопольский отдел газеты «Возрождение». Аттестуя себя как «своего человека» в «перенасыщенном большевиками» Константинополе, он жаловался, что его

корреспонденции не помещают⁹. Ссылка на активность советских представителей в Турции не была случайной. К 1928 г. им удалось добиться от турецкого правительства решения о частичной высылке русских белых эмигрантов, причем 56 человек — преимущественно руководители эмигрантских общественных организаций и представители прессы — должны были быть выдворены из страны в административном порядке, среди них оказался и Анатолий Бурнакин [Утургаури 2013: 255–256].

Вскоре после приезда в Белград (Королевство сербов, хорватов и словенцев /Королевство Югославия), весной 1928 г. он написал для Земгора 26-страничный доклад «Положение русской эмиграции в Турции»¹⁰, который в виде машинописи сохранился в фонде белградского Института по изучению России. Доклад до сих пор сохраняет актуальность как исторический источник с уникальной, более нигде не встречающейся информацией, а с другой стороны, предлагает интересное, по свежим следам, сравнение положения русской белой эмиграции в Турции и Югославии глазами одного из видных представителей «русской идеи».

Один из центральных образов этого доклада — сам Константинополь, который Бурнакин, в отличие от многих соотечественников, откровенно любит, постоянно подчеркивая его европейскость, интернациональность и многомиллионность. Любопытно, что тема конфликтов с турецкой средой на конфессионально-национальном уровне вообще не представлена в докладе. Как и в предреволюционные годы, но более осторожно, Бурнакин повторяет свои антиевропейские тезисы, акцентирую все внимание на созидательной деятельности русской белой эмиграции, которой буквально поет гимн.

Ее основными чертами он называет «жизнеупорность и предприимчивость..., несклонность к денационализации, политическую беспартийность, неприемлемость ею большевизма, связь с общеэмигрантской жизнью», а также связь с Россией¹¹. «Русские на Босфоре» — это, по Бурнакину, «своеобразный мирок», который, с одной стороны, не утратил своих специфически русских черт, а с другой, всецело войдя в местную торговую и промышленную деятельность, играет весьма значительную роль в жизни миллионного города¹².

Он подчеркивает, что русские, которые «вообще по своей природе колонизаторы, строители, культуртреггеры»¹³, заняли заметное положение в

⁹ ГАРФ. Ф. Р-10003. Оп. 15. Д. 41.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–26.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

¹² ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

совершенно интернациональном городе и почти все нашли свое место в жизни. Таким образом, одним из первых Анатолий Бурнакин начал описывать историю русских беженцев как «историю успеха», приводя многочисленные примеры их позитивного и необходимого для местной жизни труда. По его словам, к концу 20-х годов это уже не беженцы, а люди, активно принимавшие участие в деловой и производительной жизни принявшей их страны. Константинопольские эмигранты в своей массе привязаны к этому городу своими предприятиями, службой, профессией, и отъезд для них равносителен разорению, констатирует Бурнакин¹⁴.

Одновременно он отмечает «значительную устрочивость и почвенность» небольшой русской диспоры, которая не поддавалась денационализации, несмотря на отсутствие русских школ: «Она выжила все испытания и продолжает стоически нести свой крест, не впадая в уныние и вообще не поддаваясь сомнениям и унынию»¹⁵. Хотя «для русского размаха в условиях Турции не нашлось достаточно места»¹⁶, и в Константинополе русские растворяются в населении большого европейского города, они, по словам журналиста, заметнее, чем, например, в Белграде, за счет их «жизнедеятельности и предприимчивости»¹⁷.

Если Константинополь — «микрокосм русской эмиграции»¹⁸, то остальная Турция также наполнена небольшими русскими беженскими колониями, сообщает доклад Бурнакина. «Беженцы разбрелись по всей Анатолии, <...> разметались <...> от советской и персидской границ до берегов Босфора», осели даже в самых отдаленных, «медвежьих» углах¹⁹. Например, в заброшенной в горах деревушке Чифтесарай поселились 30 семей. В Амасье у русских был «свой квартал» с церковью, оставшейся после ухода греков из Анатолии. В Трабзоне им принадлежали хорошие магазины и лучший в городе ресторан. В Эрзинджане они имели гараж и автомастерскую. В Ризе — занимался перевозкой и продажей орехов. Кроме перечисленных городов русские также жили в Сивасе, Токате, Зонгулдаке и др. Много русских инженеров было занято на угольных копях и всякого рода рудниках. Немало беженцев работало на строительстве шоссейных дорог. В общем, все «ухитрялись жить» своим трудом «без чужой помощи»²⁰.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁺ ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-6821. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

Нам пока неизвестно рецепция этого доклада русскими эмигрантами в Белграде. Вряд ли она могла быть ободряющей, ибо сделанное в нем сравнение русских сообществ Константинополя и Белграда было явно не в пользу последнего. Тем не менее, сам Бурнакин, как всегда, сразу постарался включиться в литературную жизнь эмиграции. Он выступал на собраниях литературного кружка «Союз поэтов» Е.М. Кискевича и Г.Г. Сахновского, членствовал в Союзе ревнителей чистоты русского языка в Югославии и даже успел издать здесь один номер газеты «Русская совесть»²¹. Есть сведения, что известный в будущем русско-сербский архитектор и художник Г.И. Самойлов (1904–1989), в 1930 г. окончивший архитектурное отделение Белградского университета, готовил эскиз обложки для новой книги А.А. Бурнакина — «Под небом Югославии». Такой книги нам обнаружить не удалось, как, впрочем, неизвестно, сохранился ли архив литератора или фрагменты планируемой книги.

Анатолий Андреевич Бурнакин недолго прожил в Белграде и скончался здесь в октябре 1932 г. Его кончина прошла мало замеченной, хотя некрологами откликнулись нью-йоркское «Новое русское слово» (1932. 5 ноября) и парижские «Последние новости» (1932. 27 октября). Могила, видимо, не сохранилась, но в списках русских захоронений на Новом кладбище в Белграде имя Бурнакина числится.

В истории русской диаспоры в Белграде — одной из столиц европейского русского зарубежья — он практически не упоминается, как впрочем, и имена многих тысяч других русских эмигрантов, живших в многочисленных «провинциях изгнания» по всему миру, чья судьба оаастается terra incognita и для их родных, и для историков.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурнакин 1910 — Бурнакин А.А. Трагические антитезы. М.: Сфинск, 1910.
 Бурнакин 1923 — Бурнакин А.А. Гражданин мира // На прощание. Nos Adieux. The Farewell, 1920–1923: Альманах. Издание группы русских литераторов / под ред. А. Бурнакина, Д. Валери, К. Минти и Б. Ратимова. Константинополь, 1923.
 Вересаев 1984 — Вересаев В. Невыдуманные рассказы о прошлом М., 1984.
 Йованович 2005 — Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М.: Русский путь, 2005.
 ЛЗР — Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник. М.: Парад, 2006.

²¹ 1928 г. белградское «Новое время» опубликовало 14 августа большую статью «К юбилею А.А. Бурнакина (1903–1928)», в которой уточнялись многие сведения о его литературной деятельности.

- Магомедова 1989 — Магомедова Д.М. Бурнакин Анатолий Андреевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989.
- Олджай 2018 — Олджай Т. Из Севастополя в Стамбул: история жизни одного белоэмигранта на «том берегу» // Cross Cultural Studies: Education and Science. 2018 (September). Vol. 3, № III. P. 464–470.
- Пронин 2009 — Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009.
- Садовской 1994 — Садовской Б.А. Записки (1881–1916) / Публ. С.В. Шумихина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994.
- Сигирджи 2018 — Сигирджи М. Спасибо, Константинополь! По следам белоэмигрантов в Турции. СПб.: Европейский Дом, 2018.
- Унковский 1958 — Унковский В.Н. Александр Вертинский // Возрождение. 1958. № 74. С. 117–114.
- Успенская 2017 — Успенская Э. Литературная критика на страницах суворинского «Нового времени» (1921–1923 гг.) // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.) Сборник научных трудов. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 541–546.
- Утургаури 2013 — Утургаури С.Н. Белые русские на Босфоре: 1919–1929. М.: ИВАН РАН, 2013.
- Sorokina 2014 — Sorokina M. Émigration, étranger ou diaspora? Réflexions sur la transformation des termes et des concepts dans l'historiographie russe contemporaine // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2014. Vol.45, № 2. P. 69–93.
- Gousseff-Klein 2008 — Gousseff-Klein C. L'exil russe. La fabrique de réfugié apatride (1920–1939). P., 2008.

СУДЬБЫ ПОТОМКОВ
«БЕЛЫХ» РУССКИХ,
ОСЕВШИХ В ТУРЦИИ

И.А. Гарднер КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 1920 Г.: ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ

*Предисловие, подготовка текста и комментарии
протоиерея Бориса Даниленко*

Имя Ивана Алексеевича Гарднера (1898–1984), прожившего большую часть своей жизни на чужбине, известно в первую очередь в России и за ее пределами музыковедам и знатокам православного богослужебного пения¹. Потомок двух старинных родов — Гарднеров и Львовых, оставивших значительный след в культуре дореволюционной России, он родился в Севастополе, рос и получал основы образования в Москве², затем, уже в годы предреволюционного лихолетья опять оказался в Крыму³, откуда в 1920 г., покинув родные берега на борту линкора «Генерал Алексеев», начал свою странническую эпопею. Османская империя, Греция, Болгария⁴, Сербия и Черногория⁵, Чехословакия⁶, Палестина⁷, Австрия⁸

¹ Научному и музыкальному наследию посвящена опубликованная более 10 лет назад наша работа: [Даниленко 2008]; см. рецензию на это издание [Hannick 2008].

² Сын владельца Гарднеровской фарфорофаянсовой мануфактуры, ставшей в советское время Дмитровским фарфоровым заводом (с. Вербилки на северо-западе Московской области); по отцу принадлежит к обрусевшему с XVIII века именитому английскому роду, по матери — к семейству князей Львовых; детство и юность провел в Москве и Севастополе; получил домашнее образование, в том числе — музыкальное; позднее обучался в Московском императорском лицее цесаревича Николая (Катковский лицей).

³ В Севастополе в 1914 г. закончил регентско-учительские курсы при музыкальном училище Е.М. Самойловой, затем, в 1920 — Севастопольское коммерческое училище.

⁴ В конце 1921 г. возглавлял отряд русских скаутов в городе Варне.

⁵ С 1922 по 1928 г. обучался на Богословском факультете Белградского университета, по окончании которого до 1931 г. преподавал в Православной духовной семинарии в г. Цетинье

⁶ После принятия монашеского пострига с именем Филипп весной 1931 г. на территории Чехословакии был рукоположен во диакона, затем во священника и служил на различных приходах Подкарпатья, находившихся тогда в юрисдикции Сербской православной церкви; преподавал в мужской гимназии города Хуста.

⁷ С 1934 по 1937 г. иеромонах Филипп (Гарднер), перейдя в юрисдикцию Русской православной церкви за границей, был членом Русской духовной миссии в Иерусалиме, где нес послушание редактора журнала «Святая Земля».

⁸ С 1938 по 1942 г. игумен, затем архимандрит Филипп (Гарднер) был настоятелем русского храма святителя Николая в Вене.

и, наконец, Германия⁹ стали не только местами его пребывания на протяжении всей долгой жизни, но и связали его многостороннюю деятельность с укоренением в этих государствах культуры русского зарубежья. Первой точкой на маршруте его долгих скитаний стала столица Османской империи. Именно здесь молодой человек, привыкший с детства к красотам родного Крыма, средней и южной России, осознал себя беженцем, а затем эмигрантом. Ступив на берег Босфора, он, знавший историю Древней Византии лишь из книг, смог не только с восторгом рассмотреть, но и запечатлеть в своих воспоминаниях красоту древней и некогда славной столицы христианского мира, сделать бесценные литературные зарисовки обстоятельств, сопутствовавших в начале великого исхода сыновьям и дочерям старой России, а главное оставить целую галерею образов людей, покинувших в большинстве своем навсегда родину и окончивших свои дни на чужбине. При этом перечень таких гарднеровских словесных портретов-персоналий включает как весьма известные имена, остающиеся до сих пор на слуху у многих наших современников, так и имена почти безвестных простых людей, уроженцев городов и весей Российской империи.

Наряду с серьезными музыковедческими исследованиями, посвященными восточно-христианской церковно-певческой традиции, гармонизациями древних православных распевов и музыкальными сочинениями, предназначенными для богослужебного исполнения, множеством очерков и рецензий, касающихся всего многообразия культуры русской эмиграции, напечатанных в русских зарубежных периодических изданиях, небольших по объему очерков, посвященных вопросам медиавистики, увидевших свет на страницах научных журналов, издававшихся в Европе, и многого другого¹⁰ наследие И.А. Гарднера включает создававшиеся им на протяжении многих лет

⁹ В 1942 г. архимандрит Филипп (Гарднер) назначается настоятелем берлинского Воскресенского собора и вскоре рукополагается во епископа; с титулом Потсдамский до снятия сана в 1944 г. занимает должность викария митрополита Берлинского. До 1954 г. с семьей проживает в курортном немецком городке Bad Reichenhall. С начала учебного 1954/55 г. И.А. Гарднер получает место лектора на Философском факультете Мюнхенского университета и до конца своих дней продолжает там научно-педагогические занятия.

¹⁰ Общая библиография работ И.А. Гарднера включает более 600 публикаций, но тография — 159 гармонизаций и свободных композиций; самой популярной из его работ по праву считается двухтомное исследование «Богослужебное пение

воспоминания. Всю свою сознательную жизнь Иван Алексеевич вел дневниковые записи. С 1937 г. они стали оформляться им как серии мемуаров. С весны 1944 г. он, живя в Bad Reichenhall'e (Германия), на протяжении пяти последующих лет, все время свободное от трудов, приносивших заработок¹¹, стал посвящать исключительно работе со своими воспоминаниями. Из рукописного наследия И.А. Гарднера, несомненно, самым интересным в источниковедческом и литературном отношении является мемуарный диптих, озаглавленный им «Ушедший мир» и «Море житейское». Общий его объем составляет около 9 тысяч рукописных страниц размером примерно 15 на 21 сантиметр, исписанных весьма убористым и довольно сложным для чтения почерком и заключенных в 12 переплетов¹², собственноручно изготовленных самим Иваном Алексеевичем. Рукописный материал дополнен фотографиями, выполненными автором и иногда представляющими пересъемку иллюстраций различных изданий, а также рядом схематичных изображений, сделанных им же от руки. Все основные материалы биографического характера от даты рождения автора до 13 ноября 1920 г., когда тот вместе с остатками армии барона П.Н. Врангеля покинул Крым, содержатся в «Ушедшем мире». Мемуарный текст «Море житейское» продолжает хронологический ряд событий жизни автора после прощания с родным крымским берегом и простирается до 24 апреля 1931 г., когда над ним был совершен иноческий постриг в Свято-Николаевском православном монастыре в селе Иза на территории тогдашней Чехословакии¹³. Работа по написанию этой части воспоминаний была завершена 15 февраля 1950 г. Касательно событий жизни И.А. Гарднера, не охваченных этими мемуарами, многое может сказать его переписка. Из известных нам писем, адресатом или отправителем которых являлся Иван Алексеевич, ранние относятся к самому началу 30-х годов прошлого века, а поздние — к последним дням его жизни. Объем этих писем велик — они представляют весьма ценный в источниковедческом отношении материал, нуждающийся наряду с мемуарами в публикации. Работа с рукописным, в том

Русской православной церкви», увидевшее свет в 1978–1982 г. в Джорданвилле (США) и многократно переизданное в России.

¹¹ В это время И.А. Гарднер был регентом в русском храме в Зальцбурге (Австрия).

¹² Ушедший мир. Т. 1–6 в 7 переплетах; Море житейское. Т. 1–4 в 5 переплетах.

¹³ Ныне Хустский район Закарпатской области Украины.

числе и эпистолярным, наследием И.А. Гарднера велась нами на постоянной основе с 2006 г., благодаря чему часть его была введена в научный и культурный оборот [Даниленко 2008: 131–313; Даниленко 2016]. Сейчас весь объем рукописных воспоминаний «Ушедший мир» и «Море житейское» расшифрован и набран в виде текстовых файлов для подготовки к изданию.

Предлагаемый вниманию читателей фрагмент взят нами из первого тома воспоминаний И.А. Гарднера «Море житейское», озаглавленного «Скитания (1920–1922 г.)». Текст набран по авторской рукописи, датированной 3 ноября 1948 г. События, описанные в этом фрагменте, относятся к ноябрю 1920 г., когда Иван Алексеевич состоял чиновником по особым поручениям при возглавлявшем военное духовенство Вооруженных сил юга России епископе Вениамине (Федченкове). Название публикации дано нами. Она воспроизводит фрагмент текста рукописи с сокращениями, отмеченными знаком <...>, в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации русского языка; при этом особенности авторского написания топонимов и имен собственных, а также — использования заглавных букв, нами по возможности сохранены. Подстрочные примечания, сделанные нами, относятся в основном к персоналиям, упомянутым в тексте воспоминаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Даниленко 2008 — Даниленко Борис, прот. Материалы к творческой биографии И.А. Гарднера (1898–1984). М.: Синодальная библиотека Московского Патриархата; München: Verlag Otto Sagner, 2008. С. 131–313.
- Даниленко 2016 — Даниленко Борис, прот. И.А. Гарднер и его «Письма из Подкарпатской Руси» // Русская культура в Европе. Ч. 13. Культура русской диаспоры: судьбы и тексты эмиграции. Frankfurt am Main, 2016. С. 317–348.
- Hannick 2008 — Hannick. Ch. Johann von Gardner: Eine grundlegende Publikation zu Leben und Werk des Erforschers des russischen Kirchengesangs // Ostkirchliche Studien. 2008. Bd. 57. S. 355–366.

* * *

Итак, мы в Константинополе... Точнее говоря, в Кадикае, на азиатской стороне, на рейде в бухте Мод. Здесь и будем стоять, пока не решится наша судьба.

Владыка¹⁴ сейчас же выдал Ивану Андреевичу¹⁵ и мне удостоверение, которые я написал на пишущей машинке в корабельной канцелярии, причем я снова был назначен на должность чиновника особых поручений.

Это было 5 ноября, около 4 часов дня.

Вечером мы любовались видом переливающихся бесчисленных огней Константинополя и Кадикая. Мимо нас проходили, сверкая огнями английские и французские миноносцы. С задорным свистом пробегали катера. В темном небе слабо светил над Царьградом тонкий серп молодого месяца.

Но на востоке жизнь замирает рано, и часам к 8 огни стали быстро, один за другим гаснуть.

За горами азиатского берега изредка слышались далекие орудийные выстрелы. Это показалось мне странным: ведь война кончена <...>.

— Что это за стрельба? — Спросил я молодого морского офицера, с которым часто разговаривал во время нашего плавания.

— То — кемалисты в горах. Очевидно, у них где-то в горах бой.

— Кемалисты? — переспросил я, впервые услышав это слово, — а это что такое?

— Турецкие большевики, так сказать, войска Кемаль-Паши¹⁶.

— Ну, вот тебе раз! Удирали от большевиков, и к другим еще, чего доброго, попадем!

¹⁴ Митрополит Вениамин (в миру Иван Афанасьевич Федченков, 1880–1961) был рукоположен во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии в феврале 1919 г.; с этого времени И.А. Гарднер стал его иподиаконом и сотрудником; весной 1920 г. занял должность епископа армии и флота Вооруженных сил Юга России (затем — Русской армии); основатель и первый настоятель Трехсвятительского подворья Московского патриархата в Париже (с 1931 г.), впоследствии — экзарх Московского патриархата в США (с 1933 г.), с 1932 г. архиепископ, с 1938 — митрополит; после репатриации в советскую Россию (1947) занимал различные архиерейские кафедры на территории СССР; титул перед выходом на покой — митрополит Саратовский и Вольский.

¹⁵ И.А. Черненко — сын священника, обучался в Таврической духовной семинарии (Севастополь) после епископской хиротонии Вениамина (Федченкова) состоял при нем секретарем.

¹⁶ Мустафа Кемаль Ататюрк, он же — Гази Мустафа Кемаль-паша (1881–1938) — основатель и лидер Республиканской народной партии Турции, во время описываемых событий — председатель Великого национального собрания Турции, с 1923 г. — первый президент Турецкой республики.

— Нет, нечего беспокоиться, — засмеявшись сказал мой собеседник, — во-первых, это чисто внутренние турецкие дела, во-вторых, союзники их сюда не пустят, да кемалисты сами сюда не пойдут, а в-третьих — это не наши большевики, это просто младотурки, которые нас совершенно не тронут.

Опять доносится далекий-далекий выстрел.

— Они около Измита с греками дерутся, — продолжал моряк, — как ни странно, турки к нам русским, питают большую симпатию, зато греков ненавидят как собака кошку.

— Симпатию? Да они ведь воевали против нас!

— Да вот падите! Определенно нам симпатизируют. Да вот если будете на берегу, сами увидите.

На корабле везде было темно: электричества не было. Так мы и легли спать в совершенно темной каюте.

* * *

6 ноября — праздник Морского корпуса¹⁷. По этому случаю Владыка служит торжественную литургию, и ввиду чудной солнечной погоды служба происходит на палубе, на юте. Был установлен переносный престол; кадеты были выстроены в виде буквы П; почти все беженцы, бывшие на корабле и все начальство присутствовали на службе. Владыка был в своем лучшем оливковом облачении с золотом: мы смогли захватить только одно это облачение. Только у части сослужившего духовенства не было полного облачения, и они просили у Владыки разрешения служить только в епитрахиях и фелонях, что Владыка, в виду нужды, разрешил им.

Еще никогда не приходилось мне присутствовать за литургией на открытом воздухе. Стихарей у нас с Иваном Андреевичем тоже не было. Пел хор богомольцев, составившийся экспромтом, но, нужно сказать, пел очень прилично. Несмотря на всю необычность обстановки служба была очень торжественна.

<...> Мимо нас, в непосредственной близости корабля постоянно проходили катера. Черномазые греки, увидя происходящее на палубе богослужение и епископа в облачении, снимали шапки, офицеры-французы, бывшие на катерах, с большим любопытством смотрели на то, что происходит у русских на дредноуте и, хотя не могли не видеть, что происходит богослужение, даже и не думали хотя бы приподнять свои кепи.

¹⁷ Имеется в виду Крымский кадетский корпус, основанный в октябре приказом главнокомандующего Вооруженными силами юга России генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля.

Некоторые так даже нарочно задерживались около нас и глазели на богослужение. Это корбило нас, но что мы могли поделать?

В конце литургии Владыка сказал, как всегда, слово. Не помню его содержания; помню только, что он видел особое символическое значение в том, что мы прибыли в Константинополь как раз ко дню памяти св. Павла Исповедника, архиепископа Константинопольского.

По окончании службы был небольшой парад. Директор Корпуса¹⁸, держа руку полу поднятой к козырьку, приветствовал сначала старшую роту кадет:

— Здравствуйте, кадеты!

— Здравия желаем, Ваше Превосходительство! — Дружно сказали в ответ кадеты.

— Поздравляем вас с корпусным праздником!

— Покорнейше благодарим, Ваше Превосходительство!

То же самое повторилось и у средних рот, выстроенных лицом к корме, и у младших. После этого было прочитано поздравление от Главнокомандующего, переданное по семафору с «Корнилова», на которое кадеты ответили дружным «ура»; затем был прочитан приказ по корпусу. И этот парад был закончен, и кадеты разведены по своим местам. Ради корпусного праздника на палубе днем играл оркестр; Владыка был приглашен на обед, устроенный для персонала Корпуса, а для всех прочих обед был лучше, чем обычно: был жирный борщ из свиньи, предсмертный визг которой доносился с бака утром.

Но чтобы съехать на берег — о том не было и речи. Владыке очень хотелось получить связь с Главнокомандующим, но кроме телеграмм по семафору, ничего нельзя было добиться. Дорогие союзники, под опеку которых мы вступили, держали нас под строжайшим контролем. Могли съехать на берег только те, за которыми приехали на катерах или каюках их знакомые или родственники, жившие в Константинополе и бравшие их к себе. Но таковых было чрезвычайно мало. <...> Владыка Вениамин послал письмо к архиепископу Анастасию¹⁹ с кратким изложением обстоятельств нашего приезда.

¹⁸ После занятия Крыма Добровольческой армией в октябре 1919 г. приказом главнокомандующего Вооруженных сил Юга России директором Севастопольского морского корпуса был повторно (ранее – с 1914 до 1917 г.) назначен контр-адмирал Сергей Николаевич Ворожейкин (1867–1939); оставался в этой должности до прибытия офицеров и кадет корпуса в Тунис в 1920 г.

¹⁹ Митрополит Анастасий (в миру Александр Алексеевич Грибановский, 1873–1965) — архиепископ Кишиневский и Хотинский. Управляющий русскими приходами Константинопольского округа с октября 1920 г. Впоследствии епископ Русской православной церкви заграницей.

<...> На следующий день, 7 ноября выдалась холодная, туманная, серая погода. Время от времени моросил даже дождь. Очаровательные акварельные тона, радовавшие глаз последние три дня, сбежали. Море было серое, неприветливое; серы были и горы, и город. Все было серое.

С утра к «Алексееву» постоянно приставали катера, моторные лодки и каюки: беженцы, оказавшиеся разлученными при посадке на суда со своими родственниками, ездили от судна к судну и разыскивали своих. Многие приезжали и из города, забирали своих родных. Но что с нами будет — ничего определенного не было известно. Вся обширная бухта Мод, в которой стояли наша многочисленная беженская эскадра, представляла собой муравейник: по всем направлениям ее бороздили бесчисленные катера, каюки, моторные лодки, пароходики.

В одной из подошедших к «Алексееву» моторных лодок я увидел бравого седого генерала с лихо закрученными усами. Я сразу узнал в нем барона Каульбарса²⁰, когда-то очень известного деятеля по воздухоплаванию, портреты которого часто помещались в «Ниве» в 1904–1905 годах. Поднявшись на палубу, он спросил что-то у вахтенного матроса, стоявшего у трапа, тот указал на меня.

— Я желаю видеть Преосвященного Вениамина, моя фамилия Каульбарс, — сказал генерал, обращаясь ко мне.

Я уже был предупрежден <...> о возможности посещения генерала, потому немедленно провел его к Владыке.

Генерал барон Каульбарс, свиты Его Величества и флигель-адъютант, был уже глубокий старик, лет за 70, но был крепок и бодр. Когда-то он был очень известен: он совершил много путешествий по Средней Азии, сделал много исследований, потом он сыграл большую роль при подавлении первой революции 1905 года. Он пробыл у Владыки, <...> с полчаса и потом вернулся в город.

Я скучал на корабле, смотрел в бинокль на город, окутанный серым туманом пасмурного дня и мечтал, когда же мне удастся посмотреть этот столь интересный город и вообще удастся ли мне его посмотреть... Ведь всего еще две недели тому назад я не мог и подумать, что увижу Константинополь... <...>

Около двух часов дня я увидел, что к «Алексееву» направляется большая моторная лодка и в ней — архиепископ Анастасий в клобуке с бриллиантовым (т. е. теперь, конечно, хрустальным) крестом. Я немедленно побежал сообщить Владыке об этом. Владыка сейчас же пошел на палубу, навстречу к архиепископу, и провел его в каюту и представил своих

²⁰ Барон Александр Васильевич Каульбарс (1844–1925) — генерал от кавалерии, ученый-географ, один из создателей русской военной авиации; в эмиграции с 1919 г.

спутников. Разговор Владыки Вениамина и Владыки Анастасия был недолгий. Владыка Вениамин сейчас же позвал меня к себе.

— Я еду сейчас с Владыкой Анастасием на берег, — сказал он, — и пробуду, вероятно, до завтра. Мне нужен переводчик, и потому я вас беру с собой.

Я чуть было не подскочил от радости. Собираться мне не нужно было — по случаю холодной погоды я был в шинели. Мы сошли в ожидавшую у трапа моторную лодку, которая сейчас же отошла, направляясь поперек Босфора к Галатийским пристаням.

<...> Лодка быстро бежала, прыгая по волнам мимо снующих катеров и каюков. И вот мы, наконец, выходим на пристань. Владыка Анастасий ведет нас к себе: он живет в Пере, в здании русского посольства.

Мы вышли на узкую и кривую улицу между высокими шестизэтажными узкими домами; по улице шел в две колеи электрический трамвай, проходя тесно у самого тротуара. Тротуар был очень узкий: по нему с трудом можно было идти втроем. Но что за движение, что за толкотня была на этой улице! Я просто растерялся от той сутолоки и гама. Привыкший всю жизнь слышать вокруг себя только русскую речь, ухо не улавливало ни одного слова в этой гомонящей толпе. Продавцы, выставившие на лотках горы, целые горы халвы, нуги, рахат-лукума, фиников и винных ягод, громкими голосами выкрикивали свой товар, звеня при этом для привлечения большего внимания прохожих, в маленькие колокольчики; с разных сторон слышались звуки шарманок, напоминавшие звуки плохих пианино, звонки трамваев, гудки автомобилей, и говор, говор, говор. Несло дразнящим аппетит ароматом жареного кофе: тут же, на улице, несмотря на слякоть, стояли столики, за которыми сидели люди в фесках с черными кисточками, курили, играли в домино и пили из крохотных чашечек кофе. Потягивало чадом жарящегося бараньего сала от шашлычных. В толпе — фески, фески и фески, иногда — чалмы; рогатые голубо-серые шапочки французских солдат, зеленые фуражки англичан, шляпы европейцев, синие береты матросов. Все это так рябило в глазах, что в первые минуты невозможно было отдать себе отчет в том, куда попал и что кругом творится.

— У вас, вероятно, валюты никакой не имеется? — спросил меня Владыка Анастасий улучив удобную минуту.

— Нет, Ваше Высокопреосвященство, у нас только русские деньги, — отвечал я, не зная еще слова «валюта», совершенно не употребительного в России, но догадавшись о его значении.

Как ни интересно мне было, я не имел возможности смотреть по сторонам: нужно было не отставать от Владык. Владыка Анастасий с замечательным искусством лавировал в этой снующей толпе. Скоро мы

пришли к какому-то зданию, похожему на вокзал; это и была нижняя станция фуникулера, сообщающего посредством туннеля Галату и город.

Владыка Анастасий взял для нас билеты; стоявший у входа на перрон контролер в феске пропустил нас через калитку-турникет. У перрона, кончавшегося впереди черным жерлом туннеля, по которому уходили вверх две колеи рельс, стоял поезд из трех довольно длинных вагонов, ярко освещенных электричеством. После того, что я уже больше года не видел даже паршивенького севастопольского трамвая, эти вагоны, отделанные под тип вагонов международного общества, показались мне верхом элегантности и роскоши. Мы заняли места на мягких плетеных соломенных стульях. Скоро раздались свистки; кондуктора с шумом захлопнули двери; пискнул рожок; вагоны дернулись, и мы поехали куда-то вверх, втянувшись в туннель. Стук стоял оглушительный. Об этом туннеле я уже читал в книге «Через Черное море на Босфор»²¹, а потому-то путешествие не было для меня большой неожиданностью.

Минуты через три мы были уже на верхней станции и вышли на Grande Rue de Péra — главную артерию нетурецкой части Константинополя. Пройдя по ней шагов 300, мы были уже у русского посольства.

Громадное по тому времени и внушительное здание Российского императорского посольства находилось в глубине обширного двора, замкнутого по бокам различными вспомогательными зданиями. От Grande Rue de Péra этот двор отделялся импозантной высокой решеткой, украшенной золочеными Императорскими двуглавыми орлами. У ворот стоял кавас-черногорец в красивом национальном костюме. Во дворе толпилось множество русских беженцев в защитных шинелях.

Владыка Анастасий жил в верхнем (третьем) этаже правого крыла посольского здания. Мы поднялись туда по крутой и узкой каменной лестнице. Квартира архиепископа состояла из двух очень больших комнат с прилегающей к ним передней и еще третьей комнаты, в которой жил келейник архиепископа, рыжеватый монах о. Никон и старик Илья Иванович, побывавший не раз в Иерусалиме и неотлучно находившийся при архиепископе. В этой комнате была устроена и кухня: плиты не было, варилось все на примусе. В передней, за фанерной перегородкой жил протодиакон <...> (кажется, из Екатеринослава), голосистый человек лет тридцати.

Вторая комната квартиры архиепископа, выходила двумя окнами на Босфор. Посольство стояло на горе, над Галатой, и потому вид отсюда был изумительный. Вся часть Босфора, при выходе его в Мраморное море была как на ладони, за Босфором — обширное, раскинувшееся по

²¹ См.: Гнедич П.П. Через Черное море на Босфор. Путевые заметки. СПб. 1896.

берегу Скутарки с его темнеющим кипарисами громадным кладбищем. К сожалению, в это раз мокрый серый туман скрывал дали и лишал этот вид той действительно радостной красоты, которую он имел в яркие солнечные дни, тогда Босфор бывает глубоко-лазоревого цвета, а уходящие вдаль мягкими волнами горы азиатской стороны тонут в акварельных тонах голубой дымки дали. Из других двух окон, как и из окон первой комнаты, служившей приемной, открывался не менее роскошный вид на Стамбул с его грандиозными мечетями, множеством тонких минаретов и неисчислимой толпой домов с плоскими крышами.

Мебель в комнатах была очень скромная, так в приемной был удобный, довольно большой старинный диван, обитый полинявшей материей с цветочками, два такие же кресла, круглый столик и шкаф с книгами, небольшое бюро. Полы были простые, деревянные, и даже некрашенные. В комнатах было холодно: печей не существовало; как я вскоре узнал, вообще во всех константинопольских домах — нигде не было отопления.

Прежде, последнее время до войны это помещение занимал настоятель посольской церкви, ученый архиепископ Ювеналий (Мошковский)²², бывший воспитанник Московского императорского лицея, оставшийся в России.

Как только мы пришли, Владыка Анастасий сейчас же постарался подать чай. О, с каким наслаждением пил я горячий, крепкий, душистый настоящий чай с сахаром и с изумительным белым хлебом, с вареньем и маслом. Просто не верилось даже, что люди живут здесь в таком достатке, что здесь можно достать все, что угодно — лишь бы только были деньги. А главное нет ни намека на войну, на террор, на большевиков! Это даже как-то не укладывалось в голову.

Пока Владыки разговаривали о делах во внутренней комнате, я любовался видом на Стамбул, который, несмотря на густой туман, был необыкновенно хорош. Из всей бесчисленной толпы домов и домиков, покрывших все семь холмов Царьграда — Второго Рима, особенно выделялся громадный темный куб Святой Софии, увенчанной столь характерным, необъятным слегка приплюснутым куполом, чудом архитектурного искусства. Четыре высоких, тонких, словно игла, стройных минарета стояли по углам ее, словно на страже. Стены были укреплены громад-

²² Епископ Ювеналий (в миру Виктор Павлович Машковский, 1883–1941) с 1913 по 1916 г. в сане архимандрита был настоятелем русской посольской церкви в Константинополе. В 1920 г. хиротонисан во епископа, а с 1922 уклонился в обновленческий раскол; в обновленчестве был митрополитом Одесским, позднее — Киевским; принёс покаяние в 1935 г. был принят в РПЦ в епископском сане; в 1936 г. был приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей; скончался в лагерном лазарете на территории Коми АССР.

ными контрфорсами, выдвинувшимися от ее стен. За ней устремлялись к небу шесть тонких остроконечных минаретов не менее грандиозной, с высоким полусферическим куполом мечети Ахмедие. Правее опять возвышались минареты и горбились купола мечетей. И сколько их... Не пересчитать... Словно в Москве колоколен, словно пирамидальных тополей в крымских долинах... А у подножия холмов Стамбула — Золотой Рог, со множеством судов, облепивших его одетые каменными набережными берега. Что за оригинальный вид... Действительно, другой мир...

Владыка Анастасий пригласил Владыку Вениамина служить с ним всю ночь и на следующий день литургию: это был канун дня Михаила Архангела²³. Но так как до всюнощной оставалось еще время, Владыка Вениамин решил еще съездить куда-то по делам, если не ошибаюсь, в русский госпиталь Харбие, чтобы позаботиться об устройстве духовенства.

Теперь я уже не помню подробностей этого дня. Кажется, Владыка Вениамин пошел говорить с генералом Лукомским²⁴, который находился в здании посольства, где спешно устраивался госпиталь для размещения больных и раненых, прибывших с армией генерала Врангеля. Я помню только, что у подъезда посольства стоял извозчик — пароконная коляска; Владыка вышел вместе с пожилым генералом с небольшой бородкой, подстриженной клинышком.

— Мой чиновник особых поручений, — представил меня Владыка генералу. Генерал подал мне руку; я сел на переднюю откидную скамеечку против Владыки и генерала, и мы поехали по Grande Rue de Péra.

Это была неширокая, довольно извилистая асфальтированная улица, обстроенная высокими домами. По улице ходил электрический трамвай, прижимаясь к правой стороне улицы, к самому тротуару; здесь были прекрасные магазинчики; толпа была значительно лучше одета, чем внизу, в Галате, и что меня опять поразило невообразимая сутолока на улице и количество военных разных наций, особенно же французов, которые, казалось, царили здесь.

Повторяю, я совершенно не помню подробностей того дня, так ошеломила меня масса новых впечатлений, разом нахлынувших на меня.

Русский госпиталь Харбие, находившийся довольно далеко от посольства, за большой и пустынной площадью Таксим, на которую выходила Grande Rue de Péra, занимал собой целый квартал, состоящий из нескольких корпусов. Между ними, посреди двора стоял небольшой, кра-

²³ Празднование Собора архистратига Божия Михаила и прочих бесплотных сил приходится на 21 ноября по новому стилю.

²⁴ Генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский (1868–1939) — с марта 1920 г. представитель главнокомандующего Русской армией при Союзном командовании в Константинополе.

сивый храм в поздневизантийском стиле, во имя святителя Николая. Я не помню сейчас, чем окончились переговоры Владыки, только помню, что мы скоро вернулись в посольство.

В ожидании всенощной мы зашли опять к Владыке Анастасию. Владыка Вениамин куда-то отлучился, и я остался вдвоем с архиепископом в первой комнате. Архиепископ, ласково взяв меня за талию, ходил со мной взад и вперед и расспрашивал меня про меня и, между прочим, спросил, при ком мне приходилось иподиаконствовать. Я упомянул о том, что иподиаконствовал при епископе Гаврииле²⁵, бывшем при архиепископе Анастасии, в бытность его на Кишинеvской кафедре, викарием.

— О, это большой знаток богослужения! — сказал архиепископ, — это один из самых одаренных авторитетов в этой области епископ. Это очень хорошая школа у вас.

Я совершенно не знал архиепископа Анастасия, хотя много про него слышал, как об исключительно выдающимся епископе, большом дипломате, заслужившем в духовенстве прозвище «мудрейшего». В прошлой части своих воспоминаний я рассказывал, как он осенью 1913 года был проездом в Севастополе. Но тогда мое знакомство с ним было слишком мимолетным. Теперь же он произвел на меня чарующее впечатление. Он говорил тихим, мягким, спокойным голосом, немного, быть может, преувеличенно тихим; все движения его были сдержанны и размеренны, — точно он все время был в облачении, был иконописно-аскетический; чувствовалось во всем, что он чрезвычайно строг сам к себе. У него была тогда длинная, почти еще совершенно черная узкая борода, которая придавала ему немного сходства с типом греческого иерарха, каким их изображают на некоторых иконах. Он происходил из древнего звания и был родом из Тамбовской губернии; фамилия его была Грибановский; он приходился далеким родственником рано умершему епископу Таврическому Михаилу²⁶, который занимал Симферопольскую кафедру

²⁵ Архиепископ Гавриил (в миру Григорий Маркеллович Чепур, 1874–1933) занимал различные должности в духовных учебных заведениях дореволюционной России, с 1906 состоял Синодальным ризничим; после епископской хиротонии в 1910 г. был викарием Кишиневской епархии, а затем ее временно управляющим; в 1918 г. был назначен на Челябинскую кафедру; в начале 1920 г. покинул Россию и жил в Югославии, занимаясь педагогической работой в различных учебных заведениях; в 20-е годы в качестве внештатного лектора сотрудничал с Богословским факультетом Белградского университета. По свидетельству И.А. Гарднера, будучи литургистом, знатоком богослужебного пения и композитором, Владыка Гавриил дал направление его будущим научным трудам, указав также ему на необходимость заниматься историей богослужебного пения и гармонизацией древних церковных распевов.

²⁶ Епископ Таврический и Симферопольский Михаил (в миру Михаил Михайлович Грибановский, 1856–1898).

в начале нынешнего столетия. Впоследствии Владыка Анастасий имел громадное значение для моей жизни. Уже в Константинополе я с ним познакомился поближе, и чем дальше, тем все больше и больше проникал к нему уважением.

Архиепископ Анастасий служил постоянно в посольской церкви. Эта церковь помещалась в противоположном крыле здания посольства, тоже в самом верхнем этаже, и являлась домовою церковью. Она была небольшая, но богато украшена и снабжена чудной утварью. Туда можно было пройти и со двора, по отдельной лестнице, и непосредственно из квартиры архиепископа, минув небольшую террасу, с которой открывался волшебный вид на Босфор, Скутари, Измитский залив с группой Принцевых островов, и затем через несколько второстепенных канцелярий посольства.

За всеобщей весь сравнительно небольшой храм был совершенно переполнен. Довольно большой смешанный хор пел превосходно. Протодиакон оказался великолепный. Я иподиаконствовал; сначала протодиакон делал мне указания, но скоро он с удивлением заметил:

— Да вы, оказывается, сами превосходно знаете службу!

На ектениях поминали после Патриарха Тихона, Высокопреосвященнейшего Досифея, митрополита Прусского²⁷, — он был в то время местоблюстителем Патриаршего Престола: это было время патриаршего междуцарствия.

После всеобщей Владыка Анастасий пригласил Владыку Вениамина у него поужинать; ужин был подан во второй комнате; я был тоже приглашен. Помнится, на ужин была подана жаренная рыба с жареной картошкой. И после ужина архиепископ написал записку к заведующему афонским подворьем и, поручив протоdiaкону проводить нас на Подворье, распрощался с Владыкой.

Протодиакон повел нас по очень оригинальной улице: это была скорее широкая лестница с низкими, сравнительно пологими широкими ступенями, плохо вымощенная округлыми камнями, извиристо спускавшаяся из Перы в Галату. Жизнь на улицах уже замирала; прохожих, среди коих было немало русских беженцев, встречалось мало; только в греческих кофейнях был народ. Зато, когда мы вышли на главную улицу Галаты, то попали опять в тот самый кипучий водоворот, в котором очутились, когда вышли с лодки на пристань. Только теперь было еще шумнее, да меньше встречалось турок, но зато было гораздо больше английских и французских матросов и солдат, сновавших по улице; больше играли шарманки,

²⁷ Местоблюститель константинопольского патриаршего престола с 1918 по 1921 г.

и из ярко освещенных баров доносились громкие звуки шумных плохих оркестров. Здесь был центр портовых кварталов Константинополя.

Но мы только несколько шагов прошли в этом людском водовороте; протоиерей сейчас же свернул в одну из узких, почти совсем темных боковых улиц, сделав два-три поворота, привел нас к большому шестиэтажному дому. Это и было Троицкое афонское подворье.

По узкой каменной лестнице мы поднялись на самый верхний этаж. Владыка остался на предпоследней площадке; протоиерей со мной поднялся на самый верх и постучал в дверь направо. На стук вышел довольно симпатичного вида темнобородый афонский иеромонах лет 40, о. Анатолий, заведующий подворьем.

— Епископ армии и флота, Преосвященнейший Вениамин здесь, — сказал я, — и вот вам записка от Высокопреосвященнейшего Анастасия.

О. Анатолий нахмурился, прочитав письмо.

— Да у меня нет места, все занято, — сказал он.

— Но ведь архиерей внизу ждет, — сказал я удивленный, что о. Анатолий не начинает суетиться, с готовностью предоставляя помещение для архиерея, как это было бы в России. Мне казалось, что перед архиереем все должны преклоняться и все должны умолкать. Я не знал, что подворья афонских монастырей совершенно не подчинены архиепископу Анастасию.

О. Анатолий одел рясу, наперстный крест и поспешил сойти вниз, на площадку, где ждал Владыка и, сделав глубокое метание (поклон, при котором касаются вытянутой правой рукой земли), взял у него благословение.

— У меня ничего нет свободного, Ваше Преосвященство, — сказал он, — есть только совсем маленькая каморка.

— Ничего, батюшка, хоть какая-нибудь, все равно, лишь бы переночевать: завтра я служу с Владыкой Анастасием, — сказал Владыка.

— Очень уж неудобно будет... Только одна кровать, и очень тесно...

— Ничего, ничего, лишь бы переночевать.

— Тогда пожалуйста, Владыка. Вот только как вашего чиновника устроить — не знаю.

— Да он на полу поспит. Мы, батюшка, вот уже целую неделю так ехали. На полу спали. Где уж в такие времена разбирать.

О. Анатолий открыл нам маленькую каморку с окном, выходящим на плоскую, в виде террасы, крышу дома. Каморка была немногим больше, чем железнодорожное купе и все устройство ее состояло из самой простой железной кровати, крохотного стола, поставленного перед окном да

стула. Голая электрическая лампочка с тарелочным абажуром освещала ее неприятным прямым светом. Пол был деревянный, перекрашенный.

Здесь мы и расположились.

Владыка пожелал зайти в церковь. Она находилась тут же; вход в нее был с той же узкой площадки с кафельным полом, с которой были двери в комнату о. Анатолия и в нашу каморку. Церковь представляла собой небольшую комнату; иконостас отделял очень тесный алтарь, где престол не стоял отдельно среди алтаря, как это мы видим во всех православных церквях, а за недостатком места был устроен в нише восточной стены. Это была, собственно говоря, не настоящая церковь, а так называемый на Афоне, *Параклис*, т. е. часовня, в которой можно было служить и литургию.

— Да, придется, видно, горя хлебнуть, — задумчиво сказал Владыка, сидя на кровати и помешивая ложечкой чай, предложенный нам о. Анатолием; — было время, когда у архиереев покои были, теперь и келии рады будем.

Владыка Вениамин был скромный и нетребовательный. Но и тут он, по-видимому, был удручен.

— Да... смиряться надо... Смиряться... — говорил он, — вот, не смирялись дома, возгордились, во дворцах жили, князьями Церкви себя возомнили — теперь и на чердачке поживем.

Пока Владыка читал правило, готовясь к служению, я вышел на крышу. Внизу щелями зияли скудно освещенные узкие улочки Галаты. Темная ночная даль тонула в сером тумане. Сверкали постепенно угасавшие огни города. В стороне Босфора и Мраморного моря сверкали зеленые и красные огни судов и сигнальных буйков. Издали доносился гам главной улицы Галаты.

И мы легли спать. Владыка — на кровати, я — на полу, на своей шинели.

<...> Мне было не привыкать спать на полу, и я отлично выспался. Но как-то странно было проснувшись видеть себя не в каюте, а в совершенно незнакомой комнате. Снаружи доносился стук выбиваемых ковров и одеял; где-то неритмически звонил жиденький церковный колокол. Снизу, с улицы доносился оживленный, чудный, незнакомый говор.

Серый, пасмурный, холодный, но сухой день. Холодно так, как бывает в Севастополе в начале октября: ведь мы все же градуса на 4 южнее.

С крыши открывался роскошный вид: наравне с нами — множество плоских, как и наша, крыш, отгороженных каменными парапетами; между ними, словно ущелья — целый лабиринт узких улиц. Совсем недалеко — торговая набережная, у которой стояли пароходы и среди них —

громадный черный океанский пароход. А дальше — широкий Босфор со множеством судов, Скутари, Мраморное море с нашей многочисленной и разношерстной беженской эскадрой и сереющие в тумане далекие горы Вифинии. Справа — Золотой Рог и за ним Стамбул со Святой Софией, Ахмедием, Сулейманием, со всеми его грандиозными мечетями и лесом минаретов, составляющими главную красоту Царьграда.

Потом мы пошли в посольство к службе.

Когда во время проповеди архиепископа Анастасия Владыка Вениамин сидел в алтаре, к нему подошел какой-то генерал в кубанской казачьей форме, с небольшой узкой бородой, небольшого роста, с аристократическим лицом. Увидев его, Владыка развел руками.

— Граф, вы здесь! Как вы прибыли! — Воскликнул он.

— На лайбе, Ваше Преосвященство, — отвечал генерал, беря благословение, и стал рассказывать, как он в последнюю минуту бежал из Крыма на простой моторно-парусной лайбе и добрался на ней до Константинополя.

— Это наказной атаман Граббе²⁸, — сказал Владыка, когда генерал ушел, — верующий, хороший человек.

После службы мы обедали у Владыки Анастасия. <...>

— Вы мне позволите использовать немного вашего чиновника особых поручений, — спросил за обедом архиепископ Владыку Вениамина, — я попросил бы его услуг для перевода: мне нужно поехать к католическому архиепископу попросить его содействия для получения разрешения нашим Владыкам съехать на берег.

Понятно, Владыка Вениамин сейчас же дал свое согласие. Я был крайне польщен выбором архиепископа и тем, что мне придется быть у католического архиепископа. Визит архиепископа Анастасия был вызван тем обстоятельством, что французы, под покровительством которых, как наших союзников оказалась вся белая армия, не разрешали никому, даже архиереям, сойти на берег. Между тем на пароходе «Великий Князь Александр Михайлович» были митрополит Антоний²⁹, митрополит Платон³⁰ и

²⁸ Граф Михаил Николаевич Граббе (1868–1942), генерал-лейтенант, последний наказной атаман Войска Донского в Российской империи, затем, с 1934 г. — наказной атаман Войска Донского в эмиграции.

²⁹ Митрополит Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий; 1863–1936) с мая 1918 г. — митрополит Киевский и Галицкий; осенью 1919 г. избран председателем Временного высшего церковного управления на юге России; с армией барона П.Н. Врангеля из Крыма эвакуирован в Константинополь; первый председатель Архиерейского собора и Синода Русской православной церкви за границей.

³⁰ Митрополит Платон (в миру Порфирий Федорович Рождественский, 1866–1934) будучи митрополитом Херсонским и Одесским в 1920 г. покинул Россию и в 1921 г. указом Патриарха

другие наши архиереи, там же была и чудотворная икона «Знамения»³¹. Владыка Анастасий хотел просить католического архиепископа ходатайствовать перед французскими властями о разрешении всем архиереям сойти на берег.

Поэтому, сейчас же после обеда архиепископ Анастасий отправился со мной к архиепископу. Владыке был подан роскошный большой посольский автомобиль — и мы поехали.

Я чувствовал себя немного неловко в моей длиннополой, почти до земли английской кавалерийской шинели: здесь на Grande Rue de Péra, по которой мы ехали, публика была большей частью хорошо одета, от чего мы там, в России, успели уже отвыкнуть; последнее время в Крыму царило бракованное английское обмундирование, которым из милости снабдили нас наши союзники.

Grande Rue de Péra — главная европейская артерия Константинополя, произвела на меня меньшее впечатление, чем я ожидал. Я думал, что увижу блестящую, широкую улицу с роскошными магазинчиками, какой я себе представлял главную улицу столичного европейского города. И вообще я думал, что заграница должна быть гораздо элегантнее и культурнее, чем Россия. Но Grande Rue de Péra оказалась вовсе не широкой и довольно-таки извилистой. В обе стороны от нее отходили узкие извилистые, плохо мощенные улицы, по которым в экипаже едва проедешь. Меня поразили тротуары: они были узки, что вдвоем рядом с трудом пройдешь по ним, а двухколейная узкая линия трамвая проходит так вплотную к этим тротуарам, что того и гляди вагоны заденут кого-либо из прохожих. И в то же время движение на этой улице было громадное; пароконные извозчики с кучерами в фесках, автомобили всех моделей, главным образом с офицерами союзных армий и больше всего с англичанами, сновали, ездили, свистели; трамваи выли и звенели, публика гомонила — одним словом, такое оживление я видел разве что до войны в Москве на Кузнецком мосту перед Рождеством.

— Как мне себя держать при архиепископе, брать у него благословение? — Спросил я Владыку Анастасия, когда мы ехали.

— Нет, я думаю — просто поцеловать руку нужно, и потом вы будете переводить, что я буду говорить, и что будет говорить архиепископ, — отвечал Владыка.

Тихона был назначен временно управляющим русскими православными приходами в Америке, а затем — Северо-Американской епархией; впоследствии объявил находившиеся под его управлением приходы Американской автономной церковью.

³¹ Имеется ввиду икона Божией Матери «Курская Коренная» — главная святыня Русской православной церкви за границей.

Мы миновали большую пустынную площадь Таксим, повернув влево на большую широкую, но мало оживленную улицу, поехали по ней мимо больших казарм, бывших турецких, в которых теперь были расквартированы французские и главным образом английские части. Там, где стояли французы, казармы носили имена различных французских полководцев; так, мы проехали мимо больших «Caserne Bernadot».

Наконец мы подъехали к большому католическому собору, к которому примыкал большой двухэтажный дом — то и была резиденция архиепископа.

Открывший нам дверь старый слуга в черном сюртуке встретил Владыку с глубокими поклонами, и пригласил подняться в следующий этаж и ввел нас в богато убранную небольшую гостиную. Едва мы туда вошли, как из двери в соседнюю комнату, завешанную тяжелой портьерой, вышло католическое духовное лицо, в противоположность всем католическим духовным лицам, с длинной черной бородой. Увидев Владыку Анастасия он необыкновенно любезно, почти что деланно-радостно приветствовал его и сейчас же провел нас в соседний салон. Туда сейчас же вошел типичный католический прелат, довольно полный, начисто бритый в шелковой темно-лиловой сутане, с маленькой лиловой шапочкой-ермолкой на макушке. На холенной, пухлой руке у него было массивное золотое кольцо с чудным аметистом. Он приветливо встретил Владыку, обменявшись с ним рукопожатием, и подал мне руку, которую я почтительно поцеловал.

Архиепископ пригласил Владыку сесть на диван и сам сел около него; духовное лицо с бородой, оказавшееся чем-то вроде нашего архимандрита, монсеньором Чезерано, сел на мягкий стул около. Меня пригласили сесть на такой же стул.

Я стал переводить разговор обоих иерархов.

После обмена любезностями — архиепископ выразил сочувствие по поводу постигшего русских несчастья, — Владыка Анастасий приступил к делу и просил архиепископа оказать содействие для получения нашим архиереям разрешения съехать на берег. Архиепископ обещал сделать все от него возможное. Я переводил фразу за фразой, не забывая титуловать архиепископа *Votre Eminence*, ибо меня мама всегда учила, что Преосвященство по-французски переводится *Eminence*, — но архиепископ титуловал Владыку Анастасия *son Excellence*. Я не знал, что у католиков *éminence* титулуются только кардиналы, архиереи же титулуются *excellence*, т. е. Превосходительство.

Во время разговора старый слуга, встретивший нас внизу, внес на подносе четыре крохотные чашечки кофе, горячего, как огонь, и нео-

быкновенно душистого, так что весь роскошный салон сразу наполнился его ароматом. Разговаривая, мы пили кофе; я смотрел, как пьют его архиепископ и монсеньор Чезерано: они отпивали его, слегка пригубливая чашечку, как пьют ликер. Это было классическое турецкое кофе, и как я потом узнал, необходимая принадлежность каждого официального и неофициального приема на всем Востоке, где хотя бы на короткое время было турецкое влияние.

Я в первый раз в жизни не только что говорил с католическим духовным лицом, но и видел его вблизи, и притом сразу — архиепископа! Как все это было непохоже на обстановку наших архиереев!

Архиепископ был чистейший итальянец. Кажется, его фамилия была Пальмиери, имя Мария-Ангелус³². Он был архиепископом *in partibus infidelium*³³ с титулом Пальмирского, фактически же он управлял Константинопольским диоцезом.

Визит продолжался с полчаса, архиепископ проводил Владыку до дверей в переднюю и здесь еще раз попрощался с ним рукопожатием; я поцеловал ему руку; монсеньор Чезерано провожал Владыку до конца лестницы, и тут уже нас принял служитель, который повел Владыку через примыкающий к дому собор. В соборе в это время шла служба; играл орган; за пюпитрами-скамейками сидели монахи <...>. Но кроме них больше никого не было. Стройно пел женский хор, скрытый где-то наверху.

Владыка остановился и стал слушать. Провожавший нас служитель приглашал его пройти вперед, но вместо этого Владыка шаг за шагом, стараясь чтобы это было незаметно, пятился к выходу и, улучив минутку, юркнул в двери и вышел из собора к ожидавшему на улице автомобилю.

Мы вернулись в посольство.

Владыка Вениамин решил в тот же день возвратиться на «Алексеев», а потому, как только мы вернулись, он распрощался с Владыкой Анастасием; мы зашли на минутку к о. Анатолию на Троицкое подворье, и затем, в сопровождении его пошли на пристань, куда постоянно приходили моторные лодки с наших кораблей. На одной из таких лодок мы и вернулись на корабль при спустившихся сумерках.

Теперь я до некоторой степени торжествовал перед Иваном Андреевичем, который, бывало, с таким увлечением рассказывал мне свои впечатления от поездки по фронту. Теперь я рассказывал ему о Константи-

³² Aurelio Palmieri (1870–1926) упомянут ошибочно; здесь речь идет о Ange-Marie Dolci, на тот момент (с 1914 по 1922 г.) архиепископ Иерапольский, апостольский викарий латинского Константинопольского патриархата. См.: Janin R. Constantinople. Église Catholique // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques. Paris: Librairie Letouzey et Ané, 1956. T. 13. P. 748.

³³ В странах неверных (лат.).

нополе и о том, как я был с архиепископом Анастасием у католического архиепископа.

<...> На «Алексееве» ничего не изменилось. Корабль был неподвижен и нем, ибо котлы не работали и не было электричества; не слышно было гудения вентиляторов. Никто ничего не знал о нашей будущей судьбе. На меня, побывавшего уже в городе, смотрели как на счастливого.

Владыка предполагал в ближайшее время перебраться в Константинополь и хотя бы временно обосноваться в Троицком подворье, чтобы принять участие в важных совещаниях епископов, собравшихся в Константинополе. Но предварительно он хотел переговорить с Главнокомандующим.

Потому на следующее утро, 9 ноября³⁴, он велел мне просить от его имени командира «Алексеева» передать по семафору на «Корнилов» депешу Владыки Главнокомандующему. Генерал Врангель ответил вызовом к себе Владыки и прислал для этого с крейсера катер. Владыка велел мне его сопровождать.

День выдался сумрачный, туманный и холодный. На рейде была небольшая мертвая зыбь, совершенно нечувствительная для больших судов, но очень чувствительная для лодок, так что во время переезда нас порядочно-таки кидало.

Я остался ждать Владыку в большой и уютной кают-компании крейсера. Как и на «Алексееве» кают-компания была совершенно забита беженцами, хотя здесь были сосредоточены почти исключительно семьи чиновников Штаба Главнокомандующего, который находился на «Корнилове».

В кают-компании было тепло от множества людей, и я сказал бы, даже уютно. Ко мне подсел о. Георгий Спасский³⁵, бывший на «Корнилове», и стал расспрашивать про наше путешествие, про Константинополь, и стал угощать меня горячим чаем, что было весьма кстати: с утра мы ничего не ели. Потом он накормил меня большой порцией макарон с мясом.

Владыка пробыл у Главнокомандующего очень долго, более полутора часа. Я в это время писал в свою серую клетчатую клеенчатую тетрадь, с которой не расставался, свои впечатления, продолжал тот подробный дневник, который вел с первого дня нашего путешествия.

³⁴ По старому стилю.

³⁵ Протоиерей Георгий Спасский (1877–1934) с 1915 г. законоучитель Севастопольского морского кадетского корпуса, с 1917 г. — главный священник Черноморского флота, с 1919 г. — помощник епископа Вениамина (Федченко) до отправления в конце 1920 г. в Тунис.

Как только Владыка вышел от Главнокомандующего, мы сейчас же сошли в данный в распоряжение Владыки катер и поехали по главнейшим кораблям: Владыка намеревался посетить выехавшее на них духовенство и выяснить, кто, собственно, из подчиненного ему духовенства выехал, и что оно намерено делать.

— Ну, теперь выяснилось, — сказал мне Владыка, когда мы ехали в прыгающем по волнам катере, — армейские части будут расквартированы в Галлиполи, казаки — на Лемносе, а Морской корпус на «Алексееве» и флот пойдет в Бизерту. Беженцы — частью в Сербию, частью в Болгарию, а кто может где иначе устроится — пусть устраивается. Пока не начнут развозить по разным странам они будут размещены в лагерях под Константинополем.

<...> Между нами, выехавшими из России, и теми, кто там остался, была теперь непроходимая пропасть и мы не знали, будет ли когда-нибудь у нас возможность получить с ними связь. Хотя мы и старались себя уверить, что мы все-таки вернемся назад, сердце все-таки подсказывало нам, что мы никогда больше Родины не увидим...

Узнав, что я уже побывал в Константинополе, меня сейчас же забросали вопросами о Солоневиче³⁶ и об Олеге Ивановиче³⁷. Все мы были уверены, что Солоневич остался в Константинополе: он ведь уехал перед самой катастрофой, а последняя разрасталась так молниеносно быстро... Но я ничего не мог сказать: я ведь никого из скаутского мира не видел. Мне дали адрес Олега Ивановича: Grande Rue de Péra, Русский маяк, YMCA. Я обещал туда зайти и навести справки: мне самому страстно хотелось продолжать работу, которая так меня увлекла последнее время в Крыму.

<...> Но вышло так, что я со скаутами больше не встречался; так мои вещи и остались у них и отправились с ними в Бизерту.

Когда мы вернулись на «Алексеев», Владыка <...> объявил, что сказал ему Главнокомандующий.

— Я должен остаться в Константинополе, — закончил он, — отсюда мне легче держать связь с частями, которые будут расквартированы в Галлиполи и на Лемносе. Иван Андреевич остается при мне. Только предупреждаю: жалованье платить мне не из чего: штаты будут сокра-

³⁶ Речь идет о публицисте, писателе и участнике скаутского движения Борисе Лукьяновиче Солоневиче (1898–1989), в ноябре 1920 г. эвакуированном в Константинополь, но затем вернувшемся в Крым, один из братьев которого Всеволод Лукьянович Солоневич (1895–1920) служил на линкоре «Генерал Алексеев».

³⁷ Олег Иванович Пантюхов (1882–1973), один из родоначальников русского скаутского движения, создатель во время описываемых событий в Константинополе Организации русских скаутов за границей.

щены до минимума. Придется всем смириться и потерпеть. Иван Алексеевич, вам предоставляется право решить: хотите ли вы остаться при мне, или, быть может вы хотите ехать с Морским корпусом в Бизерту, или же я, если хотите, могу вас прикомандировать к какому-нибудь священнику в Галлиполи и на Лемносе в качестве церковника. Только предупреждаю: жалованья я вам платить не могу, и придется очень, очень потесниться. Выбирайте.

— Я решил остаться при Вас, Владыко! — Без колебаний ответил я. Действительно, как ни заманчиво была перспектива попасть в Тунис, совершить такой большой и морской переход, все же оставаться под крылышком Владыки, имея его постоянную протекцию, было благоразумнее всего.

— Ну, хорошо, значит так и сделаем. Вы мне нужны как переводчик, — сказал Владыка. <...>

Итак, мне предстояло поселиться в Константинополе. На сколько времени? Это было совершенно неопределенно. Но я рад был, что остаюсь при Владыке и что успею ознакомиться с этим столь интересным городом.

<...> Едва ли не на следующий же день Владыка с Иваном Андреевичем и со мной покинул «Алексеев» и переселился на Троицкое подворье.

О. Анатолий предоставил Владыке вместе с нами ту самую маленькую каморку, к которой мы ночевали в первый раз. Теперь мы поселились в ней втроем: Владыка на кровати, Иван Андреевич и я — на полу.

У нас не было денег. То есть были те деньги, которые в последнее время были в ходу в Крыму, т. н. врангелевские ассигнации в 5000 рублей и выше. Но в Константинополе их никто решительно не принимал, и они имели ценность не более ценности прочитанной газеты. Поэтому и Иван Андреевич, и я, были, в сущности, совершенно без гроша. У Владыки же было немного турецких денег, <...> которые он получил от Владыки Анастасия. На эти деньги сейчас же был куплен примус, немного керосину, спирт для разведения примуса и чайник. В углу был поставлен простой деревянный ящик — он и служил у нас столом.

Троицкое подворье принадлежало русской Свято-Троицкой келии на Афоне и являлось доходным домом: там давались квартиры, и это давало келии не малый доход. В этой части Галаты непосредственно примыкающей к пристаням различных иностранных пароходных компаний, находились и другие подворья русских Афонских монастырей: Пантелеймоновского, Андреевского и Ильинского; когда-то эти подворья служили отчасти станциями для паломников, но главным образом они все были доходными домами. Все они были такие же большие шести и пятиэтажные дома, как и Троицкое подворье, только при тех под-

ворьях в самом верхнем этаже были настоящие церкви, а в Пантелеймоновском подворье верхняя площадка лестницы была еще расписана сценами из жития св. Великомученика Пантелеимона. Подворья эти находились почти одно рядом с другим. Заведовали ими монахи-афонцы. Мы заглянули во все эти подворья спросить, не найдется ли там для Владыки более просторный приют, но везде получали довольно неприятливый отказ. Это не мало удивляло Ивана Андреевича и меня: мы привыкли, что перед архиереем все благоговеют и за счастье считают принять его у себя.

В доме Троицкого подворья, на самой вышке которого мы теперь жили, снимали квартиры исключительно греки и турки. Внизу находилась бакалейная лавка, принадлежавшая одному греку; там мы покупали чай, сахар, керосин, мыло и т. п. Грек кое-как говорил на обрывках французского языка; мои же знания греческого языка были так ничтожны, что я решительно ничего не мог понять из того, что между собой говорили греки. Притом разговорный греческий язык сильно отличается от церковного. Владелец лавочки жил в нашем доме, в одном из средних этажей; о. Анатолий говорил, что он был масон. Это привело нас в ужас. Но о. Анатолий относился к этому совершенно спокойно, как к совершенно нормальной вещи. Жена владельца лавочки была типичная константинопольская гречанка: небольшого роста, полная, на коротких, толстых как ножки бильярда, ногах, смуглая, жгучая дёсиня брюнетка, вечно растрепанная и вечно в засаленном домашнем платке и в туфлях-шлепанцах на босу ногу. Иногда она приходила на крышу развешивать выстиранное ею белье. У нее была тринадцатилетняя дочь Лукия, очень на нее похожая: такая же будущая кувалда и такая же растрепка; она очень часто приходила на крышу, иногда пела оригинальные греческие народные песни довольно приятным голосом и при этом лукаво поглядывала на меня и на Ивана Андреевича, чему мы оба не придавали никакого значения. Она ведь была еще совсем девочка, однако это не мешало ей держать себя при нас очень смело.

С утра к нам на площадку поднимался чад оливкового масла, на котором жарили греки, и слышалось шипенье многих примусов: печей в доме не было, и все жильцы дома готовили на примусах.

Какая-то женщина каждое утро громким голосом говорила:

— Анастасия! Анастасия!

Владыке это очень нравилось.

— Вот, слышите? По-гречески совсем иначе звучат, — заметил он как-то раз, — ведь *Αναστασία* значит воскресение! Вот если бы у нас так звали: Воскресение! Воскресение! Как это хорошо!

Мне очень хотелось изучить разговорный греческий язык. Но кроме самых необходимых слов, как калимера — калиспера (добрый день — добрый вечер), да еще евхаристó поли́ (благодарю), я ничего не знал. Не больше меня знали Владыка и Иван Андреевич. Но в Константинополе почти все знали французский язык, хоть как-нибудь, а из русского языка почему-то все решительно знали только одно слово хорошо, причем выговаривали его по-особенному: карашчо!

<...> Первые две недели, а то, пожалуй, и дольше, в коморку к Владыке шел непрерывный поток духовенства, беженцев, военных, и т. п. Военные священники, потерявшие свои части искали их через Владыку; другие просили перевода, назначения; приходили делегации из беженских лагерей, расположенных в районе Константинополя, с просьбой назначить им священника; священники просили дать антиминс, сосуды, облачения, книги... Добрая половина приходили просто за утешением. Мне приходилось писать удостоверения о назначении, перемещении духовенства, и т. д.

Пароходы, прибывшие из России с беженцами, стали постепенно разгружаться. Беженцы под строгим конвоем французских солдат, преимущественно зуавов, перевозились на берег; на берегу их дезинфицировали: купали под холодным душем в нетопленном бараке с цементным полом, пропаривали в специальных камерах их платье, чтобы уничтожить вшей, которые в невероятном количестве одолевали беженцев, и затем заключали в лагерь. Последние находились или в старых турецких казармах, или же, — и то в громадном большинстве случаев, просто в солдатских палатках, не взирая на наступавшую холодную и сырую осеннюю погоду. Эти лагеря были разбиты на голых возвышенностях окрестностей Константинополя.

Про эту дезинфекцию и про эти лагеря беженцы, которым правдами, а больше неправдами удавалось пробраться в Константинополь, рассказывали ужасы. Особенно жаловались они на невозможно грубое отношение французской стражи, состоящей главным образом из черных зуавов, про грубость и хамство которых рассказывали такие вещи, какие можно было бы и про *товарищей* рассказать. Офицеры были разве только немногим лучше.

Вскоре мне пришлось самому посетить некоторые из таких лагерей и воочию убедиться в справедливости этих рассказов.

Почти все беженские лагеря были французские, их было много; я запомнил главнейшие из них: Сан-Стефано, Галатория, Кавак, Селимие, Чаталджа, Чилаингир, Санджак-Жене. Часть этих лагерей были чисто беженскими лагерями, часть (Чаталджа, Кабаджа, Санджак-Жене) — чисто

военными, там были расквартированы казаки, часть – смешанными, где были интернированы военные и гражданские беженцы. Почти все эти лагеря были под открытым небом; они были обнесены колючей проволокой и охранялись усиленной стражей из африканских черных зуавов. За попытку выбраться из лагеря без пропуска, которого никому не давали, стража иногда просто на просто пристреливала беженца, безразлично, был ли то военный или женщина, или даже подросток. Ведь в беженских лагерях едва ли не главную часть населения составляли женщины с детьми. Несмотря на это и их держали, словно опасных преступников за колючей проволокой, не позволяя даже послать письмо в Константинополь. Случалось, что французские солдаты избивали прикладами женщин, которые подходили слишком близко к проволочной ограде лагеря. Это были буквально, в полном значении концентрационные лагеря, и все были на положении военнопленных. Несчастные беженцы жили в белых конических палатках, т. н. марабу, прямо на земле, получая паек военнопленных: $\frac{1}{4}$ кило плохого солдатского хлеба в день и $\frac{1}{2}$ жестянки мясных консервов и изредка баночку конденсированного молока. К этому нужно прибавить холод, сырость, грязь в палатках, лежание часто на голой земле, что для маленьких детей было просто смертельно.

Рассказы беженцев об отношении французов к беженцам, их бывшим верным союзникам, вызывали бурю возмущения по отношению к благородным союзникам, любезным и галантным французам, которых мы стали остро ненавидеть всеми фибрами нашей души. Но кто мог изменить это положение? Мы отдались под покровительство французов, а те обращались с нами всеми — и с военными, и с женщинами, и с духовенством, как с пленными. Только те, очень немногие счастливицы, которым вроде меня и Ивана Андреевича удалось избежать лагерей, были избавлены от этой «дружественной» опеки союзников-французов.

Нередко случалось, что зуавы-караульные насиловали женщин и девушек в охраняемых ими лагерях и заражали их венерическими болезнями. При попытке заступиться за насилуемую жену или дочь беженец безжалостно избивался, иногда даже при молчаливом согласии офицера.

И беженцы возопили.

С такими горестями приходили многие и многие к Владыке, прося помочь, заступиться. Приходили священники рассказывать о злоключениях и бедствиях их лагерной паствы. Но что мог Владыка сделать? Только утешать словами — и больше ничего... Он тоже ведь был бессилен.

<...> Немногим лучше обстояло дело с теми, кому посчастливилось попасть в английские лагеря. Это были почти исключительно беженцы

прежних эвакуаций. Они были объявлены *гостями английского короля*, были размещены в хороших помещениях и получали превосходное питание: какао, вино, шоколад и даже карманные деньги. Но таких лагерей было мало: один в Тузле, на азиатском берегу, километрах в 30 от Константинополя, по железной дороге на Измит, а другой на острове Халки и третий — на Антигоне (Принцевы острова).

Несмотря на то, что все беженцы были заключены в концентрационные лагеря, Константинополь ими кишмя кишел. Через несколько дней после того, как мы поселились на Троицком подворье, на улицах Галаты и Перы едва ли не главную часть уличной толпы составляли наши беженцы в длинных и коротких желто-зеленых бракованных английских шинелях; слышалась почти исключительно русская речь. Во дворе посольства часто были целые толпы, особенно казаков. Все жаждали получить справки. Сторож-кава́с при воротах посольства, пожилой черногорец в красочном черногорском костюме: синих шароварах и расшитой золотом куртке, с маленькой плоской черной с красным верхом шапочке, стоя у импозантных ворот посольского двора, очень неохотно пропускал тех, кто подобно мне был одет в простую солдатскую английскую шинель, и направлял их главным образом в боковую комнату заднего двора, где постоянно толклись беженцы-солдаты. Тут они иногда и ночевали просто на земле; кубанцы пели свои тягучие, за душу хватающие песни; люди закусывали, чем Бог послал, сидя на земле, переобувались, а то так даже, не особенно стесняясь, ловили вшей в своих шинелях и панталонах. Эта часть двора за посольством, где помещался т. н. драгоманат (т. е. отделение переводчиков), представляла собой постоянно копошившуюся живую массу защитного цвета: столько там было людей.

Штатские беженцы, тоже в защитном обмундировании (редко кто имел штатский костюм или донашивал мундир гражданского ведомства), дети, дамы, сестры милосердия (их было особенно много) — все это сновало по Grande Rue de Péra среди местной толпы, говорило, волновалось, или шло торопливо куда-то, или медленно плелось с подавленным видом, стыдливо и пугливо сторонясь от безупречно одетых и еще более безупречно причесанных греков и иностранцев.

И эта беженская толпа защитного цвета составляла в те дни доминирующий элемент на улицах Перы и Галаты. <...>

На следующий же день архиепископ Анастасий сообщил Владыке, что наши архиереи все уже съехали на берег и находятся в Болгарской экзархии³⁸. Владыка Вениамин поехал туда со мной вечером.

³⁸ В то время Болгарский экзархат, самопровозглашенный автокефалией фактически в 1860 г., находился в состоянии «схизмы» по отношению к поместным православным церквам. Рус-

Нас провели наверх, где собрались все приехавшие архиереи во главе с болгарским экзархом в Константинополе, митрополитом Мелетием.

Когда мы вошли в небольшой салон, где собрались архиереи, они стояли там все полукругом; посередине стоял маленького роста, чрезвычайно полный архиерей в очках, в греческо-болгарской широкой рясе, в клобуке с особенно красиво драпирующейся наметкой.

Я ужасно обрадовался увидеть Владыку Феофана Курского³⁹, который был мне особенно симпатичен и, в то время как Владыка Вениамин обменивался приветствиями с болгарским экзархом, митрополитом Мелетием, я с радостной улыбкой бросился под благословение к Владыке Феофану Курскому.

— К митрополиту... к митрополиту... — сказал он мне тихонько, указывая глазами на митрополита Мелетия, к которому я подошел сейчас же под благословение. Я заметил при этом, что митрополит, благословляя, не осеял крестным знамением, как делают это благословляя наши архиереи а, сложив свою десницу именовословно, величественно давал поцеловать принимающему благословение. Владыка при этом представил меня как своего чиновника. И уже после этого я подошел по порядку ко всем прочим архиереям.

Там были: митрополит Антоний, митрополит Платон, архиепископ Феофан Полтавский⁴⁰, епископ Феофан Курский, епископ Дамиан Царицынский⁴¹ со своим викарием и епископ Серафим Лубенский⁴². <...>

ские иерархи, оказавшиеся в Константинополе после 1919 г., делая все возможное для прекращения раскола, преодоленного лишь в 1945 г., старались поддерживать добрые отношения со своими болгарскими собратьями.

³⁹ Архиепископ Феофан (в миру Фёдор Георгиевич Гаврилов, 1872–1943) будучи епископом Курским и Обоянским в 1919 г. покинул Россию; состоял членом Архиерейского собора Русской православной церкви за границей; до кончины жил в Белграде.

⁴⁰ Архиепископ Феофан (в миру Василий Дмитриевич Быстров, 1872–1940), занимавший Полтавскую кафедру с 1913 по 1919 г., покинув Крым в 1920 г. оказался в Константинополе, затем жил в Сербии, Болгарии и Франции; до 1931 г. состоял членом Архиерейского собора Русской православной церкви за границей; последние годы жил затворником во Франции.

⁴¹ Архиепископ Дамиан (в миру Дмитрий Григорьевич Говоров, 1855–1936), занимавший новообразованную Царицынскую кафедру с 1918 г., покинув Крым в 1920 г. более года жил в Константинополе, а затем с 1921 г. до кончины в Болгарии, где занимался церковно-педагогической работой; в 1930 г. Архиерейским собором Русской православной церкви был возведен в сан архиепископа.

⁴² Архиепископ Серафим (в миру Николай Борисович Соболев, 1881–1950) через месяц после епископской хиротонии в октябре 1920 г. оказался в Константинополе, затем в Софии, где Архиерейским синодом Русской православной церкви за границей с титулом «Богучарский» был назначен управляющим русскими православными общинами в Болгарии; в 1934 г. возведен в сан архиепископа; в 1945 г. был принят в юрисдикцию Московского патриархата; жил и умер

Владыки рассказывали о своем путешествии на «Александре Михайловиче», которое не обошлось без тревожных приключений: в открытом море тайные большевики, бывшие среди команды, открыли кингстоны, и вода стала заливать корабль. По счастью это было вовремя замечено; кингстон удалось закрыть, воду откачали, но все же пережито немало тревожных часов.

Курское духовенство с чудотворной иконой Знамения тоже были здесь. Им удалось в Ялте, где они были с иконой в момент эвакуации, в последнюю минуту погрузиться на один из пароходов. Теперь они были временно размещены здесь, в экзархии, в какой-то пристройке, куда мы после приема у экзарха и отправились. <...>

Митрополит Антоний поселился в посольстве, у архиепископа Анастасия во второй комнате, почему Владыка Анастасий перебрался в первую комнату, она же приемная; келейник митрополита, брат Феодор поселился там же, на кухне. Прочие архиереи тоже недолго были в Патриархии: архиепископ Феофан Полтавский переехал вместе со своим келейником <...> на Халки, где ему представили помещение в высшей богословской школе греки; туда же переехал и епископ Серафим. Епископ Феофан Курский получил комнату в Андреевском подворье, митрополит Платон вскоре уехал <...> и в болгарской экзархии остался только епископ Дамиан.

<...> Французы были сильно озабочены тем, чтобы как можно скорее разгрузить Константинопольский рейд от русских судов, а главное — удалить русскую армию. Они торопились перевозить армейские части, бывшие под командой генерала Кутепова и в полной мере сохранившие свою боевую дисциплину под железной рукой этого выдающегося генерала, и расквартировать их на пустынном полуострове Галлиполи, около города того же названия в Дарданеллах, в нескольких часах езды пароходом от Константинополя. Донские и кубанские казаки, а с ними немногие терцы и астраханцы должны были отправиться на остров Лемнос.

Предназначаемые к отправке части так и не были спущены на берег. Владыка был очень озабочен устройством церквей в Галлиполи и организацией там духовенства. Было ли духовенство при своих частях, или при эвакуации растерялось с ними — почти невозможно было выяснить: французы даже духовенству не позволяли съезжать с кораблей на берег: они провели полнейшую изоляцию. Да и самые корабли стояли в разных местах и большей частью очень далеко от берега; некоторые стояли в

в Софии; прославлен в лике святых Архиерейским собором Русской православной церкви 3 февраля 2016 г.

Босфоре в Каване, в карантине, в виду начавшейся эпидемии тифа, неизбежной при таком громадном скоплении людей.

Был ранний вечер. Но уже было темно, горело электричество. Вечер был сырой, туманный; мокрый туман, наползавший с Мраморного моря, оседал на тротуарах; иногда даже начинал моросить мелкий дождик, разводя на тротуарах и на мостовых жидкую грязь: большой чистотой улицы Галаты не могли похвалиться. Вокруг довольно тусклых электрических фонарей, светивших унылым желтым светом, были светлые ореолы-круги. Вообще освещение в Константинополе было тогда неважное, а это только усиливало впечатление хмурого, неприветливого осеннего вечера.

Почти что напротив или наискось от Троицкого подворья была греческая церковь, или нечто вроде монастыря, «Παναγία καφτιαμένη». С улицы церкви не было видно; о ней можно было узнать только по надписи на небольшой мраморной дощечке, вделанной в стене над небольшой калиткой, вводящей во двор. Из-за стены, окружающей церковный двор, выглядывала черепичная крыша длинного сараеобразного здания, выкрашенного в голубой цвет, и торчала маленькая колоколенка, еле высовывающаяся над стеной; на этой колоколенке качался жиденький колокол. Это была одна из самых больших греческих церквей Галаты, церковь Каффской (т. е. феодосийской, генуэзской) Божией Матери. Вероятно, когда-то здесь имели свою церковь генуэзцы, большая колония которых была когда-то в Галате.

Спрошенный нами относительно возможности служить грек в рясе и камилавке сказал, что нам нужно обратиться к архиепископу Кесарийскому, который имел пребывание в доме при этой церкви. Так как греческие священники не носят наперстных крестов, то по внешнему виду невозможно отличить диакона от архиерея: все на улице носят одинаковые широкие крылатые рясы и камилавки с слегка коническим верхом и с выступающими краями <...>.

Церковь — сараеобразное здание, находится среди довольно темного двора, чисто вымощенного каменными плитами; некоторые из этих плит — явно могильные и покрыты почти уже стершимися надписями. За церковью, в глубине двора — стеклянная галерея вдоль жилого дома. Мы постучали у входа на эту галерею, и сказали открывшему нам дверь духовному лицу, в чем дело. Но с разговором дело пошло очень туго: духовное лицо едва-едва говорил несколько слов по-французски. Но все же кое как он понял, что нам нужно и пригласил нас войти.

Мы невольно подтянулись при таком импозантном титуле: сейчас мы предстанем перед архиепископом Кесарийским, наследником

Василия Великого... И мы ожидали увидеть величественного иерарха. Но не успели мы осмотреться, как из одной из дверей на стеклянную галерею, где мы ожидали, выбежал маленький старичок с небольшой седенькой бородкой, в ватной куртке, какую носят афонские монахи поверх подрясника, и притом довольно поношенной, из которой местами торчала вата, и в гладкой, без блина войлочной камилавке, и, приветливо кивнув нам, сделал знак следовать за собой.

— Δεσπότης, — указал на него докладывавшее о нас духовное лицо.

Δεσπότης — значит Владыка. Да неужели же этот старикашка в дырявой ватной кацавейке — архиепископ Кесарийский? Мы переглянулись; архимандрит подошел под благословение, за ним и я.

Архиепископ ввел нас в довольно тусклую комнату и предложил сесть и сел сам на один из стоявших там стульев. Архиепископ не говорил ни на каком другом языке, кроме греческого; в качестве переводчика пришел какой-то очень плохо и небрежно одетый черномазый грек с такими лоснящимися из-синя черными волосами, что можно было подумать, что он вылил на них целую бутылку лаку. Но зато он довольно бегло говорил по-французски.

Я стал переводить разговор.

Архимандрит сказал, кто он такой, и просил разрешить послужить в церкви в ближайшее воскресенье. Архиепископ сейчас же дал свое согласие и назначил архимандриту прийти в воскресенье в 6 ч. утра — тогда и начинается служба. Архимандрит благодарил, и мы сейчас же откланялись, подошли к архиепископской деснице — и вышли на улицу.

— Ну, уж никак не ожидал, что это был сам архиепископ Кесарийский! — сказал архимандрит, когда мы шли по улице по направлению к мосту через Золотой Рог, направляясь в Патриархию, — так себе, какой-то старикашка в дырявой ватной кацавейке! И без панагии, и без креста! И подумайте: ведь это же наследник Василия Великого, Андрея Кесарийского!..

Патриархия находилась очень далеко, в Фанаре, исключительно греческом квартале старого Константинополя. Дороги туда мы не знали, нужно было спрашивать.

Нам указали перейти через мост, в Стамбул и там свернуть в первую улицу за мостом направо.

Новый мост через Золотой Рог — одна из достопримечательностей современного Константинополя (новый он, конечно, очень относительно, в сравнении с другим мостом в глубине Золотого Рога). Как известно мост этот соединяет Стамбул с Галатой, пересекая Золотой Рог почти в самом начале. Он очень широкий — для двухстороннего экипажного

движения, с двойной колеей трамвайной линии посередине и с широкими тротуарами по бокам для пешеходов. Он производит довольно внушительное впечатление, несмотря на то, что он невысок и со стороны кажется сплошной дамбой, так густо переплетены его фермы и вдоль всего моста со стороны Босфора он весь уставлен пристанями различных пароходов, поддерживающих сообщение между поселками на обоих берегах Босфора, Принцевыми островами и ближайшими портами Мраморного моря. Со стороны же Золотого Рога около моста — сплошной лес тонких мачт невероятного множества фелюг; стоят сотни каюков. Мост в известные часы (обычно ночью и очень рано утром) разводится для пропуски судов, идущих из Босфора в Золотой Рог или обратно.

С моста открывается чудный вид на Стамбул. Прямо против моста, в Стамбуле, в конце сравнительно небольшой площади, возвышается величественная мечеть с полу сферическим куполом на низком барабане, со множеством сбегающих от него во все стороны полукуполами и меньшими куполами, с двумя высокими тонкими минаретами, острыми словно игла и с тремя балкончиками каждый — мечеть Валидэ. По обе стороны от нее разбежались вдоль подножия длинного холма бесчисленные серые домики; величественной громадой выделяется среди них громадная мечеть Сулеймание, венчающая один из семи холмов Второго Рима. Слева, по берегу тянутся скучные пакгаузы, среди которых желтеет небольшое здание вокзала Сириеджи — тоже у подножия холма, по которому разбит большой сад; холм этот венчается желто-красным храмом св. Ирины, превращенным турками в военный музей, и громадным кубом св. Софии и совершенно неинтересным зданием старого Серая (султанского дворца), стоящего на месте дворца византийских императоров. Эта удивительно красивая, царственно-величественная картина особенно хороша при заходе солнца, когда грандиозные мечети и тонкие минареты темно-лиловыми силуэтами вырисовываются на фоне догорающего неба.

На мосту постоянно царит громадное оживление. С задорным двойным ревущим гудком то и дело отваливают большие, высокие, закрытые катера, немного похожие на сундук, т. н. шаркеты, — они поддерживают сообщение с поселками на берегах Босфора; проезжают экипажи, <...> извозчики, автомобили. Но главным образом в обе стороны сует по тротуарам народ. Тут и греки в европейских костюмах, но в красных фесках с черной кисточкой, и турки — крестьяне в шароварах, перевязанных красным поясом, много раз обмотанном вокруг талии, в фесках обмотаны белой с темными цветочками чалмой, муллы в темно-синих рясах и белоснежных чалмах, греческие папáсы (священники), сановитые, важ-

ные, с разросшейся во все стороны бородой, в их широких с воскрилиями рясах и камилавках, накрытых блином. Они попадают, пожалуй, не реже, чем мусульманские муллы в темно-синих рясах совершенно такого же покроя, как рясы русских священников. Затем — европейцы в шляпах и пальто, английские, французские, итальянские, греческие и очень, очень редко турецкие офицеры, русские беженцы в защитных шинелях, много турчанок в коротких черных шелковых платьях простого покроя, в черных платках, совершенно напоминающих апостольники наших монахинь, с лицами сплошь закрытыми густой черной вуалью; много турок продавцов бубликов, в фесках, шароварах по щиколотку, белых передниках и с длинными палками, на которых нанизано множество тонких, больших бубликов, присыпанных сезамным семенем; продавцы горячего чая и салепа с модными грушевидными самоварами за спиной, с отходящим от пузатой нижней части длинным и тонким носиком и с целой батареей стаканчиков. Они чрезвычайно ловко наливают из своего самовара в стаканчики горячий чай, просто слегка нагибаясь для этого в сторону и подставляя стаканчик под струю, вытекающую при этом движении из носика.

Здесь можно было часами стоять, наблюдая эту разношерстную, красочную толпу, которую не увидишь в другом месте. Тогда Константинополь был еще совершенно «восточным» городом; всенивелирующая рука международного модернизма, проведенная вскоре после этого Кемаль-Пашей, еще не коснулась его; Константинополь еще был столицей турецких султанов, правда, побежденных, загнанных союзниками в глубину дворца Иладих, — но все же это была столица мусульманской империи, где еще ревниво соблюдались национальные и религиозные традиции Оттоманского царства. Теперь здесь царили «союзники» — англичане и французы, последних особенно было видно на каждом шагу, а его Императорское Величество Падишах, Султан Магомет VI был забыт, о нем никто не говорил и не вспоминал даже, хотя он был тут, в Константинополе... Старый, своеобразный, сказочный, на 9/10 азиатский, несмотря на то, что находится в Европе, Константинополь, еще не ушел тогда в область преданий. Я его видел, я его помню, я застал его. Правда, это были его последние годы; скоро на смену ему пришел новый Истамбул, который позже, спустя 17 лет после описываемого времени, мне тоже удалось, правда, мельком, повидать — о чем я надеюсь рассказывать в третьей части моих воспоминаний, если дойду когда-нибудь до нее. Тог-

да, в конце 1920 года, Константинополь был богат тем, что называется *couleur locale*¹.

Но что особенно было характерно на мосту — это сборщики подати с проходящих. Они стояли по несколько человек в ряд на обоих концах моста поперек его в безобразных темно-коричневых парусиновых балахонах, с кружками для сбора денег на ремне через плечо, и принимали с каждого прохожего или проезжаго подать за проход через мост — маленькую монету светлой латуни, т. н. метáллик, или парá. Конечно, союзники никакой подати не платили, русские же, со времен войны 1878 г. были вообще, по договору, свободны от мостовой подати и этот закон не был отменен.

Другую характерную особенность ближайших окрестностей моста, особенно в Галате, представляли меняльные лавочки, т. н. сарафы. Часто это были даже не лавочки, а просто лотки и витрины, за которыми сидели или евреи-шпаньолы, или армяне, или греки, говорившие на всех языках мира одинаково плохо, кроме, разумеется, своего родного языка. В витринах у них были выставлены всевозможные монеты, не выключая даже крупных золотых; попадались и антикварные экземпляры очень редких монет, а также и кредитные билеты всех стран. У этих сарафов можно было свободно разменять какую угодно валюту. Некоторые менялы брали даже иногда романовские деньги, т. е. ассигнации Императорской России, а особенно мелкую русскую серебряную монету. Но при размене нужно было очень хорошо знать курс и безбожно торговаться. Впрочем, всюду в Константинополе нужно было безбожно торговаться: как веками установленное правило, торговцы запрашивали ровно вчетверо и торговаться составляло главное удовольствие константинопольского торговца. Если торговец запрашивал лиру то, значит, он отдаст этот товар за 20 пиастров (лира = 100 пиастров) если в ответ на его первую цену предложить ему 5 пиастров!

Однако, я уклонился далеко в сторону.

¹ Местный колорит (фр.)

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Эвелина ДАВЫДОВА²

Моя первая встреча с внучкой легенды немого кино

30 сентября 2000 г. я пришла поздравить с именинами графиню Софью Николаевну Татищеву, которая жила с сыном в доме престарелых «Артиджана» в европейской части Стамбула. Раздался звонок в дверь. Софья Николаевна сказала, что это, наверное, Верочка. Я открыла и увидела на пороге элегантную, красивую, обаятельную мадам, которая говорила по-русски с легким акцентом. Передо мной стояла внучка легенды немого кино Веры Холодной. Несмотря на свою знаменитую бабушку, она оказалась открытой к общению женщиной. Вера поздравила Софью Николаевну, обняла ее и по детской привычке, ласково назвала «тетя Соня».

Мы подружились с Верой, но не сразу. Она часто уезжала в Сан-Франциско навещать свою маму и подолгу с ней жила.

Сестры не потерялись

Несколько месяцев после смерти знаменитой актрисы немого кино Веры Васильевны Холодной (урожд. Левченко), большевики расстреляли ее мужа. Владимир Холодный, был поручиком в инженерной роте Фанагорийского полка, специалистом по артиллерии, имевший, кроме того, диплом юридического факультета Петербургского университета. Летом 1915 г. под Варшавой Владимир получил тяжелое ранение. Холодная бросила съемки, приехала на фронт, ухаживала за мужем и ни на час не отходила от него в военном госпитале. Поручик вернулся в Москву, пережил тяжелую операцию, чуть не потерял ногу, но выкарабкался благодаря известному хирургу, который был его однополчанином и провел удачную операцию. Позже за отвагу в бою его наградили Георгиевским крестом и шпагой с золотым эфесом. В начале 1919 г. был арестован и

² Музыковед, регент хора русской православной церкви Андрея Первозванного в Стамбуле.
Эл. почта: evelinadavidova34@gmail.com.

увезен в ГПУ на Лубянку. Несколько месяцев он провел в тюрьме и был расстрелян без суда и следствия в конце 1919 г.

Малолетние дочери, Женя и Нонна, которым в те годы едва исполнилось семь и пять лет, остались совсем одни. Их взяла на попечение тетя, Надежда Левченко, старшая сестра Веры Холодной. Спасаясь от большевиков, с маленькими дочками сестры и мужем — греческим подданным Николаем Харламбидисом, они добились выезда из Одессы и с большим трудом успели попасть на один из последних пароходов, уплывавших в Стамбул.

В ноябре 1920 г. в Стамбуле собралась многотысячная масса русских беженцев. Николай Харламбидис встретил много знакомых коммерсантов и, быстро освоившись, начал свое дело. Девочек Женю и Нонну, как и других детей беженцев, определили в русскую Крестовоздвиженскую гимназию в городке Пещера в южной Болгарии³, где они учились и прожили там несколько лет. Когда девочки подросли, они почти каждое лето приезжали в Стамбул и проводили каникулы в загородном доме тети на острове Хейбели (Халки).

После окончания гимназии в 1933 г. Женя вернулась в Турцию, а Нонна осталась в Болгарии, где поступила в балетную студию при оперном театре в Софии. Там было много русских балерин и певцов, в их числе — Федор Иванович Шаляпин. Нонна также пела вместе с Шаляпиным. Вот что вспоминает об этом периоде своей жизни Нонна Холодная в интервью 2002 г.:

«В 1933 году Шаляпин устроил в этом театре конкурс для молодых русских балерин; победителей он намеревался устроить в парижскую Гранд Опера. Победа досталась мне и Вороновой; мы все с Федором Ивановичем поехали в Париж, но я, пробыв там две недели, вернулась в Софию: Болгария мне была домом, а Франция — чужой страной. Я осталась работать в софийской опере балериной. Также пела вместе с Шаляпиным

³ Созданная в 1920 г. сеть школьных учреждений Земско-городского комитета в Стамбуле и его окрестностях, в течение 1922–1923 гг. была постепенно ликвидирована. Важнейшие учреждения были эвакуированы. Первая и старейшая русская гимназия (Константинопольская) была переведена в Тржебову в Чехословакию. Вторая гимназия была переименована в «Ученически этапно-пропускной пункт», а ее кадры педагогов и учащихся дали начало крупным русским гимназиям в Шумене и Дольне Орехове в Болгарии. В Болгарию же были эвакуированы с Лемноса ученики нескольких кубанских народных училищ. См.: Олджай Т. Образовательные учреждения для детей-белоземцев в Стамбуле // Международный журнал экспериментального образования, 2017, С. 44–47, URL: https://www.expeducation.ru/pdf/2017/2017_7.pdf (дата обращения 27.07.2018).

в «Фаусте», «Князе Игоре». Федор Иванович был очень любезен с нами, начинающими...».⁴

В 1939 г. Нонна оставила сцену и вернулась к родным в Стамбул. Карьера в Турции не удалась. Балетное искусство в Стамбуле тогда не было популярным и имело мало поклонников. В поисках работы многие артисты балета уезжали в Европу. Нонна вышла замуж за молодого красивого фотографа Владимира Стрикалкина, который ранее обучался в Германии и имел в Стамбуле свое фотоателье. Через несколько лет у них родилась дочь. Ее назвали Верой, в честь знаменитой бабушки, и крестили в храме Св. ап. Андрея Первозванного в Стамбуле.

Началась нелегкая жизнь молодой семьи. Родились еще двое мальчиков. Все они требовали очень много внимания

Нонна Холодная с детьми в саду дома на Бебеке

Детей воспитывали в православной вере. Каждые выходные приводили на службу в русскую православную церковь на Каракее, где в это время в церковном хоре пела сестра Нонны — Женя Холодная. Она играла на гитаре и фортепиано, обладала абсолютным слухом и впоследствии стала регентом в храме Св. ап. Андрея Первозванного.

⁴ URL <http://russian-bazaar.com/ru/content/480.htm> (дата обращения 27.07.2018).

На вечеринке у друзей Женя случайно познакомилась с Олегом фон Бадером — русским эмигрантом с немецкими корнями. Вышла за него замуж. К сожалению, через несколько лет этот брак распался. Не сложился брак и у Нонны. После развода она осталась с тремя детьми. Ей пришлось зарабатывать на жизнь преподаванием танцев. Тетя Надя оказывала Нонне посильную помощь: помогала материально, нанимала помощниц по хозяйству. Женя же поселилась у стареющей тети Нади, помогая ей по дому и в делах.

Надежда и Женя не имели своих детей и относились к маленькой Верочке с большой любовью. Девочке с раннего детства прививали русский язык — читали русские сказки, стихи, водили к знаменитому стамбульскому педагогу русского языка Адриану Васильевичу Гримальскому, курсы которого в те годы посещали многие дети русских эмигрантов. Он возил своих учеников на Принцевы острова, рассказывал о языке, культуре и истории России. В Рождество для детей устраивали елки. Верочка любила читать стихи и с удовольствием участвовала в детских спектаклях. И сейчас, часто, Вера с удовольствием цитирует детские стихи Саши Черного, которые навсегда остались в памяти из детства. Она училась в обычной турецкой школе, обязательной для всех детей, а после оконча-

ния поступила в Австрийский лицей — одно из самых престижных учебных заведений Турции.

Окончив лицей, Вера вышла замуж за Джона Гилберта, у которого отец был англичанином, а мать — гречанкой. У них родились двое замечательных сыновей. Живя со своенравной греческой свекровью, Вере было трудно сохранять в семье русский язык. Однако дети все же говорили по-русски, в основном, благодаря маме и тете Жене, которые прививали им русскую культуру и язык.

Дети были прекрасно образованы. Роланд учился в Австрии и владеет несколькими языками. Джон получил образование в Сан-Франциско, много времени проводил с бабушкой, Нонной Хо-

Евгения Холодная, Нонна Холодная и Вера Гилберт (сзади) в Америке

лодной, которая в зрелом возрасте связала судьбу с русским музыкантом Антоном Антоновичем Хорачеком.

Антон Антонович в молодости работал тапером кинотеатра в Новороссийске и играл во время демонстрации фильмов с участием Веры Холодной. Был лично знаком со знаменитой актрисой и, узнав о том, что ее дочери живут в Стамбуле, мечтал познакомиться с ними. Он нашел их в церкви и мгновенно влюбился в обеих, а они — в него. Затрудняясь, какую из сестер выбрать, он назначил свидание обеим. Нонна пришла раньше на пять минут и это изменило всю ее жизнь — Антон остался с ней.

В 1960 г. Женя Холодная вышла замуж за американца русского происхождения Николая Лапикена, присланного в Турцию своей фирмой, и уехала с ним в Калифорнию. Хорошо устроившись там, она позвала к себе сестру, без которой не мыслила своей жизни. У Николая Лапикена был свой дом и один этаж Женя предложила сестре с мужем.

А Верочка не мыслила своей жизни без мамы. Очень часто с мужем и детьми ездила в Сан-Франциско, навещая маму и тетю.

Сын Джон начал учиться в Калифорнийском университете, связав свою жизнь с Америкой. Вера не работала, дети и семья были главным в ее жизни. Вместе они много путешествовали и никогда не расставались. Мальчики были очень привязаны к маме. Эта теплая материнская связь сохранилась до сих пор — каждый день из Америки в одно и то же время Вере раздается телефонный звонок. Это Джон разговаривает с мамой перед работой, а Роланд в Стамбуле видится с мамой почти каждый день. Это большая Верина радость и утешение.

Она прожила с мужем интересную долгую жизнь. Однако муж тяжело заболел, и Вера проводила в госпитале рядом с ним все свободное время. Так прошло около пяти лет. После смерти и похорон мужа она улетела в Америку, где в Сан-Франциско ее ждала мама — Нонна Холодная-Хорачек. Вера всегда была с ней очень близка и все последние

Вера Гилберт, 2018

годы старалась находиться рядом с ней. Мама не дожила полгода до своего столетия и умерла в 2012 г. По ее завещанию Вера захоронила урну с прахом мамы в семейной могиле в Стамбуле вместе с тетей Надей и ее мужем Николаем Харламбидисом.

Каждое воскресенье Вера ходит на службу в свой храм Св. ап. Андрея Первозванного. Добрая, милая, улыбчивая, всегда расположенная к людям, она вызывает большое уважение и любовь у прихожан. И в своем доме Вера сохранила русские традиции семьи. В Пасху всегда печет куличи, красит яйца и угощает своих друзей, а в Рождество наряжает елку и готовит подарки для внуков. Вера очень любит Россию, хотя никогда там не была. Когда Веру спрашивают, за что она любит Россию, она отвечает просто — «Я же русская». Ее мечта — побывать в Москве, погулять по Красной площади и увидеть дом, где жила ее знаменитая бабушка, актриса немого кино Вера Холодная.

Постскриптум

Пока писался этот очерк, мечта Веры — побывать в Москве — сбылась. Она сходила на Красную площадь, посмотрела спектакли Большого театра, была в музеях, много гуляла по Москве, ей очень понравилась улица Тверская-Ямская, на которой прошло детство знаменитой бабушки.

Гриша

Звон колоколов растворяется в шуме волн и криках торговцев рыбой. Неожиданно в запутанных улицах и переулках стамбульского портового района Каракей⁵ возникает ярко-синий купол храма св. ап. Андрея Первозванного, который занимает верхний этаж старинного здания, построенного в 19 веке специально для паломников, ехавших из Одессы на Святую Землю или гору Афон.

Это была осенью 1992 г. Помнится, я тогда искала православную церковь в Стамбуле. Знакомые турки подсказали, что неподалеку от меня живет русский господин, который мог бы помочь. Мы встретились и познакомились. Гриша, так он представился, оказался стройным, голубоглазым, спортивного вида, симпатичным, пожилым, как мне тогда показалось, человеком. Поднявшись в церковь меня поразила атмосфера и сами прихожане — настоящие «белые русские», потомки тех, кто некогда

⁵ Административный район Стамбула, расположенный на европейском берегу нижнего Босфора.

покинул Россию, спасаясь от трагедии гражданской войны. У алтаря и по стенам храма висели старинные иконы, привезенные по рассказам самих прихожан из России. Вдоль стен стояли седые благородные люди, говорящие на языке давно ушедшей эпохи. Для самых немощных ставили деревянные стулья, чтобы можно было опереться или присесть во время службы. В центре храма стояла печка-буржуйка, которая спасала от зимней стужи и пронизывающих босфорских ветров. Помню, что Гриша показал мне тогда две маленькие серебряные иконы, обрамлявшие алтарь. Это был дар его семьи храму.

Гриши не стало в конце августа 2008 г., когда в Стамбуле стала спадать утомительная летняя жара. Всем казалось, что этот поджарый голубоглазый господин надолго переживет свое время. Он всегда был в бодром духе, никогда не унывал, обожал смотреть старые советские фильмы, был фанатом фигурного катания и в целях сохранения здоровья до самых холодов проплывал по несколько километров в Мраморном море.

Бывало, назначая встречу, он говорил по старинке: «В девять с половиной часов» и никогда — «в половину десятого». Каждое воскресенье приходил на службу в русскую церковь Св. ап. Андрея Первозванного, иногда пел тенором в хоре. Когда в трапезной накрывали длинный стол, превращался в настоящего юнца. Говорил: «Давайте что-нибудь закусим», «попьем чайку». Пил «светлый»⁶ турецкий чай вприкуску, много шутил, любил прихвастнуть, флиртовал с молодыми прихожанками из России, которые всегда толпились вокруг него, чтобы взглянуть на старинные фотографии, которые предусмотрительный Гриша всегда носил с собой в дорожной полотняной сумке.

Одна из самых удачных фотографий была сделана в начале сороковых годов прошлого века. На ней он был изображен в окружении турецких подруг на знаменитом пляже Суадие в азиатской части Стамбула, который некогда открыли «белые русские». Именно русские беженцы принесли с собой в Стамбул моду на пляжный отдых. Гриша был красавцем, заядлым спортсменом и пловцом. Обычно вокруг него на пляже собиралась русская молодежь и современные европеизированные турки. Катались на лодках, устраивали шуточные соревнования и заплывы. Этот пляж существует до сих пор, сюда стекаются жители азиатской части Стамбула.

Высокие, красивые братья Ивановы — Гриша и Миша — слыли завидными женихами. За ними всегда увивалась шумная стайка черногла-

⁶ Некрепкий чай.

рых турецких подруг. Григорий был эрудитом — хорошо знал историю и культуру, в совершенстве владел четырьмя языками. Ему не стоило большого труда завоевать особое внимание девушек, которые называли братьев Ивановых «рус якышиклы» — «русский симпатяга». «Гриша был обаятельный, а Миша красивый», — говорили мне их общие друзья.

Вскоре старший брат Миша женился. Он выбрал девушку из богатой турецкой семьи, владевшей знаменитыми банями на целебных термальных источниках в старинном городе Бурса, бывшем некогда столицей Османской империи. После женитьбы он с семьей поселился в богатом районе азиатской части Стамбула и никогда не работал.

Гриша, напротив, не мыслил свою жизнь без работы. Зная несколько языков, он устроился в знаменитый отель «Диван». Закончив курсы экскурсоводов, водил по Стамбулу иностранных туристов, неплохо зарабатывал. Каждый раз, как ребенок, радовался щедрым чаевым богатых американских туристов и с юмором рассказывал мне об этом. Он выбрал в жены девушку из состоятельной черкесской семьи, которая некогда эмигрировала в Османскую империю в ходе русско-турецкой войны 1878 года. Голубоглазая хрупкая блондинка, она была похожа на русскую. По настоянию жены детей назвали турецкими именами: Айше и Метин. Дети хорошо учились и закончили престижные стамбульские школы. Айше вышла замуж за турецкого художника и уехала в Канаду, а Метин уехал во Францию.

Первое время Гриша и жена жили счастливо, но потом отношения разладились, и он уехал работать в Европу. Объездив почти весь мир, заработав в Канаде солидную пенсию, вернулся обратно в Стамбул. В Стамбуле были могилы родителей, друзья-приятели, подружки, с которыми общительный Гриша часто встречался и разговаривал по телефону. К тому времени его жена сильно располнела, много курила и подолгу играла в карты с подругами, что вызывало у него резкую неприязнь. Они не стали разводиться, но до конца жизни жили отдельно.

Помню, что у Гриши была фотография, сделанная в Ленинграде в семидесятых годах прошлого века, во время его первого пребывания в России. Гриша был сфотографирован на фоне огромного пятиэтажного дома на Литейном проспекте, который некогда принадлежал его семье. Он показывал всем это фото и удивлялся, почему в одной квартире могут проживать несколько разных семей. Его прадед и дед Черепенниковы владели множеством магазинов, где продавали колониальные товары: чай, кофе, сахар, фрукты, вино.

Прадед Василий Иванович Черепенников приехал в Петербург еще мальчиком и устроился работать во фруктовой лавке односельчанина.

Потом стал приказчиком в лавке на углу Бассейной улицы и Литейного проспекта, которую позже выкупил у хозяина. Будучи успешным предпринимателем, сумел организовать сеть магазинов и фруктовых лавок, включая «Апраксин двор», где работали около ста пятидесяти человек. Он жертвовал деньги на строительство школ, богаделен и был старостой собора всей артиллерии во имя Святого Сергия. Семья очень любила балет. В Мариинском театре у них была всегда забронирована ложа.

Жена Гришиного деда — Александра Григорьевна Черепенникова была удивительно сложена и слыла дивной красавицей. Увидев ее на балу, Иван Васильевич был поражен ее красотой, и чтобы жениться на ней, даже расторг помолвку с богатой петербургской невестой, что было в то время верхом неприличия и неслыханным позором. После революции они бежали в Пермь, где был еще один семейный дом. Потом, спасаясь от красноармейцев, им пришлось перебраться в Батуми, где произошла встреча будущих родителей Гриши.

Отец Гриши, Иосиф Михайлович Иванов, был коммерсантом, большим знатоком драгоценных камней и очень приятным человеком. Именно этот факт стал решающим в выборе мужа Сашей Черепенниковой. Она дала согласие на брак, несмотря на протесты родителей, которые мечтали выдать ее замуж за представителя аристократической семьи. Приехав в Стамбул, они сняли квартиру в итальянском квартале и жили вместе с родителями. Иосиф Иванов сумел открыть небольшой магазин на знаменитом стамбульском рынке Капалы Чарши. Османская империя находилась в то время в агонии и переживала тяжелые времена. Некогда состоятельные турецкие семьи сильно нуждались в деньгах и продавали последние драгоценности и семейные реликвии. Они платили большие деньги Иосифу Михайловичу Иванову за консультации, поскольку он был большим специалистом по драгоценным камням.

Друг за другом родились два мальчика, и большая семья сильно нуждалась. До революции мать Гри-

Иосиф Иванов с сыновьями

ши, Александра Ивановна, успела закончить четыре курса медицинской школы, хорошо знала анатомию и иностранные языки. В Стамбуле она начала делать лечебные массажи и обзавелась состоятельными клиентами. Григорий вспоминал, как за мамой приезжала машина из дворца Долмабахче, и она отправлялась делать массажи родной сестре основателя Турецкой Республики Кемаля Ататюрка.

Родители уделяли много внимания воспитанию детей. Брели в аренду старинное пианино, оплачивали частные уроки музыки. Читали Пушкина, Достоевского, Крылова, отдельные басни которого Гриша знал наизусть. На лето обычно брали гувернантку, говорящую по-французски. Вечерами играли на гитаре, пели частушки и русские песни. Иосиф Михайлович очень любил старинные цыганские романсы. Устроившись поудобнее на старом потертом диване, он напевал: «Вы не жалеете меня, цыгане, прощай мой табор, пою в последний раз!..». Любитель гостей, он был настоящий знаток русской кухни. Когда начинался сезон ягод и фруктов, в семье начинали готовить русские винные настойки. «В ближайшей аптеке покупали медицинский спирт, наполовину разбавляли водой и добавляли туда небольшой кусочек сахара», — рассказывал мне Гриша, — «самой вкусной была лимонная водка, перцовка и сливовица».

В 1942 г. Григория призвали на службу в армию. Турецкий начальник по-дружески посоветовал поменять веру и неблагозвучную, с его точки зрения, русскую фамилию. После долгих раздумий Гриша взял себе новое имя «Гюндюз», а фамилию — по месту района Суадие, в котором проживала его семья. Так Григорий Иванов стал Гюндюзом Суадиели.

В 2005 г. неожиданно умер брат. Гриша позвонил мне и сказал, что отпевание состоится в мечети, в районе Эренкей. Помню, что лил сильный дождь. Гриша стоял у входа в мечеть и горько плакал. Погребение проходило по мусульманскому обычаю. Он участвовал в церемонии, но не поехал на кладбище. Было слишком тяжело. После похорон брата, за год до собственной смерти, сказал мне, что решил сменить в документах свое вероисповедание и наказал детям похоронить его по православному обычаю на греческом кладбище вместе с родителями. На памятнике установлена его фотография в молодости и латинскими буквами написано: «Grisha».

Послесловие. Зная, что я каждый год я бываю в Санкт-Петербурге, Гриша всегда просил меня навестить могилу его прадеда, что я с большой любовью и делала, привозя ему оттуда фотографии. Гришины предки похоронены на Никольском кладбище на территории Александропо-

Невской лавры в ряду почетных граждан Санкт-Петербурга. В прошлом году я вновь навестила Гришины родные могилы, только фотографии было показывать некому.

Он был мой большой друг, мой первый учитель турецкого языка. Очень помогал мне ориентироваться в обыденностях турецкой жизни, рассказывая об обычаях, традициях и характерах, что было так важно мне для понимания новой страны.

Наши дома находились близко, и, поскольку Гриша жил один, я часто приглашала его к нам домой. Он был любитель русской кухни, всегда хвалил мои обеды, говоря: «Ах, как чудно, ах, как вкусно». Мы много говорили о России, о Петербурге. Гриша рассказывал о своей жизни, поездках в разные страны, о Стамбуле. Очень позитивный, интеллигентный, образованный — с ним всегда было радостно и интересно.

И это все навсегда со мной!

Три поколения Усовых

Доктор Николай Николаевич Усов вместе с женой приехал в Стамбул на одном из последних пароходов, уходивших из Крыма в 1920 г.

Он окончил с отличием Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге в 1914 г. Во время гражданской войны Усова назначили младшим врачом в Кубанский гвардейский казачий дивизион и он прошел с Белой армией весь долгий военный путь. Его будущая жена Елена Ивановна, в девичестве Петрусь, закончила Женский медицинский институт в Харькове 6 июня 1917 г. и тоже удостоилась степени лекаря.

Два молодых доктора познакомились в Петрограде и с тех пор уже никогда не расставались. Елена Ивановна до конца своей жизни будет ему верной помощницей во всем. Из России Усов забрал еще свою тетю — Евдокию Федоровну Рыбакову и пожилую сестру милосердия — Варвару Николаевну Шохину, которая помогала ему в госпитале.

Турки оказывали неоценимую помощь русским эмигрантам, волею судьбы оказавшимся в Стамбуле. Доктор Усов частенько вспоминал об одном турке, с которым познакомился в России еще до начала гражданской войны. Будучи в отпуске у родителей в городе Пронске Рязанской губернии, его вызвали к сильно больному человеку, который жил по соседству. После выздоровления тот уехал в Стамбул, но никогда не забывал русского доктора, спасшего его от верной смерти. Благодарный турок верил, что Николай Николаевич когда-нибудь приедет в Стамбул и каждый день ходил на пристань встречать русские корабли...

И чудо свершилось! В один день Николай Николаевич с семьей сошел с корабля и с удивлением увидел человека, которому когда-то помог в России. Турок пригласил их к себе и первое время семья жила у него. А семья была не маленькая! Как важна была эта помощь для Николая Николаевича и его семьи на тот момент они вспоминали всю жизнь, и эта история передавалась из поколения в поколение. Эту историю рассказала мне Василиса Денисенко, а ей — внук Николая Николаевича, ее кузен Коля.

Попав в Константинополь, доктор Усов не поддавался отчаянию и панике. В декабре 1920 г. зарегистрировался в паспортно-пропускном отделении Константинополя и, получив разрешение заниматься медицинской практикой, открыл вой врачебный кабинет.

По воспоминаниям ныне живущих в Стамбуле русских, доктор Усов, так все его называли, был всегда внимателен и добр, безотказно приходил на помощь, и часто, незаметно для бедных больных, оставлял под подушкой деньги на продукты и выписанные им лекарства.

В 1922 г. в семье Усовых родилась дочь Алла, а в 1927 г. — сын Коля. Работая доктором, Елена Ивановна, растила детей Аллочку и Колю. Ро-

Доктор Усов. Свидетельство о праве работы в Константинополе д-ра Усова
(Из архива семьи Усовых)

дители надеялись, что и они станут врачами. Аллочка закончит медицинский факультет, но никогда не будет работать доктором. Ее судьба будет связана с Америкой, и там же ее похоронят дети.

Сестра милосердия Варвара Николаевна Шохина будет помогать Усовым и до самой смерти, не расстанется с ними.

Дети росли в атмосфере любви и уважения. Сына Колю крестили в церкви Св. ап. Андрея Первозванного в Стамбуле, и его крестной матерью стала Варвара Николаевна Шохина.

Всю жизнь судьба ее крестника будет связана именно с этой церковью. Кстати, Николай Николаевич Усов-младший в девяностых годах сыграет большую роль в моем приобщении к церковной жизни и к пению в хоре храма Св. ап. Андрея Первозванного.

Вера в Бога много значила для русских эмигрантов и Николай Николаевич, как и многие наши соотечественники, нашел себя в церкви. В нелегкие годы эмиграции церковь помогала сохранить веру, любовь и надежду на то, что они выживут, выстоят и обретут себя в этой трудной новой жизни. Много судеб объединила русская церковь на чужбине, она и утешила, и многим дала пристанище. Церковь была неотъемлемой частью жизни беженцев. Это был русский язык, русская культура. Доктор Усов много сделал для церкви, для прихожан, осматривая больных после службы, а когда появилась возможность — много помогал материально. Хорошими делами и личным примером он передал своим детям веру и любовь к Богу и людям.

Константинополь был первоначальным этапом в жизни тысяч русских беженцев. К 1930 г. основная часть русской эмиграции разъехалась по другим странам, а те, кто обосновались в Турции, смогли найти себе работу, и борьба за выживание сменилась стремлением к творчеству, использованию своих культурных традиций. Бережно хранились русских корни, культура, обычаи и уклад жизни. В Стамбуле организовывались новогодние праздники — «елки», вечера, благотворительные балы. И семья Усовых принимала во всем этом активное участие.

Доктор Николай Николаевич Усов прожил недолгую жизнь. В 1947 г. в возрасте 57 лет он умер. Во время похорон доктора все люди квартала, где он проживал, вышли, чтобы с благодарностью проводить его в последний путь. Через 4 года не стало и Елены Ивановны — верного друга и помощницы. К этому времени дочь Аллочка вышла замуж, а Варвара Николаевна, как могла, помогала младшему Коле. Супруги Усовы были примером верности, любви, искреннего служения Богу и людям. Эта семья оставила свой яркий след в жизни первой волны русской эмиграции в Стамбуле.

Староста

В детстве Аллочка и Коля учились в немецкой школе, а по воскресеньям ходили с папой в церковь. Церковь для Коли становится частью его жизни. С ранних лет Коля отличался большой религиозностью, пел в церковном хоре и служил в алтаре. Это продолжалось и когда он работал переводчиком в «Дженерал Моторс», и когда открыл свое бюро переводов, неподалеку от церкви, чтобы вечером пойти в храм проверить церковное хозяйство, навестить одиноких старушек, живущих в комнатах в подворье и чем-то помочь им. Около сорока лет он прослужит старостой церкви и оставит свой след в русской истории Стамбула. Его фотография до сих пор висит в трапезной нашей церкви, и мы всегда с уважением и любовью рассказываем прихожанам о нем.

Я помню его в церкви постоянно в движении — он убирал выгоревшие свечи, помогал новым прихожанам правильно молиться, пел вместе с хором тропари и молитвы.

В девяностые годы в церкви было много прихожан, а хором руководил тогда Александр Степанович Симухин, являвшийся одновременно председателем Русского благотворительного общества. Николай Николаевич, узнав о моем музыкальном образовании, сразу предложил мне петь в хоре. Я была очень взволнована и отказывалась, так как церковной службы совсем не знала. Но каждое воскресенье Николай Николаевич настаивал на том, чтобы я пошла на клирос. И при поддержке регента я, боясь, все-таки сделала первую попытку. С тех пор и моя жизнь тесно связана с храмом Св. ап. Андрея Первозванного, я тоже стараюсь, как и Николай Николаевич, помогать на клиросе и в церковной жизни.

После службы всегда пили чай, и Николай Николаевич проявлял себя не только старостой, но и радушным хозяином. Родственники тоже всегда тепло отзывались о его доброте, гостеприимстве, широкой русской душе. Николай Николаевич делал особенную вишневку по старинному рецепту своей бабушки, любил вкусную кухню, а жена Ольга Витальевна славилась приготовлением отменных пирогов с капустой или мясным фаршем и пышных ватрушек.

Ольгу Витальевну, русскую красавицу из Карса, Коля встретил в 1958 г.

Ольга, в девичестве Белева, была из старинной русской семьи по отцу и с немецкими корнями — по матери. Дедушка Ольги, Никифор Капитонович Белев, был назначен главой района Каракурт в Карской области и прожил там всю свою жизнь. Здесь судьба свела его с Еленой Ивановной Денисенко и в этом браке родились трое сыновей — Виталий,

Свадьба Николая Николаевича Усова и Ольги Витальевны Белёвой

Константин и Всеволод. Виталий и станет отцом невесты Николая Николаевича — Ольги Витальевны Белёвой. Николай Николаевич заберет Ольгу в Стамбул и в 1961 г. у них родится сын, которого по традиции семьи назовут Николаем.

Коленька

Коленька рос милым, послушным, умным мальчиком. С самого раннего детства его, как и папу, приобщили к службе в церкви. Варвара Николаевна Шохина вместе с няней помогала воспитывать мальчика. Коля поступил в престижный лицей «Kabataş erkek lisesi» — (рус. Мужской лицей на Кабаташе). Его очень близкая кузина — Василиса Денисенко рассказывает, что он рос, как ангелочек, был очень добрым, сердечным, отзывчивым, никогда не ругался, никого не обижал, всегда поддерживал родственные связи.

Кузенов было много, и они во время летних каникул все вместе два месяца путешествовали по Черному и Мраморному морям. Коля очень любил море, собирал коллекцию ракушек, очень интересовался историей.

Закончив в 1979 г. лицей, он уезжает в Германию, в Мюнхен, где уже живет к тому времени его тетя, и поступает в Университет Гёте. В Мюнхене он встречает русскую немку Ирму, которая позже станет его женой. Удивительно, что ее имя совпало с именем его прабабушки, немки из Поволжья, Ирмы Александровны Кайзер. Проучившись два года, он

Варвара Николаевна с крестником
Николаем Усовым-младшим (сзади)
и его сыном Коленькой Усовым
(Из архива семьи Усовых)

возвращается в Стамбул, где заканчивает отделение немецкого языка и литературы в Университете Мармара. Однако Ирму он не забывает и любовь возвращает его в Германию, где они поженятся. А венчаются Коля и Ирма в 1990 г. в Стамбуле в церкви Св. ап. Андрея Первозванного, где продолжает служить старостой его отец Николай Николаевич и где прошло Коленькино детство.

В семье Усовых-Белёвых есть интересная история, связанная с немецкими корнями их рода. Никифор Капитонович Белёв, женившись на обрусевшей немке Ирме в Карсе, не мог предположить, что его многочисленные потомки прорастут немецкими корнями. Сестры Никифора, не любя немецкий язык, всегда твердили: «"хундер-мундер" нам не нужен», и запрещали невестке говорить по-немецки в их присутствии.

Однако жизнь сложилась так, что многочисленные внуки и правнуки Никифора Капитоновича выучили немецкий язык и в настоящее время некоторые из них живут именно в Германии.

Коленька был очень домашний, любил семью и был создан для семьи. Вернувшись в Германию, благодаря знанию четырех языков он находит работу в бюро по приему и организации жизни беженцев, где и проработал 25 лет. В браке с Ирмой родилось двое чудных детей — Виктория и Андрей. Прошли годы, Коля построил большой дом, в котором вся семья была счастлива. Дети выросли, и Виктория сейчас работает в авторемонтной мастерской фирмы «Smart», а Андрей учится в университете. Коля всегда интересовался историей семьи, сохранил уникальные дедушкины документы, дипломы, фотографии, составил генеалогическое дерево, начиная с 1860 г., и в своем доме в Германии создал маленький семейный музей.

Коля часто приезжал в Стамбул, его всегда ждали на большие церковные праздники певчие хора. Его красивый тембр голоса украшал хоровое звучание. В 1998 . скоропостижно скончался его отец Николай

Николаевич и мама, Ольга Витальевна, осталась одна. Заботу о ней взяла на себя родная племянница Василиса Денисенко, которая прожила с ней вплоть до смерти Ольги Витальевны в 2015 г. Для Коли и его семьи это была большая потеря. Похоронили Ольгу Витальевну на Болгарском кладбище в семейной могиле вместе с мужем, свекром, свекровью и Варварой Николаевной Шохиной.

Потеряв родителей, Коля не изменяет своей традиции возвращаться в родной дом, где прошло его детство и юность. Он и в 2016 г., несмотря на то, что плохо себя чувствовал, планировал навестить родных и принять участие в пасхальной службе храма Св. ап. Андрея Первозванного. Все его очень ждали, чтобы еще раз услышать удивительный голос Коли. Но принять участие в пасхальной службе Коленьке не пришлось... Прилетев в Стамбул и выйдя из аэропорта, он скорпостижно скончался на руках приехавшего встречать его кузена — Нила Денисенко. Отпевали Коленьку в его родной церкви Св. ап. Андрея Первозванного в Стамбуле в присутствии жены, детей, многочисленных родственников и друзей. Семья приняла решение похоронить Колю в Германии, и там, в Хальбронне, что недалеко от Штутгарта, его в последний раз отпел русский священник. Вот так и закончилась жизнь последнего Николая Николаевича Усова.

Однако в Германии династия Усовых продолжается и домашний музей, который был создан третьим Николаем Николаевичем Усовым, будет пополняться уже следующими поколениями.

Николай Николаевич Усов 1890–1947

Николай Николаевич Усов 1927–1998

Николай Николаевич Усов 1961–2016

Вечная память...

Вера и Котик

Вера Паккер была гораздо старше меня. Она родилась в 1922 г., выросла в абсолютно другой стране, но это не помешало нам стать настоящими подругами. Мы познакомились в церкви и оказались настолько духовно близки, что могли часами разговаривать по телефону о книгах (Вера называла это “визитом” по телефону), ходили на концерты, посещали театральные премьеры, объездили всю Турцию, побывали в самых дальних уголках этой великолепной страны с давней историей. Вера оказалась заядлой путешественницей и неплохим экскурсоводом. Бывают такие

люди: легкие на подъем, которые не планируют путешествия и за несколько часов собираются в дорогу... Вера была именно таким человеком.

Она получила великолепное образование во французском лицее Notre Dame de Sion в Стамбуле, знала четыре языка, хотела быть виолончелисткой, но ее мама была против такой профессии, так как надо было сидеть в «неприличной» для девушки позе.

Мать Веры — Евдокия Никитична Поликевич (урожд. Марчик) была дочерью известного в Керчи доктора Никиты Марчика. Семья была зажиточная. Хорошо образованная девушка мечтала о путешествиях и далеких странах. Возможно, именно поэтому она выбрала в мужа старинного друга своего отца, который работал главным механиком торгового судна, но был значительно старше ее. После свадьбы он взял в рейс молодую жену, чтобы показать ей египетские пирамиды, Париж, Марсель, Лондон. Это было настоящее свадебное путешествие. В рейсе Евдокия забеременела, оставаться в море стало просто опасно. До Керчи доехать не успели, и корабль сделал экстренную остановку в Стамбуле. 19 октября 1922 г. в Американском госпитале Красного Креста на свет появилась Вера. Роды были трудные, Евдокия оставалась в больнице, а пароход не мог ждать, и Александр, муж Евдокии, уехал, сказав, что в ближайшее время вернется и заберет их.

После выписки ее забрала к себе сиделка из госпиталя, которая жила в отдаленном районе Арнавуткёе. Время было смутное, трудное, но Евдокия надеялась на возвращение мужа. Чтобы выжить, Евдокия начала шить, перебралась поближе к «своим» и сняла комнату в районе Бейоглу, где жило большинство русских эмигрантов. Евдокия всю жизнь ждала возвращения мужа и из-за этого никогда не покидала Стамбул. Каждую неделю она ходила на пристань, наводила справки о прибывающих кораблях из России. Зарабатывая шитьем, доверчивая Дуся отдавала последние деньги морякам за любую информацию о муже. Однако время шло, а вестей все не было. Преданная Евдокия Никитична так никогда и не вышла замуж, посвятила свою жизнь дочери, внукам и часто вспоминала свою беззаботную жизнь в Керчи.

Внучки рассказывали, что когда ходили с бабушкой во дворец Долмабахче и она, увидев медвежью шкуру, сказала: «Вот дело, а у нас дома в Керчи их было две».

В Турции в те годы была мода на все русское. Черноглазые турчанки переняли от русских женщин короткие стрижки, на улицах появились цветастые накидки, пелерины, меха, которые привлекали внимание местных мужчин и контрастировали с унылыми одеяниями турецких женщин.

По выходным Вера с матерью отправлялась в американский Красный Крест, который помогал русским эмигрантам. Евдокия вышивала крестиком разноцветные салфеточки, кроила скатерти, кофточки, платья. Вера обычно сидела рядом, уткнувшись в какую-нибудь книжку, однако, не читала, только делала вид, а на самом деле рассматривала нарядных дам, которые приходили на благотворительные базары и с удовольствием покупали мишуру и домашний текстиль.

Евдокия скоро стала популярной портнихой, обшивала русских эмигрантов, была вхожа в богатые стамбульские дома. Маленькая Верочка всегда была рядом. Часто видя девочку с мамой или сидящей на лестнице, ее заметила француженка-монашка из католического монастыря. Зная трудное положение семьи, девочку взяли бесплатно в начальную французскую школу Святой Елизаветы. После ее окончания Вера поступила во французский лицей Notre Dame de Sion. Вспоминая годы учебы, она всегда говорила, что в лицее была строгая дисциплина и разностороннее обучение.

Вера познакомилась с будущим мужем, когда ей было пять лет. «Мы были у мадам Чан, — вспоминала она. — У нее была светлая просторная квартира на Пера. Она была состоятельной хозяйкой апартаментов и сдавала их внаем белым русским». Все уважительно называли ее мадам Чан, но на самом деле ее звали Валентина Филипповна и она была женой полковника 59 пехотного Люблинского полка Михаила Вильгельмовича Чана. «Пока мама делала примерку, меня отправили поиграть с соседским мальчиком. Им оказался мой будущий муж Костя Паккер, или Котик, как все его называли». Так началась детская дружба Веры и Котика. Они часто встречались на елках, потом вечеринках, вместе учились в Стамбульском университете. Котик служил в турецкой армии. Они переписывались и поженились в 1954 г., после того, как он вернулся. Это был долгий путь из детства через дружбу, разлуку, другие отношения.

Костя оказался верным и преданным другом и нежно ее любил. Вера всегда называла его уменьшительно-ласковым именем Котик, а он ее — Верочка.

Часто бывая у них в гостях, я наблюдала, как Костя очень много работал. У него была своя частная фирма. Он подолгу просиживал за компьютером и, несмотря на возраст, был современным, талантливым, востребованным инженером и большим специалистом в области вентиляционных систем. Костя преподавал в Стамбульском техническом университете, участвовал в строительстве многих промышленных объектов, в пятидесятые годы вместе с Французским обществом инженеров, планировал строительство стамбульского метро. В университетской лабора-

Обручение Веры и Константина Паккер. 1954 г. На переднем плане —
Вера, Константин, мать Веры и отец Котика (Фото из архива семьи Паккер)

тории, где он работал, до сих пор красуется памятная доска с именем «Костя Паккер».

Вера была инженером-химиком. Работала на газовой и мыльной фабриках, но уволилась и стала работать секретарем в фирме мужа, называя ее по старинке «контора». Они часто ездили в командировки по всей стране, брали с собой дочек. Все в доме было подчинено жесткому графику работы Кости. Обедали всегда с часу до двух. Опаздывать было нельзя. Вера всегда звонила и предупреждала меня об этом. После обеда Костя традиционно варил кофе для всех и по этому случаю держал коробку со швейцарским шоколадом, которую подавал с чашкой кофе в качестве десерта. Костя с детства любил «сладенькое» и часто вспоминал, как приходил к маме, Вере Моисеевне, в кондитерскую «Петроград», где она работала, и его каждый раз угощали свежеспеченной сладкой булочкой. Запах теплой сдобы он запомнил на всю жизнь и об этом всегда с большим удовольствием рассказывал.

Семья Кости была из Карса. У них была мельница, водочный завод и много кондитерских и пекарен в Карсе и Тифлисе. Основной дом тоже был в Тифлисе. Как вспоминал Котик, мост на реке Куре построил его дед. После начала Первой мировой войны Карс отошел к туркам и новые власти национализировали их имущество. В поисках заработка семье пришлось уехать в Стамбул.

Вера Моисеевна начала работать в кондитерской «Петроград», а папа-Александр устроился кассиром в ресторане у «Карпича». Кафе-кондитерская «Петроград» располагалась на улице Пера и Бурсы и, как пишет альманах «Русские на Босфоре», она играла в жизни Константинополя ту же роль, что в былое время знаменитое кафе-пекарня «Филипповъ» в Москве и Петрограде.

Это русское кафе-кондитерское, где все изготовлено и подано по-русски, в соответствии с русскими привычками и размахом. Только тут, в «Петрограде», посетитель получит кофе, шоколад, пирожное, пирожки, кулич или сырную пасху, изготовленные точно также, как это делалось в России. Еще недавно маленькая беженская кондитерская, «Петроград» очень скоро стал наиболее посещаемым кафе в центре города. Для русского «Петроград» — его клуб, место встреч, излюбленный уголок еды и отдыха. Теперь в «Петрограде» бывают все. Интернациональное по составу своих посетителей это кафе во всей неприкосновенности сохраняет свое «русское» лицо и, по-видимому, это является причиной все растущей популярности «Петрограда». Служащие в кафе — все русские, работающие по многу лет, прекрасно знающие свое дело и вкусы посетителей.

Вера с Котиком пекли к Пасхе изумительные куличи. Котик растирал с сахаром желтки, а Вера руководила процессом. Я помню, что они начинали готовить тесто во вторник перед Пасхой, боясь, что оно не поднимется и не будет времени замесить новое. Для творожной пасхи творог и сметану покупали у болгар, на знаменитом «Балык базаре», а цукаты — в маленьком подвальчике у продавца сладостей на Нишанташи. Вера была очень гостеприимной хозяйкой, накрывала «богатые» столы, очень красиво их сервируя.

У них в салоне стояло старинное немецкое пианино с канделябрами. Узнав, что я играю на фортепиано, специально для меня настроили инструмент, а Котик сделал много фотокопий русских романсов, мы иногда устраивали музыкальные вечера. Надо сказать, что Котик в поездках и на вечерах никогда не расставался с фотоаппаратом и видеокамерой самых последних современных моделей. Он много снимал. Остался очень большой видео и фотоархив.

В 1962 г. они переехали в большой дом в стамбульском районе Левент, где вокруг дома рос большой фруктовый сад, и была беседка, окруженная вишневыми деревьями. К тому времени родились Наташа и Катя. Девочек крестили в русской церкви, прививали им русские обычаи, а крестная Наташи Ларочка (Лариса Васильевна Тимченко-Ранио) жива до сих пор.

Девочки хорошо учились, говорили на русском и французском языках. Вера говорила, что «девочки говорят с нами по-русски, в своих семьях — по-французски, а между собой — по-турецки».

У нас в Левенте был чудесный фруктовый сад, вспоминала дочь Веры и Кости Наташа. Особенно мы любили время цветения. В саду было много фруктовых деревьев и, особенно когда цвела вишня, мы часто сидели в беседке в саду и любовались тем, как нас окутывали цветочные белые облака. Бабушка Дуся и мама всегда делали вишневую настойку, которая, как помню, настаивалась на солнце на подоконнике. Пекли и пироги с вишнями. Очень любили мы свежий инжир, компоты из яблок и слив. В этом сказочном саду прошла наша юность — моя и сестры Кати, — продолжала вспоминать Наташа. Родители наши и бабушка были очень гостеприимными, и дом наш в Левенте был всегда открыт для друзей и гостей.

В восьмидесятых годах сестры уехали учиться в Париж и остались там после замужества. Отправляясь к дочкам, Вера говорила мне, что полетит в Париж на аэроплане, использовала в своей речи очень приятно звучащие старинные русские выражения.

Всю свою жизнь Вера и Костя были общественно-активными людьми. Вместе работали в благотворительном обществе, которое было организовано в 1954 г. для помощи русским одиноким малоимущим людям.

Вера и Константин Паккер на приеме в Генконсульстве РФ в Стамбуле

В двухтысячных годах принимали участие в жизни современной русской диаспоры. Посещали официальные приемы в Генеральном консульстве РФ, щедро делились рассказами о своей жизни. Побывали в Москве и Петербурге вместе с дочерью Наташей, которая много унаследовала от мамы.

Верочка скончалась в 2009 г. в Париже после тяжелой болезни. Через три года там же умер и Костя. Дочки ухаживали за ними до последних дней и по завещанию родителей похоронили их в Стамбуле, на греческом православном кладбище, в семейной могиле. До самой Верининой смерти мы разговаривали с ней по телефону. Она никогда не унывала, часто шутила, говорила с иронией о своих болезнях и надеялась на скорое выздоровление.

Наташа и Катя продолжают часто приезжают в Стамбул, в родной дом, сохраняя все так, как было при родителях. По старой семейной традиции накрывают на стол, стелят скатерти, вышитые мамиными руками, ставят любимые мамы фарфоровые чашки и столовые приборы, кладут кружевные салфетки. Приглашают в дом немногих оставшихся старинных друзей, чтобы помянуть и вспомнить родителей. Светлая память о дружбе с Верой и ее семьей останется в моем сердце на всю жизнь.

ЗАТЕРЯННЫЕ СУДЬБЫ — НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ¹

Марина СИГИРДЖИ²

Люди, как песчинки, подхватываемые порой ветром исторических событий, ветром перемен, не по собственной воле, без желания, вынуждены перемещаться и теряться во времени и пространстве.

Если посмотреть на песок под микроскопом, можно увидеть уникальность и красоту каждой песчинки. Каждая «человеческая песчинка» — это отдельная жизнь, судьба, это личность, часто незаурядная... Поэтому и стоит посмотреть на нее повнимательнее.

Елена Гордиенко и ее окружение

Елена Яковлевна Гордиенко, или Леля, как ее называют все с детства, уже второй год живет во французском доме престарелых в Стамбуле. Инсульт подорвал ее физическое здоровье, но не волю и не стойкий характер. Она по-прежнему обладает ясным умом, рассудительностью, логическим мышлением. Передо мной сидит сильная духом женщина, готовая, как говорится, ринуться в бой с любыми проблемами. Наверное, именно из таких целеустремленных людей и получаются настоящие балерины — трудяжки, каковой она всегда и являлась. Услышав о возникших трудностях с подворьями русских афонских обителей в Стамбуле, мгновенно реагирует и, с трудом выговаривая отдельные слова, с волнением и болью в душе произносит:

— Вот только не могу ходить, да и говорю плохо, а так бы попыталась сделать все возможное, чтобы решить проблему с подворьями... это же часть нашей жизни... Был момент, когда мой отец боролся за эти церк-

¹ Данная работа является сокращенной главой из книги М. Сигирджи «Спасибо, Константинополь! По следам белоэмигрантов в Турции», (СПб.: Европейский дом), 2018.

² Исследователь русского зарубежья. Эл. почта: Myworld2001@hotmail.com

ви, тогда все обошлось, а как же быть сейчас? Нужно что-то делать, мы обязательно должны что-то сделать!

Елена Гордиенко — потомок белоэмигрантов во втором поколении. Родилась она в Константинополе в феврале 1922 г.

— Мне девяносто четыре года, но, по-моему, главное не количество лет, а самочувствие, вот насколько ты себя чувствуешь внутри, столько тебе и лет, — утверждает она. — Я вот немного встану на ноги и уйду отсюда, не хочу здесь доживать свои дни, а вообще очень хочу поехать в Россию, хочу там умереть. Хоть и не родилась я там, но это земля моих предков, тянет меня туда, — грустно улыбаясь, добавляет Елена.

Елена Яковлевна о современной России много знает и не только о ней, не пропускает ни одну программу новостей по телевизору, хорошо подкована в политике, легко обсуждает ситуацию в мире.

— Конечно, у моих родителей была сильная обида на свою страну за то, что большевики сделали с ними, родными, так сильно поменяли их жизнь, разделили семью, все отобрали. Мама всегда очень переживала и тосковала по своим близким, но что теперь говорить об этом, все уже в прошлом, — продолжает она.

Яков Иванович Гордиенко, отец Елены, будучи самым молодым из всей своей семьи, пошел добровольцем в армию. Воевал в Сибири. Дочь мало знает о прошлом отца, поскольку, прожив пять лет в браке, родители развелись. Хотя и встречалась она с отцом после развода, но не интересовалась его прошлым, да и многие тогда вообще предпочитали не вспоминать о жизни на родине.

До прихода большевиков дед Гордиенко был землевладельцем, имел большие угодья в Саратовской губернии. Всю его семью новые хозяева страны сослали в Сибирь. Вот там-то молодой Яков и вступил в ряды Добровольческой армии. В списках «Участников Белого движения» о нем есть такая информация: «Во ВСЮР и Русской Армии. Полковник. В эми-

Елена в молодости. Стамбул.

Фото из личного архива Е. Гордиенко

грации в Турции. Падчерица Елена Орель, р. 1922»³. Однако информация о Елене — неверная, она была родной дочерью Якова, фамилия Орель — турецкая, взятая после принятия гражданства.

Алла Преображенская, мама Елены, родилась и жила в Орле. Ее отец был состоятельным человеком, владел кожевенным заводом. Большая семья из семи человек проживала в добротном доме с садом. Мать Елены рассказывала, что их соседом был поэт Алексей Николаевич Апухтин, который иногда навещался в свое родовое имение.

— У семьи были и конюшни. Мама очень любила лошадей, увлекалась верховой ездой, потом очень скучала по ним, — с восхищением и одновременно грустью в голосе рассказывает мадам Елена. — Мама вспоминала, что до прихода большевиков чудная у них была жизнь. Дедушка мой, Алексей Преображенский, положил в банке на имя каждого ребенка по триста золотых монет как первоначальную гарантию, но все пропало: все денежные средства и золото реквизировали. Дедушка был человеком образованным, знал несколько языков. Поэтому все старшие дети получили высшее образование: кто медицинское, кто филологическое. Сестра Ольга училась в университете в Москве. Один из сыновей — Виктор — после окончания университета в своем городе преподавал в женской гимназии, в Александринском институте благородных девиц. А мама успела до войны лишь окончить гимназию с золотой медалью. Она очень хорошо знала французский и немецкий языки. Да, хорошая была жизнь, а потом... все «bitti»⁴, — приправляя в конце свой рассказ турецким словом, заключает мадам Гордиенко.

Когда части Добровольческой армии (Корниловская дивизия) в октябре 1919 г. вошли в Орел, то среди военных был и молодой Яков Гордиенко. За короткий период времени, пока корниловцы стояли в городе, Алла и Яков успели познакомиться. Опасаясь окружения со стороны противника, белогвардейцы вынужденно оставили город. Вместе с военными уходили и гражданские. Переживая за судьбу младшей дочери, родители Аллы попросили Якова вывезти ее из города. Таким образом, мать и отец Елены оказались в эмиграции в Турции.

Кто знает, как бы сложилась судьба девушки на исторической родине, но двух ее братьев (Евгения и Виктора) расстреляли большевики, в тридцатых годах от болезни умерла сестра Людмила. Жилось им там туго, поскольку все имущество реквизировали. Первое время мать Елены периодически передавала деньги родным, чтобы хоть как-то помочь им сводить

³ Сайт историка С.В. Волкова «Участники Белого движения в России» (http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie стр. 343).

⁴ Bitti (тур.) — кончено, закончено.

концы с концами. Из Орла родители со старшей дочерью Ольгой переехали в город Бежицу в Брянской области (ныне это Бежицкий район города Брянска). Связь с ними велась вплоть до 1941 г., когда от Оли было получено последнее письмо. До этого дедушка писал внучке в далекую Турцию письма непременно по-французски и в каждый конверт обязательно клал особый «привет» — засушенный цветок с родины.

— Я очень долго хранила все эти письма, но когда заболела и нужно было принять решение перебраться в дом престарелых, то решила все уничтожить, ведь это никому, кроме меня, не нужно и не дорого, — с явным сожалением в голосе сообщает она.

Елена Гордиенко, 2016

Жизнь сложилась так, что, к сожалению, прямых наследников у мадам Гордиенко нет. Елена была дважды замужем за гражданами Турции. Второй муж Ибрагим был очень хорошим человеком, но после инсульта долго не прожил. Периодически в доме престарелых Елену навещает приемная дочь Арзу.

Мать Елены очень хотела вернуться к родным, но страх перед неизвестностью взял вверх. Так и остались в Турции навсегда. Стали приспособливаться к местной жизни. Первое время жили в районе площади Султанахмет в доме, принадлежавшем турку Селим-бею. По воспоминаниям матери, хозяин был чудным, добрым человеком, очень хорошо относился к ним. Но после того, как здание сторело, им пришлось переехать в другое место. Через два года в Константинополе в английском госпитале родилась Леля. Брак с Гордиенко, как уже говорилось, оказался непрочным. Алла вышла замуж за обеспеченного турка, жили безбедно. Кстати, первое время они общались на французском языке.

Леля рассказывает, что до 1936–1938 гг. в Турции жилось легче: невысокая арендная плата за жилье, полностью меблированные съемные квартиры — все условия для проживания. Поэтому со всем своим нехитрым скарбом легко переезжали с квартиры на квартиру, полгода жили в черте города, а на жаркие месяцы перемещались в пригород, ближе к

морю — в квартал Гёзтепе⁵. Здесь когда-то находилась большая усадьба, принадлежавшая австрийской школе. Со временем ее купила семья немецкого инженера. Он переделал усадьбу в пансион с шестнадцатью комнатами, одну из которых на лето снимала семья Елены Гордиенко. Со многими своими друзьями, приезжавшими на отдых, она познакомилась именно здесь.

Что касается отца Елены, то он работал везде, где только появлялась возможность. Первая его служба была связана с продажей зелени в лавке в магазине «Бенедато». Летом трудился на пляже во Флорье. За весь период жизни на чужбине он сменил семнадцать мест, последнее — чистка и стирка вещей. В отличие от бывшей жены он не знал иностранные языки, да и турецкий учить не хотел.

— Отец всегда утверждал, что приехал сюда не для того, чтобы учить турецкий язык, так и говорил по-турецки очень плохо до конца жизни. Не знаю, как его только понимали люди, — смеется Елена.

Сама мадам Гордиенко знает пять иностранных языков: французский, английский, турецкий, немецкий и греческий. Французский изучала с шести лет дома. Среди белоэмигрантов было много образованных людей, которые давали частные уроки истории, математики, русского, французского. Учебники на русском языке привозились из Германии. Такие уроки были «в ходу» до сороковых годов, со временем учеников, да и самих учителей становилось все меньше. Все же беженцы надеялись на скорое возвращение домой, поэтому старались обязательно обучать своих детей французскому, что было нормой в дворянской среде. Те, у кого была возможность, отправляли детей на учебу во французские школы и лицеи. В них изучение турецкого языка было необязательным, поэтому, получив подданство Турции, продолжить обучение в местной школе Елена не смогла из-за незнания языка. Чтобы не терять времени, поступила в американский колледж. В итоге — отличное знание английского и профессия стенографистки и секретаря. Но все это время она продолжала совершенствовать свой французский и еще учить немецкий. Греческий же выучила, общаясь с его носителями, которых тогда в Константинополе было много. По воспоминаниям потомков беженцев, много магазинов принадлежало грекам, в которых продавцы говорили на своем языке. Позже турецкий сам «пришел» из газет и из жизни. Но и это еще не все. Общаясь в детстве с нянькой и детьми из итальянских семей (также приехавших из России), Леля научилась хорошо понимать и этот язык. Хотя на данный момент считает, что без практики забыла

⁵ Гёзтепе (тур. Göztepe) — микрорайон в азиатской части Стамбула.

итальянский и уже не может говорить на нем. Знание языков в то время давало работу — переводы.

Во время моих посещений к мадам Елене в комнату иногда заходили работники дома престарелых или соседки по этажу. В зависимости от посетителя, носителя того или иного языка, она с легкостью отвечала им то на турецком, то на греческом, то на французском языке. Невероятно! В таком возрасте такая память и такой светлый ум!

Мама Елены страдала флебитом, поэтому ей было тяжело заниматься домашними делами. Финансовое положение семьи позволяло пользоваться услугами помощниц по дому и нянек для маленькой Елены.

Рассказывая о своей няне, Елена вспоминает о семьях русских итальянцев, эмигрировавших из Крыма, из города Керчь, где была большая итальянская община. Первые переселенцы, прибывшие в XIX веке на полуостров несколькими волнами в поисках работы, были моряками, портовыми работниками, крестьянами из областей Кампания, Венеция и Лигурия.

В Константинополе они также селились компактно, большая их часть жила в квартале Топхане.

Некогда богатая Роза Цингарелли, в шикарном платье, в шляпе с перьями, разъезжавшая в Керчи в дорогом авто марки «Форд», на чужбине была вынуждена работать нянькой. Когда Елене исполнилось три года, Роза приступила к службе в их доме. Семья Гордиенко, кроме Розы, приютила у себя и ее сестру Нину с сыном Карло. Роза, несмотря на прошлую богатую беззаботную жизнь, отлично справлялась с домашней работой, многое умела делать по хозяйству, отменно готовила еду.

— У меня была чудная фотокарточка Розы, хотелось бы показать ее Вам, но странным образом она исчезла, — сожалеет Елена.

Вот в таком окружении и росла Леля. Пела итальянские песни, читала стихи, разговаривала на этом языке. Кроме того, тетя Роза начала приобщать девочку и к церковной жизни.

— Она могла повести нас с Карло на утреннюю службу в церковь Святой Марии, а на вечернюю — в Святого Антония, что на Пера. Я уже начала хорошо разбираться в католических обрядах, когда моя мама опомнилась и воспротивилась тому, что ее дочка постепенно становилась католичкой. После этого тетя Роза стала водить меня в церковь Андрея Первозванного в Каракёе, где меня крестили. Семья няни с нами жила до тех пор, пока мне не исполнилось двенадцать лет. Затем они переехали в другое место, — рассказывает Леля.

А что касается балета, то увлечение классическим танцем появилось у Елены в детстве. Однажды в шестилетнем возрасте, увидев Анну Пав-

лову в журнале «Иллюстрированная Россия», который привозили из Парижа, Леля заболела поэзией танца на всю жизнь. Я нашла в архиве эмигрантской прессы в интернете копии журнала от 1928 г. с фотографиями Павловой, распечатала и принесла их Елене. Если бы в этот момент вы могли видеть ее выражение лица: радость и счастье переполняли эту уже далеко немолодую женщину! В какой-то момент мне показалось, что я очутилась вместе с ней в ее детстве.

— Невероятно! Это же именно тот самый журнал, в котором я увидела первый раз Павлову! Затем я собирала и хранила все ее фотографии, их у меня было очень много. Благодаря Павловой я стала увлекаться балетом! Это очень хорошо, что вы принесли мне журнал, это просто замечательно! — не переставала умиляться увиденным Елена.

Мадам Елена сожалеет, что на начальном этапе у нее не было хороших учителей балета, многому позже пришлось переучиваться. С приездом в Стамбул англичан, которые прошли русскую и итальянскую балетные школы, она смогла вывести свое мастерство на новый уровень (о вкладе мадам Гордиенко в развитие турецкой балетной школы на начальном этапе говорилось выше). Позже Елена создала собственную балетную студию, которая находилась в одном здании с греческим культурным центром рядом с улицей Пера.

Повзрослев, ее ученики разлетелись по миру. А Елена осталась одна, борясь со своим недугом. Сила воли, навыки, полученные во время занятий балетом, умение владеть телом, помогли ей «встать» после инсульта и даже ходить. Правда, последнее время ноги «опять стали капризничать», но она старается ежедневно делать гимнастику и не падать духом.

— Если бы я не делала упражнения, то давно была бы лежачей больной. Никогда бы не подумала, что у меня будет такая проблема с ногами, что это будет моим больным местом, ведь ноги всегда были «моим все». Но ничего, я должна ходить вновь! — решительно заключает Леля.

С мадам Еленой очень интересно проводить время, она рассказывает не только о своей жизни, но и друзьях-эмигрантах.

Анна Александровна Фролова и князь Гирей

Еще до знакомства с Еленой Гордиенко, обследуя христианское кладбище в Шишли, я нашла могилу, в которой покоится генерал-майор Иван Воронов, его жена и дочь Наталья Гирей (по мужу). Меня заинтересовала фамилия, принадлежащая древнему крымско-татарскому роду Гиреев. Однако на тот момент мне не удалось найти какую-либо информацию о

пребывании представителей этой семьи в Константинополе, за исключением того, что некая Анжелика Михайловна Гирей умерла здесь. И вот, просматривая фотографии из архива мадам Елены, обратила внимание на портрет красивой дамы.

— О, это интересная история, я сейчас расскажу вам ее. Это Анна Александровна Фролова, жила в Санкт-Петербурге, была очень элегантной женщиной, большой модницей. Она слыла очень капризной дамой, носила вещи, купленные только в Париже, в начале XX века заказывала платья у начинающего, но уже завоевавшего популярность модельера Жана Пату. Бывало, приехав к нему за своим заказом, Анна Александровна могла попросить изменить ту или иную деталь уже готового наряда. Ее отец, кстати, был членом Императорской Академии художеств в Петербурге, — интригуяще продолжает мадам Елена⁶.

⁶ Александр Никитич Фролов имеет прямое отношение к Академии художеств. Вскоре после учреждения Мозаичного заведения в 1849 г., он был назначен на должность писца, то есть начал служить там с самого его основания и, имея склонности к живописи, параллельно учился в Академии. В 1856 г. был переведен в ученики-мозаичисты и вскоре стал одним из ведущих мастеров. В 1870 г. ему присвоили звание академика. С 1883 по 1890 г. Александр Никитич стоял во главе всего производства мозаик. Положение, достигнутое им на социальной лестнице, определило утверждение его в 1887 г. в потомственном дворянстве. Известен Фролов тем, что для Исаакиевского собора выполнил ряд главных мозаичных икон, а за образ Святой Екатерины получил почетный диплом и большую золотую медаль. Александр Никитич — родоначальник династии русских мозаичистов. Два его сына пошли по стопам отца, стали известными мастерами, продолжив начатое родителем дело. Именно мозаикой мастерской Фроловых украшен петербургский храм Спаса-на-Крови. В Мозаичной мастерской Академии художеств, которую возглавлял уже сын Александра Никитича, В.А. Фролов, был создан цикл мозаик для станций метро, а также для многих значимых сооружений в Москве. Отец с сыновьями вместе посвятили наборному искусству почти 100 лет жизни.

А вот какой-либо информации о дочери А.Н. Фролова поначалу найти не удавалось. Вдруг узнаю, что в Российском институте истории искусств в Санкт-Петербурге работает Владимир Александрович Фролов — искусствовед, исследователь мозаичного искусства, внук известного художника-мозаичиста России В.А. Фролова (сына А.Н. Фролова). Связавшись с Владимиром Александровичем, изложила ему историю, услышанную от Елены Гордиенко, и спросила, может ли Анна Александровна быть дочерью его прадеда. В ответ Владимир Александрович прислал свою книгу об истории семьи, в которой есть такие строчки: «Младшая дочь Фроловых — Анна Александровна (1872–1960), прожив долгую жизнь, так и не вышла замуж, потомства у нее не было» (см.: Фролов В.А. Петербургская мозаика: Город — Династия — Культура. Избранные статьи. СПб.: РИИИ, 2006. С. 255). Информация о «стамбульской» Анне Александровне уж очень «подходила» под известные факты. Единственное несовпадение по году рождения: 1872 или 1876 (как указано на памятнике). Хотя этому можно найти легкое объяснение: во-первых, существовавшая в годы эмиграции путаница с документами, во-вторых, в связи с общей неразберихой женщина могла умышленно уменьшить свой возраст и в-третьих (что вполне вероятно), люди, хоронившие Фролову в Стамбуле, не являлись родственниками и могли ошибиться в датах, что случалось тогда часто. Все указывает на то, что это именно Анна Александровна Фролова.

Анна Александровна Фролова.
Санкт-Петербург. Фото из личного
архива Елены Гордиенко

— Так вот. Эта Анна Александровна во время «русского исхода» в 1920 г. с лучшей подругой, Анжеликой Михайловной Гирей, эмигрировала в Константинополь. Они сразу же сняли большую квартиру на улице Пармаккапы в Бейоглу, — продолжает рассказ Елена.

Анжелика Михайловна Гирей — дочь султана Тохтамыша Гирея (Михаила Михайловича), представителя известного крымского княжеского рода. Была замужем за Андреем Дмитриевичем Карповым, сыном действительного статского советника, орловского помещика. На родине Анжелика Михайловна активно занималась благотворительностью — заведовала приютом «Ясли» в орловском Доме трудолюбия⁷. Что случилось с мужем — неизвестно, эмигрировала она в Турцию без него.

В Константинополь также приехал ее брат — князь Гирей с сыном.

По словам Елены, Анна Фролова была влюблена в брата своей подруги еще в России. Оказавшись в Константинополе, Анжелика Михайловна и Анна Александровна сразу же открыли ателье — дом моды (рядом с Пера). В одной части съемной квартиры находились комнаты для жилья, в другой — мастерская-ателье. Дела шли неплохо, ведь по моде двадцатых годов фасоны платьев не были такими сложными, к тому же появлялись заказчицы из числа турчанок. Однако Анжелика заболела раком и 5 октября 1928 г. умерла⁸. Поскольку она, как и ее мать, была христианского вероисповедания, то похоронена на греческом кладбище в Шишли.

— Как звали брата Анжелики — не могу сказать, поскольку к нему обращались все не иначе, как «князь». Он стал жить в комнате своей умершей сестры. Занимался бухгалтерией ателье, а также очень любил готовить. Особенно вкусными у него получались котлеты, которые он делал

⁷ Колганов В.А. Булгаков и «Маргарита», или История несчастной любви Мастера. М.: Центрполиграф, 2012. С. 28.

⁸ Сайт Международного благотворительного фонда А.П. Кутепова (<http://www.fund-kutepov.narod.ru/doom.htm>).

практически каждый день для Анны Александровны. При этом непременно тарелка ароматных котлет отправлялась многодетному курду — капыджи⁹ Ахмету, — вспоминает Елена.

В ателье на должность закройщицы приняли русскую еврейку Елизавету Акимовну Ченоль или, как все ее звали на французский манер, Лизель, а в работницы по дому (с проживанием) поступила русская гречанка Мария (вместе с сыном Митей). По рассказам Елены, жили они дружно, вместе отмечали мусульманские, православные и еврейские религиозные праздники. В Рамазан князь держал *оғуҫ*¹⁰, а на Пасху все ели куличи и крашеные яйца.

Кроме того, в мастерской также работала подруга Анны Александровны княжна Зинаида Александровна Квитницкая, урожденная Манвелова (1883–1960). Красавица-грузинка делала на вещах великолепную вышивку. Это было ее любимым занятием. Княжна часто подолгу оставалась за работой, так однажды и умерла прямо за вышиванием в ателье. У Елены остались очень приятные воспоминания о Зинаиде Александровне: «очень славная, очень милая» она была.

В своем ателье Анна Александровна контролировала весь процесс, наводила порядки, как в Париже, беспощадно придиралась ко всяким мелочам, могла и забраковать уже готовый наряд, заставляя все переделывать.

— Ее работницы (занималось шитьем шесть гречанок) просто сходили с ума, когда приходилось распаривать и перешивать уже готовую вещь. Но наряды и мода были смыслом жизни Анны Александровны, поэтому щепетильность с ее стороны была понятна, — поясняет Елена. — В салоне было много красивых французских журналов мод, в которых на заказ клиентки могли выбрать себе понравившееся платье. Кроме моды Анна Александровна любила музыку, очень красиво играла на фортепиано, особенно хороши в ее исполнении были мазурки и вальсы.

Как-то в начале тридцатых Алла, мать Елены, для русского бала в ресторане «Туркуаз» заказала в ателье Анны Фроловой платье из шелка, поверху украшенное пайетками. Вот с тех пор Алла и Анна стали подругами, много общались, в летние месяцы жили в одном месте в Гёзтепе. Конечно же, в ателье шились балетные пачки для Лели, концертные костюмы и другие наряды (к примеру, темное платье, в котором она запечатлена на фотографии в начале статьи).

Примерно в 1932–34-х годах Лизель решила перебраться в Америку к своему брату. А в конце тридцатых-начале сороковых от болезни умер

⁹ Капыджи (тур. *карісі*) — вахтер, портье, привратник.

¹⁰ *Оғуҫ* (тур.) — пост, воздержание (от пищи).

князь Гирей. Анна Александровна осталась одна, постепенно бизнес пошел на спад, нечем было платить за огромную квартиру. Вот тут-то и вспомнились те самые котлеты, когда-то постоянно отправляемые князем многодетному курду. Капыджи оказался порядочным и благодарным человеком. Он выделил Анне Александровне для проживания и работы небольшое помещение. Кроме того, Лизель в знак благодарности за приют и хорошее отношение к ней завещала все накопленные средства после своей смерти Фроловой, на которые она затем и жила. Брат Лизель исправно привозил завещанное сестрой из Америки в Турцию.

Елена Гордиенко частенько навещала Анну Александровну и готовила ей так полюбившиеся котлеты по-гирейски. Еще при жизни князя Леля вместе с матерью приходила к ним в гости и порой наблюдала за тем, как князь готовил свое фирменное блюдо, поэтому-то она хорошо знала рецепт. У сына князя Гирея был хороший друг — Селим Тайганский (хозяин ресторана «Режанс»). Он также часто навещал бывшую возлюбленную князя, Анну Александровну, поддерживал ее как мог. В 1960 г. в возрасте восьмидесяти четырех лет (или восьмидесяти восьми, если считать годом рождения 1872) она заболела и умерла, похоронена на кладбище в Шишли.

Подруги, Анна Александровна Фролова и Алла Гордиенко-Ёзгёнен (мама Елены), после смерти будут покоиться вместе в одной могиле. Кстати, отчество матери Елены на памятнике написано тоже неправильно, должно быть — Алексеевна. Дело в том, что мраморный памятник был поставлен сравнительно недавно (когда Елена Гордиенко уже заболела) сыном третьей захороненной в могиле женщины — графини Софьи Николаевны Татищевой (речь о ней пойдет в другой главе). Скорей всего, это и объясняет неверно указанную дату рождения Анны Александровны. Син Татищевой не уверен в правильности указанной даты.

Раз уж упомянула сына князя Гирея Керима Менгли, то поделюсь тем, что знала о нем Леля. Еще при жизни своего отца молодой человек вместе с Селимом уехал на обучение в Чехословакию. Анна Александровна спонсировала его учебу. Однако предназначенные для этой цели деньги Менгли проигрывал в карты. Пришлось ему, не закончив обучение, вернуться в Константинополь.

Гневу князя не было предела: разозлившись на непутевого сына, он не хотел его даже видеть. Но беспечность Менгли ничего не говорит о его образованности. Из воспоминаний Александра Коста (Татищева) известно, он был очень начитанным, образованным человеком, знал семь иностранных языков. Александр также сообщил, что князь Гирей, разозлившись на сына за все проделки, лишил его наследства. По предполо-

Менгли и Наталья Воронова-Гирей. Фото из личного архива Александра Коста

жению Саши, скорее всего наследство досталось дочери князя, которая жила в Европе и периодически навещалась в Турцию.

Жизнь продолжалась, через какое-то время младший Гирей женился на Наталье Вороновой, дочке генерал-майора Ивана Воронова¹¹ (с надписи на могиле которых и возник у меня интерес к судьбе Гиреев в Константинополе). Княжна Наталья, или как ее все звали Тала, была яркой блондинкой, модницей (свои наряды она также шила в ателье Анны Александровны Фроловой). Однако она не пришлась по вкусу старшему Гирею. Как и многие эмигрантские семьи, Керим и Тала потомством не обзавелись.

Что касается самого генерала Воронова, тот, по воспоминаниям Александра Коста, приехал в Константинополь из Севастополя с женой Натальей Яковлевной, дочерью Талой и тещей ирландского происхождения. Поселилась семья в хорошей квартире в районе Аяспаша и жила в достатке.

Р.С. К сожалению, в начале июля 2016 г. в русской части греческого кладбища в Шишли появилась новая могилка. Елена Гордиенко ушла из жизни быстро и тихо на руках своей приемной дочери.

Оставляю все написанное мною о Леле в том виде, в каком это было сделано при ее жизни.

¹¹ Генерал-майор И. Воронов (1870–1942); жена Н.Я. Воронова (1887–1978); дочь Н. Воронова-Гирей (1909–1989).

За четыре дня до смерти Елена очень просила меня найти родственников матери в России, долго не могла разыскать старый адрес с конверта последнего письма от родных, датированного началом сороковых, немного нервничала. Найдя его, глубоко с удовлетворением вздохнула и с явной надеждой в голосе произнесла:

— Голубчик мой, пожалуйста, попытайтесь найти хоть кого-нибудь из семьи моей тети. Так хотелось бы перед смертью увидеть или просто услышать о них что-то. Может быть, еще жив мой младший двоюродный брат. А вдруг получится, а вдруг найдутся!

Обещание я начала выполнять сразу же: в тот же вечер сделала несколько запросов в официальные органы городов, где предположительно могли жить ее родственники, а также подала заявку на поиск в передачу «Жди меня». Вот только не успела рассказать об этом Леле, не успела дать ей хоть какую-то надежду. Мне очень жаль, что так поздно познакомилась с ней, что так мало времени довелось провести вместе и помочь ей чем-то раньше. Но все же рада, что она смогла почувствовать себя нужной в последние месяцы своей жизни. С большим удовольствием рассказывала о себе, друзьях и была удивлена и счастлива, что эта тема кому-то интересна.

Дорогая Леля, покойся с миром!

Роксана Бату (урожд. Умарова)

В красивом квартале Бебек, что расположился вдоль берега Босфора, местные жители хорошо знают женщину, которую невозможно спутать ни с кем. В любое время года она непременно в шляпке и перчатках. Здесь ее так и называют «шапкалы кадын», что значит «женщина в шляпе». Всегда улыбающаяся и доброжелательная, она не пропустит ни одного ребенка, проходящего с родителями мимо, — обязательно остановится, поговорит с ним или просто помашет ему рукой. Эту неординарную даму нельзя не запомнить!

Мадам Рока — очень жизнерадостный человек, в своем присутствии она запрещает говорить на пессимистические темы, особенно касающиеся здоровья. С кокетством говорит о своем возрасте: «Совсем не скрываю: ну и что, если уже сорок девять лет!».

Источник энергии, тончайшего юмора, обожает мужскую компанию, внимание и умные разговоры. Ее живость ума, невероятный нескончаемый интерес к знаниям поражают. Постоянно читает новые и перечитывает понравившиеся ей книги, любит музыку, с удовольствием

узнает новое, ищет информацию об интересных личностях. На вопрос, чем она сейчас занимается, в ответ можно услышать: «Вы знаете такого французского философа Фуллье? Вот ищу информацию о нем. Но что-то не могу найти у себя. Ну, ничего, попробую попозже поискать в “гугле”». Порой испытываешь удивление, узнав, например, что из любопытства мадам Рока читает Коран... на английском языке. Все прочитанные ею книги испещрены пометками, вопросами, подчеркиваниями, поэтому она свободно ориентируется в тексте, мгновенно может отыскать страницу с нужной цитатой. И это в «ее сорок девять лет»!

Роксана Умарова родилась в России и покинула страну вместе с родителями. Таких эмигрантов первого поколения, как она, в Стамбуле, к сожалению, уже не осталось. Она уникальна во всех смыслах: свидетель важных мировых событий XX века, очень умна, начитанна, интересный собеседник, знает несколько языков.

Мадам Рока превосходно владеет английским, свободно говорит на французском, немецком и турецком языках. В течение последнего года усердно изучает итальянский. В ее библиотеке есть книги на разных языках, к которым она периодически обращается. А на каком красивом русском говорит эта дама! Сейчас такой чистый язык услышишь редко. Иногда в речи мадам Роки проскальзывают иностранные слова, особенно французские, но современных модных словечек точно не услышишь. Прожив без малого всю свою жизнь за пределами родины, она сумела сохранить преданность родной культуре и языку.

На мои просьбы рассказать об эмигрантском пути ее семьи Роксана всегда говорила, что их жизнь не такая примечательная и не такая сложная, какой была у большинства беженцев, поскольку по сравнению с другими они жили еще более-менее сносно. Но когда после долгих уговоров все же довелось услышать ее историю, была удивлена тому, сколько трудностей пришлось преодолеть семье, сколько всего пережить, прежде чем обосноваться на турецкой земле.

Роксана Бату, 1960.

Фото из личного архива Р. Бату

Отец Роки Али Умаров, выходец с Кавказа, потомок сартов, вместе с родителями приехал в Пермь, когда был еще маленьким. За городом семья купила имение с садом, приобрела винные погреба. Отец Али умер рано, овдовевшей матери пришлось зарабатывать на жизнь самостоятельно. Поскольку она была женщиной деятельной, то смогла управлять всем взвалившимся на нее хозяйством. Вероятно, унаследовав от нее деловую жилку, рано занялся бизнесом и сын. Али торговал шкурами и мехами, оправдывая исконное значение названия племени «сарт» (из древнетюркского — «купец»).

Прадедушка Роки по линии матери, Гамзин, владел масляными фабриками в Перми. С приходом большевиков в Пермскую губернию над зажиточными людьми начались расправы. Дневную выручку прадед обычно сам возил на подводе, которую однажды работники фабрики окружили, его самого ограбили, а затем убили. Родители Елены Гамзиной умерли рано, после смерти дедушки единственным родным человеком для нее осталась больная тетя.

В семнадцать лет Елена вышла замуж за девятнадцатилетнего Али Умарова. В 1919 г. в связи с событиями в стране молодые люди решились бежать с Урала на Восток. Мать Али не захотела бросать свое хозяйство и осталась в Перми. Только через много лет сын получил от нее письмо, в котором она рассказала о своей жизни и о том, что все их имущество было национализировано и перешло в колхоз.

— Перед тем как бежать, папа сделал себе корсет, в который уложил золотые и серебряные монеты. Конечно, существовала опасность, что по дороге могли ограбить, но все обошлось. Благодаря этим деньгам мы могли жить потом какое-то время, — рассказывает мадам Рока.

В надежде на то, что в стране скоро все вернется на круги своя и можно будет возвратиться назад, молодые задержались во Владивостоке. За время вынужденного «путешествия» семья потеряла троих детей. Поэтому появление Роксаны стало счастьем, которому не было предела. Однако за него родителям пришлось побороться: ребенок переболел всевозможными детскими болезнями.

Тем временем большевики подбирались к Востоку страны — нужно было уезжать и оттуда. Семья бежала в Маньчжурию, где находилась около двух лет. Отец Роки имел свое дело — торговал мехами. После оккупации Маньчжурии японцами большая русская колония стала разъезжаться: кто-то вернулся в Россию, кто-то уехал в Китай. Именно в Китай направились родители Роксаны. Обосновались они в городе Тяньцзинь.

— Мне тогда было, наверное, годика четыре, помню, что начала ходить в детский садик. Жили мы в двухэтажном доме с садом. Думаю, что

на тот момент у родителей еще были какие-то денежные средства, поэтому, скорее всего, они купили этот дом. Город разделялся на концессии¹²: британская, французская, русская и другие. Русская была одной из самых больших. Она занимала два участка на восточном берегу реки Хайхэ. На ее территории находилась большая церковь и консульство. Но мы жили на территории британской концессии. Были у нас повар, садовник и няня. Хочу сказать, что в Китае тогда даже бедные имели прислугу, так было заведено у них. Прожили мы в Тяньцзине лет шестнадцать, — делится воспоминаниями Роксана.

Роксана училась в английском лицее при Кембриджском университете, где была возможность летом продолжить занятия, чем она и воспользовалась. Благодаря страстному стремлению к знаниям девушка экстерном, на два года раньше, окончила школу. Это был единственный шанс получить аттестат зрелости, поскольку после оккупации Китая японцы всех учителей поместили в лагерь, и ни о какой учебе речь уже не могла идти.

Родители Роки стремились дать дочери всестороннее образование. Она играла на фортепиано, занималась пением, танцами, училась верховой езде и изучала иностранные языки.

— Вот только с китайским не получилось: брала уроки, но, к сожалению, не смогла выучить так, как хотелось бы, — смеется она. — Конечно, я много общалась с детьми нашего садовника, поэтому язык понимала. Но сейчас уже все забыла.

В 1937 г. японцы захватили Тяньцзинь, однако иностранные концессии до 1941 г. не трогали. Когда же в дом Умаровых поселили японского военного, решили уехать и из этой страны. Семья перебралась в Японию, в город Кобе. Какое-то время переселенцам разрешали оставаться там, но предупреждали о необходимости искать место для жизни в другой стране.

Еще на таможне к Умаровым подошел один человек и заговорил с ними по-русски. Это был казанский татарин, живший здесь и занимавшийся продажей пушнины и тканей. Он познакомил их со своей семьей, помог снять дешевую японскую хижину, состоящую из одной комнаты, без ванной, с удобствами на улице. На помывку ходили в бани, которые в стране были на каждом углу. Мадам Рока вспоминает, что одним из положительных моментов в стране было отсутствие воровства, дом они никогда не закрывали. За два года жизни в Японии семья так полюбила ее, что даже не хотела уезжать.

— От этого же татарина слышали, что беженцев принимает Турция. Мама и не знала, где находится такая страна. Пришли в консульство Тур-

¹² Концессии города Тяньцзинь — концессионные территории города, переданные властями династии Цин под управление Великих держав.

ции, целый час нас держали в коридоре, а в это время консул просто читал газету, — рассказывает мадам Рока.

Семьдесят два дня с остановками Умаровы добирались до Индии на английском пассажирском корабле. Почти два месяца семья прожила в отеле на Цейлоне. Затем они направились в Египет, в Порт-Саиде задержались еще на месяц в ожидании парохода, следующего в Турцию.

Наконец семья прибыла в турецкий город Мерсин, который с моря показался очень красивым. Роксана даже воскликнула: «Мы опять приехали в Гонконг!». Но, как оказалось позже, город представлял собой большую деревню.

— Прошли таможеню, у нас было много багажа, везли из Китая и Японии кое-что на продажу, ведь никто не знал, что нас ждет на новом месте. Сидим в зале, вдруг главный таможенник зовет папу. Через какое-то время отец возвращается и просит меня пойти с ним, говорит, что они хотят меня видеть. Заходим в комнату, там сидят три застенчивых молодых человека. Выяснилось, что таможенник хотел посватать меня за кого-нибудь из них. У отца — шок, волосы, которых не было, наверное, встали бы дыбом. Вы представляете, какие у них были нравы! Раз девушка, то ее могут так просто посватать! — возмущается мадам Рока. — Затем мы взяли за две с половиной лиры билеты на поезд до Стамбула, — продолжает она.

Было это зимой 1943 г., когда семья Умаровых приехала на новое место в Стамбул. На конечной станции в Сиркеджи приставучие зазывалы уговаривали остановиться в своих отелях. Один сильно нахваливал одноименную со станцией гостиницу. Умаровы согласились. В одной комнате стояло три кровати, а уборная и умывальник были общие на этаже. Делать нечего — остались на ночь. Однако ночью Роксана проснулась оттого, что ее сильно кусали блохи.

Вот такими были у них первые впечатления от Стамбула и Турции.

Рассказав про отель с блохами, мадам Рока моментально вспоминает и другой случай, который произошел гораздо позже. Уже с мужем, детьми и друзьями, одной американской семьей, в старинном городе Шанлыурфа поселились в отеле, который им рекомендовали. Увидев гаалоши под кроватью, поинтересовались их назначением. Оказалось, что эту обувь следует надевать, когда идешь в уборную. Затем обнаружили не первой свежести простыни. На просьбу заменить грязное постельное белье служащий ответил, что поменяли его только четыре дня назад.

— Вы можете себе представить, и это один из лучших отелей! Вот и Стамбул — сейчас такой красивый и современный, а тогда был противный и отчаянный город! — с возмущением восклицает мадам Рока.

В Стамбуле отец Роксаны разыскал знакомого казанского татарина Менгера Ибрагимова, которому в Китае помог найти работу (тот позже даже смог разбогатеть). Менгер нашел семье в квартале Лалели неплохую квартиру из двух спален, салона и кухни. Первое время Умаровы жили на деньги с продажи вещей, привезенных с собой.

Рока могла поступить в высшее учебное заведение со второго семестра и принесла свой аттестат о среднем образовании Кембриджского университета в Стамбульский университет на кафедру английского языка и литературы, только что основанную турецкой романисткой Халиде Адывар¹³.

— В учебном отделе мне сказали, что мой аттестат — sahte¹⁴. Я пошла за помощью в Британское консульство. Они сделали запрос и через две недели пришло подтверждение подлинности моего документа. В университете я показала полученный мною официальный ответ, но остальные документы забрала, сказав, что никогда не буду учиться здесь, — рассказывает мадам Рока.

С ее подругой-гречанкой случилась точно такая же история, но та дала взятку и все проблемы разрешились сразу. Роксана Умарова говорит, что, во-первых, у них не было денег, во-вторых, она бы так никогда не поступила. Нисколько не сомневаюсь: нужно знать эту принципиальную женщину.

Деньги вскоре закончились, жить было не на что, мать пошла в русское консульство в поисках заработка, она готова была делать все что угодно: убирать, мыть полы. Но ее как эмигрантку без подданства не приняли. Так матери никогда и не пришлось работать. Через некоторое время отец нашел дело, связанное с торговлей, и стал заниматься тем, что у него хорошо получалось. Мадам Рока рассказывает, что он плохо знал турецкий, а мать — еще хуже, даже не могла запомнить самые простые слова: путала постоянно слова «чоджук» (ребенок) и «суджук» (копченая колбаса), поэтому иногда вместо «как поживают ваши дети», у нее выходило «как поживают ваши колбасы».

¹³ Халиде Эдип Адывар (1882–1964) — общественный и политический деятель, писатель и переводчик. Автор романов «Савие Талиб» (1909), «Хандан» (1912) и «Последнее произведение» (1912), в которых впервые в турецкой литературе положительными героями выступают женщины, сильные и яркие натуры, а также «Огненная рубашка» (1922), «Убейте блудницу» (1926), «Татарочка» (1939) и автобиографического романа «Дом с глицинией» (1963). Халиде Эдип — близкий друг и сподвижница Ататюрка. Приняла непосредственное участие в национально-освободительной борьбе в Турции (1919–1922). С 1940 г. заведовала кафедрой английского языка и литературы филологического факультета Стамбульского университета, в 1950 г. была избрана депутатом.

¹⁴ Sahte (тур.) — поддельный, фальшивый.

Роксана решила попытать счастье на курсах, организованных Женской христианской ассоциацией, и получить диплом стенографистки-машинистки. При поступлении сразу предупредила, что у нее нет денег.

— Насколько важно в жизни встречаться с хорошими людьми, порой от них может зависеть твой дальнейший путь. Представляете, меня взяли, так сказать, по бартеру: я давала уроки английского языка турчанкам и за это училась бесплатно. Очень была им благодарна. Я окончила курсы и один из хозяев ресторана «Режанс», Селим, помог мне найти работу по объявлению в газете. В районе Галата находилась торговая фирма двух компаньонов, турка и немца. Языком общения у них был английский. Немецкий я также знала неплохо, делала переводы. Подзаработав немного, мы смогли переехать в район получше — Нишанташи, — вспоминает мадам Рока.

Долгое время Умаровы жили без гражданства, документы были поданы, но ответ никак не приходил. На вопрос об их готовности всегда получали от чиновника один и тот же краткий ответ: «yağın»¹⁵. Во время Второй мировой войны в Турции были введены карточки на хлеб, сахар, чай. Семье карточки не полагались, но помогали соседи-турки. Мадам Рока вспоминает, как отец переживал, что не могли купить даже чай. По совету одного адвоката отец вложил в конверт две с половиной лиры и дал взятку чиновнику. Последний, заглянув в конверт и убедившись, что положили достаточно, немедленно открыл ящик стола и вытащил уже давно готовые документы. Таким образом, в 1945 г. Умаровы стали подданными Турции, что давало возможность работать официально и получать некоторые льготы.

В 1948 г. от рака кишечника умер отец Роксаны, врачи не смогли поставить точный диагноз. Он мучился от жутких болей. После смерти отца у семьи не было денег, чтобы оплатить услуги больницы и даже похороны. Друг Умаровых Иосиф Иванов принес пятьдесят лир на покрытие расходов (он сам занял деньги — в то время это была большая сумма). Елена¹⁶ переживет мужа на девять лет.

В доме мадам Роки много фотографий, а также несколько предметов, хранящих память о ее родителях. Она бережет все, связанное с близкими, и сожалеет, что они так мало прожили.

Роксана устроилась на должность переводчицы и стенографистки в стамбульское представительство компании «General Motors». Здесь же работал турок Мухтар Бату, недавно вернувшийся из Америки, где на протяжении десяти-пятнадцати лет успешно трудился в компании

¹⁵ Yağın (тур.) — завтра.

¹⁶ Е. Умарова (1898–1957).

«General Motors», за что имел награду. В Турции он продолжил свою работу, торговал машинами. В 1955 г. они поженились.

В браке с Мухтаром Бату родилось двое детей — Сюзи и Алик.

— Я всегда любила детей, не только своих, а всех. Для них постоянно устраивала праздники, развлечения. На нашем моторе¹⁷ катали как русских, так и турецких ребятшек. Представляете, недавно пришел ко мне один мужчина в возрасте и говорит: «Здравствуйте, я Мехмет, помните, Вы меня катали на моторе?». Пришел через столько лет! Я так была тронута. Вообще у нас дом был всегда открыт для гостей, как «open house». Моя мама тоже была очень гостеприимной, — делится воспоминаниями мадам Рока.

Роксана Умарова, 2017

В 1973 г. от рака умер муж Роксаны. И вновь годы скитаний: вместе с дочкой она едет в Австрию, а сын Алик — на учебу в Англию. Затем дочь переезжает в Америку, а мадам Рока — к сыну, где устраивается работать в Египетское посольство в Лондоне. Когда Алик отправился на усовершенствование в Америку, к нему присоединилась и мать. На протяжении многих лет семья приезжала летом в Турцию на отдых.

Когда Сюзи вышла замуж за своего бывшего одноклассника и вернулась в Турцию, за ней последовала и мать. Поселилась она в том же доме с великолепным видом на Босфор, в котором семья жила с 1955 г.

И ныне Роксана Умарова не изменяет своим привычкам: любит встречаться с друзьями, устраивать посиделки. Знакомые очень любят приходить в дом, у которого есть душа и особая аура, а главное — такая удивительная хозяйка. В дом, хранящий детский смех и приятные воспоминания о старых друзьях-эмигрантах.

Одним из близких друзей мадам Роки был Александр Мукалов. Они много времени проводили в одной компании, встречались на балах и елках. В семье Роксаны его звали «приемным дядей» из-за частых визитов к ним.

Александр Николаевич Мукалов родился 1889 г. в Киеве, «в семье филолога. Окончил гимназию (1905), юридический факультет Киевского

¹⁷ Мотор — так в Турции в народе называют малые суда, работающие на двигателе.

университета. Стал чиновником особых поручений при киевском генерал-губернаторе. В Первую мировую войну был в распоряжении галицийского губернатора, начальником уезда. После революции эвакуировался в Турцию»¹⁸.

Рока Умарова вспоминает, что Мукалов жил очень бедно, в квартале Тарлабаши снимал маленькую комнатку, в которой едва помещалась кровать со столом и стулом. На столе для приготовления пищи стоял примус. Общая уборная комната находилась на этаже. Роксана описывает свой визит к другу так:

— Однажды Александр заболел, и мы с подругой, Ириной Масленниковой, решили его навестить. Вы знаете, я не плаксивый человек, я вообще не умею плакать, но при виде его жилища, где не было даже места присесть второму человеку, у меня слезы потекли сами. Александр, увидев мои глаза «на мокром месте», тактично сказал, что я, наверное,

простудилась. Вы можете себе представить, такой умный и талантливый человек, который на родине был адвокатом, здесь жил в ужасных условиях и поначалу работал сиделкой в русском госпитале, таскал горшки!

Далее в его послужном списке в Стамбуле был кооператив при американском колледже, затем он служил бухгалтером в магазине «Бенедато», а под конец жизни преподавал русский язык второму и третьему поколению беженцев. Писал рассказы и воспомина-

А.Н. Мукалов с друзьями.

Фото из архива Роксаны Бату

ния, которые печатались в газете «Новое русское слово».

Александр был очень музыкальным человеком, хорошо разбирался в опере, имел хороший голос — тенор, любил в компании исполнять разные арии. А еще он писал рассказы и стихи для детей. Мадам Рока до сих пор хранит листок с его стихотворением и подписью автора: «Не признающей моих талантов Роке Бату с неизменным восхищением. Автор А. Мукалов 11.11.1958 год».

¹⁸ Международный благотворительный фонд А.П. Кутепова. Источник: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1975, 25 марта.

МЯТОЕ СОЛНЦЕ

Мокрой солью с башмаков
И удил
Боль как пятна с облаков
Выводил
 Стайкой к звёздам понесёмся
 Верениц.
Очень скучно — на базаре
Нет яиц.
А потом за годом год
 Следует, как снег идёт
 И потащит на погост
 Точно в пиджаке на рост¹⁹.

А.Н. Мукалов также, как и многие другие эмигранты, состоял в благотворительном обществе «Фукарапервер». Скончался он в греческом старческом доме в Стамбуле 25 марта 1975 г., похоронен на кладбище в Шишли. Все расходы на похороны, могилу и памятник для друга взяла на себя Роксана Умарова. И до сих пор она оплачивает услуги кладбищенских смотрителей по уходу за захоронением А. Мукалова.

Роксана с теплотой вспоминает и о других своих друзьях-эмигрантах, о встречах с ними. Среди друзей Роксаны была и семья Черепенниковых-Ивановых. С Иосифом Ивановым отец Роки был знаком еще с Перми. Историю этой семьи удалось восстановить благодаря архивным документам и свидетельствам потомков — Ивана Шере (Черепенникова) и Айшениль Суадийели.

Черепенниковы и Ивановы

Вместе с другими беженцами в 1920 г. в Турцию приехали и Черепенниковы — Иван Васильевич с женой Александрой Григорьевной, дочерью Александрой и сыновьями Василием и Николаем.

Иван Васильевич (1863–1942) был сыном Василия Ивановича Черепенникова, купца первой гильдии, державшего в Санкт-Петербурге торговлю фруктами, овощами, винами, а также колониальными товарами (чаем, кофе, сахаром и другими).

¹⁹ Орфография оригинала сохранена.

Приехав в Санкт-Петербург обычным крестьянским мальчишкой из деревни Селище Борисоглебской слободы Ярославского уезда, Василий начал служить во фруктовой лавке помощником продавца, дослужился до приказчика. Через несколько лет он смог выкупить (в рассрочку) у своего хозяина лавку на Литейном проспекте и открыл собственный магазин, со временем расширив торговлю. Благодаря упорному труду Василий Черепенников стал в Петербурге владельцем нескольких магазинов, лавок, погребов, пяти доходных домов (три на Литейном, по одному на Фонтанке и Невском). На Литейном проспекте было несколько его гастрономов. Василий Иванович «являлся почетным гражданином, состоял старостой Собора всей артиллерии во имя Святого Сергия и выборным от Петербургского купеческого сословия с 1893 года»²⁰. На Литейном проспекте Черепенников проживал в собственном доме — № 11 и теперь стоит на прежнем месте.

Василий Иванович «жертвовал, и довольно щедро, почти во все благотворительные учреждения столицы», не забывал о благосостоянии и своих земляков. Большие участки земли, приобретенные им на родине, «отдал в пользование землякам-крестьянам без взыскания арендной платы»²¹. Кроме того, Василий Иванович старался помогать мальчишкам из своего села в устройстве на работу в столице, а у себя на родине организовал богадельни для престарелых женщин, многим выплачивал ежемесячное пособие. Также в деревне Селище в 1901 г. он выстроил двухклассное училище и затем заботился о его благосостоянии. Как попечитель ежегодно присутствовал на экзаменах²².

После смерти отца в 1908 г. (похоронен на главной аллее Александров-Невской лавры, могила сохранилась до сих пор) сыновья Иван и Андрей продолжили начатое им дело и образовали торговый дом «В.И. Черепенников и сыновья».

Иван с золотой медалью окончил Императорское коммерческое училище для купеческих детей в Санкт-Петербурге, женился на Александре Григорьевне Томилиной. Проживал он с семьей в собственном доме на Фонтанке (№ 39). Было у него пять сыновей и две дочери, жизнь которых после революции сложилась по-разному: Иван и Михаил были убиты большевиками во время налета на их квартиру, оставшиеся в живых дети эмигрировали: Василий — во Францию, Лена и Григорий — в Чехословакию, Александра и Николай — в Турцию.

²⁰ Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий. СПб. 1900 г. С. 841.

²¹ Некролог «Божья воля — наша доля» на смерть В.И. Черепенникова, напечатанный на 16 страницах в «Паровой скоропечатне П.О. Яблонского». Из архива И.В. Шере.

²² Там же.

Внук Ивана Васильевича — его тезка, Иван Васильевич Шере²³ (Черепенников), проживающий во Франции, в разные годы неоднократно бывал в Советском Союзе по работе, посещал Санкт-Петербург, где на Фонтанке и Литейном проспекте увидел здания, некогда принадлежавшие его предкам. Тогда на Литейном, 11, был доходный дом, на нижнем этаже которого находилась первая торговая лавка, а на втором — квартира его прадеда. В советские времена в бывших апартаментах обустроили коммунальные квартиры, в одной из них жила правнучка Василия Ивановича Черепенникова — Александра Сергеевна, с которой Шере также встретился.

В 2004 и 2014 г. Иван Шере совершил поездки в Россию уже вместе с семьей (женой, детьми, внуками), побывал на родине прадеда и деда, нашел в деревне Селище их деревянный дом с мезонином, с резными причелинами и подзорами на фасаде. К сожалению, особняк значительно обветшал, внутри — разруха, жили там бездомные люди. А при должном уходе дом мог бы стать местной достопримечательностью. Кроме этого, в деревне сохранилось и здание построенного прадедом училища, в котором долгое время располагалась сельская начальная школа. Ее закрыли всего несколько лет назад.

Турецкая правнучка Ивана Васильевича Айшениль, проживающая сейчас в Канаде, слышала много историй о прошлом своей семьи. Вот как она рассказывает о налете на квартиру прадеда:

— Большевики поставили всех членов семьи и прислугу к стене, а сами искали в доме драгоценности. Не найдя ничего, начали стрелять в людей. Бабушка, раненая в голову, спустя некоторое время пришла в сознание и увидела страшную картину: двое ее братьев, закрывшие собой родителей и ее, а также вся прислуга — были мертвы. Это страшное событие наложило отпечаток на психику бабушки — впоследствии она страдала паническими атаками.

После случившегося семья Черепенниковых (Иван Васильевич с женой, сыном Николаем и дочерью Александрой), бросив все, переехала в свое огромное имение, находившееся близ почтово-телеграфной станции Ольгинская в Черноморской губернии²⁴. Именно в этом имении Черепенниковы когда-то выращивали фрукты, овощи и другие продукты,

²³ Иван Васильевич Шере (Черепенников) — сын В.И. Черепенникова, родился в 1924 г. в Берлине. Его родители приняли французское подданство в 1932 г. Учился в Ecole Polytechnique и Ecole des Ponts et Chaussées. Служил старостой православного прихода Державной Божией Матери в городе Шавиль. А с 2004 г. на протяжении нескольких лет был казначеем и членом епархиального совета Архиепископии русских православных церквей в Западной Европе Константинопольского Патриархата. Сейчас И. Шере на пенсии. Поменял фамилию после получения французского гражданства.

²⁴ Ныне Туапсинский район.

Александра Григорьевна и Иван Васильевич Черепенниковы.

Фото из личного архива Айше Суадийели

которые затем поставлялись в принадлежащие их семье магазины в Петербурге.

Рассказ продолжает Иван Шере: «Еще один их сын Василий²⁵, мой отец, прибыл туда позже. И в 1920 г. они все вместе из бухты Ольгинская поспешно направились в Батум, оттуда — в Константинополь. Взять с собой они ничего не успели. В преддверии революции многие советовали моему деду переправить все денежные сбережения в Европу, но он, к сожалению, так не сделал. Наверное, до последнего надеялся, что ничего плохого не случится. Моя мама как-то упомянула, что бабушка спрятала все драгоценности под каким-то деревом, но где искать это дерево — уже никто не знает».

По поводу старых семейных фотографий, находящихся в архиве Шере, Иван Васильевич рассказал интересную историю: «После того как Черепенниковы спешно покинули Петроград, не успев взять с собой даже семейные фотокарточки, к ним на квартиру зашел приятель, одногруппник моего отца — Сергей Быстров. Он взял фотоальбомы и сохранил их. А в 1958 или 1959 г. к нам пришло письмо, подписанное просто: «Черепенникову. Франция». Удивительно, как оно вообще нашло своего адресата. В те времена люди были более внимательны, старались помогать друг другу. Видимо, разыскали нас по телефонной книге. Написал письмо школьный приятель отца Сергей, в котором и поведал эту историю. Затем он высылал нам фотографии по одной в каждом письме. Вот таким образом и была сохранена часть архива нашей семьи».

²⁵ Василий Иванович Черепенников — сын И.В. Черепенникова (1891–1991).

В первую свою поездку в Ленинград в 1969 г. Иван Шере встретился с приятелем отца. Тот рассказывал о жизни в Петербурге до революции, о дружбе с Василием, водил по городу и показал их родительский дом.

— Мой отец не остался в Турции, уехал в Париж. Во время гражданской войны в России он больше года служил переводчиком на французском военном корабле. Затем знакомый адмирал помог получить ему место в Кораблестроительном институте во Франции, где отец и продолжил обучение, начатое в Петрограде на курсах. Вот так и остался там жить. А дедушка с бабушкой, сыном Николаем, дочкой Александрой остались в Турции. Они ехать никуда далеко не хотели, так как дед был уверен, что скоро все образуется и они смогут вернуться на родину, — делится воспоминаниями Иван Шере.

В Константинополе семья сняла квартиру в районе лицея Галатасарай в Бейоглу. Деньги, привезенные с собой, тратились аккуратно. Глава семьи открыл маленькую лавку на одной из близлежащих к Пера торговых улочек. Продавал фрукты, овощи и крупы. Правнучка Айшениль добавляет, что в продаже также были товары, привезенные беженцами из России: чай, конфеты, сувениры и прочее. Кроме того, всегда были и свежее испеченные пирожки, которые поставляли эмигранты.

— После начавшегося в двадцать девятом году экономического кризиса во Франции работу было найти трудно. Поэтому в 1932 г. мы с родителями приехали в Стамбул и жили там в течение двух лет. Мне было тогда восемь, я помню, что дедушка много работал, приходил домой всегда очень поздно. Но все равно жилось им тяжело и бедно. Дело в том, что деньги, которые привезли с собой из России, быстро обесценились и превратились в кучу ненужных бумажек. Видимо, того, что он зарабатывал в лавке, хватало лишь на скромное проживание, — продолжает рассказ Иван Шере.

Во времена введения «налога на имущество» (о котором рассказывалось выше) Ивану Васильевичу пришлось продать свою лавку в счет уплаты этого налога. В скором времени он ушел из жизни.

Внук Иван Шере и мадам Рока, знавшая главу семьи Черепенниковых, запомнили его как приятного спокойного и очень доброго старичка. После смерти Ивана Васильевича жена Александра Григорьевна уехала к сыну Василию во Францию: жить там было легче. Умерла она в конце Второй мировой войны в Марселе, где и похоронена.

В Константинополе на протяжении нескольких лет И.В. Черепенников был прихожанином и старостой церкви Святого Андрея Первозванного. На фото от 18 мая 1941 г. (висит на стене в трапезной этой церкви) он запечатлен вместе со священнослужителями и участниками церковного хора церкви, среди которых — и его внук Гриша.

После приезда в Константинополь дочка Ивана Васильевича, Александра, на Пера познакомилась с будущим мужем — Иосифом Ивановым, который был старше ее на пятнадцать лет. В 1921 г. они поженились. Проживали молодые вместе с родителями Александры.

— Моя бабушка Александра Ивановна была милейшим человеком. Ее душа была такая же красивая, как и ее лицо. Об этом говорили все, кто ее знал. Я помню, как она занималась со мной русским языком, как проводила со мной время. Но, к сожалению, прожила она недолго, — вспоминает Айшениль.

Муж Александры, Иосиф, эмигрировал в Турцию вместе с братом и сестрой, которые позже переехали в другие страны. С их потомками из Испании и Аргентины какое-то время велась переписка.

Иосиф Михайлович Иванов родился в 1886 г., принадлежал к городскому сословию, жил и работал в Москве в Кадашевской слободе. На Урале в роду Ивановых были поставщики драгоценных камней Его Императорского Величества, но Иосиф Михайлович не имел отношения к семейному бизнесу, хотя был хорошим оценщиком камней. И не только — изучал он историю искусства в Московском университете, был уважаемым экспертом по антиквариату (картинам, коврам и драгоценным камням).

В Константинополе молодые стали искать работу. В России Александра закончила четыре курса медицинского института, хорошо знала анатомию человеческого тела. Поэтому здесь начала заниматься массажем, работала на дому, постепенно у нее появились состоятельные клиенты. Позже увлеклась изготовлением кремов. Иосиф первое время создавал образцы рисунков (изображения цветов, птиц) для тканей, давал частные уроки рисования. Позже смог открыть небольшую лавку по оценке драгоценных камней на базаре Капалы-чарши. Поскольку славился большим опытом, к нему за консультацией обращались даже представители богатых османских родов. Внучка Иосифа, Айшениль, вспоминает, что деда вызывали в султанские дворцы Топкапы и Долмабахче для проведения экспертной оценки произведений искусства. А в их семейном архиве хранится фотография, на которой на фоне одной картины Иосиф запечатлен вместе с Ататюрком. Это фото было напечатано в газете.

Однако тот же пресловутый налог на все имущество христиан вынудил Иосифа продать лавку, чтобы возместить «долг» государству.

Очень долгое время Ивановы не имели гражданства, им был присвоен статус «vatansız»²⁶. Это, естественно, осложняло жизнь во всем. У

²⁶ Vatansız (тур.) — безродный, без гражданства

Александры и Иосифа было двое сыновей — Гриша и Михаил. Из-за отсутствия гражданства мальчики, рожденные в Турции, не могли пойти в турецкую школу, поэтому вначале учились в греческой начальной, а затем во французской школе «Сен-Мишель». Только после этого они смогли попасть в турецкий лицей. Благодаря тому, что приходилось получать образование в разных учебных заведениях, дети знали много языков: греческий, французский, турецкий и русский. Гриша выучил еще испанский, английский, неплохо владел немецким и итальянским.

После принятия турецкого гражданства оба брата взяли новую фамилию — Суадийели и имена: Михаил стал — Музафер, а Гриша — Гюндюз.

Оба женились на турчанках. У Миши родилось двое сыновей (Али и Омер), а у Гриши в браке с Нукет — дочь Айшениль и сын Метин. Мадам Рока дружила с обоими братьями, но больше всего дорожила дружбой с Гришей и его женой.

По воспоминаниям Роксаны, сначала Гриша работал в отеле «Хилтон», успешно поднимался по карьерной лестнице. На стажировку его послали в Мадрид. Вернувшись назад, он ушел из отеля и стал самостоятельно заниматься сопровождением туристов. Поначалу дела шли неплохо, но через какое-то время бизнес перестал приносить доход. Затем его работа была связана с продажами в фармацевтике.

В 1976 г. Григорий переехал в Монреаль к дочери, вышел там на пенсию, но сильно скучал по Стамбулу, по своим друзьям и в 1989 г. вернулся обратно. Айшениль очень тепло вспоминает об отце, рассказывает, что он навещал их два раза в год, очень любил проводить время с ней и внуками.

На греческом кладбище в Шишли есть могила, в которой покоится Иван Васильевич Черепенников, его дочь Александра (1901–1959), ее муж Иосиф Иванов (1886–1973) и их сын Гриша (1923–2008). Так сложилась жизнь в Турции одной из самых известных ветвей большого рода Черепенниковых.

Лариса Рагно (урожд. Тимченко)

Во время одной из первых встреч с Ларисой Тимченко поинтересовалась, как лучше обращаться к ней, как ей нравится больше.

— Здесь обычно обращаются к иностранной женщине — «мадам», но есть же у русских очень хорошая традиция обращаться по имени и отчеству, мне она очень нравится, поэтому пусть будет лучше *по-нашему*, — смущаясь, ответила она.

Лариса Тимченко в молодости. Фото из личного архива Л. Тимченко

Лариса Васильевна — милейшая женщина, элегантная, улыбчивая, добрая, вместе с тем, молчаливая и невероятно застенчивая. Она очень не любит внимания к своей персоне, и поэтому старается как можно меньше рассказывать о себе и не любит фотографироваться. Однако Лариса Васильевна все же рассказала мне много интересного о жизни беженцев, особенно об организации детских мероприятий. Именно она могла всегда точно вспомнить фамилии, имена, отчества тех, кого знала лично.

О родных Ларисы Тимченко и о ней самой получился небольшой рассказ. Родилась она в Стамбуле в 1931 г. в семье белоэмигрантов. Ее отец, Василий Петрович (1896 г. р.), из города Кременчуг. Когда он был студентом института, началась гражданская война. Василий пошел добровольцем в Белую гвардию.

— Папа уговорил также и брата пойти на фронт, и тот почти сразу же погиб. До конца своей жизни папа не мог простить себе этого, — рассказывает Лариса Васильевна. — Вместе с Белой армией он эмигрировал в Константинополь, а вся его семья осталась в Кременчуге. Какое-то время он поддерживал переписку с родственниками, но однажды они сообщили, что переезжают в другое место. Это был сигнал, чтобы мы больше не писали им. Скорей всего, это было опасно для них, поэтому отец решил прекратить переписку с семьей.

В Константинополе Василий Петрович познакомился с будущей женой Евгенией Анастасиади. Она родилась в 1906 г. в городе Сочи в семье обрусевшего грека Константина Георгиевича и русской Александры Федоровны. На родине глава семьи был известным человеком — судовладельцем. Первый автомобиль в Сочи принадлежал именно ему. На родине его фамилия звучала как Анастасов, а в Турции уже на греческий манер — Анастасиади. Это облегчало получение греческого гражданства.

Разыскивая в архивных документах информацию о другом белоэмигранте, случайно наткнулась на фамилию Анастасова. Оказывается, Константин Георгиевич числился в «Списках очередных и запасных присяжных заседателей, избранных комиссией по Черноморской губернии в посаде Сочи на 1913 и 1914 годы». Кроме того, он был меценатом и жертвовал постоянно деньги в благотворительные организации.

С приходом большевиков к власти Константин Георгиевич вместе с женой, тремя дочерьми и сыном эмигрировал в Константинополь. На новом месте нужно было как-то устраивать жизнь заново. Бывший судовладелец открыл прачечную, стирал чужое грязное белье, разносил чистые и выглаженные вещи заказчикам.

А Василий Тимченко благодаря своей специальности — инженер геологоразведки — смог устроиться на рудниках в турецком городе Фетхие, где получал хорошее жалование. В 1928 г. Василий и Евгения вступили в брак, сначала жили по месту работы мужа, в Стамбул молодые вернулись лишь перед рождением дочери.

Здесь Василий с тестем Константином Георгиевичем открыли продуктовый магазин «Галатасарай пазары», неподалеку от другого русского магазина «Бенедато». Были они конкурентами, поскольку, по словам Ларисы Васильевны, торговали таким же товаром: мясом, сосисками, колбасами.

Бабушка, дедушка и мать Ларисы получили греческое гражданство. Она сама стала гражданкой Турции, а вот отец так и останется без подданства до конца жизни.

— В 1937 г. папе из-за подложных документов, связанных с отсутствием гражданства, было предписано в течение трех недель покинуть страну, хотя обычно давали срок в шесть месяцев. Никто не стал разбираться в том, что несколько букв в фамилии не совпадали, что его семейный статус не соответствовал предъявленному. Видимо, турецкому чиновнику нужно было отчитаться за проделанную работу. Нам пришлось спешно выехать в Белград. Родители мамы остались в Стамбуле, дедушка вместе с сыном продолжал работать в магазине почти до самой смерти. Скончался он в 1942 г. от рака, — вспоминает Лариса Васильевна.

В Белграде отец Ларисы открыл бакалейную лавку в подвальном помещении, жили неплохо. Но мать всегда думала о родных, оставшихся в Стамбуле. Друг, с которым супруги Тимченко познакомились на новом месте, зная о переживаниях Евгении Константиновны, написал забавное двустихье:

*Кто-то раньше жил в Царьграде, а теперь живет в Белграде,
Хочет быть и здесь, и там — разорвись хоть пополам.*

Русский немец Эрнест Карлович, знакомый отца Ларисы Васильевны, занимал хорошую должность в Ангоре (прежнее название Анкары). Именно он «замолвил слово» о Василии и доказал, что предъявленные против него документы были поддельными, тем самым помог получить

разрешение на возвращение семьи в Турцию. В 1941 г. Тимченко вернулись обратно. Позже они узнают, что в Белграде дом, в котором находилась их бакалейная лавка, был полностью разрушен во время бомбежки.

Приехав в Стамбул, отец Ларисы открыл в районе Галата небольшой магазинчик по продаже кожаных изделий. Мать также старалась вносить вклад в благополучие семьи — шила вещи на заказ. Судя по увиденным работам Евгении Константиновны (красивейшая ажурная скатерть, платье, вышитое гладью), можно утверждать: она была большой мастерицей. Но когда дочь стала зарабатывать сама, то буквально запретила матери трудиться дальше.

Александра Федоровна, бабушка Ларисы Васильевны, умерла в 1968 г. Дядя уехал в Грецию, где прожил до конца жизни, там же сейчас живет и его сын. Обе тети вышли замуж за выходцев из России (одна — за татарина, другая — за азербайджанца) и остались в Стамбуле.

Лариса Тимченко окончила французский лицей, потом работала бухгалтером. Замуж вышла за Андрея Рагно, русского итальянца из Керчи. Интересно, что на родине отец мужа Ларисы Васильевны служил капитаном на корабле, принадлежащем ее дедушке. И вот в Стамбуле через много лет судьба свела командира и хозяина судна. Здесь они стали родственниками: сын капитана и внучка судовладельца поженились. В браке родился сын Леонардо, или, как его ласково зовет мама, Ленечка.

Лариса Васильевна знает несколько иностранных языков — французский, турецкий, неплохо понимает греческий, итальянский и английский. Она обладает светлым умом, неплохой памятью, хотя и жалуется на нее:

— Сейчас, к сожалению, память стала сильно подводить меня, а вот в детстве и молодости очень быстро и легко запоминала стихотворения. На наших новогодних елках, подготавливая детей к концерту, быстро выучивала всю пьесу наизусть, поэтому всегда суфлировала детям. Мои напарницы даже всегда, смеясь, говорили, что если кто-то из детей заболел и не сможет прийти на мероприятие, то смогу без проблем заменить их. Странно, многие стихи из детства помню до сих пор, а то, что прочитала вчера, порой забываю.

На кладбище в Шишли в одной могиле покоятся бабушка с дедушкой, родители и тетя Ларисы Васильевны. Еще одна тетя похоронена на мусульманском кладбище вместе с сыном и супругом.

Александр Кост (Татищев)

Александру Косту восемьдесят два года, он живет в Стамбуле в старческом доме. По матери Александр принадлежит к старинному графскому роду Татищевых.

Его прадед, граф Владимир Сергеевич Татищев (1865 г. р.), был банкиром, действительным статским советником, чиновником особых поручений Министерства финансов Российской империи, кавалером Ордена Св. Станислава III степени. Владимир Сергеевич успешно руководил Соединенным банком (финансировавшим промышленность), а также стоял во главе правлений девяти российских компаний. Граф выступал против казнокрадства приближенных к царскому двору. Обладал ярким умом, блестящими знаниями, был опытейшим финансистом. Император Николай II даже рассматривал его кандидатуру на пост премьер-министра.²⁷ До сих пор в Москве на улице Новокузнецкой стоит особняк, некогда принадлежащий семье Владимира Сергеевича.

В браке с Александрой Александровной Володимировой родилось четверо детей. Первенец Николай появился на свет в 1888 г. Учился в кадетском корпусе, окончил его с отличием. Был любимцем государя, который при выпуске лично вручил юноше диплом, а потом сфотографировался с молодым графом. Позже Николай Владимирович служил капитаном лейб-гвардии Преображенского полка.

Его жена, Анна Васильевна, урожденная Вуич (1881 г.р.), происходила из сербско-русского дворянского рода. Ее отец Василий Иванович — действительный тайный советник, член Совета Дворянского земельного банка, председатель совета Петроградского Ольгинского детского при-

Граф Владимир Сергеевич с женой и сыном Николаем. Фото из личного архива Александра Коста

РУССКАЯ БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ТУРЦИИ: ВЕК СПУСТЯ (1919–2019)

²⁷ Польшинкин А. Орловский банкир Владимир Татищев // Орловский вестник. 2015. 10 ноября.

юта, член Совета попечительства императрицы Марии Александровны о слепых.

Большевистская революция разделила жизнь этой семьи, как и многих других, на *до и после*. Все руководимые Владимиром Сергеевичем финансовые учреждения были национализированы. С конца июня до середины ноября 1918 г. Татищев исполнял обязанности министра финансов в Крымском краевом правительстве. В этот период Крым был де-факто под германской оккупацией, а де-юре — под управлением автономного Крымского краевого правительства.

Судьба многих людей зависела тогда от их происхождения, образования и места службы. Серьезным основанием для лишения жизни могла быть принадлежность к дворянскому роду. Именно так и произошло с графом Николаем Владимировичем.

14–15 января 1918 г. вошли в историю Евпатории как дни «красного террора», когда к берегам города на двух военных судах подошли матросы Черноморского флота и рабочие севастопольского порта. В течение трех последующих дней производились обыски и аресты офицеров, представителей зажиточных классов.

Николай Владимирович, дедушка Александра, находившийся в этот момент в Евпатории, попал в эту мясорубку.

Историк С.В. Волков на своем сайте, опираясь на архивные документы, рассказывает о злодеяниях большевиков в городе Евпатория: «Сперва всех предназначенных к убийству перевозили на катерах с "Трувора" на "Румынию", которая стояла на рейде неподалеку от пристани. Казни производились сначала только на "Румынии", а затем и на "Труворе" и происходили по вечерам и ночью на глазах некоторых арестованных. Казни происходили так: лиц, приговоренных к расстрелу, выводили на верхнюю палубу и там, после издевательств, пристреливали, а затем бросали за борт в воду. Бросали массами и живых, но в этом случае жертве отводили назад руки и связывали их веревками у локтей и кистей. Помимо этого, связывали и ноги в нескольких местах, а иногда оттягивали голову за шею веревками назад и привязывали к уже перевязанным рукам и ногам (подобный случай был с утопленным на "Румынии" капитаном гвардии Николаем Владимировичем Татищевым)»²⁸. Николаю Владимировичу было всего тридцать лет.

После страшных убийств его сестра долго ходила вдоль берега моря, ожидая, когда волна вынесет на берег труп брата. Ей повезло (если вообще уместны здесь такие слова) выловить его безжизненное тело, которое

²⁸ Сайт историка С.В. Волкова (<http://swolkov.org/doc/kt/20.htm> — Красный террор в годы гражданской войны. Сведения о злодеяниях большевиков в городе Евпатория. Дело № 56, с. 1).

она предала земле. Этими воспоминаниями поделилась Софья Николаевна с Василисой Денисенко²⁹, которая в последние годы жизни графини часто навещала ее и помогала по дому.

— В скором времени после ужасной смерти мужа от горя умерла его жена, Анна Васильевна, моя бабушка. Прадедушка со второй женой, француженкой, с тремя сиротами: Марией, Петром и Софьей — эмигрировал во Францию, в Париж, — рассказывает Александр.

Софья Николаевна Татищева, мать моего собеседника, — третий ребенок Николая Владимировича и Анны Васильевны — родилась в 1914 г. в Российской империи.

Позже, делясь с друзьями своими воспоминаниями, она рассказывала, что во Франции с дедушкой жили хорошо, в достатке. Дед всегда уверял внуков, что они скоро вернутся домой, на родину. Этому так и не суждено было случиться.

В 1928 г., возвращаясь из путешествия из Хабешистана (Эфиопия), Владимир Сергеевич Татищев скончался на борту корабля. Тело покойного доставили во Францию и погребли на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

— После смерти прадедушки жить стало сложнее, мамочка окончила лицей, выучилась на секретаря-стенографистку, работала, а в восемнадцать лет вышла замуж, — продолжает Александр.

— Да, Софья Николаевна потом жалела, зачем так рано вышла замуж, ведь совсем молодая была, — подключается к разговору Василиса.

Избранником Софьи стал Марсель Кост, или Костопуло, в жилах отца которого текла итальянская и греческая кровь. Жан Костопуло был сыном греческого паши, родился он в Константинополе в 1872 г. и являлся подданным Османской империи. Мама Марселя была наполовину француженка, наполовину — немка. Познакомились молодые в Ницце, там же и обвенчались в Кафедральном соборе.

После женитьбы молодожены переехали в Стамбул, где отец Марселя заведовал отделением Анадолу Османского банка. В августе 1935 г. у них родился сын Александр. Однако вскоре после рождения ребенка муж оставил семью и уехал во Францию.

— Мамочка рассказывала, что дедушка Жан опекал ее и меня, всячески поддерживал нас вплоть до своей смерти в 1942 г. Когда он умер (похоронен на кладбище в районе Фериkey), настали тяжелые времена.

²⁹ Василиса Денисенко родилась в городе Карс. Проживая в Стамбуле, с детских лет много времени проводила в кругу белоэмигрантов, по сей день оказывает помощь их престарелым потомкам.

Мама много вязала и шила на продажу, этим и зарабатывала на жизнь, — делится воспоминаниями Саша.

Александр рассказывает, что до замужества мать совсем не умела готовить, и с усмешкой добавляет, что у мамы однажды даже полностью сгорел суп.

В Стамбуле и не требовалось умения готовить, поскольку лучший друг дедушки серб Медович заведовал рестораном «Токатлиян» на Пера. А это значило, что каждый день оттуда им присылали на дом готовую еду.

Когда Саше было лет восемь-девять, Софья Николаевна познакомилась с Энвером Субаши, который стал ее вторым мужем. Энвер, или по-русски Шура, родился в Мариуполе. Его мама, Елена Ивановна, была русской, а отец — турком из города Ризе. Когда-то турецкий торговец приехал в царскую империю, встретился с Еленой, женился и жил с семьей там вплоть до самой смерти. После революции друг мужа Елены, капитан Ибрагим, помог вдове и детям перебраться в Константинополь. Шура с матерью, сестрой Нюрой и братом Жорой приехали из Мариуполя в Севастополь, где и встретились с капитаном. Ибрагим посадил их на свое судно и привез в Турцию, здесь Шура принял мусульманство и взял турецкое имя.

Александр с большой теплотой вспоминает об Энвере, с которым мама была счастлива. В 1986 г. он скоропостижно скончался.

Софья Николаевна с сыном жила в небольшой скромной квартире в районе Гёзтепе. Средств на жизнь не хватало, поэтому в 2000 г. пришлось сдать квартиру в аренду и перейти вместе с Сашей в старческий дом. Зрение матери стало падать, а в последние годы жизни она практически уже ничего не видела. Сын читал ей книги на русском и французском, который графиня знала в совершенстве. Со своим ребенком она разговаривала только по-французски. И лишь в семилетнем возрасте Александру наняли преподавателя русского языка.

— Моим «профессором» русского был Адриан (Андрей) Васильевич Гримальский³⁰. Мамочка познакомилась с ним на афонских подворьях. Эмигрировал он из Киева, кем работал там — не знаю. А в Турции занимался преподавательской деятельностью. Очень многие дети наших беженцев прошли его школу. Адриан Васильевич был активным прихожанином русской церкви, состоял в обществе «Фукарапервер». Женился он на французенке мадам Мадлен, но здесь ее звали Магдалиной Францев-

³⁰ Сайт историка С.В. Волкова (<http://swolkov.org/>), в списках «Участников Белого движения» об А.В. Гримальском сказано: «Родился в 1890 году. Поручик. Во ВСЮР в обозе 7-й пехотной дивизии и по ведомству министерства внутренних дел. К 16 июля 1920 на острове Проти».

ной. Детей у них не было. В 1961 г. они уехали во Францию, но через год вернулись обратно. После этого Адриан Васильевич прожил очень мало, вскоре и умер. Незадолго до смерти он принял священный сан, служил в церкви Андрея Первозванного, — вспоминает Александр.

— Учился я также во французских лицеях «Сен-Мишель» и «Сен-Бенуа». После служил в армии. В 1962 г. решил поехать во Францию на учебу. Мама собрала все мои дипломы. Приехал туда, остановился у отца. Он уже был женат во второй раз и имел детей. С учебой у меня не получилось, в стране я мог оставаться по визе только три месяца, но вместо этого прожил там одиннадцать. Потом меня выдворили из страны чуть ли не с полицией, — продолжает он.

Вернувшись в Стамбул, Александр пошел на курсы рисования, позже поступил в Академию художеств, где проучился два года и получил диплом. В течение восемнадцати лет он работал на фабрике Сюмер-банка, расписывая вручную фарфоровые чашки, вазы и тарелки.

Саша и сейчас периодически возвращается к своему любимому занятию, об этом говорят и мольберт, стоящий на видном месте, и большое количество кистей в банках, и рубашки, испачканные разными цветами, и картины, развешанные на стенах, еще пахнущие свежей краской.

— Честно сказать, я не художник, ведь художник постоянно пребывает в творческом процессе, не бросает это занятие, а я пишу только тогда, когда здоровье позволяет это делать или есть желание, — объясняет мне Александр.

Софья Николаевна, Сашина мать, умерла в 2003 г. в возрасте восьмидесяти девяти лет в доме престарелых. Похоронена на греческом кладбище в Шишли, в одной могиле с подругой — мамой Елены Гордиенко, а также Анной Александровной Фроловой.

— Софья Николаевна была очень хорошей и доброй женщиной. Такая веселая, открытая, общительная, никогда не показывала свое ари-

Софья Николаевна Татищева с мужем
Энвером Субаши. Фото из личного
архива Александра Коста

Александр Кост (Татищев), 2017

стократическое происхождение. А как она кошек любила, с рук не спускала! — делится своими воспоминаниями Василиса.

Александр рассказывает, что у матери никогда не было желания вернуться в Россию, она всегда с горечью вспоминала гибель отца и просила сына не забывать о жестоком убийстве бабушки, портрет которого висит на стене в спальне внука.

Вот уже четырнадцать лет внук графа Татищева живет один в доме престарелых, в тех же двух маленьких комнатах, где обитали они с матерью. Здесь Александр коротает дни за чтением книг на французском, русском и турецком или проводит время за мольбертом. А вечерами засиживается допоздна за просмотром новостей и передач российских и турецких каналов.

— Я уже практически никуда не выхожу: здоровье совсем плохое. Хотелось бы поехать в нашу церковь, но там столько ступенек, что не смогу подняться! Даже к маме на кладбище уже не езжу, — жалуется Саша. — А вообще мне нравится находиться дома, не хочу оставлять его надолго, здесь все полно воспоминаниями, здесь все напоминает о мамочке, — заключает он.

Переводя тему разговора на друзей матери, Александр показывает на две картины, висящие на стене.

— Георгий Иванович Трещин, конечно, не Коровин, но талантливый художник. В России он писал больше маслом, а здесь — акварелью. Кстати, вот этот мольберт остался мне по наследству от него, — с гордостью сообщает Александр. — Вообще, на родине он служил чиновником по особым поручениям, встречал царскую семью в Севастополе. Помню, когда мне было лет пятнадцать, он любил рассказывать о медалях и орденах Российской империи: за что и кому их вручали. У Георгия Ивановича была семья, сын. Остались они в России. В Турции во второй раз он не женился, так как был предан семье, оставшейся на родине. Жильем на новом месте не обзавелся, поэтому приютили Георгия Ивановича Гирей-Вороновы, с которыми он всегда и жил. Служил в одной турецкой фирме дизайнером, занимался рекламой, — продолжает Саша.

Александр очень тактичен, воспитан, сохранил манеры, которые он перенял от матери. При встрече и прощании он непременно целует руку.

А напоследок обязательно скажет: «Спасибо большое, что Вы меня навещаете! Я Вам так благодарен за это. Думаю, мамочка сейчас на небесах радуется за меня, что я не один».

Борис Красовский

С Борисом Владимировичем, представителем третьего поколения семьи Красовских, мы встретились в маленьком старом кафе в Джихангире³¹. Вот уже много лет живет он вместе с матерью в этом тихом квартале.

Улыбчивый и открытый Борис с удовольствием делится историей своей семьи. На нашу встречу он принес мемуары, напечатанные его отцом еще на пишущей машинке, много фотографий и статей о семье из турецких газет и журналов. В русско-греческой семье Бориса говорили только на турецком, поэтому он не знает языка предков. Но обо всем по порядку. Прадед Бориса, Николай Арсеньевич Красовский в 1892 г. окончил медицинский факультет Казанского университета и затем работал земским врачом в Глазовском уезде Вятской губернии. К 1900 г. переехал в Екатеринбург, где стал знаменитым доктором. О том, что Н.А. Красовский действительно был знаменит в этом городе, говорят многочисленные упоминания о нем в статьях об истории Екатеринбурга и его почетных гражданах. Например: «Николай Арсеньевич Красовский был одним из самых популярных частных врачей в Екатеринбурге, в 1920-х заведовал клиникой внутренних болезней и исполнял обязанности профессора на медицинском факультете Уральского государственного университета»³². Его могила находится на одном из центральных кладбищ Екатеринбурга. Кстати, этой информацией я поделилась с Борисом, поскольку таких деталей о прадеде он уже не знал.

Борис Красовский, 2017

³¹ Джихангир (тур. Cihangir) — небольшой квартал с великолепной панорамой на Босфор и Золотой рог в самом сердце европейской части Стамбула.

³² Красовский Н.А. (1867–1952) // Свердловский хронограф — 2007. Екатеринбург, 2006.

— Мой прадедущка был женат дважды. От первого брака с Ириной у него родилось двое сыновей Борис (1892 г. р.) и Владимир (1893 г. р.). А от второго брака с Марией Федоровной в 1924 г. — еще один сын Николай. Вот посмотрите, на этом фото прадед со второй супругой и третьим сыном. Эта фотография сделана не здесь, а в России. Дело в том, что в Турцию эмигрировал только мой дед Борис, а вся его семья осталась там. Это фото они прислали сюда позже. Первое время переписка с родственниками велась, но затем, видимо, это стало опасно для них, и мы уже не получали никаких вестей. Все как-то резко оборвалось, — рассказывает Борис, показывая семейные фотографии.

Стамбульского Бориса называли как раз в честь его дедушки, первенца Николая Арсеньевича. А брата Бориса — в честь второго сына прадеда — Владимиром.

Кроме имени и даты рождения третьего сына доктора Красовского, Борис больше ничего не знал. Он удивился, когда услышал от меня, что Николай Николаевич, как и прадедущка, стал в России известным человеком — ученым, специалистом в области математики и механики, основателем научной школы по теории устойчивости движения и математической теории управления, академиком АН СССР. За достижения в науке ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

— Дедушка рассказывал, что в России семья Красовских жила зажиточно. За городом была большая ферма, на которой разводили лошадей. Дед очень любил проводить на этой ферме время, слыл хорошим наездником. Наверное, любовь к природе и определила его выбор: учился он на факультете лесного хозяйства, а брат Владимир получил специальность электромеханика. После того, как Россия вступила в Первую мировую войну, Борис пошел в армию, служил в кавалерии в чине офицера, попал на польский фронт. Затем в стране произошла революция. Вернувшись на родину, дедушка оказался в гуще гражданской войны. За три армейских года он дважды побывал в плену у большевиков. Первый раз привели его вместе с другими белогвардейцами в лес на расстрел, но удача сопутствовала деду в этот день дважды, когда пуля едва задела его и когда затем «контрольный» штык красноармейца прошел мимо жизненно важных органов. Во второй раз — спрыгнул с моста, долго плыл, спасся и опять вернулся в армию Врангеля, — рассказывает Борис, иногда подглядывая для точности в мемуары отца.

В 1920 г. Борис Красовский с Белой армией прибыл в Турцию. В списках «Участников Белого движения» встречается и эта фамилия, но без инициалов: «Красовский. Поручик. Во ВСЮР и Русской Армии в 136-м пехотном Таганрогском полку до эвакуации Крыма. Ранен. Эвакуиро-

ван на транспорте “Ялта”³³. Скорей всего, речь идет именно о Борисе Николаевиче.

В первую очередь с кораблей снимали раненых бойцов и размещали в больницах. Красовского вначале поместили в конюшни дворца Долмабахче, а затем в передвижной госпиталь, где его лечили два месяца. После выписки Борис оказался на улице в чужой стране, в чужой культуре. Первое время жил в одном приюте при Турецком Красном Полумесяце и искал работу. Красовский, благодаря своему увлечению лошадьми, смог найти работу у коннозаводчика-египтянина Саит Халим паша в Еникёе³⁴. Борис занимал должность главного смотрителя за животными, пару раз участвовал жокеем в скачках. В Еникёе познакомился с Марией Хиндовской (1910 г. р.), семья которой приехала в Турцию из города Сухум. В 1917 г. ее отца, Павла Хиндовского, владельца первого большого магазина в городе, убили во время грабежа. После этого Мария вместе с матерью и двумя братьями Теодором и Теофилом спешно переехали в Трабзон, где у семьи была дача. Уже оттуда они перебрались в Константинополь. В 1924 г. по обмену населением между Турцией и Грецией братья уехали жить в Грецию, а Мария осталась.

Между Борисом и Марией вспыхнула любовь, и в 1927 г. они поженились. Тем временем Саит Халим паша вернулся к себе на родину, и Борис Николаевич потерял работу. Какое-то время в Мачке³⁵ он разносил еду для русских беженцев при обществе, помогавшем неимущим.

В 1928 г. у Бориса родился первый сын Владимир, будущий чемпион Турции по боксу. Через некоторое время глава семьи устроился на работу электриком к итальянцу Витторио Исолабелла и переехал из Мачки в Бейоглу. Работая в компании, Борис получил большой опыт и стал хорошим специалистом-электриком, взял себе двух помощников. Одним из

Борис с первой женой Марией.
Фото из семейного архива
Бориса Красовского

³³ Сайт историка С.В. Волкова (<http://swolkov.org/>). Список «Участники Белого движения в России».

³⁴ Еникёй (тур. Yeniköy) — микрорайон Стамбула на берегу Босфора.

³⁵ Мачка (тур. Maçka) — микрорайон Стамбула в европейской его части.

них был грузинский князь Луарсаб Дадияни, приехавший в Константинополь в 1921 г. из Батума.

В 1930 г. в семье Красовских родился второй сын Константин.

— У деда был тяжелый характер, он был очень вспыльчивым. Поэтому долго прожить с бабушкой не смог — все его не устраивало в ней, они развелись. Через некоторое время дедушка вновь потерял работу. Жить стало тяжело, пришлось даже отдать детей во французский интернат. Моему отцу, Владимиру, было тогда лет шесть. Затем дед устроился электриком на немецкую фабрику красок «Кнапп». Это будет его последнее место работы, где он прослужит до пенсии. Во второй раз он женился тоже на женщине по имени Мария, но уже с черкесскими корнями. Забрал детей из интерната. В 1938 г. семья получила турецкое гражданство, — вспоминает Борис.

Борис Николаевич был прихожанином церкви Св. Андрея Первозванного, состоял в обществе «Фукарапервер», тесно общался с другими русскими эмигрантами. Он скончался в 1978 г. и был похоронен на греческом кладбище в Шишли.

Владимир Красовский (1948 г.)

*Фото из семейного архива
Бориса Красовского*

Его сын Владимир получил хорошее образование, знал иностранные языки. В возрасте четырнадцати лет начал брать уроки бокса у профессионального итальянского боксера и уже в 1943 г. выступал за популярный турецкий спортклуб «Галатасарай». А через пять лет двадцатилетний Владимир Красовский стал чемпионом Турции. Затем были победы в чемпионате Измира (1951), Эскишехира и Кютахьи (1952), в 1954 году занял второе место на чемпионате по боксу в Стамбуле.

За свои бойцовские способности Владимир получил от противников два прозвища — «Неповергаемый» и «Мешок с песком». А по воспоминаниям мадам Роки, среди своих его называли «бисиклет³⁶ Вова»: был он маленького роста, но очень шустрый и сильный. Вот такая интересная ассоциация.

³⁶ Бисиклет (тур. bisiklet) — велосипед.

Кроме занятий боксом у Владимира была постоянная работа. Зная несколько языков (русский, турецкий, итальянский, французский, английский), он выбрал профессию переводчика.

Владимир Борисович оставил спорт перед женитьбой в 1957 г. и больше никогда к нему не возвращался. В счастливом браке с гречанкой Анастасией Врохидис родилось трое детей: Борис, Виктор и Татьяна.

Владимир Борисович Красовский скончался в 2011 г. и покойся в одной могиле с отцом и мачехой.

Представитель третьего поколения Красовских, Борис, считает себя русским по отцовской линии, несмотря на то, что в нем течет и греческая кровь. Он бережно хранит все газетные заметки об отце. А их было много, поскольку интерес к чемпиону Турции по боксу был велик. Даже после того, как тот оставил спорт, пресса следила за его жизнью, сообщая фанатам о женитьбе их кумира и рождении у него детей.

Дядя Бориса Константин и брат Виктор переехали во Францию, где и остались. А сестра Татьяна живет в Турции.

Вот так сложилась на турецкой земле жизнь одной ветви семьи Красовских, корни которой остались в царской России.

Ирина Будко

Изучая судьбы белоэмигрантов, иногда находишь такую информацию, которой не располагали их потомки. Так было в случае с Иваном Будко.

Его дочь Ирина, к сожалению, русский язык не знает, говорит по-гречески и по-турецки. Но во время нашего общения Ирина периодически «вставляла» в рассказ русские слова и даже выражения, к примеру, «мама», «папа», «бабушка», «слава богу», «иди сюда», звучали и названия русских блюд.

— Папа давно уже умер, в 1965 г. Он говорил со мной на своем родном языке, водил в русские компании, на мероприятия. А мама моя — гречанка, поэтому у меня совсем не было практики русского, уже все забыла, что и знала. Хотела пойти на курсы, но не было возможности оплачивать их, вот так и получилось, что не знаю родного языка отца, — поясняет Ирина.

Что касается военной и довоенной жизни Ивана Герасимовича Будко (1883 г. р.) в России, то знает дочь об этом очень мало. В каком звании он воевал, из какого города — не могла сказать, знала лишь, что был он с Украины. Отец рассказывал дочери, что на родине у его семьи были земельные наделы. А самое главное — там осталась семья, трое детей.

Также он упоминал о брате и сестрах. По его рассказам Ирина знала, что одну из сестер звали Анастасия, а другую Александра. Кстати, именем Александра назовут потом уже Ирину внуку. А своему сыну она даст имя Яни, что созвучно с Иваном.

После нашей встречи на сайте «Участники Первой мировой войны» мне удалось найти фамилию человека, имя и отчество которого были те же, что и у отца Ирины. Кроме того, дата рождения, семейное положение и место жительства — Украина — также совпадали. Информация на сайте: «Будко Иван Герасимович, родом из Харьковской губернии, Ахтырского уезда, Ахтырской волости. Воинское звание: Подпрапорщик, вероисповедание — православное, женат. В 1915 г. находился в плену. Затем числился пропавшим без вести»³⁷. Вероятно, речь идет об одном и том же человеке.

По словам дочери, ее отец, прибыл в Турцию вместе с армией Врангеля, с 1-м Армейским корпусом попал в Галлиполи, оттуда перебрался в Константинополь. Первое время жил в военном лагере в тогдашнем пригороде Сан-Стефано. Жизнь была очень сложной.

— Папа рассказывал, что для выживания приходилось отдавать свои последние «небольшие гарантии». Отец очень много курил, у него был золотой портсигар. Вот его-то и пришлось выменять однажды на две буханки хлеба. А вообще все воспоминания о прошлом доставляли ему большие страдания, поэтому он нам практически ничего не рассказывал. Когда мама просила его об этом, уходил от ответа, — со слезами на глазах рассказывает Ирина.

Со временем Иван Будко переехал в Бебек. Сейчас это очень модный и дорогой район Стамбула на Босфоре, а тогда — отдаленное место от центра города, где в основном жили греки. Сюда же старались попасть и белоэмигранты. Иван работал, как многие беженцы, где придется, выполнял различные строительные работы, был каменщиком, столяром. Конечно же, очень скучал по семье, оставшейся так далеко, но вернуться домой не представлялось возможным.

Шло время, и в 1945 г. на балу в честь основания Турецкой Республики Ивана познакомили с гречанкой по имени Зоича. Когда Ирина рассказывает о родителях, то говорит по-русски «мама» и «папа», называя их по именам — Зоя и Иван. И так нежно...

— Иван называл маму Зоя, Зоинька на русский манер. Когда их познакомили, ей было тридцать пять лет, а папе уже шестьдесят два года. Иван был намного старше мамы, и это сначала ей не понравилось, но

³⁷ См. сайт «Первая мировая война, 1914–1918 гг.» (<https://1914.svrt.ru/index.php>). Источник: «Именной список №101 убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам», с.1606.

доводы сестры, что он очень хороший и трудолюбивый человек, взяли вверх. Да и как было не влюбиться в такого статного, подтянутого, высокого мужчину, который пришел на бал в смокинге с бабочкой, — смеется Ирина. — И мама ни разу в жизни не пожалела о том, что вышла за него замуж, так сильно папа ее любил. Иван никогда не уходил на работу, не поцеловав свою Зоиньку, — продолжает она.

Через некоторое время Иван устроился служить в американский «Роберт колледж». Был согласен на любую работу, садовника или столяра, но ему предложили должность «чайджи» — разносчика чая и кофе, ведь возраст у него уже был пенсионный. Работал он там долго и очень хорошо исполнял свои обязанности. Подросткая Ирина стала учиться в этом же учебном заведении. Хорошие отношения с деканом, мистером Крейдером, помогли вдове после смерти Ивана устроиться на его место. Там Зоя прослужит пятнадцать лет.

— Папа до конца своих дней пел в хоре церкви Святого Ильи Пророка, где они когда-то венчались с Зоинькой. Здесь же и меня крестили. У отца был прекрасный голос — баритон. Кроме того, он прекрасно играл на аккордеоне и балалайке. Вместе с оркестром выступал в ресторане «Режанс». Я помню: мы с мамой приходили туда, а в это время играл папа. Это были чудные моменты. Отец приводил меня также и на детские елки, организованные русским благотворительным обществом. Я

Иван Будко (сидит), дочь Ирина (в центре), жена Зоича (крайняя справа).
Фото из семейного архива Ирины Будко

до сих пор прихожу на церковные праздники в церковь Святого Андрея Первозванного, ведь это же церкви, которые посещал мой папа, — рассказывает Ирина.

Иван Будко научил свою жену-гречанку готовить русскую еду. В доме часто пекли пирожки и блинчики, на Пасху — куличи, а холодец варили непременно из свинины, которую привозили с одной фермы в Чаталдже. Рассказывая это, моя собеседница, вспомнив, что мы находимся в стране с мусульманскими традициями, быстро добавляет: «Хоть и считается здесь это животное «грязным», но мясо какое вкусное!». Иван делал также и домашнюю водочку. Но больше всего Ирина помнит отцовский борщ, и до сих пор сама готовит любимое блюдо по тому же рецепту. Тут же начинает перечислять по-русски овощи для борща.

— Папа много читал о России в газетах, которые привозил мистер Крейдер из Америки. Вернуться обратно он не собирался, так как боялся. Но в последние годы жизни часто вспоминал свою родину, очень сильно хотел ее навестить, обещал и меня туда свозить. Но денег на такую поездку у нас, к сожалению, не было. Папа умер в восемьдесят два года, так и не исполнилось его желание, — сожалеет Ирина.

После нашего разговора она показывает рукой в сторону кладбища, где покоятся ее родители, и говорит, что сейчас идет навестить Ивана и его Зоиньку.

РЕЦЕПЦИЯ
БЕЛОЭМИГРАЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СТАМБУЛА В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ЧЕРЕЗ ТЕКСТЫ XII–XX ВЕКОВ

Эрдем ЭРИНЧ¹

Современные историография и литературоведение активно занимаются поиском альтернативных источников для изучения вопросов русской эмиграции. Наряду с историческими летописями, одним из таких источников могут служить литературные тексты писателей-эмигрантов. Изображение профиля Стамбула с помощью текстов писателей-эмигрантов, которые покинули Россию во времена деникинской и врангелевской эвакуаций и чей эмигрантский путь прошел через Стамбул — главная цель данной статьи.

Среди таких знаменитых центров русского зарубежья как Париж, Берлин и Прага, Стамбул занимает своеобразное место². На протяжении истории этот сакральный для славянской культуры город не оставлял равнодушными ни летописцев, ни поэтов, ни писателей русского зарубежья, которые и создали его неповторимый образ в русском общественном сознании. Этот образ исследуется нами как с привлечением исторического дискурса, так и художественных текстов, поскольку такое двухслойное исследование поможет, на наш взгляд, точнее прочитать историю русской эмиграции на берега Босфора.

Для того чтобы пойти по такому пути, нужно сначала определить место Стамбула в русском историческом общественном восприятии, а затем работать над образом Стамбула как эмиграционной составляющей.

¹ Доктор филологических наук. Эрджиеский университет, Кайсери. Эл. почта: erinc@erciyes.edu.tr.

² Один из первых историков русской эмиграционной литературы Глеб Струве в своем знаменитом произведении «Русская литература в изгнании» презирует место Стамбула в истории русской эмиграции следующими словами: «...[автор] в 1922 году выпустивший в Константинополе, в издании «Цареградского Цеха поэтов» (был, значит, и такой!) книжку стихов «Солнечный итог», потом куда-то исчез» [Струве 1996: 55]. Заключенные в круглые скобки слова одного из авторитетнейших лиц в сфере русской эмигрантской литературы Струве показывают, насколько уничижительно воспринимался им не только сам бытописатель эмиграции, но и место событий.

Такое разделение делает возможным понимание того, как составлялись стамбульские тексты по разным семиотическим индикаторам — пол, возраст, принадлежность литературной школе, политические взгляды авторов и т.д.

Значение образа Стамбула в русском общественном восприятии

Чтобы определить, как формировался образ Стамбула в русском общественном восприятии, нужно найти ответы на следующие вопросы: как давно этот город присутствует в общественном восприятии русских и насколько важно их отношение к этому городу?

Безусловно, исторические связи славян с городом Стамбулом очень древние. В течение веков экономические отношения мотивировали все сферы отношений: политические, социальные, культурные, религиозные. Однако, чтобы вникнуть в суть этих отношений, нам придется разделить их историю на три части: до взятия Константинополя, взятие Константинополя и после взятия турками-османами. Для того, чтобы исследовать эти три этапа, возьмем три образа, наиболее часто встречающиеся в письменных текстах. Так, до взятия Константинополя в качестве символа чаще всего встречается щит князя Олега, прибитый к воротам Царьграда. С другими образами связан период взятия Константинополя турками-османами в летописном произведении Нестора Искандера «Повесть о взятии Царьграда турками». Наконец, символ темниц Семибашенного замка (тур. «Едикуле») характерен для турецкого периода города.

Так, первые русские следы в истории города можно обнаружить в летописи «Повесть временных лет», написанной в XII веке Нестором. Там рассказывается о торговых отношениях Киевской Руси с византийцами во времена правления Аскольда и Дира, о походе князя Олега на Константинополь, а также о роли города в принятии православия славянами. При описании этих событий встречаются ссылки и на Константинополь.

Все эти события являются важными. Однако, с точки зрения создания образа города в общественном восприятии наиболее важным событием является поход князя Олега. В 907 г. князь Олег собрал войско и отправился в поход на Константинополь. В основе этого, как ни странно, лежали экономические факторы. Дело в том, что у славянских купцов в Константинополе были большие проблемы в торговле в связи

со взятками, которые требовали византийские чиновники [Командорова 2009: 51]. В «Повести временных лет» причина похода объясняется следующим образом: «... Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки “Великая Скифь”. И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000. И пришел к Царьграду: греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги...» [Повесть временных лет].

Византия, конечно, приняла определенные меры для защиты города от «Великой Скифии», но несмотря на эти меры византийцы должны были отправить своих послов, чтобы опередить угрозу уничтожения города и найти пути для примирения. Они согласились выплатить очень большую сумму в качестве дани [Повесть временных лет]. Таким образом, был подписан первый договор о перемирии между византийцами и варягами-славянами. По этому договору варягам-славянам была гарантирована безопасность торговых отношений с Византией [Командорова 2009: 54].

Безусловно, самым знаменитым образом этого похода стал «щит Олега, прибитый к вратам Цареграда». Следы этого образа можно видеть в разных областях культурной жизни³. Щит представляет собой символ силы и решительности. По преданию князь Олег повесил на врата города свой щит как доказательство своей победы. Однако не очень ясно, какой смысл имеет этот символ в наши дни: это угроза Византии или гарантия мира, этот образ ассоциируется в общественном восприятии со страхом или с покоем? Если предположить, что этот образ является одним из главных в имидже Стамбула в восприятии русского человека, нужно исследовать детали его в текстах русской культуры.

Два из них (стихотворения «Песнь о Вещем Олеге», 1822 и «Олегов щит», 1829) принадлежат Александру Сергеевичу Пушкину. Первое из этих стихотворений было написано в 1822 г., но опубликовано позже, в 1825 г. В этом стихотворении рассказывается о смерти Вещего Олега, но

³ В литературе: Рылеев К.Ф. Олег Вещий (1825); Пушкин А.С. Песнь о Вещем Олеге (1822); Пушкин А.С. Олегов щит (1829); Тютчев Ф.И. Олегов щит (1829); Высоцкий В.С. Песня о Вещем Олеге (1968).

упоминается и его слава, связанная с походом на Царьград: «... Победой прославлено имя твое; Твой щит на вратах Цареграда; И волны и суша покорны тебе; Завидует недруг столь дивной судьбе» [Пушкин Песнь]. Упоминание имени князя Олега в связи с победой, покорность воды и земли, зависть всех недругов — абстрактные понятия. Однако, щит, повешенный на вратах Царьграда, без всякого объяснения находит себе место среди этих выражений метанарратива. Второе стихотворение Пушкина, которое носит название «Олегов щит», было написано в 1829 г. на основе исторических событий — нарушения турецкой стороной Аккерманской конвенции (1826). В ходе событий Османская империя должна была подписать Адрианопольский мирный договор как раз в 1829 г. [Геллер 2001: 124]. В этом стихотворении поэтом осуждается назначенный этому щиту смысл на фоне тогдашних отношений России с Турцией и непосредственно со Стамбулом. В первых восьми строках поэт рассказывает о повешенном Вещим Олегом щите на врата Константинополя. Затем поэт обращается к Олегу и продолжает рассказывать о том, как он поразил византийцев. Во второй строфе он возвращается к тогдашней действительности, на этот раз город не у византийцев, однако, он не потерял своего бывшего значения. Когда наступают «дни вражды кровавой», «щит Олега» еще раз упоминается, но когда они уже приближаются к Константинополю «их» останавливает «старый щит» Олега [Пушкин Щит]. То, что отличает стихотворение Пушкина от остальных, — это изменение первоначального смысла образа щита Олега как символа силы и победы. Здесь щит Олега используется как образ клятвы, остановивший русскую армию. Именно этими строками поэт отрицает необходимость взятия города.

Тогда вопрос о значении щита возникает еще раз: символизирует ли он силу или миролюбие? С другой стороны, в шестой строчке второй строфы Пушкин говорит: «Твой стон ревнивый нас смутил». Здесь поэт обращает внимание читателя на стабильность этого мифа о городе. Эта стабильность зависит от победы князя Олега, единственной среди попыток взятия города. Юрий Николаевич Тынянов утверждает, что именно этим Пушкин «вырастает в сатиру классического непроницаемого стиля» [Тынянов 1968: 195–196].

Один из современников Пушкина Кондратий Федорович Рылеев тоже написал одно стихотворение о князе Олеге. Однако он совершил историческую ошибку, когда писал о щите Олега (... Но в трепет гордой Византии / И в память всем векам / Прибил свой щит с гербом России / К царьградским воротам...) [Рылеев]. Дело в том, что гербы России имели в основном византийские мотивы библейского происхождения, поэтому

он не мог быть «прибитым» к цареградским воротам. Однако, этот пример является одним из самых интересных показателей обсессивного отношения с городом в общественном восприятии.

Одноименное стихотворение «Олегов щит» с образом щита принадлежит Федору Ивановичу Тютчеву. Оно было написано в 1829 г., как раз в год подписания Адрианопольского мирного договора, и было обязательно нужно вспомнить те времена, когда Русь стала доминирующей силой над городом.

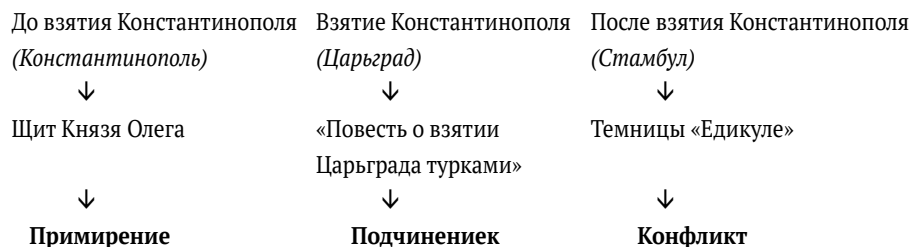
Во второй половине XX века Олегов щит упоминается еще раз. На этот раз в одной из песен знаменитого поэта-барда Владимира Семеновича Высоцкого «Песня о Вещем Олеге» (1967). Как образ «щит Олега» встречается нас в этом произведении в начале стихотворения. Это дает нам возможность предположить, что князь Олег больше запоминается своим щитом, а «Олегов щит» — наиболее упоминаемый образ, когда речь идет о князе Олеге.

Наиболее точные образы содержатся в летописном произведении Нестора Искандера «Повесть о взятии Царьграда турками». Может быть, это произведение не является основой сегодняшнего восприятия Стамбула, но дает наиболее реальный взгляд на это событие в русском общественном сознании [Erinç 2013: 44–45]. Описание летописца было очень по душе жителям города, но тем не менее было встречено ими настороженно.

Образ, который становится доминирующим в период после взятия Константинополя — это темницы «Едикуле». На эти темницы можно смотреть как на места, где часто переплетались дипломатические и коммерческие отношения между двумя государствами. По теориям надзора и паноптикума доминантой определяется отношение надзирателя к человеку под надзором [Фуко 2005]. Быть под надзором является причиной восприятия города с невозможным примирением, потому что «новые владельцы» города после его взятия были доминирующей стороной до периода правления Екатерины II⁴. Ситуация такого рода увеличила гнев против доминирующей силы, правящей городом, признанным святыней для русского общественного сознания.

Эти образы и тексты символизируют три понятия в отношениях с городом в разные периоды истории, а ниже представленная таблица поможет нам схематически разобраться с вышесказанным:

⁴ Именно со времени правления Екатерины II баланс между доминированием и подчинением поменялся в пользу Российской империи с некоторыми поражениями Османской империи, особенно такими, как Чесменское сражение (1770 г.), Русско-турецкая война (1768–1774 гг.).

Поход князя Олега и водружение им щита на воротах Константинополя символизируют перемирие в отношениях с византийским городом. Литературный текст Нестора Искандера «Повесть о взятии Царьграда турками» заложит основы упоминания Царьграда с понятием подчинения. А после взятия города турками-османами затрудненные дипломатические отношения проявят себя в образе темниц «Едикуле», а образующийся в этом периоде конфликт продолжается с переменой мест доминирующей и подчиненной сторон.

Такая последовательность образов должна помочь нашему пониманию отношения русских эмигрантских писателей к Стамбулу.

Стамбул как элемент текстов русской эмиграции

В этом разделе статьи мы постараемся понять два новых качества Стамбула, нашедших отражение в текстах русских эмигрантов. Оба качества связаны с местоположением города. Первое — восприятие Стамбула как «первой остановки» после бегства с родины, а второе — моста в эмиграционное будущее.

Когда мы изучаем первое качество, то нам нужно определить, как исторические события влияли на ход эмиграционного процесса и как этот процесс влиял на литературу. Для этого нужно сначала идентифицировать виды эмиграции, появившиеся после гражданской войны в России (1917–1923 гг.).

Турецкий социолог Ильхан Текели выделил четыре вида миграционных движений [Tekeli 2008: 11]:

- Механизм, исправляющий сломанное «равновесие» социальной системы;
- Одностороннее параллельное движение единения при эволюции общества;
- Очередность движения миграционных волн;

— Результат применения миграционной политики в социальной системе.

Если внимательно посмотреть на эвакуации во время гражданской войны в России, то их можно охарактеризовать по этим видам миграционных движений. В период, когда Белую армию возглавлял генерал А.И. Деникин, многие беженцы имели возможность более организованно уехать из России. Они смогли покинуть свою родину из разных причерноморских портов — Одессы, Симферополя, Новороссийска и т.д., кроме того они успели увезти с собой что-то из своего состояния. Поэтому эмигрантов, которые покидали свою родину во время деникинской эвакуации, можно включить во второй вид миграционных движений. Для них эмиграция — «одностороннее параллельное движение единения при эволюции общества». А через некоторое время главнокомандующим Белой армией стал генерал П.Н. Врангель. В результате абсолютного поражения в Крыму началась врангелевская эвакуация. По сравнению с деникинской, она была неорганизованной и внезапной. Это позволяет определить этот вид миграции как «механизм, исправляющий сломанное “равновесие” социальной системы».

Такая систематизация позволяет нам увидеть, чем были эти эмиграции на практике. Определив вид эвакуации и узнав историю эмиграции, мы только накапливаем информацию, но литературные тексты помогают нам почувствовать это время и по-настоящему понять происходившие события. Как сказано литературоведом Марком Нишаняном, история как наука дает нам информацию о событиях, происходивших в прошлом, но литературные тексты помогают нам воспринимать время, в котором происходит их действие [Tekeli 2008: 20].

Например, среди многих участников-литераторов первой деникинской эвакуации были такие писатели и поэты, как Владимир Набоков и Зинаида Шаховская.

Владимир Набоков написал стихотворение «Стамбул» во время своего двухдневного пребывания в городе в 1919 г. В этом стихотворении он описал силуэт города с палубы парохода, на котором он начал свою долгую эмигрантскую дорогу [Набоков]. В первых двух строфах он рисует пейзаж города в традиционных для него красках безо всякого восточного колорита. Но в последней строфе мы видим этот колорит в образе минарета: «... два резко-черных минарета / на смуглом золоте рассвета...». Через два дня пребывания он напишет своей гувернантке Сесиль Миотон, что эти минареты кажутся ему противными и похожими на трубы заводов [Boyd 1991: 178–179].

Зинаиды Шаховская восприняла Стамбул по-своему, сквозь призму пребывания в Стамбуле почти со всеми удобствами, характерными для ее прежней русской аристократической жизни, о чем она повествует в начале своего мемуарно-прозаического произведения «Образ жизни»: всевозможные благотворительные мероприятия в Стамбуле, жизнь на острове Принкипо, встречи с другими эмигрантами из светской среды в гостинице «Сплендид» и т.п. (2008).

Ранее мы сказали, что исследовать эти эвакуации нужно по отдельным видам эмиграционных процессов, потому что эмигранты врангелевской эвакуации в отличие от эмигрантов деникинской не только поменяли свои места жительства, но и свои экономические и социальные статусы. Условия, в которых начинали жить эти эмигранты, были с самого начала очень сложными. Об этом можно судить по текстам таких писателей, как Аркадий Аверченко, Илья Сургучев, Галина Кузнецова, которые наблюдали эмигрантов, приехавших в Стамбул с врангелевской эвакуацией.

С помощью текста, который был написан эмигрантским писателем И. Сургучевым, мы имеем возможность видеть эту эвакуацию изнутри: «В осенний ноябрьский день на константинопольский рейд пришло из Крыма 65 кораблей. Боже мой! Что стало с этим шумным, старым, веселым жульническим городом! Корреспонденты, армянские монахи, кинематографисты, паши, англичане, турчанки в непроницаемых вуалях, дервиши в высоких серых камилавках, представители вселенского патриархата, умные мальчики в коротких штанишках и с аппаратами 9×12, люди с биноклями Цейса — все высыпало на берег и смотрело, как на рейде с поднятыми желтыми санитарными флагами стоят 65 русских кораблей, перегруженных до отказа, бессильно повалившихся набок от непомерной тяжести. Люди, пришедшие на этих кораблях, ели американские галеты и английский красный неразогретый корн-биф. Не хватало у них вот уже несколько дней одного — пресной воды» [Васильев 2008: 83–87].

Другой текст принадлежит знаменитому турецкому писателю Якубу Кадри Караосманоглу. 17 ноября 1920 г. в газете «Икдам» он пишет: «Вид кораблей из Крыма, которые полны эмигрантами, — это самый плохой, самый отвратительный, самый душераздирающий вид, который человек когда-нибудь в своей жизни может видеть. То, что мы видим в виде этих печальных кораблей без всяких названий, — это на самом деле руины, оставшиеся после разрушения великой Российской империи. Столько много кораблей бросили якорь около Девичьей башни. До сегодняшнего дня количество беженцев составляло 70 тысяч людей. Мало кто имел

возможность сойти с корабля. В течение четырех дней в этом маленьком и душном пространстве они ждут. Чего? Даже они сами не знают. Их состояние еще хуже, чем у наших беженцев. Французы, русские, которые приехали сюда раньше, американцы помогают им уже несколько дней. Собираются продукты питания, одежда, деньги; обеспечиваются лекарствами для больных. Однако, только дураки могут думать, что это поможет этим 70 тысячам людей, которые ждут на море уже четвертый день. С другой стороны, как бедный Стамбул может им помочь?» [цит. по: Масар, Масар 2010: 62–63].

Особенно важным является здесь сравнение с «русскими, которые приехали сюда раньше». Это служит доказательством разницы положения эмигрантов первой и второй эвакуаций.

Еще один мемуарный отрывок дает нам возможность объяснить разницу между двумя эвакуациями. Эти строки были написаны Верой Дюмениль, которая передала ощущения своей подруги Элизабет Ле Норманд, когда она искала своего брата среди эмигрантов последней эвакуации: «Ужас... ужасает человека смотреть на русские корабли с близкого расстояния. Черные корабли полны не двигающимися черными людьми. Наш корабль подходит к этим кораблям, не знаем, что делать? Выйти на палубу нельзя, взойти на корабль — тоже нельзя. Елизавета никогда не забудет криков людей: “Хлеба, воды...” Уже три дня с момента, когда они уплыли из Крыма, они стоят. Уже три дня они не ели, не пили ничего. Среди них есть беременные женщины. На этой палубе, переполненной людьми, их животы раздавлены. Много погибших. Эти большие русские корабли были осажены лодками армянских и греческих купцов. Они похожи на мух, летающих над раненым львом. Предлагают они продать хлеб. Елизавета видит своими глазами русских людей, которые привязывают в конце какого-то шнура или какого-то ремня свои кольца, даже обручальные кольца. Купцы отвязывают эти кольца и обратно привязывают в этот раз продукты: за одно кольцо — батон хлеба, за одну рубашку — бутылка воды» [цит. по: Масар, Масар 2010: 62–63].

Эти три отрывка показывают нам с достоверностью положение русских эмигрантов второй эвакуации. В отличие от первой мы видим вторую эмигрирующую массу как нечто черное целое. Это не часто встречаемое событие в истории миграции.

Писатели первой эвакуации в своих произведениях описывали либо свою жизнь, либо жизнь своих вымышленных героев. Их образ жизни на чужбине не очень-то поменялся по сравнению с жизнью на родине, а вот жизнь героев писателей второй эвакуации разительно отличается изменением самого социального статуса персонажей. В произведениях

Аркадия Аверченко («Записки простодушного»), Алексея Толстого («Похождения Невзорова, или Ибикус», «Эмигранты»), Ильи Сургучева («Реки вавилонские») и др. мы видим колоссальные изменения в жизни бывших российских аристократов. Графы и графини, генералы, князья и княгини описываются в этих произведениях как швейцары, шоферы, официанты, официантки и проститутки.

И место действия в этих прозаических произведениях тоже поменялось. Если действия в произведениях писателей деникинской эвакуации происходят в дорогих ресторанах, гостиницах на Пера и на благотворительных вечерах на острове Принкипо, то местом действия в произведениях авторов врангелевской эвакуации являются номера в дешевых гостиницах в переулках Каракёя, греческие детдома или монастыри на Принцевых островах.

В текстах можно увидеть не только описание писателями разницы самих процессов эмиграции, но и восприятия образа города, в который они эмигрируют. Так, и Стамбул отличается в текстах русских эмигрантских писателей деникинской и врангелевской эвакуаций. Писатели, которые не стали частью массового миграционного движения, описывали город глазами путешественника и уделяли больше внимания достопримечательностям Стамбула. Писатели-эмигранты писали уже совсем о другом.

В самом начале этой части нашей статьи мы определили два качества города Стамбул для русских эмигрантов: первое — это то, о чем мы говорили до сих пор, а второе — «Стамбул как мост» на эмиграционном пути. И увидеть Стамбул в этом качестве нам дают возможность литературные тексты. Для большинства русских эмигрантов первой волны Стамбул служил мостом, который вел в эмиграционные центры Европы: Берлин, Прагу и Париж. Для них Стамбул, который упоминается не один раз в литературных текстах⁵, стал началом «кочевой» жизни после абсолютного разрыва со своей родиной.

⁵ С темами «абсолютного разрыва» и «невозвратности» встречаемся у И.А. Бунина в рассказе «Конец» (1921): «Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что — я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России — конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо, и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?» [Командорова 2009: 283], а также в таких его произведениях, как «Митина любовь» (1925) и «Жизнь Арсеньева» (1933). У Надежды Тэффи эта тема самым ярким образом проявляет себя в конце ее «Воспоминания» (1931): «...Дрожит пароход, стелет черный дым. Глазами, широко, до холода в них, раскрытыми, смотрю. И не отойду. Нарушила свой запрет и оглянулась. И вот, как жена Лота, застыла, остолбенела навеки и веки видеть буду, как тихо-тихо уходит от меня моя земля» [Тэффи].

Для того, чтобы понять функцию города как «моста», нужно обратить внимание на тексты литераторов, которые были в Стамбуле до эмиграции и после нее. Потому что здесь становится решающим изменение в подходе к городу и к тому, что он выражает. Понять разницу между этими текстами нам помогает теория Эдварда Саида об ориентализме. Саид представляет ориентализм как стремление Запада заново определить, что такое Восток, и утвердить свое превосходство над Востоком [Saïd 2010: 13]. Вспоминая это определение, возвращаемся к текстам авторов, которые бывали в Стамбуле до их вынужденного приезда во время эмиграции. Самым ярким образцом этого служит Иван Бунин. Он до своей эмиграции много раз бывал в Стамбуле, видел и хорошо знал почти все достопримечательности города, его важные центры и кварталы. Доказательством этого могут служить разные тексты автора, но особенно его знаменитое произведение «Тень птицы». В этом произведении Иван Бунин яркими красками, которые свойственны описанию восточных стран, описывает восточные города, в том числе и Стамбул. В его произведении Стамбул кажется даже более аутентичным, чем он есть на самом деле. Он попадает почти во все «ловушки» ориентализма. Аутентичными определениями автор описывает особенно анатолийскую часть города. Превосходство, которое было упомянуто Саидом, не всегда имеет «суровое лицо», но и описание Востока западными писателями с использованием всяких пафосных выражений (роза, соловей, восточные женщины / гарем, своеобразная мистика и т. п.) не менее опасно в процессе формирования образа Востока в общественном сознании Запада.

В другом произведении Ивана Бунина, которое было написано после эмиграции, Стамбул не благоухает своими розовыми садами, подобными раю, благовонными запахами, не поражает мудрыми обитателями и спокойной жизнью в анатолийской части, как это было описано в «Тени птицы». Наоборот, в этих произведениях мы видим совсем другой Стамбул. Например, в рассказе «Конец» Иван Бунин описывает Стамбул как конечную точку. Он уподобляет город пункту последнего назначения, представляет, что с прибытием в Стамбул заканчивается его прошлая жизнь: «... конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец» [Бунин]. Изменения в отношении к городу показывают, насколько хрупки восточные оттенки и как они зависят от настроения автора, меняющего и взгляд на город, который красив только своими восточными прелестями, но не может стать постоянным местом жительства.

Другие следы подхода в русле ориентализма можно наблюдать в произведениях женских эмигрантских писателей: Надежды Тэффи, Галины Кузнецовой, Зинаиды Шаховской и др. Они в своих произведениях

часто вспоминают писателей, которые в свое время жили в Стамбуле, как например, Пьер Лоти или Клод Фарер⁶, которых они резко критикуют за их отношение к восточным женщинам в своих произведениях. Надежда Тэффи в своем произведении «Стамбул и солнце» утверждает, что турецкие женщины вовсе не «мистические» и совсем не выглядят так, как это описывалось Пьером Лоти, наоборот, они по внешности выглядят как «парижанки» со всякими деталями в одежде и макияже [Тэффи 1921: 14–16]. Однако, кроме критики этих знаменитых авторов, отношение к Востоку у эмигрантских писательниц не очень отличается от отношения писателей-мужчин.

Мы взяли три периода истории Стамбула, чтобы понять, как формировался в течение веков образ города в глазах русских. Конечно, для создания образа города решающими являются исторические факты, но как видим, составляющие компоненты этого образа могут накапливаться и через литературные тексты.

ЛИТЕРАТУРА

- Бунин — Бунин И.А. Конец // URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2010.shtml [дата обращения 27.10.2016].
- Васильев 2008 — Васильев А. Красота в изгнании. М.: Слово, 2008.
- Геллер 2001 — Геллер М. История Российской империи. М.: МИК, 2001.
- Командорова 2009 — Командорова Н. Русский Стамбул. М.: Вече, 2009.
- Набоков — Набоков В. Стамбул // URL: <http://rupoem.ru/nabokov/vsplyvaet-bereg-na.aspx> [дата обращения 27.10.2016].
- Повесть временных лет — Нестор Летописец Повесть временных лет // URL: <http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt> [дата обращения 27.10.2016].
- Пушкин Песнь — Пушкин А.С. Песнь о Вещем Олеге // URL: http://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0217_22/1822/0127 [27.10.2016].
- Пушкин Щит — Пушкин А.С. Олегов щит // URL: <http://stihi-rus.ru/Pushkin/stihi/161.htm> [дата обращения 27.10.2016].
- Рылеев — Рылеев К. Олег Вещий // URL: <http://cfrl.ruslang.ru/poetry/ryleev/texts/vol1/12.htm> [дата обращения 27.11.2016].
- Струве 1996 — Струве Г. Русская литература в изгнании. М.: Русский путь, 1996.
- Тынянов 1968 — Тынянов Ю. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968.
- Тэффи 1921 — Тэффи Н. Стамбул и Солнце. Берлин: Мысль, 1921.

⁶ Эти имена как образец находят место и в «Ориентализме» Эдварда Саида. Саид с помощью этих имен объясняет свою теорию о бесконечном стремлении западного человека установить авторитет над восточным.

- Тэффи — Тэффи Н. Воспоминания // URL: http://www.ereading.club/chapter.php/150708/69/Lohvickaya_Nostal%27giya_Rassказы_Vospominaniya.html [дата обращения 27.10.2016]
- Шаховская 2008 — Шаховская З. Таков мой век. М.: Русский путь, 2008.
- Boyd 1991 — Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian Years. New Jersey: Princeton University Press, 1991.
- Erinç 2013 — Erinç E. Rus Göçmen Edebiyatında İstanbul İmgesi (Докторская диссертация. Kayseri, Эрджиевский университет Институт гуманитарных наук, 2013).
- Foucault 2005 — Foucault M. Büyük Kapatılma. İstanbul: Ayrıntı, 2005.
- Macar, Macar 2010 — Macar, Oya D. / Macar, Elçin. Beyaz Rus Ordusu Türkiye’de. İstanbul: Libra, 2010.
- Nichanian 2011 — Nichanian M. Edebiyat ve Felaket. İstanbul: İletişim, 2011.
- Said 2010 — Said E. Şarkiyatçılık. İstanbul: Meti, 2010.
- Tekeli 2008 — Tekeli İ. Göç ve Ötesi. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 2008.

ОБРАЗЫ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ТУРЕЦКОМ РОМАНЕ

Фатих ОЗДЕМИР¹

“...В моем окне город, в городе — улица
На улице — русская женщина
бежит, позади ряда стульев,
ускользает, русская женщина...”

Эдже Айхан

Русская тема стала появляться в произведениях турецких романистов с самого начала вынужденного прибытия русских белоэмигрантов в Турцию. Особенно в тех романах, где повествуется о годах Перемирия (Мутáреке). Писатели, имевшие возможность лично наблюдать за попытками русских как-то устроиться и выжить в Стамбуле, описывали это на страницах своих произведений. Так, Жак Делеон в своей книге «Русские на Бейоглу» пишет: «Русские открыли множество больших и маленьких ночных заведений, вроде “Розе Нуар”. Все они исчезли к середине 20-го века, но некоторые из этих местечек и по сей день сохранились на пожелтевших страницах романов, написанных их современниками...» [Deleon 1996].

Первым, кто упомянул русских в двух своих романах, написанных в 1920-х годах, был один из ведущих турецких писателей того времени Хуссейн Рахми Гюрпынар. Созданный им образ русского героя опирался на личные наблюдения и оказал значительное влияние на стереотип, который сформировался позднее.

Роман Гюрпынара под названием «Я что, сумасшедший?» [Gürpınar 1996] стал первым произведением, затрагивающим тему русских в турецкой литературе. В этом романе, изданном в 1925 г., повествуется, в частности, о женщине по имени мадам Федрона, владелице публичного дома, куда часто заходят два друга Шадан и Календер Нури, вызывающие своими поступками недоумение у здравомыслящих людей. Мадам Федрона возвела проституцию в ранг искусства и с этой точки зрения схожа с княжной Дической в более позднем романе того же писателя «Школа кокеток». Дом мадам Федроны — место довольно дорогое.

¹ Доктор филологических наук. Университет Караманоглу Мехметбей, Конья. Эл. почта: fatihozdemir77@hotmail.com. Работа подготовлена на основе главы диссертации «Русские в турецком романе», защищённой в 2009 г. в Институте тюркологических исследований университета Мармара.

Здесь, помимо наслаждений любого рода, клиентам предлагаются также кокаин и другие наркотические средства. Если в ранних романах писателя образ женщины, наносящей вред нравственности мусульман, всегда имел западные корни, то в последующих произведениях причиной порчи нравов впервые стала русская женщина. Другая героиня, о которой идет речь в романе, это красивая русская девушка Лорович. На первый взгляд, она производит впечатление барышни благородной и культурной. Очаровательная Лорович читает Сермету стихи Корнеля и именно благодаря привлекательности этой русской девушки Календер Нури и Шадан втягивают Сермета в свои сомнительные махинации.

В своем романе «Школа кокеток» [Gürpınar 1982] Гюрпынар продолжает развивать ту же идею, которую выразил в романе «Я что, сумасшедший?», изобразив на страницах произведения множество типичных для Стамбула того времени русских образов. Первое издание романа вышло в 1929 г. Подземный мир Стамбула передан здесь в самых мелких деталях. Одна из героинь романа Ульвиэ Мелék открывает заведение под названием «Школа кокеток», чтобы воспитывать в нем культурных и образованных содержанок. Ее цель — превратить измену, которую она считает непредотвратимой, в процесс более утонченный, а также знакомить девушек, вынужденных зарабатывать проституцией, с богатыми мужчинами и тем самым спасти их от худшего будущего. Ученицы «школы» — это, как правило, юные девушки из беднейших слоев, подвергшиеся насилию в своем окружении. Рассказчица делится своими планами с писателем и просит его написать роман о своих впечатлениях. По ходу развития этой главной сюжетной линии в произведении затрагиваются вопросы семьи, общества, отношений между мужчиной и женщиной и многие другие. Единственный русский характер, встречающийся на страницах романа, это учительница хороших манер «Школы кокеток» княжна Дическая. Княжна следит за последними новостями моды, обращает на себя внимание своей воспитанностью и обширными знаниями. О ее прошлом в романе упоминается весьма кратко. Во времена своего пребывания в России Дическая увлекалась языками и литературой восточных народов. Она прочла книгу «Восемь райских стран», повествующую о Востоке, достаточно хорошо изучила турецкий язык и культуру. В разгар революции она какое-то время пряталась под чужим именем, но была все же поймана большевиками и брошена в тюрьму, где ее пытали. По счастливой случайности княжна смогла сбежать из Сибири в Европу, где стала зарабатывать уроками игры на пианино и танца. Там же она предприняла свои первые шаги по устранению самого большого, на ее взгляд, недостатка Европы, где у людей есть деньги, но нет благо-

родных манер. В короткий срок она становится авторитетом в области «науки утонченности». И теперь она дает девушкам школы Ульвие Мелек уроки элегантности и воспитанности, знания об искусстве, литературе и театре. Но вступая в противоречие со своими взглядами, она воспитывает своих учениц в западном стиле, не рассказывая им ничего о русской культуре.

Опираясь в своих выводах на личные наблюдения, Гюрпынар видит в русских одну из причин нравственного разложения Стамбула, но вполне отдает себе отчет в том, что они — лишь жертва обстоятельств, спровоцированных разрушительным воздействием на людей войны, оккупации и эмиграции.

Вторым произведением турецкой литературы на ту же тему стал роман Эржумента Экрема «Поджигатель», изданный в 1926 г. [Talu 1926]. Герой романа — частый гость развлекательных заведений, богатый наследник-кутила по имени Шекип, который обманом ловит в свои сети наивных девушек. Шекип посещает рестораны с музыкой и развлечениями, куда заходят люди из высших слоев общества, в том числе — беженец из Карабаха некто Домбаев. При царском режиме Домбаев служил в российской армии в чине полковника. Благодаря своему посту он приобрел многочисленные земли и стал известен своим жестоким отношением к крепостным. После падения монархии Домбаев, опасаясь мести крестьян, захватив с собой кое-какие деньги и драгоценности бежал в Стамбул вместе с «пройдохой по фамилии Врангель» [Talu 1926: 18]. Домбаев живет мечтой рано или поздно вернуться в Россию. Всегда в военной форме и в папаче с красным верхом, он прогуливается по улицам Стамбула, соря деньгами, а вместе с последней монетой тают и его мечты о возвращении. Утвердившись тогда в мысли продолжить свою жизнь в стране гостеприимных турок, не задающих лишних вопросов о его прошлом, он решает основать какое-либо предприятие. Продав последние мелкие бриллианты, он открывает ресторан на общих паях с одним греком. Но грек обводит его вокруг пальца. Чтобы избежать голодной смерти, Домбаев вынужден просить милостыню на улицах Бейоглу. С медалями и золотыми эполетами он выглядит аристократом и прохожие, стесняясь подавать ему мелочь, не дают вообще ничего. Не сумев прокормить себя даже таким способом, Домбаев решается на самоубийство. Купив бутылку яда, по дороге домой он случайно встречается русскую женщину, с которой был знаком в России. Это была княгиня Соня Шевмирская — супруга князя Шевмирского, дальнего родственника царя Николая II. Домбаев и князь — старые друзья и к тому же их поместья в Тифлисе находились по соседству. Князь был убит во время револю-

ции, а его молодая и красивая жена бежала в Стамбул вместе с другими «отбросами монархии». Домбаев и княгиня удивлены этой встрече, они делятся своими приключениями и находят поддержку друг в друге. Пожалевав Домбаева, княгиня предлагает ему пожить у нее. Не в пример другим русским беженцам, княгиня сумела сохранить свое состояние и нуждается в защитнике. Они начинают жить вместе. Домбаев ищет способы зарабатывания денег и, продав какую-то часть драгоценностей княгини, открывает на проспекте Истикляль данс-клуб «Зеленое гнездо». Княгиня же работает зазывалой у входа в клуб, привлекая клиентов. В короткий срок представители стамбульской золотой молодежи и нувориши, сколотившие на военных заказах солидные капиталы, становятся завсегдатями клуба, куда их зазывает очаровательная княгиня. «Понимающий» Домбаев делает вид, что не замечает близких отношений между Соней и некоторыми клиентами, так как это приносит заработок. Шекип, один из постоянных клиентов, проводит все свое время в клубе среди вкуснейших блюд, музыки и танцевальных представлений. Но с появлением официантки «Зеленого гнезда» Нади жизнь Шекипа полностью меняется. Надя изображена типичной «северной принцессой» — высокой красавицей с золотыми волосами. Надя происходит из благородной семьи, ее отец, один из наперсников царя, убит большевиками. Надя собирается вернуться в Россию и строит мечты о том наследстве, которое там получит. Надя сумела достаточно хорошо выучить турецкий и, начиная работать в заведении, дает себе слово держаться подальше от амурных дел. С другими посетителями ресторана она держит дистанцию, а вот к Шекипу относится с заметной симпатией. Но для Шекипа Надя — падшая девушка из низших общественных слоев и он злоупотребляет ее благосклонностью. Не найдя в себе сил пережить позор, Надя кончает жизнь самоубийством, а разрушивший жизнь девушки Шекип представлен в романе с эпитетом «поджигатель».

Другой роман «Содом и Гоморра» Якупа Кадри Караосманоглу [Karaosmanoğlu 2006], напечатанный впервые в 1928 г., открывает перед взором читателя Стамбул времен Перемирия. Мы становимся свидетелями вольного образа жизни, который ведут в городе иностранные офицеры, а также и того, как к ним присоединяются и отпрыски богатых турецких семейств. Офицеры английской, французской и американской армий проводят дни с турчанками с низкой социальной ответственностью, а русские эмигранты представлены здесь как фигуранты этих развлечений. Другими словами, русские выступают здесь на вторых ролях. В романе не описано прибытие русских в Стамбул или условия их жизни здесь; мы знакомимся с ними как с представителями различных про-

фессий сопутствующих сфере развлечений — они работают музыкантами, владельцами ресторанов, официантами, женщины занимаются проституцией. Положительный герой романа Неждет вместе со своим другом идет в ресторан «Московит». Здесь все устроено в русском стиле и, несмотря на ранний вечерний час, согласно русскому обычаю, все уже пьяны. Просторный зал этого заведения изображен так: «В центре залы танцуют хорон стройные моряки-кавказцы, русские княжны с прозрачными глазами прохаживаются меж столов, безумная музыка гремит со всей азиатской безудержностью и страстью, коварный и подлый хмель от водки, которую за столами пьют, словно воду — все это уже давно вскружило голову всем присутствующим, хотя было всего лишь половина девятого вечера. Причем до такой степени, что вся прислуга, начиная с гардеробщика, выглядела такой же пьяной, как и клиенты» [Karaosmanoğlu 2006: 174]. Ресторан «Московит» — это центр ночной жизни Стамбула, здесь можно встретить представителей самых разных национальностей. Разного рода «падшие» персонажи и иностранные офицеры пускаются тут во все тяжкие, тогда как русские персонажи простодушны и трудолюбивы, в них нет той распушенности, которую читатель замечает в представителях захватнической армии, русские вынужденно зарабатывают на жизнь прислуживая им. Другой важный сюжетный узел в романе — празднество, устроенное в честь открытия бара на Бейоглу. Здесь Неждет случайно встречает свою невесту Лейлу. Она весело проводит время с иностранными военными. Помимо английских, американских и французских приятелей у Лейлы есть еще и русские. Один из них — некий художник, заявляющий о себе как об известном и великом деятеле искусства и занимающийся, кроме живописи, еще и спиритизмом. У этого художника, от которого всегда исходят экзотические ароматы, прозрачные остекленевшие глаза и длинные волосы. И когда Лейла собирает у себя гостей, чтобы завоевать себе известность среди представителей ночной жизни Стамбула, ее русские друзья приходят развлекать приглашенных. Русский певец, танцовщица и еще два музыканта, которые когда-то играли на струнных инструментах в московской опере, дают на приеме концерт. Тенор — высокий, длинноволосый мужчина с бледным лицом, а музыканты похожи на обедневших русских князей. Глаза у одного — ярко-синие, а у другого — серебристо-серые. О русской танцовщице сказано: «...она словно приготовилась к своему последнему, смертельному танцу. Ее тонкое и быстрое тело, обтянутое гладкой белой кожей, выглядело так, словно в любой момент переломится, и этим будило в зрителях беспокойство. Она была вся в черном и даже голову обвязала черным же платком» [Karaosmanoğlu 2006: 215]. Они приня-

ли приглашение Лейлы только из дружеского отношения к ней и из-за возможности бесплатно поужинать. К концу ужина все они, кроме танцовщицы, изрядно опьянели. После ужина они представили фрагмент из балета «Шахерезада», отражающий восточные вкусы и впервые в тот год вышедший на сцены Стамбула. Кроме этого танца, исполненного ими довольно механически, они представили еще один танец в сопровождении музыки из русских сказок: «Юная женщина показывала зрителям весь испуг, быстрое биение сердца и глубокий страх человека или ребенка, окруженного волками где-то в заснеженной Сибири, и придавала всем своим движениям, поведению и даже голосу преувеличенно трагический тон» [Karaosmanoğlu 2006: 220].

Одним из авторов, который лучше всего описывает культурные изменения в Стамбуле, является Пейями Сафа. Через образ турчанки Нериман писатель отображает сомнения и колебания турецкого человека в период смены культур и перехода с восточной системы ценностей на западную. В районе Стамбула под названием Фатих жизнь протекает в восточном, турецком стиле, а вот в районе Харбие царит прозападный образ жизни. Идеологический выбор автора — в пользу восточной цивилизации. Работая над романом, он выстраивает события так, чтобы показать героям положительные стороны своей культуры. В изданном в 1931 г. романе «Фатих-Харбие» [Peşami Safa 1999] русские персонажи служат именно этой структурно-содержательной цели. Нериман идет в гости к дочерям своего дяди в Шишли, чтобы посоветоваться с ними о подготовке к балу. Там она встречает «пожилую иностранку в траурных одеяниях». После ее ухода двоюродные сестры Нериман рассказывают ей историю этой женщины. Эта женщина — русская. У нее есть красавица-дочь, которая уже давно живет с одним русским гитаристом, но пожениться они не могут из-за постоянных денежных проблем. Они живут в маленькой квартирке на Бейоглу в самых жалких условиях. Наступает день, когда девушка понимает, что больше не выдержит этого многолетнего нищенского существования и бежит от сожителя к богатому греку. После этого она начинает жить в большой квартире, в роскоши и довольстве, проводя время в развлечениях. А молодой гитарист продолжает играть в ресторанах, пытаясь заработать на жизнь. Но в короткий срок девушка понимает всю фальшь этой блестящей жизни: «Эта девушка была образованной и поэтому не придавала ценности бездушным вещам, а искала истинной красоты. Музыка, беседы и искренность... Все это было в ее жизни, когда она жила с музыкантом. Но сейчас, когда она живет с богатым греком, она лишилась этого... Окружающие ее люди бессмысленны, а тогда вокруг нее собирались люди воспитанные и порядочные. Все

они были бежавшими от революции русскими. И все они были бедны. Но каждый из них был ценен. Особенно после всего пережитого их понимание жизни стало еще шире и глубже, нищета воспитала их» [Safa 1999: 99–100]. Осознав разницу между истинными и ложными ценностями, девушка решает вернуться к молодому музыканту, но получает отказ и кончает жизнь самоубийством. Эта история производит на Нериман глубокое впечатление, она проводит параллель между жизнью русской девушки и своей и понимает, что совершила ошибку. Вот уже долгое время Нериман колеблется между двумя культурами и двумя мужчинами и вот теперь, после того, как она узнает о трагедии, пережитой русской девушкой, которую Нериман находит так похожей на себя, она выбирает Восток, то есть район Фатих и мужчину по имени Шинаси. Тезис о том, что и русские, и турки, отдавшие предпочтение перерожденческой богатой и роскошной западной жизни, обречены на горькую долю, является в романе основополагающим.

Опубликованный в 1938 г. и охватывающий большой исторический период роман Митхата Джемаля Кунтая «Три Стамбула» [Kuntay 2006] также описывает меняющуюся социально-духовную структуру Стамбула и положение высокородных русских, вынужденных покинуть родину и бежать в Турцию после революции 1917 г. Разбогатевший во время Второй конституционной монархии турок Аднан женится на Белкыс — дочери одного паши времен султана Абдульхамида. В образе Белкыс изображена женщина, которая заказывает наряды из-за границы и любит развлечения. Она ходит на чаепития к русской женщине по имени мадам Чарикова. Мадам Чарикова — супруга Николая Чарикова (Чарыкова), бывшего консула России в Стамбуле времен Первой мировой войны. После падения царской монархии месть Чариков ушел из жизни «в тайной и честной нищете» в Стамбуле, а мадам Чарикова дает теперь частные уроки иностранного языка и время от времени устраивает чаепития. «Она жила в своей маленькой квартирке в Бебеке и достоинство добропорядочности спасало ее от вежливой холодности, этого клише поведения нищих. Она умела оставаться царственной даже в таком небольшом доме. Строгое терпение, с которым мадам Чарикова относилась к безденежью, свисавшему с окружающих людей, словно тряпка, блистало в ней тусклым и высокомерным блеском оружия победителя» [Kuntay 2006: 512]. В доме мадам Чариковой Белкыс знакомится с русским князем Сергеем Ивановичем Небинским, который изменит всю ее жизнь. Князь Небинский — внук по материнской линии польскому принцу, который в свое время приезжал с визитом к падишаху Ахмеду III и о котором писал Вольтер в своем «Карле XII». Внешность и манеры князя производят

на нее завораживающее впечатление. Белкыс невольно сравнивает его со своим супругом Аднаном. И это сравнение явно не в пользу последнего — рядом с царственными манерами князя Аднан выглядит обыкновенным нуворишем местного «разлива». Белкыс принимает решение покинуть мужа и выйти замуж за князя. Ее не останавливает даже то, что князь продал жену кому-то в Стамбуле, чтобы выручить деньги на морфин. Для нее «...даже будучи морфинистом князь в тысячу раз лучше этого пахнущего религиозными письменами Аднана» [Kuntay 2006: 516]. Развал этого брака изложен в главе романа под названием «Русский князь». Деньги, которые князь выручил за продажу бывшей супруги, заканчиваются и вместе с ними пропадает и покой молодоженов. Не сумев заплатить за аренду квартиры, они вынуждены переехать в старый дом на Бейоглу, а без денег на морфин князь теряет все свое благородство, его отношение к Белкыс становится все хуже. Оставшись без средств на наркотик и азартные игры, князь начинает задумываться о том, чтобы продать и Белкыс.

Вышедший в 1943 г. роман Джевдета Кудрета «Однокурсники» [Kudret 2006] знакомит читателя с жизнью героя по имени Сулейман. Его биографический путь начинается в преддверии Первой мировой войны и прослеживается до периода оккупации Стамбула войсками Антанты. Русские в романе выступают как одна из новых общественных групп, образовавшихся в Стамбуле тех лет, которая привнесла в город много неизвестных ранее новшеств, в том числе и пляжную моду. В годы своей молодости Сулейман впервые знакомится с тайнами женского тела именно посредством русских женщин: в один из летних дней, когда он идет отдохнуть на пляж Флория, он со своего места на мужском пляже тайно наблюдает за посетительницами женской стороны. Чуть поодаль он видит русскую женщину, беседующую со своими подругами. Она опустила купальник до талии и подставила спину солнцу, у нее белая гладкая кожа, длинные стройные ноги и Сулейман говорит о своих ощущениях: «До этого момента я не знал, какой эффект может произвести женщина. Первое чувство, которое возникло во мне при взгляде в ее сторону, было желание прикоснуться» [Kudret 2006: 213].

В турецкой литературе есть произведения, демонстрирующие, что сильное влияние, оказанное русскими на местное общество в 1917–1923 г., имело свое продолжение и в 1930-х. Одно из таких произведений — роман Кемаля Тахира «Люди свободного города» [Tahir 1976], написанный в 1949 г., но изданный только в 1976 г. Действие романа в двух томах происходит в Стамбуле в 1930 г. Нравственный упадок, вызванный войной и экономическим кризисом, текущие политические проблемы и

любовные истории образуют главную коллизию романа. Благодаря некоторым чертам характера героя романа Мурата, схожими с самим автором, его можно считать в какой-то степени автобиографическим [Yılmaz 2005: 54]. Русские в романе появляются во втором томе. Они живут в Стамбуле уже более десяти лет. Напротив адвокатской конторы, в которой работает Мурат, расположена контора, принадлежащая русскому адвокату Алексею Петровичу Каразову. Но главное место отведено здесь не ему, а сестре его жены Тамаре, с которой Мурат знакомится через своего начальника Джелиль Бея. Известная своей красотой Тамара — образованная, культурная женщина. В течение какого-то времени она была любовницей Джеляль Бея и сейчас продолжает предоставлять мужчинам свои услуги за дорогую плату, хотя в деньгах не нуждается. Джеляль Бей отправляет ее в Анкару, чтобы через ее посредничество решить более коротким путем одну деловую проблему. С ней едет Мурат. В дороге они беседуют на разные темы. Тамара непрерывно пьет и объясняет Мурату, что любит алкогольные напитки. Спутники говорят в основном о России. Тамара очень тоскует по родной стране: «Мы живем, постоянно теряя что-то... Человек — существо ненасытное. И вот мы все время что-то теряем и даже не задумываемся над этим..., наверное, надо бы вообще не рождаться. Но ведь тогда мы потеряем даже это горькое удовольствие потери...» [Tahir 1976: 507]. Она называет свой родной город Петроградом, отказываясь от его нового имени. Тамаре очень тяжело принять, что такая огромная страна, как Россия, попала в руки «разбойников-большевиков». Она признается, что новости из России приходят все больше плохие: вместо инженеров на фабриках работают полуграмотные чернорабочие, что настоящих инженеров на фабриках уже не осталось, что армия находится в плачевном состоянии. Тамара верит, что большевикам скоро придет конец и считает, что другие страны не должны просто наблюдать за происходящим. Этот монолог важен с точки зрения описания идеологических настроений русской эмиграции 1930 года: мы понимаем, что изгнанники хотя и понимали свое поражение со стороны большевиков, все же не скрывают своего неприятия ситуации в стране — их разговоры полны зла и желчи. А знания о России Мурата, пусть даже довольно поверхностные, не содержат зла, и это нравится Тамаре. И Мурат соглашается, что и он сам замечал в русских — к примеру, в их водителе Хатмане — эту усталость и угрюмость и объясняет это злобой на судьбу.

Еще один писатель, прекрасно отразивший в своих произведениях проблемы турецкого общества периода смены культурных ценностей, — Ахмет Хамди Танпынар создает образ русского человека, основанный на особом внимании автора к выбору темы и своих личных впечатлений от

Стамбула тех времен. В его романе «Те, кто за сценой» [Tanrınar 1999], русские — это часть стремительно меняющегося облика города. Танпынар так описывает место русских в стамбульском хаосе того времени: «И сам вид города очень изменился. Солдаты-захватчики из разных стран, русские, которых каждый день привозят и выгружают на берег корабли, идущие с Черного моря, одеяния самых разных народностей — из-за всего этого старинный город стал походить на древнюю Александрию, этот огромный перекресток, где встречались и смешивались расы, и цивилизации» [Tanrınar 1999: 256]. Стамбул стал пристанищем не только для русских, бежавших из России после 1917 года, но для переселенцев из анатолийских и балканских земель. Но в то время, как другие внешние и внутренние эмигранты переживают разного рода трудности в процессе адаптации к новому месту, русские за три месяца сумели не только привыкнуть к Стамбулу, но и изменить его [Tanrınar 1999: 193]. Социальные группы в романе — это местные жители Стамбула, солдаты иностранных армий и русские. Последние изображены похожими, с одной стороны, на приехавших в этот город из других частей страны турок — своей бездомностью и отчаянием, а с другой стороны, на иностранцев — своей принадлежностью к христианской религии. Большое количество персонажей и неоконченность, неясность рассказанных историй позволяет читателю прочувствовать хаотическую обстановку города. И русские здесь представлены как важная часть этой смешанной атмосферы зарождающегося нового характера города; они быстро адаптировались и теперь упражняются в различных искусствах, меняя этим культурную жизнь и досуг города. До своего романа «Те, кто за сценой» Танпынар упоминает о русских эмигрантах в своем эссе «Пять городов», в сборнике эссе под названием «Стамбул». Повествуя о ресторанах и кафе Стамбула, Танпынар описывает и русские рестораны, куда они ходили с друзьями. Автор верил, что роль русских в жизни Стамбула не получила достаточного отражения на страницах литературных произведений, поэтому решил восполнить этот пробел в своем вышеупомянутом романе: «Почему-то ничего не сказано о влиянии русских на жизнь Стамбула. Тогда как тот же эффект, который оказали в период Переустройства (Танзимат) французы и итальянцы, <...> сейчас оказали русские. Они привезли к нам новые моды — от женской одежды, ресторанов и баров до пляжей. Сначала они покорили Бейоглу, а потом понемногу добрались и до других районов Стамбула, и до наших маленьких кафе. Графини и княжны в мехах, с уложенными волосами, чуть полными щеками, белокожими напудренными лицами, в украшениях, стали подносить нам чай и кофе, а в ресторанах — заказанные блюда, за которые у нас едва хва-

тало денег заплатить; а в гардеробах наши старенькие рваные пальто и плащи стали принимать бывшие генералы или полковники с бородой до середины груди. Царские охранники, бывшие полковники и аристократы стали плясать перед нами кавказские танцы. Еще никогда Стамбул не был таким богатым на деньги и развлечения, еще никогда баланс между разными общественными группами не изменялся до такой степени. На каждом углу слышались звуки балалайки. После 1920-х годов царский балет ненадолго приехал в Стамбул и богатые стамбульцы смогли посмотреть новейший балет нашего времени, который после французского и европейского театра и балета выглядел просто новым временем года. «Шахерезада» Римского-Корсакова шла на Бейоглу несколько дней подряд» [Тапирар 2001: 71–72].

Если в романе «Те, кто за сценой» о прошлом русских, о причинах их приезда в Стамбул или о тех трудностях, которые им пришлось пережить на чужбине, не было сказано ничего, то в романе «Пять городов» Тапирар концентрирует свое внимание на тех переменах, которые привнесли в жизнь Стамбула русские переселенцы: «Доход, который потоком шел в городскую казну из кошельков захватчиков, полностью изменил способы зарабатывания денег, а его уровень принес просто невообразимые изменения. Вокруг иностранных гвардий сразу возник своего рода сектор услуг, направленный на удовлетворение их повседневных нужд. Те люди, что были пошустрее, разговорчивее других или просто менее щепетильны, набросились на эти новые рабочие места и быстро сколотили себе состояния, потерять которые было также просто, как и получить. Вокруг этих легких заработков забурлила ночная жизнь, которая под воздействием русских принимала совершенно новые, невиданные образы и формы. На Бейоглу открылось множество ресторанов, баров, дансингов, которые тут же изменили внешний вид стамбульских улочек с тихими кафе, где солидные местные бей-эфенди пили утренний кофе или вечерний чай, не спеша читали газеты и негромко жаловались друг другу на то, куда катится этот мир. Изящные русские женщины и девушки с тонкими чертами, в белых кавказских жакетах, черных сапогах, с напудренными белокожими лицами, в туго повязанных платках, как когда-то давно делали и турчанки, все как одна утверждали, что являются принцессами, контессами или, на худой конец, представительницами богатых буржуазных семей! Это встречалось настолько часто, что почти всякий, кто сходил на турецкий берег, непременно имел какой-либо аристократический титул. Они слетались в эти маленькие тихие места уединенного отдыха словно стая прекрасных и необычайно опасных пери, вместе со своими мужчинами, иногда покалеченными, усыпан-

ными медалями и орденами, тоже в кавказских или казацких костюмах. В каждом крупном кафе играли в лото, в определенные часы убавляли свет и стройные молодые люди начинали исполнять кавказские танцы, и женщины тоже иногда что-то танцевали. В тех же районах города, где кафе вечерами закрывались, да и клиентов было меньше, по улицам стали ходить бродячие музыканты» [Taпpınar 2001: 257].

Об этих уличных музыкантах и продавцах часто говорится в романе именно как о части нового облика города. Теперь русских можно встретить в городе на каждом шагу. Гуляя по городу, герой романа Джемаль встречает «русского продавца чая с самоваром на тележке и с окружившей его небольшой толпой прохожих» [Taпpınar 2001: 257]. В его детские годы увеселительная жизнь на берегах Босфора была сугубо местной, турецкой, а теперь в ней слышатся звуки гитары и мандолин, а также балалайки, на которых американские солдаты заставляли играть русских. Помимо общих замечаний и описаний роли русских в повседневной жизни города, в романе «Те, кто за сценой» есть и конкретные персонажи, так или иначе связанные с Джемалем. Джемаль ищет в Стамбуле сведения о Сабихе и узнает, что муж Сабихи Мухтар и ее отец Сулейман Бей проводят время с русскими девушками в барах Бейоглу и ресторане «Московит» в районе Тепебаши. Кроме этого, до него также доходят слухи, что Мухтар связан с человеком по фамилии Михайлов — братом русской женщины по имени Юнешка — и занимается вместе с ним азартными играми и торговлей героином. Джемалю становится очень любопытно познакомиться с Юнешкой и узнать от нее о Сабихе. Сабиха, появляющаяся на страницах романа позже, является его главной героиней и русские персонажи в романе введены посредством окружающих эту женщину мужчин. Юнешку писатель изображает так: «...я познакомился с Юнешкой. В тот день, когда я впервые увидел ее у Хасан Бея, в ее рукопожатии мне почудилось какое-то особое значение <...> Во мне зародилась надежда, что с ее помощью я смогу узнать что-нибудь об отношениях между Хасан Беем и Сабихой и искал случая познакомиться с ней. И после нескольких визитов в ресторан в Тепебаши мне это удалось. В тот же день она отвела меня в свою квартиру, что была неподалеку. Странная это была женщина. Она словно решила восполнить холодность своего характера преувеличенной послушностью и поэтому отдавалась мужчинам словно механически, словно наблюдая за всей этой непонятной возней издалека, из какой-то точки в своем мозгу наблюдая с интересом и даже с жалостью» [Taпpınar 2001: 261].

Джемаль начинает ходить в гости к Михайлову, на его квартиру, находящуюся на улице Борса, на двери которой висят две таблички: «Фото-

граф» и «Профессор психических наук». Сам Михайлов занимался тем, что «внезапно появлялся перед наивным клиентом со своим холодным и пронизательным взглядом сквозь сияющие стекла очков без оправы — очки в оправе тогда еще не вошли в моду — и самолично выполнял функции профессора психологии. В действительности, это было простое гадание. Стоило ему только разложить перед собой карты, как он начинал говорить без остановки, как водопад, и представлял столько положительных и отрицательных возможностей и вероятностей, что изумленный клиент не мог не поверить, что профессор читает его жизнь, как открытую книгу <...> В начале 1922 г. Михайлов выпустил книгу гаданий, в которой предсказал скорую победу страны в Национальной освободительной войне. Вплоть до последних лет я то и дело встречал эту книжицу то тут, то там и каждый раз тихонько смеялся, потому что настоящим ее писателем был я, Джемаль собственной персоной. Сначала я принял его просьбу о помощи — «Я не очень хорошо знаю турецкий!» — а потом понял, что это дело затянется и закончил все сам буквально за полчаса» [Тапринар 2001: 262].

Кроме гаданий Михайлов постоянно занимается распитием горячительных напитков. Он и его приятель Петров все время пьяны. Их стол всегда заставлен различными русскими закусками, здесь упоминается о рыбах в оливковом масле, соленьях, копченостях и самоваре. А сам Михайлов, который из-за своих темных дел с Мухтаром чудом избежал ареста, описывается как «...полный блондин с французской бородкой. Прекрасно знает русские песни» [Тапринар 2001: 263]. Фотографией же занимался его друг Леон Леонович — «...человек с будто треснувшим пополам лицом и ничуть не украшавшей его улыбкой» [Тапринар 2001: 270]. Основная особенность этого влюбленного в Юнешку молодого русского — его умение играть на скрипке. Среди слушателей Леона есть один из важных персонажей романа — преподаватель истории искусств Ихсан, от которого Джемаль впервые узнает о роли русских в городской жизни: «В Стамбуле много русских. Они вошли в городскую жизнь, как только приехали. Ты еще не видел, как следует Бейоглу, они его очень изменили <...> Рестораны, бары, маленькие развлекательные кафе на каждом шагу <...> И особенно женщины — они многое привнесут в нашу жизнь. Одежда наших женщин изменилась уже сейчас. Это русские ввели моду на туго повязанные головы <...> Деньги в Стамбуле тратятся необычайные. Русские привезли с собой такую игру, называется лото, и перевернули с ней весь Стамбул. А посмотри на этот ресторан <...> Больше половины присутствующих — беженцы из России. И многие из них приехали всего год назад. Поселились в каких-то домах в Махмутпаша, Султанахмед»,

Баязете. В первое время американцы подавали им по двадцать-тридцать курушей в день. А теперь они все сами зарабатывают. И знаешь, как? Заставляя нас принять их искусство. Делают декорации в кинотеатрах, продают свои картины, красят стены в домах <...> А сколько приехало музыкантов! Здесь, в Тепебаши, устраивают балеты и театральные представления» [Tanrınar 2001: 198–199].

К сожалению, дальнейшие отношения Джемаля и Сабихи и освобождение Стамбула в результате национальной борьбы — эти сюжетные линии в романе оставлены без продолжения. Единственная информация о событиях после 1920 г. содержится в главе, посвященной отношениям Джемаля и Михайлова. Мы узнаем, что Джемаль стал доктором и что злключения русских в Стамбуле продолжались и в 1922 г.

С началом отъезда русских белоэмигрантов тема русских в турецких романах не прекратилась. Наиболее интенсивно разрабатывал эту тему Аттила Ильхан, писавший свои романы с 1950-х по 2000-е г. Он всячески подчеркивал важность представителей русской эмиграции в социальной жизни города. Его роман «Негры не похожи друг на друга», в котором он впервые затрагивает эту тему, увидел свет в 1957 г. [İlhan 1987]. Действия романа разворачиваются в Париже. Герой романа идет в местечко под названием «Микадо» и очень удивляется, увидев здесь русских, играющих на балалайке, гармонике и гуслях. Завидев русских, Мехмет Али и его друзья вспоминают героев одного из романов Достоевского — юных студентов в мундирах, заигрывающих с нищими девушками из рабочей среды [İlhan 1987:108]. Один из русских, Петр Иванович, исполняет какую-то песню, а Мехмет Али пытается представить себе его жизнь в царской России. Он замечает в певце что-то аристократическое и так рисует себе его прошлое: «Он был офицером царской армии, командовал казаками на донских берегах. Потом вместе с Деникиным воевал с красными, а последние двадцать лет живет в Париже» [İlhan 1987: 115].

В другом романе Ильхана «Ужин с волками» [İlhan 20056], вышедшем в 1963 г., где описана бурная политическая атмосфера 1950-х годов, в том числе и упадок, царящий в ночной жизни города, также встречаются образы русских. Отсюда становится понятным, что некоторые из русских беженцев, приехавших сюда в 1920-х годах, все еще остаются здесь и в 1955 г.

Роман Ильхана «Острие ножа» [İlhan 1973], опубликованный в 1973 г. как первая книга из серии «Те, кто в зеркале», впервые описывает русский персонаж детально. Действия романа происходят в первые пять месяцев 1960 г., а главная тематика романа — социальные и политические причины военного переворота 27 мая. Герои романа муж и жена — Халит и

Суат. Оба — отошедшие от общественной жизни, утратившие свои революционные идеалы люди, заблудившиеся в лабиринте психологических и сексуальных проблем. Русский персонаж романа — Надежда Евгеньевна, о которой время от времени думает Суат в своих воспоминаниях о детстве. Надежда Евгеньевна была гувернанткой маленькой Суат и учила ее французскому языку. Надежда — молодая блондинка с маленьким ртом, чуть курносый миниатюрным носом, миндалевидными глазами и соболиными бровями. Надежда рассказывает о своем прошлом каждый раз по-разному. Ее отец Евгений Федорович Николаев погиб, когда бежал от большевиков. Надежде и ее матери удалось бежать через Одессу в Стамбул. Эта трагедия оставила свой след в сознании девушки и поэтому она каждый раз выдумывает себе новое прошлое. В этих историях ее отец выступает то как подполковник, то как провинциальный помещик, то как князь, а иногда и как политический деятель. Неизменным остается единственный факт — трагическая смерть отца Надежды в Царицыне. Надежда и ее мать были вынуждены оставить тело отца и бежать в Одессу, а оттуда в Стамбул. Они сошли на пристань у Галаты, в снежный, холодный день, напоминающий зиму в России. Но святая Россия умерла вместе с отцом Нади и теперь девушка тоже желает смерти. Мир кажется ей безумным, а люди — лживыми и безжалостными. Надежда — девушка с чистой душой и наивной улыбкой, легко вызывает к себе симпатию. Все любят ее за искренность и теплоту. Из-за привлекательности и очарования девушки владельцы дома не замечают ее невнимательности, «очаровательной лености», детских заигрываний и даже того, что она все еще не научилась правильно говорить по-турецки. Все эти особенности Надежды делают ее постоянной жительницей виллы семейства Суат. Свою комнату с видом на сосны у дома она называет «голубиным гнездом» и очень быстро приводит ее в привычный для себя вид: на стены она вешает икону Богородицы, киевские ножи, кафтаны и балалайку. Надежда обучает Суат французскому, а Суат играет ей на пианино произведения Дебюсси. Девочка-подросток Суат очень дорожит дружбой с Надеждой, потому что только с ней она может поговорить на запретные темы. У Надежды нетрадиционная сексуальная ориентация и впервые читатель узнает об этом, когда она склоняется к отношениям с Суат, а потом и ее мать Хайрун. Однажды Суат случайно застаёт Надежду и свою мать вместе и этот случай глубоко травмирует ее психику, а в дальнейшем приводит к отказу от отношений с матерью. Теперь она ненавидит и мать, и всех русских женщин и становится революционеркой.

В романе «Шакалья доля» [İlhan 1974] Аттила Ильхан рассказывает о дальнейшей судьбе Надежды и вводит в повествование еще один русский

персонаж. Этот роман, опубликованный в 1974 г., является второй книгой серии «Те, кто в зеркале». Временной период, описываемый в этом произведении, — лето 1960 г. Сюжет основан на семейных отношениях полковника турецкой армии Ферида после переворота 27 мая 1960 г. Проследившая судьбу полковника, автор ретроспективно возвращает нас в 1919 г. Русские персонажи появляются на страницах романа, когда мы узнаем о жизни Ферида в Стамбуле в период оккупации города войсками Антанты. В отеле в районе Асмалымешжит останавливаются множество людей разных национальностей. Среди них вынужденные эмигранты, бежавшие от революции в России, — граф Игнатъев и его супруга Екатерина Игнатъева. Граф Игнатъев — человек с обвислыми татарскими усами в шелковом кафтане мутно-зеленого цвета с застежкой на плече, ходит от одного стола к другому и спрашивает у всех присутствующих, не видели ли они его жену [İlhan 1974: 92]. Он мрачен, привлекателен и грозен [İlhan 1974: 320]. Живущий в соседнем номере доктор Ферид часто слышит сквозь стены их ссоры и сцены ревности. Во время очередного скандала граф убивает жену из нагана. Екатерина Игнатъева закатывает глаза и падает с лестницы прямо к ногам Ферида. Глазами Ферида мы видим кондитерскую «Петроград», принадлежащую русским эмигрантам. Здесь мы встречаем князей, считающих уже вышедшие из обращения романовские рубли, видим полнотелых, белокурых русских женщин, курящих русские папиросы с мундштуком и рассказывающих собравшимся вокруг мужчинам свои невероятные приключения в революционной России.

Четвертый роман из серии — «Утренние азаны Дерсаадеда» (Дерсаадед — одно из старых названий Стамбула — Авт.) [İlhan 1981] был издан в 1981 г. В романе русские изображены в разных контекстах, которые можно классифицировать следующим образом: сближение между Турцией и Россией во времена национальной освободительной борьбы против захватчиков, деятельность русских эмигрантов-приверженцев монархии и отношения между царской Россией и Османской империей. Чаше других мы встречаем на страницах романа ключевую фигуру — князя Дмитрия Алексеевича Брагина, который, как и другие, бежал из России после революции. Он же — любовник Гюлистан Сатвет из романа «Шакалья доля», только там он назван князь Алексей. Князь, являющийся завсегдатаем ночных заведений Стамбула, представляется дальним родственником Романовых и утверждает, что командовал казачьим полком в звании полковника. Он расхаживает по Стамбулу в повязанном кушаком светло-зеленом мужицком кафтане под горло и прочных мужицких сапогах. Волосы его растрепаны, а борода мягка, как шелк. Он свободно владеет

немецким и французским, а самая главная его особенность — это умение бросать деньги на ветер. Он проводит свои дни за игровым столом, в развлечениях и пьянстве. У него две большие страсти — автомобили и породистые лошади. Он все еще со слезами вспоминает английских скакунов, которых был вынужден оставить в России. Но он все же сумел спасти двух-трех самых дорогих его сердцу лошадей и машину марки «Бугатти», нанять паром и привезти их в Стамбул, а вместе с ними прихватил и своего повара, кучера и слуг. Он планирует переехать в Европу. Тем самым князь Брагин резко отличается от более привычных читателю других русских персонажей, живущих в Стамбуле в большой нужде. У князя Брагина близкие отношения с еврейским семейством Мизрахи. Роза Мизрахи и ее дочь Рахель известны своими тесными связями с живущими в городе иностранными захватчиками, а также своими увеселительными приемами. Князь для того и наведывается так часто в дом Мизрахи, чтобы сблизиться с иностранными силами и переслать через них помощь монархистам в России. Он рассказывает всем о прекрасной русской охоте, вскользь замечает, что угроза царскому правлению в России не так велика, как о ней говорят, и признается, что большевики просто поймали их врасплох. Борцы национального освободительного фронта узнают, что князь Брагин тайно встречался на вилле Мизрахи с Кеннетом Морли из английской разведки. Они выясняют, что целью основанного в Стамбуле Общества беженцев было прежде всего оказание помощи белой гвардии в Украине и Деникину, и что все обсуждения этих планов происходили именно в доме Мизрахи. Турки внимательно следят за войной в России. Мюниф Сабри утверждает, что англичане пытаются вербовать солдат среди беженцев в Стамбуле, и предлагают двору падишаха облегчить условия примирения в обмен за право использовать османскую армию против большевиков. Но падишах, по его словам, отклоняет такое предложение [İlhan 1981: 299]. Англичане не афишируют своих связей с русскими и именно по этой причине используют виллу Мизрахи в качестве ширмы. А в конце романа стараниями Ресула Ходжаева выясняется, кем на самом деле был князь Брагин — генерал-майором царской гвардии и связным в отношениях с английской разведкой, настоящее же его имя Павел Александрович Макаров [İlhan 1981: 374]. Спустя несколько дней после убийства Морли убивают и Мюнифа Сабри, а о дальнейшей судьбе князя Брагина (Макарова) в романе не говорится. Другого крупного русского персонажа в романе нет, но русские часто фигурируют в общем хаосе Стамбула времен Перемирия. Прежде всего это прекрасные зеленоглазые женщины с необъятной грудью, в шелковых одеяниях [İlhan 1981: 269] и пьяные от тоски по дому, кокаина и водки

русские аристократы [İlhan 1981: 275]. Здесь есть и белокурая русская красавица, подкрашивающая губы и напевающая под бульканье самовара в русской кондитерской, и «белокожие русские шлюхи», отправляемые на разного рода празднества [İlhan 1981: 347].

В 1988 г. под названием «Мы в той темноте» выходит в свет пятая книга из серии «Те, кто в зеркале» [İlhan 2003]. Здесь повествуется о Стамбуле времен Второй мировой войны. В этот роман также введены несколько русских персонажей. Самый важный из них — любовница Ахмеда Зии Елизавета Ивановна, с которой он знакомится в 1935 г. в Стамбуле. В первый раз Ахмед Зия встречает ее на входе в кондитерскую «Маркиз», и его поражает красота этой русской женщины. Елизавета Ивановна — полнотелая аристократка в собольей шубе, у нее серо-зеленые глаза с тяжелыми веками и «в руке с красными ногтями и длинными и гибкими, словно шея лебедя, запястьями, она все время держит сигарету с золотистым фильтром; с водкой они — старые приятельницы, да и с шампанским у нее прекрасные отношения. Кроме русского, она владеет еще тремя языками. Время от времени продает свои драгоценности и на вырученные деньги живет в великолепной квартире на улице Бекяр» [İlhan 2003: 147]. Внешность Ахмеда тоже производит впечатление на Елизавету, ей нравится то, что он походит на Евгения Онегина и владеет русским языком. В первый же вечер она приглашает Ахмеда, с которым она может поговорить на родном языке, к себе домой и они начинают жить вместе. Елизавета Ивановна — морфинистка. Наркотик ей поставляет другая русская женщина, Галина Александровна. Во время своего сожительства с Елизаветой Ахмед знакомится с несколькими русскими, которые все еще помнят Первую мировую войну. Немцы строят планы по использованию русских эмигрантов в борьбе против новой советской России. Один из таких русских, которого Ахмед Зия знает лучше других, — полковник Игорь Восленский, — ветеран с деревянной ногой, зарабатывающий на жизнь ремонтом фотоаппаратов. Есть среди них и княжна Татьяна — дамская портниха, проживающая в Айналычешме, а на самом деле занимающаяся сводничеством. Она тоже сохранила свои связи с оппозиционными силами в России. О планах немцев Ахмед узнает непосредственно от полковника Восленского. И тот факт, что полковник неожиданно от жалкого и бедственного положения переходит к более-менее комфортному образу жизни, является в глазах Ахмеда неоспоримым доказательством его сотрудничества с нацистской Германией. В 1938 г. Елизавета Ивановна осуществляет свою давнюю мечту и уезжает в Париж. Ахмед время от времени узнает новости о ней от их общих друзей. Сейчас Елизавета живет в Монте-Карло с потомком одного из ос-

манских падишахов. В целом, политические действия русских эмигрантов во время Второй мировой войны оцениваются в романе негативно. Кроме вышеназванных персонажей, мы встречаем в произведении упоминание о ресторанах, открытых в Стамбуле русскими переселенцами. Наиболее часто упоминаемые заведения «Петроград» и «Режанс». Днем здесь обитают все больше женщины-морфинистки, художники, пьяницы и старики. Красивые светловолосые русские девушки подают посетителям борщ, котлеты по-киевски, икру и водку [İlhan 2003: 106, 312]. Еще одна русская девушка, речь о которой идет в романе — Надя, бывшая на определенном этапе своей жизни, как и Елизавета Ивановна, любовницей Ахмеда. Они знакомятся в 1938 г. на пляже, когда Ахмед возвращается после командировки в Германию. Как уже было сказано, именно русские принесли в Турцию моду на купание. Надя — смуглая девушка с глазами цвета зеленого стекла. Ее мать гречанка, а отец — русский. Она работает танцовщицей в одном из казино на Тепебаши. Во время своего «страстного, словно водоворот» романа с Надей Ахмед не замечает надвигающейся войны [İlhan 2003: 87].

Последний роман из этой серии — «Рейс Паша» [İlhan 2002], изданный в 2002 г. Здесь мы снова встречаем князя Брагина, о котором читали в предыдущих книгах серии. Он тот же, что и в романе «Утренние азаны Дерсаадеда»: занимается антибольшевистской деятельностью, живет в роскоши, торгует героином и женщинами. В романе «Рейс Паша» рассказана история сближения князя Брагина и доктора Мелек. Ахмед Зия никак не может понять, что связывает его жену, известную в социальных кругах своими радикальными взглядами и манерой поведения «а-ля Роза Люксембург», с этим русским. Она утверждает, что берет у Брагина уроки языка, но это не вызывает у Ахмеда никакого доверия к этому торговцу героином и распутными женщинами. В глазах Ахмеда князь Брагин — грязный тощий тип с нечесанной бородой, хотя и не имеющий себе равных в щедрости [İlhan 2002: 179]. Другой вопрос, о котором задумывается Ахмед Зия, — о возможном решении его супруги, являющейся по исповеданию ассирийской христианкой, вернуться к своим религиозным корням под воздействием своего знакомства с князем. Доктор Мелек стала курить папиросы в мундштуке и в подражание русским женщинам туго повязывать голову [İlhan 2002: 295]. Князь Брагин нередко приглашает доктора Мелек и ее мужа в одно заведение, где выступает переодетый в женское платье мужчина по имени Бенли Панайот. А другая участница их группы, Гюлистан Сатвет, жалуется, что известный своей щедростью князь из-за своих долгов перестал доставлять ей героин [İlhan 2002: 224].

Вторая часть романа «Гази Паша» [İlhan 2005a], которая называется «Рейс Паша», вышла в 2005 г. Здесь мы встречаемся с некоторыми героями предыдущих книг серии — Ахмедом Зиёй, доктором Мелек, князем Брагиным и новым персонажем произведения — русской Екатериной Ивановной Василевич. Ахмед Зия занят проблемами российско-турецких отношений периода Войны за освобождение. От него мы узнаем, что Мустафа Кемаль Ататюрк намерен заключить союз с Советской Россией, но Мустафа Супхи и Энвер Паша против такого сближения. От него же мы узнаем и о положении русских в Стамбуле времен национальной борьбы за освобождение. Ахмед Зия недоволен дружбой своей жены Мелек с «подозрительной» Екатериной Ивановной, потому что Мелек проводит все свое время около «Кати», у которой часто случаются нервные срывы, и совсем забросила дом и мужа. По мнению Мелек, причина этих срывов — сильнейшее нервное напряжение женщины от того, что ее никак не могут разделить между собой некий французский полицейский и английский дипломат. Но Ахмед Зия не верит в благородное происхождение Кати и в то, что ее родовое поместье в Рязани было отобрано большевиками, потому что каждый русский эмигрант здесь называет себя аристократом и большая часть из них непременно лгут. Князь Брагин и в этой книге является персонажем отрицательным. Ахмеду претит вид князя с его «редкой черной бородкой, свисающей вокруг рта, как засохшая рвота», когда тот строит из себя царя в престижном отеле «Пера». В отличие от Ахмеда его жена Мелек считает Катю истинной аристократкой, в основном благодаря тому, что значительную часть своей жизни Катя провела в Берлине. Она говорит на немецком и французском языках. Ахмед Зия начинает подозревать, что Катя каким-то образом обворовала, околдовала его супругу. Изменения, произошедшие в ней под влиянием князя и Екатерины, вызывают у него отчаяние. Доктор Мелек поменяла вывеску на своем рабочем месте, теперь на ней написано «Др. Мелехо Аффам». Она совсем коротко подстригла волосы и стала делать макияж. В качестве следующего шага она планирует перенести свой частный кабинет из района Диванёлу в район Шишли, потому что под влиянием русских друзей у неё изменилась и клиентура. Отныне она лечит только европейцев и русских. Как раз в эти дни в Стамбул приходит весть о том, что турецкая армия освободила Измир от греков, и это становится причиной большой радости среди местных жителей. Ахмед беседует об этом со своим другом Мустафой Эшрефом и, слово за слово, они приходят к теме дружбы между Мелек и Катей. Когда Ахмед называет ее княжной Екатериной, Мустафа Эшреф неожиданно вскипает: «Какая еще княжна? Да она самая что ни на есть проститутка, это Брагин выдумал, чтобы

подороже продать ее иностранным офицерам. Они постоянно ругаются, потому что, кроме прочего, она еще лесбиянка и наркоманка. Стоит ей не послушаться Брагина, как он перестает давать ей героин; у нее начинается кризис и вот тогда ваша благоверная супруга спешит на помощь» [İlhan 2005a: 313]. Несмотря на свою антипатию к такому стилю жизни, Ахмед Зия остается в романе пассивным наблюдателем.

Другой современный писатель, описывающий на страницах своих произведений русских героев, — Мюневвер Аяшлы. Ее роман «Три дочери Пертев Бея» [Ayaşlı 2005], изданный в 1968 г., является первой книгой серии. В произведении повествуется о семье Пертев Бея, потерявшего все свое богатство, на фоне развала Османской империи. И здесь мы тоже читаем о том влиянии, которое оказали на общественную жизнь Стамбула русские эмигранты. Старшая дочь Пертев Бея — Сельмин начинает работать секретарем-переводчиком в одном бюро, чтобы материально поддержать своих родных. В ту зиму 1918–1919 г., когда она каждый день ездит на работу по маршруту Кадыкёй-Каракёй, она тоже туго повязывает голову платком по принесенной русскими моде. И в целом, в своем бежевом пальто, с сигаретой в руке и платке на голове она похожа на русских женщин, поэтому мужчины пристают к ней, называя ее «харашо». Кроме этого слова стамбульские мужчины выучили еще несколько русских слов, которые пускают в ход с целью знакомства с русскими эмигрантками. Писательница подчеркивает, что «иметь знакомство» с русскими женщинами стало своего рода модой в те годы [Ayaşlı 2005: 65]. Общий дискурс повествования дает нам понять, что автор с симпатией относится к прежней стамбульской культуре и такие признаки распущенности вызывают у автора неодобрение. В роман введена русская героиня по фамилии Пегова. 1925 г. оказался годом особой моды на декоративное оформление помещений и на живопись. Пегова занимается покупкой декорированных абажуров, ей приходится по вкусу абажуры, выполненные сестрами Джавидан и Сельмин, она покупает всю партию и заказывает новую. Это становится для сестер источником заработка на многие годы, но близкое знакомство с Пеговой происходит намного позже. В целом можно сказать, что русские здесь представлены как неотъемлемая часть нового общественного уклада и даже одно из старейших стамбульских семейств зарабатывает на жизнь своей работой на русскую заказчицу. То есть здесь их влияние не ограничивается модой или отношениями между полами — они также создают в городе новые отрасли деятельности и рабочие места.

Русские персонажи в турецком романе после 1990-х годов

Если в предыдущий период писатели вводили русские персонажи, находившиеся в Стамбуле во времена Перемирия, то после 1990 г. эти персонажи описаны вне политического и исторического контекста, но и здесь можно найти отголоски предыдущих романов и воспоминаний.

Роман «Курт Сеит и Шура» [Bezmen 1992] был написан Нермин Безмен на основе истории ее семьи и издан в 1992 г. Роман посвящен дедушке писательницы Сеиду Эминову. В предисловии писательница сообщает, что в тексте слиты воедино выдумка и реальные факты. Он основан на воспоминаниях и рассказах очевидцев того периода. Работая над романом, Нермин Безмен брала интервью у свидетелей и проводила исторические исследования. Затем все эти данные были творчески переработаны в литературный текст. В этом отношении роман Нермин Безмен — единственное в своем роде произведение турецкой литературы о русских.

Роман Зеррин Коч «Люди мокрого города» [Koç 2000] рассказывает историю трех поколений одной семьи, переехавших из Бухары в Турцию в 1900-х годах. Действие происходит в одной из деревень недалеко от города Самсун. Русская героиня возникает в биографии семьи в 1930 г. Мы не знаем ее имени — в романе она упоминается как «русская невестка». Ее супруг Фейзи употребляет в отношении своей русской жены такие эпитеты, как «грязная беженка» и «дурно пахнущая», плохо относится к ней и детям. В романе создан образ бедной, вынужденной работать на семью мужа, одинокой, молчаливой женщины с большими голубыми глазами. В дальнейшем ей удастся бежать и тем самым она спасается.

Роман Элиф Шафак «Дворец вшей» [Şafak 2002], вышедший в 2002 г., повествует о событиях, произошедших в Стамбуле в мае 2002 г. Читатель узнает об обычной с виду жизни жителей дома под названием «Дворец Бонбон», выстроенного на заброшенном кладбище. Но главным героем этого текста с большим количеством разнообразных персонажей является все тот же Стамбул. Он открывает свои двери всем приезжим, в том числе и русским, но исполнить все их мечты и ожидания ему никак не удастся. Семья Антиповых бежит в 1920 г. сначала в Стамбул, а затем — в Париж. Но забыть Стамбул им так и не удастся, поэтому, выйдя на пенсию, они возвращаются сюда и строят здание «Дворец Бонбон». Антипов желает, чтобы его супруга, которая перенесла в Стамбуле 20-х годов много трудностей и лишений, вернулась бы в этот город победитель-

ницей, владелицей своего собственного дома, в котором она могла бы дожить свои последние дни полновластной хозяйкой. Так и начинается история этого дома. Спустя многие годы вещи и воспоминания этой русской семьи снова появляются в жизни современного Стамбула. В этом романе пожилая Мадам прячет в своей квартире старинные вещи, принадлежавшие русской семье, но другие жители дома об этом и обо всей истории семьи Антиповых ничего не знают. Здесь проводится параллель со Стамбулом, совсем забывшим о русских, которые когда-то так сильно изменили его облик. Он словно спрятал их в забытых комнатах истории, словно этих людей никогда и не существовало. Этим приемом писательница пытается еще раз напомнить забывчивым жителям современного Стамбула о многогранности и пестрой культурной истории этого древнего города.

В романе Тургая Фишекчи «Останься со мной навсегда» [Fişekçi 2006] мы знакомимся с политической историей Турции после 1980-х годов. В 2005 г. роман получил премию книжного дома «Инкилап». Герой романа Юсуф вынужден бежать из страны после переворота 1980 г. из-за связей с революционной организацией. В романе изложена история его переезда и отношений с любимой девушкой по имени Аслы. Детального описания русских в романе нет, но русский ресторан в районе Аязпаша занимает в структуре романа важное место. Именно здесь начинаются отношения Юсуфа и Аслы еще до 1980 г. За ужином им предлагается выбор русских блюд и ржаная водка. Владеет рестораном одна русская женщина, которой уже больше восьмидесяти лет. Она уже совсем больна и слаба, с трудом передвигается, но все же всегда элегантна и приветлива по отношению к посетителям. Писатель сообщает, что русские работали зачастую именно в этой сфере и открыли в Стамбуле такие рестораны, как «Режанс» и «Туркуаз», придавшие городу своеобразную, неповторимую атмосферу. Чтобы читатель лучше представил себе трагичность судеб русских эмигрантов, в роман введена короткая история об адмирале Петроспесиоти, который в царской России был одним из известных адмиралов флота, а здесь служит капитаном на катере [Fişekçi 2006: 23].

В романе Сельмы Фындыклы «Запах гвоздик в морском ветре» [Findıklı 2006] мы узнаем об Измире периода начала XIX — середины XX века, о его бурном прошлом и космополитичной культуре, частью которой являются и русские. Десятая глава романа, в которой мы и знакомимся с семьей Василиловых, носит название «Ах, Петербург». Семья Василиловых, пережившая те же трудности, что и другие русские беженцы, сумела прижиться в Измире, где живет сейчас довольно счастливо, но тем не менее тоска по родине не отпускает их. «Запах гвоздик в морском

ветре» — роман эпохи постмодерна, где исследуются понятия личности, культурной идентификации и исторических корней.

Роман Абдуррахмана Топчу «Берта» [Торџи 2006] опирается на реальные истории и личностные драмы, количество которых так возросло в 2000-х годах, и пытается через них передать особенности описываемого исторического периода. Одна из таких сюжетных линий начинается в дореволюционной России и продолжается в Германии времен Второй мировой войны. Мы имеем возможность проследить, как политические катаклизмы разбивают жизнь обычных людей. Героиня романа Берта — русская по происхождению, но родилась уже в Стамбуле. Большая часть романа отведена приключениям русских во времена революции 1917 г. Здесь внимание заостряется не на жизни русских в Стамбуле, а на причинах, которые привели их сюда. Другой важный момент — несмотря на то, что всех беженцев из России здесь называют «белыми русскими», семья Берты — евреи, что является редкостью в литературных текстах этой тематики. Их отличие от прочих «белых русских» состоит в том, что они смогли привезти с собой значительные суммы денег и драгоценности, и это позволяет им вести в Стамбуле достаточно комфортную жизнь. «Берта» — пример текста, включающего в себя документальные биографические факты и элементы приключенческого романа.

Роман «Красавица» Османа Нежми Гюрмена вышел в 2006 г. Здесь прослеживается история героини из благородной османской семьи по имени Рана (красавица), персональные переживания и жизнь которой меняются под воздействием политических событий последних лет правления Абдулхамиди II и до основания республики. «Красавица» — роман прежде всего исторический и как и многие романы о периоде Перемирия изображает на своих страницах и русских, которые были важной частью стамбульского общества на этом историческом отрезке. Отличие этого произведения в том, что здесь мы видим молодую турчанку, которая в качестве примера для подражания выбирает себе русскую девушку и ее семью. Эта семья описывается приблизительно также, как и все другие русские семьи в турецкой литературе. Единственная разница — эта семья подрабатывает тем, что устраивает тараканьи бега. То есть можно заключить, что роман «Красавица» повторяет сюжетные и образные структуры предыдущих турецких романов. Важным сюжетным узлом в романе является отношение турок к русским: в начале русские считаются политическим врагом, но с прибытием в Стамбул беженцев эта оценка меняется.

Роман Айше Чолакоглу «Тиски» [Çolakoğlu 2007] вышел в свет в 2007 г. Второе название романа — «Трудные годы империи». Али Бедри

и Тахир учились вместе в лицее Галатасарай в 1880-е годы, их история прослеживается вплоть до начала национально-освободительного движения. Али Бедри любит развлечения и часто ходит в ночные клубы, в одном из которых он знакомится с русской девушкой Татьяной и влюбляется в нее. Татьяна — важный персонаж повествования, так как именно из-за нее Али Бедри начинает принимать участие в освободительном движении. В конце романа Али Бедри и Тахир с трудом избегают плена, но им удается спастись, они бегут из Стамбула в Анатолию; о будущем Татьяны в романе не сообщается.

«Книга маленьких обманов» [Hükümenoğlu 2007] — роман, написанный Хикметом Хукуменоглу и вышедший в 2007 г. В нем мы встречаемся с русскими персонажами, когда главный герой повествования Тевфик бежит из дома, не в силах вынести деспотизма отца. Действия происходят во времена Перемирия, а точнее, во второй половине 1930-х годов, но Тевфик часто вспоминает свою возлюбленную Софью Александровну, чем возвращает читателя в 1920-е годы. Софья для него превратилась в нечто вроде внутреннего подсознательного голоса, формирующего все его действия. Тевфик занимается садоводством, выращивает и продает цветы, но луковицы редких тюльпанов, подаренные ему Софьей, он бережно хранит и не выставляет на продажу. Эти прекрасные тюльпаны, некогда украшавшие восхитительные сады Петербурга, покинули свою родину и отныне живут на чужбине как символ всех тех ценностей, что в свое время были вывезены из России.

В заключение можно сказать, что в турецких романах, разрабатывающих тему судьбы русских эмигрантов в Стамбуле, мы не находим образа врага, создавшегося бы под влиянием многочисленных войн между двумя странами. Авторы описывают их как неотъемлемую часть стремительно меняющейся культурной жизни города и как один из факторов этих перемен.

В тех романах, которые описывают политическую атмосферу в стране до и после основания Республики, русские изображены несколько схематично, упрощенно. Мы встречаем героев, сочетающих в себе как положительные, так и отрицательные стороны, пробуждающие в нас иногда жалость, а иногда и недовольство. Их образы созданы с соблюдением всех специфических национальных черт в плане одежды, повседневных привычек и традиций.

В дальнейшем образ русских дополнился новыми сведениями из мемуаров, следы которых можно с легкостью заметить в большинстве литературных произведений. К примеру, в романах, написанных после 1990-х годов, заметно влияние таких книг, как историческое исследова-

ние Жака Делеона «Русские на Бейоглу» или Веры Дюмениль «Захваченный Стамбул», а также энциклопедических статей на эту тему.

В 2000-х годах заметен большой численный рост романов с русскими в главной роли. Турецкие романисты в своих произведениях стремятся осмыслить и понять личность и менталитет представителей другой культуры, исследуют историю города и его все возрастающий космополитический характер, и в этом контексте вводят в романы часто трагические биографические истории русских. Как уже упоминалось, в этих сюжетных линиях заметны воздействия публицистических текстов, мемуаров, исследований и предыдущих литературных произведений. Также следует отметить, что большинство романов этого периода написаны женщинами.

Перевод Натальи Денисовой,
Валерия Петроченко

ЛИТЕРАТУРА

- Ayaşlı 2005 — Ayaşlı M. Pertev Bey'in Üç Kızı, 3. Baskı. İstanbul: Timaş, 2005.
 Bezmen 1992 — Bezmen N. Kurt Seyt- Shura, 2. Baskı. İstanbul: YAY Ofset, 1992.
 Çolakoglu 2007 — Çolakoglu A. Kıskaç. İstanbul: Doğan Kitap, 2007.
 Deleon 1996 — Deleon J. Beyoğlu'nda Beyaz Ruslar. İstanbul: Remzi, 1996.
 Fındıklı 2006 — Fındıklı S. İmbatta Karanfil Kokusu. İstanbul: Remzi, 2006.
 Fişekçi 2006 — Fişekçi T. Hep Yanımda Kal. İstanbul: İnkılâp, 2006.
 Gürpınar 1982 — Gürpınar H. R. Kokotlar Mektebi, 3. Baskı. İstanbul: Atlas, 1982.
 Gürpınar 1996 — Gürpınar H. R. Ben Deli Miyim?, 6. Baskı. İstanbul: Özgür, 1996.
 Hükümenoğlu 2007 — Hükümenoğlu H. Küçük Yalanlar Kitabı. İstanbul: Everest, 2007.
 İlhan 1973 — İlhan A. Bıçağın Ucu. İstanbul: Bilgi, 1973.
 İlhan 1974a — İlhan A. Sırtlan Payı. Ankara: Bilgi, 1974.
 İlhan 1974b — İlhan A. Sırtlan Payı. Ankara: Bilgi, 1974.
 İlhan 1987 — İlhan A. Zenciler Birbirine Benzemez, 4. Baskı. İstanbul: Özgür, 1987.
 İlhan 1991 — İlhan A. Dersaadet'te Sabah Ezanları. Ankara: Bilgi, 1991.
 İlhan 2002 — İlhan A. Allahın Süngüleri "Reis Paşa", 10. Baskı. İstanbul: İş Bankası Kültür, 2002.
 İlhan 2003 — İlhan A. O Karanlıkta Biz. İstanbul: İş Bankası Kültür, 2003.
 İlhan 2005a — İlhan A. Gazi Paşa, 5. Baskı. İstanbul: İş Bankası Kültür, 2005.
 İlhan 2005b — İlhan A. Kurtlar Sofrası, 4. Baskı. İstanbul: İş Bankası Kültür, 2005.
 Karaosmanoğlu 2006 — Karaosmanoğlu Y. K. Sodom ve Gomore, 21. Baskı. İstanbul: İletişim, 2006.
 Koç 2000 — Koç Z. Islak Kentin İnsanları, 2. Baskı. İstanbul: Can, 2000.
 Kudret 2006 — Kudret C. Sınıf Arkadaşları. İstanbul: Evrensel, 2006.

- Kuntay 2006 — Kuntay M. C. Üç İstanbul, 5. Baskı. İstanbul: Oğlak, 2006.
 Peyami 1999 — Peyami Safa F. Harbiye, 18. Baskı. İstanbul: Ötüken, 1999.
 Şafak 2002 — Şafak E. Bit Palas. İstanbul: Metis, 2002.
 Tahir 1976 — Tahir K. Hür Şehrin İnsanları, 2 Cilt. Ankara: Bilgi, 1976.
 Talu 1926 — Talu E. E. Kundakçı. İstanbul: Matbaa-i Ahmet Kamil, 1926.
 Tanpınar 1999 — Tanpınar A. H. Sahnenin Dışındakiler, 4. Baskı. İstanbul: Dergâh, 1999.
 Tanpınar 2001 — Tanpınar A. H. Beş Şehir, 4. Baskı. İstanbul: Dergâh, 2001.
 Topçu 2006 — Topçu A. Berta. İstanbul: Geniş Kitaplık, 2006.
 Yılmaz 2005 — Yılmaz A. Kemal Tahir'in Eserlerinde Şahıslar Kadrosu, Uludağ Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, yayımlanmamış yüksek lisans tezi, 2005.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВОЙНЫ И ЛЮБВИ: РОМАН Э. АКШУНА «АГАФЬЯ»

Айла КАШОГЛУ¹

«Я не чистый лист бумаги... лист, который можно исписывать как душе угодно, складывать, выбрасывать, когда становится скучно. Я — лист бумаги, который был уже заполнен... которому придали форму, на котором писали, стирали и писали опять...»

(Из дневника Агафьи)

Как известно, после окончания Первой мировой войны военные корабли стран Антанты прибыли в Стамбул 13 ноября 1918 г. и к 16 марта 1920 г. оккупировали столицу Османской империи. Возникшая проблема вакуума власти и нестабильная обстановка были усугублены миграционными процессами как внутри страны, так и потоком беженцев из-за рубежа. Стамбул стал центром этих миграционных процессов. Большую часть беженцев из-за рубежа составили «белые», известные в литературе как «белые русские», бежавшие из России после Октябрьской революции 1917 г., спасаясь от наступления Красной армии. Выражение «белые русские» было введено в обращение противниками большевистского режима в конце 1918 г. для обозначения военных антибольшевистских формирований. В работах, связанных с историей и литературой тюркских народов, предпочтение отдается термину «белые».

В декабре 1919 г. потоки беженцев хлынули в Стамбул, являющийся на тот момент наиболее безопасным и доступным для миграции городом благодаря его географическому расположению недалеко от юга России. Корабли из Одессы прибывали в Кавак, где их ставили на карантин. После того, как срок карантина истекал, они могли проходить через Проливы. Стамбул начинал свое знакомство с беженцами из России. Среди причин, заставивших беженцев выбрать Стамбул, были не только удобное расположение, относительно невысокая стоимость жизни, но и строгие ограничения, наложенные другими странами.

В то время, как беженцы прибывали в Стамбул, юг России погружался в хаос. По мере продвижения большевиков города пустели, население бежало в Крым или в сторону кавказского побережья. В начале 1920-х годов англичане начали уменьшать свою помощь Белой армии и посте-

¹ Профессор, доктор филологических наук, Университет Хаджи Байрам Вели, Анкара. Эл. почта: aylakasoglu@gmail.com.

пенно снимать эмбарго, наложенное на большевиков. Такая позиция англичан основывалась на отчетах и донесениях резидентов, говорящих о невозможности победить большевиков.

В течении трех лет большое количество русских прибывает в Стамбул. И если для города этот период становится временем появления новой культуры и образа жизни, то для русских это период утраты всего, что они имели. Знатные люди теряют свои титулы, зажиточные лишаются своих богатств, военные — оружия, некоторые теряют жизнь, а некоторые — честь.

В 1920–1924 гг. влияние «белых русских» в Стамбуле было настолько ощутимым, что стало темой многих произведений турецкой литературы. Среди них «Содом и Гоморра» Якуба Кадри Караосманоглу, «За сценой» Ахмеда Хамди Танпынара, «Фатих Харбие» Пеями Сафы, «Три Стамбула» Митхата Джемаля Кунтая, «Я сумасшедший?», «Школа соблазнительниц» Хюсейна Рахми Гюрпынара. В контексте данной тематики в этой работе будет проанализирован недавно опубликованный роман Эртюрка Акшуна (род. 1969) — физика, получившего образование во Фракийском университете, в жизни которого литература стала призванием. «Агафья», по словам автора, произведение, сочетающее в себе черты исторического, любовного романа и детектива. Основное внимание будет уделено теме войны и любви.

Сюжетная линия романа строится на основе событий из жизни «белых русских» в период оккупации Стамбула войсками Антанты и вписана в любовный круг, участниками которого являются русская девушка Агафья, японец Тегами и англичанин Антон. В романе основное внимание уделено не событиям на линии фронта, а событиям в тылу. На фоне исторических событий в Анатолии описывается влияние, которое оказали «белые русские», старающиеся выжить в условиях голода и нищеты, на жизнь оккупированного Стамбула. По словам автора, основной задумкой было создание документального повествования, однако вместо этого появился роман. События в романе «Агафья», состоящем из 13 глав, освещаются по принципу ретроспективы. Так, первая глава называется «Стамбул, 1945», а во второй главе читатель возвращается назад — «Одесса, январь 1920». Основные темы, представленные в романе через письма Антона, дневник Агафьи и записок влюбленного Тегами, это прибытие «белых русских» в Стамбул и их влияние на жизнь города, положение турок во время оккупации и любовь в оккупированном городе.

Прибытие «белых русских» в Стамбул и их влияние на жизнь города

27 января 1920 г. пароход отправляется из Одессы. Всем, кто находился на пароходе, трудно покидать свою родину, трудно принимать изгнание. «Слезы, капающие мне в душу, разбиваются о мое сердце, словно соленые морские волны, уносящие этот корабль в неведомые дали. Прощай, матушка-земля, я вдыхала твой воздух, я мокла под твоими дождями, замерзала в твоём морозном дыхании. Ты сделала меня тем, кто я сейчас», — этими словами передается прощание Агафьи со своей страной [Akşun 2014: 95]. Няня Агафьи, которая не хочет покидать родные края, шепчет своей воспитаннице: «Россия — моя родина <...>. Я не могу оставить могилы близких, я не смогу жить без здешнего воздуха. Оставьте меня, посадите на другой корабль. Дайте мне умереть на своей земле» [Akşun 2014: 98].

Палуба переполнена. В глазах людей страх и безнадежность. Большинство этих пассажиров зажиточные люди, некоторые имеют благородное происхождение, но сейчас они вынуждены вести борьбу за место на корабле, за уголок на палубе. Агафья пишет в своем дневнике, обращаясь к своему любимому поэту А. Пушкину: «Люди благородных кровей идут по трупам за кусок хлеба. Разве они не должны принять смерть или убить — также как и в настоящей любви — умереть или убить ради любви, любимого человека?» [Akşun 2014: 94]. Этот вопрос отражает связь понятий благородства и любви и дает возможность предугадать дальнейшее развитие любовной линии.

С прибытием беженцев в Стамбул начинаются эпидемии тифа, холеры, дифтерии, гриппа, туберкулеза. Каждый день около трех тысяч человек проходит медицинский осмотр, тридцати тысячам делаются прививки от оспы, холеры и тифа, однако, в конце года количество погибших от туберкулеза превышает шестнадцать тысяч. Прибывшие живут в очень трудных условиях: женщины — в деревянных бараках, мужчины — в палатках. Возможность мыться под горячей водой ограничена одним днем в неделю. Агафья, ее няня и знакомые Агафьи с парохода — Ольга и ее сын Котик — попадают на Принкипо (Бююкада) — один из островов (Принцевы острова) в Мраморном море, которые со всем почетом встречали благородных особ, приезжавших из России. В романе приводятся интересные сведения о том, что племянник Л. Толстого был среди прибывших на острова (на остров Проти (Кыналыада), самый маленький остров архипелага), что он благодаря своему прекрасному владению ан-

глийским языком был переводчиком на острове. Прибывших беженцев размещают по восемь-десять человек — в дома, по двадцать-двадцать пять человек — в поместья-дворцы. Беженцы живут в голоде и нищете. Самые необходимые вещи они вынуждены приобретать на черном рынке по завышенным ценам. Они сбывают свое золото и драгоценности, привезенные с родины, за бесценок. Деньги Российской империи стали лишь сувениром на память. Привычная картина: грудь офицера завешена медалями, а на брюках — дыры.

Вот как описывает трагедию беженцев в Стамбуле газета «The New York Times» от 22 ноября 1920 г.: «Беженцы влачат существование в условиях нищеты и грязи. Они потеряли чувство разума и умение мыслить логически и кончают жизнь самоубийством <...>. Многие известные дамы предлагают все свои драгоценности, шубы и меха за глоток воды или кусок хлеба. Голод заявляет о себе ...» [Akşun 2014: 281; Bakar 2012: 42]. Ассоциация женщин-мигрантов в марте 1921 г. публикует сообщение о масштабах трагедии: «Сотни тысяч человек оказались обреченными на смерть, цены поднялись на 1400%, нищета и безработица усугублены страшным голодом... на каждом шагу русские беженцы, находящиеся в ужасных условиях» [Ippolitov 2012: 393]. Начинаются поиски путей по созданию организаций, которые могли бы помочь наладить жизнь беженцев. Появляются Общество Красного Креста, Земский союз, Союз русских городов.

В романе подчеркивается, что процесс расселения беженцев был непростым. Их пытались разместить в Стамбуле, на островах, однако, большое количество людей все же вынуждено было ждать на кораблях. Во время их ожидания к кораблю подплывали лодки, с которых любители нажиться продавали хлеб и воду в обмен на драгоценные вещи. Вместе с прибытием потока беженцев население Стамбула резко увеличивается и становится проблематичным найти жилье, стремительно растет безработица.

Первые беженцы, прибывшие в Стамбул в апреле 1919 г., были зажиточными людьми. По приезду они были удивлены, что в городе отсутствуют развлекательные заведения и быстро принялись менять облик ночного Стамбула. В заведениях не только развлекаются, но и играют в игры, среди которых наибольшей популярностью пользуется томбала. Однако эта игра была приравнена к азартным и уже в 1921 г. Ахмедом Хамди Башаром было организовано Общество по борьбе с игроками в томбалу [Akşun 2014: 119; Bakar 2012: 188–189; Öksüz 2014: 340].

Возможность заработать на кусок хлеба беженцы вынуждены искать в развлекательных заведениях, открываемых в оккупируемом горо-

де в основном русскими евреями, где процветает продажа наркотиков, алкоголя, проституция, азартные игры. Девушки из знатных семей, баронессы вынуждены работать официантками, консуматоршами и даже заниматься проституцией. Несмотря ни на что, для беженцев эти заведения — единственная возможность глотнуть «русского» воздуха. Одно из таких заведений, в которые часто ходят Антон и Агафья и где работает Ольга, под названием «Черная роза» — в книге Жака Делеона используется название «Черная роза» на турецком языке (Siyah Gül, Kara Gül) — зимой открывало свои двери в районе Бейоглу, а летом — в Бебеке. Из популярных заведений того времени также выделялись «Garden Bar», «Maksim», «Moskovit» (Москвич) и «Parisienne» (Парижанин). Исследователи говорят о 30 ресторанах, 3 пивных и 8 оптовых магазинах, открытых русскими в городе (Суричи) [Bakar 2012: 178].

По мнению журналиста Фикрета Адила, переход в Турции от восточной культуры к западной, который пришелся на конец войны, привел к тому, что сектор развлечений в Стамбуле того периода стал наиболее противоречивой областью общественной жизни. Многие исследователи сходятся во мнении, что одним из факторов, отрицательно повлиявшим на социальный уклад города, стали развлекательные заведения, открываемые для «белых русских». И хотя вклад мигрантов в развитии моды в Стамбуле того периода неоспорим, многие социальные проблемы, которые начали возникать из семейных, были вызваны именно модой — более открытыми нарядами русских женщин по сравнению с турецкими. Представитель венецианской знати, жившей в Стамбуле сотни лет, Левантен Вилли Сперко так описывает «белых русских»: «Между 1921–1924 г. в Стамбуле возникла мода на русские рестораны. В Турции до этого момента не было женщин-официанток. В русских ресторанах они были. Все официантки были герцогинями либо баронессами. Среди них были представительницы настоящей знати, все красавицы, с розовой кожей, брюнетки» [Sperco 1989: 91]. Наркотики, кокаин и героин, проституция стали ассоциироваться с «белыми русскими» и создали отрицательный образ в обществе.

Открытие первого пляжа в Стамбуле также связано с русскими. Если раньше это место ассоциировалось с платанами — немymi свидетелями истории, родниковой водой и с пением птички «флурии» (зеленушки), то теперь на русский манер район стал называться «Флория» и привлекал общим пляжем, где обычно купались русские и представители оккупационных сил [Akşun 2014: 263; Bakar 2012: 181; Öksüz 2014: 340; İnal 2006: 85; Toprak 2007: XI].

Цветочный пассаж в Стамбуле также обязан своему появлению русским мигрантам. В конце 1920-х годов русские девушки зарабатывали на жизнь продажей цветов в центральном районе Пера. Домагания французских и английских военных, расквартированных в оккупированном городе, заставили их искать укрытия в проходе Сеиит Паша. Со временем здесь начали открываться цветочные магазины, и проход стал именоваться Цветочным пассажем [Akşun 2014: 16; Öksüz 2014: 340–344; İnal 2006: 129].

Русские женщины повлияли и на моду в Стамбуле того периода. Девушки коротко стригли волосы, чтобы не заводились вши, однако, эта стрижка под названием «колокольчик» становится популярной в период оккупации. Русские девушки не покрывали голову платками, носили короткие юбки под названием «клеш», некоторые подвязывали тонкие головные платки, опять же чтобы не завелись насекомые, что также вошло в моду как «русский манер». Некоторые из девушек клеят мушки на лицо, и эти искусственные родинки также входят в моду [Akşun 2014: 100, 106; Bakar 2012: 180; Öksüz 2014: 338–339; İnal 2006: 85; Toprak 2007: xb; Deleon 2003: 32].

В романе приводятся сведения и об образе жизни турок в соответствующий период. Например, сообщается, что турецкие женщины носили одежду, оставляющую открытой только кончики пальцев. Трамваи разделялись по принципу мужской и женской половин. В романе подвергается критике отношение турецких мужчин к женщине. С одной стороны, общество заставляло уважать женщину-мать, сестру, жену, подругу. Однако мужская половина, встретив эту же женщину в безлюдном месте, не сдерживала себя в комментариях. А если эта женщина оказывалась иностранкой, случались и попытки навязывания телесного контакта.

В романе говорится о том, что турки не разбирались в рыболовстве и не интересовались морем. Подчеркивается многоликость Стамбула: у каждой этнической группы, каждого сообщества был свой район. Турки в основном проживали в районах Баязет, Аксарай, Ункапаны, Фатих, Шехремине, Эюп, Касымпаша, Юскюдар. Евреи жили неподалеку от бухты Золотой Рог, в районах Балат, Хаскей. Духовенство проживало недалеко от дворца Топкапы, в Сиркеджи. Греки жили в Пера, Фенер, где располагалась управление по религиозным делам Патриарха, и районе Татавла. Армяне проживали в Саматья и Кумкапы. Пера был оживленным районом города, где проживали левантийцы, иностранцы, дипломаты и где находились банки [Akşun 2014: 118].

Положение турок во время оккупации

Эта тема раскрывается через воссоздание исторических событий, непосредственно отраженных в исторических источниках. Все тревоги, чувство безысходности, опасение за будущее и ужасы войны переданы от лица друга Антона Фахри, члена движения Иттихат ве Теракки (Единение и прогресс): «<...> мы под оккупацией. Наша армия распущена. Народы, жившие под османским флагом, один за одним начинают получать независимость. Народы, столетиями жившие бок о бок, вырезают друг друга, а иногда наносят предательский удар в спину. Страна кишит предателями и коллаборационистами» [Akşun 2014: 190–191]. Фахри уверен в том, что будущее страны могут построить молодые люди с новым мышлением, и он рассказывает Антону о группе М.М. (Milli Müdaafa) — «Общество защиты нации» и ее членах: главе группы Мехмете по прозвищу «Топкапылы Джамбаз» (из района Топкапы), о создании местных организаций Иттихат ве Теракки в Анатолии и о лидере Черкесе Этхеме, о «невидимых» героях — о главнокомандующем 2-ой армией Нихат-паше, о главнокомандующем 6-ой армией Али Ихсан-паше, Якуп Шевкет-паше на Кавказе, о командующем в Мекке Фахреттин-паше и других. Фахри, поклявшийся освободить родину от оккупантов, видит в Антоне близкого ему по духу человека и не ошибается. Антон, несмотря на свое английское происхождение, хорошо знает турецкий от матери и симпатизирует туркам. Он не рассказывает ничего из того, что знает, своему двоюродному брату Эндрю Району, находящемуся в Стамбуле в качестве представителя оккупационных сил, когда тот просит об этом.

Фахри уверен в том, что человек, родившийся здесь, в Анатолии, может быть счастлив только на этой земле. Свои чувства он передает в письме Антону: «Народ, который сражается насмерть в продырявленной обуви, в потрепанных шинелях при нехватке оружия и боеприпасов — это наш народ, этот солдат — наш солдат» [Akşun 2014: 320]. В этих строках можно видеть чувства Фахри, его отношение к борьбе за независимость, которую ведет его народ несмотря ни на что.

После Первой мировой войны распались Российская и Османская империи. Новая власть в России перенесла столицу в Москву, для того чтобы порвать все связи с имперским прошлым. В Турции столицей должна была стать Анкара.

Антон в свою очередь объясняет Фахри, что он приехал в Стамбул, чтобы стать свидетелем зарождения нового государства, и одновременно признается в том, что в Стамбуле он встретил безответную любовь.

Исторические сцены романа предлагают читателю сравнение Энвера Паши и Мустафы Кемалья. Мустафа Кемаль — разговорчивый, Энвер — молчаливый. Первый планирует все действия, подстраивает время под себя. Второй — покоряется судьбе [Akşun 2014: 294]. В романе подчеркивается, что любимый повар Ататюрка Папа Жорж в период оккупации приехал из Крыма. Одна из наиболее интересных и загадочных исторических сцен в произведении рассказывает об организованном группой М.М. уgone автомобиля командующего оккупационными силами генерала Харрингтона из его резиденции в Тепебаши водителем из района Кадыкей Муратом и передаче его Мустафе Кемалю [Akşun 2014: 240].

Любовь в оккупированном городе

Стоит отметить, что тему любви необходимо рассматривать с двух сторон, а именно с точки зрения мужчин и женщин, так как мужчины находились в привилегированной социальной нише. Тот факт, что любовь опирается на эмоции, не вызывает сомнений, однако, в пограничных ситуациях, например, таких, как война, любовь может принимать форму поиска безопасной жизненной ниши. Здесь необходимо подчеркнуть, что чувствами женских персонажей романа — Агафьи и Ольги — управляет именно желание найти опору и человека, которому можно довериться. Ссылка и вынужденное бегство из родной страны лишили этих двух женщин всего. Им необходимо закрепиться где-то, необходима поддержка со стороны.

И Агафья, и Ольга полюбили военного корреспондента Антона, мать которого турчанка из города Салоники, а отец — англичанин. Они познакомились с ним на борту корабля, покинувшего Одессу 27 января 1920 г. Для Антона любовь к Агафье — недостижимая, страстная, всепоглощающая и причиняющая невыносимую боль. Антон теряет себя при виде 19-летней девушки с белоснежной кожей, немного веснушчатой, с розовыми, как лепестки роз, губами, глазами цвета янтаря, с золотисто-рыжими волосами, спускающимися до талии. После знакомства с «великой любовью» (Агафья значит высшая, божественная любовь) он скажет Наташе (ее настоящее имя) такие же слова, которые мы находим в «Омайре» Мурата Мунгана (Я назвал тебя Омайра...) или у Ляле Мюльдюр (Я дал тебе новое имя Дестина...): «Я назвал тебя новым именем, Агафья. Божественная любовь. Я спрятал тебя глубоко в сердце, чтобы никто не увидел. Только я знаю это имя, и поэтому ты только моя» [Akşun 2014: 44].

В противоположность Антону и его глубоким чувствам, Антон для Агафьи — это смелый, благородный, щедрый, вежливый, самоотверженный, добрый человек с большим сердцем, друг, на которого всегда можно опереться. Агафья не любит Антона так, как он этого хочет, поэтому можно сказать, что Антон для Агафьи — это всего лишь тихая гавань.

Агафья влюблена в Тегами Сан, работающего в японском консульстве. Мать Тегами — русская, отец — японец. Тегами кажется Агафье сильным мужчиной с глубоким пронизывающим взглядом, в котором есть что-то звериное, и одновременно таинственное, мужчиной, который может сражаться и защищать. Мужчины, которые входят в жизнь Агафьи — Тегами, австрийский режиссер Хьюго Страусс — иностранцы, которые представляют сторону победителя. Тегами, выросший без матери, с самого раннего детства вынужден был учиться становиться сильным мужчиной. Его сила и непобедимость продолжает говорить о себе уже после его смерти. Для того, чтобы скрыть настоящую причину смерти от газет и императора, появляется история о харакири — самом благородном способе уйти из жизни: «24-летний молодой дипломат сделал себе харакири из-за того, что считал свой вклад в дело служения государству недостаточным». Агафья ищет поддержки у этих мужчин в городе, который она совсем не знает и в котором вот-вот может разразиться война. Иногда она использует Антона и его чувства в своих целях. Любовь Агафьи похожа на месть. Она признается: «Я женщина, которую обидели. Поэтому я могу любить мужчину только так, что он чувствует боль. Чтобы поверить в любовь мужчины, мне нужно видеть, что он покоряется этой боли. И я хочу, чтобы мне отвечали тем же» [Akşun 2014: 153]. Агафья — женщина, которую обидели и заставили чувствовать обиженной. Когда ей было всего пятнадцать лет, ее изнасиловал барон Василий Коленка. После этого в ее душе зародилось недоверие, злость и желание отомстить мужчинам.

Когда Агафья встречает в Стамбуле барона Василия Коленка, который изнасиловал ее много лет назад, она убивает его с помощью Антона. То недоверие и чувство мести, которое Агафья испытывает по отношению к мужчинам, встретившимся на ее пути, она переносит на всех и поэтому убивает, опять же с помощью Антона, Селями из Аданы, разбогатевшего на войне, которая забирает и жизнь Ольги. Когда ее отношения с Тегами близятся к разрыву, она с помощью веревки убивает Тегами во время, как считает Тегами, обычных любовных забав. Однако Агафья не хочет причинить боль Антону — «бессменному рыцарю», мужчине, с которым она находит настоящую любовь, понимание в любых ситуациях. Агафья хочет, чтобы Антон был счастлив, и именно поэтому время от

времени она говорит ему об Ольге и рассказывает о ее чувствах к нему. Ольга в отличие от Агафьи не обладает такой красотой и не притягивает мужчин, однако, она искренне полюбила Антона. Ольга готова все отдать Антону, потому что он для нее — поддержка, опора, благодаря которой она находит в себе силы жить. Благодаря Антону Ольга может заполнить пустоту, образовавшуюся после стольких потерь в жизни. Любовь Ольги к Антону напоминает нежные чувства матери, смешанные с чувством признательности. Антон же жалеет Ольгу, потерявшую мужа на войне и оставшуюся одну с сыном Котиком на руках. Антон опекает Ольгу, но он не любит ее. Его единственная и неизменная любовь — Агафья.

Его разум и душа, куда бы он ни пошел — прогулка ли это по городу в поисках новостей или поход в развлекательное заведение, где проявлялось настоящее лицо войны и оккупации, с кем бы он ни говорил, — всегда с Агафьей. В отсутствии Агафьи Антон чувствует себя сумасшедшим и теряющим себя человеком с каждым прожитым днем.

Спустя годы Антон возвращается в Стамбул для того, чтобы вновь пережить те три безумных года, которые он прожил вместе с Агафьей в оккупированном Стамбуле; чтобы воскресить в памяти те страсти, преступления, которые были пережиты за то время; чтобы вновь вдохнуть аромат цветов, ассоциируемый с Агафьей и запах духов, которыми Агафья пропитывала свой носовой платок (все русские женщины пропитывали платки духами, и это стало модой и у местных женщин); чтобы вновь увидеть «Лебединое озеро», ведь Агафья похожа на одинокого лебедя, который ищет себе пару. В то же время Антон приезжает в Стамбул, чтобы собрать воедино все свои воспоминания и принять смерть Агафьи. Он должен избавиться от всего, что напоминает ему о боли, смерти, страсти, любви. И поскольку все это случилось с ним в Стамбуле, он должен был оставить это тоже здесь.

В романе Стамбул — символ, означающий разные вещи для разных людей. В день вступления оккупационных войск в Стамбул французский генерал д'Эспрей въезжает в город на белой лошади и, делая намек на султана Фатиха-Завоевателя, подчеркивает, что он вернул город. Для французского генерала победа — въезд в город на белой лошади завоевателя, переезд в дом Энвера. Для Антона символ Стамбула — Агафья, и он запишет в своей тетради следующие слова:

«Агафья для меня — это Стамбул.

Нельзя покорить — он всегда окружен.

Нельзя завоевать —

Это была бы победа над победителем» [Akşun 2014: 238].

В романе рядом друг с другом соседствуют два цвета — белый цвет чистой любви и красный цвет страсти. Когда Антон впервые встречает Агафью, на молодой девушке белое платье, в руках у нее дневник в красном кожаном переплете, ее чемодан также красного цвета.

Читатель становится свидетелем самых нескромных любовных сцен между Агафьей и Тегами. В строках, их описывающих, чувствуется отчаяние страсти и теплота любви, и жизнеутверждающая сила любви побеждает преходящую страсть.

Антон, как будто предчувствуя дальнейшие события, хочет предупредить Агафью и старается показать ей неистовую и пугающую силу Тегами. Агафья все понимает и пишет в дневник следующее: «Тегами обладает какой-то дико-страстной силой, а Антон, напротив, очень милый и искренний. Он как будто мой старший брат, которого у меня никогда не было. Для Тегами или ты принадлежишь ему, или тебя нет» [Akşun 2014: 183]. Тегами в свою очередь так пишет о своих опасениях: «Любящий человек хочет обладать ею, однако, если не сможет полностью покорить ее — никогда не сможет утолить свою страсть. Если все-таки попытаетесь эту страсть утлеть, или умрете вы, или станете убийцей ради нее. Кто знает, как перелетится моя судьба с судьбой этой женщины? Господи, в ее красоте чувствуется холодное прикосновение смерти!» [Akşun 2014: 179].

В произведении проводятся параллели между страстью и войной, это можно видеть на примере отношений Агафьи и Тегами: «В начале любовь напоминает войну, войну личностей. Если каждая личность сильна, война обречена быть кровавой. Если найдется компромисс, страсть знаменует собой начало великой любви. Однако большей частью эти страсти-войны оканчиваются разрывами. Страсть Агафьи и Тегами была именно такой» [Akşun 2014: 283]. А следующие строки раскрывают суть настоящей любви: «Если страсть не содержит доверия, она не перерастет в любовь, останется всепоглощающей страстью. Страсть должна быть майским солнцем, согревающим тело после зимнего холода, но не сжигающим все, как августовский зной. У страсти тоже есть точка равновесия...» [Akşun 2014: 373].

Несмотря на то, что события в романе происходят в Стамбуле, являющимся восточным городом, действия и поступки героев определяются культурно-социальными особенностями последних. Именно поэтому герои переживают столько разочарований и потерь. Ведь в те дни Стамбул, над которым висела печать неопределенности, был Востоком, где не было места подобным страстям и культурной основы для таких отношений. Восточная культура, в которой не сформировалось даже понятие

частной собственности, не позволяла, тем более женщине, ощущать свою индивидуальность и пользоваться основными свободами индивида. Необходимо обратиться к подобному анализу, для того чтобы понять причину трагедий, которые переживали женщины в романе на этой земле.

В результате постоянных ссор с Тегами Агафья принимает предложение австрийского режиссера Хьюго Страусса сняться в фильме и уезжает с ним в Вену. Для Агафьи эта поездка — побег. Побег из Стамбула, который, пусть даже он был бы самым красивым городом на свете, не стал для нее родным. Агафья душой в России, где прошло ее детство. Однако, в Вене она начинает скучать по своим друзьям и возвращается в Стамбул. Так поступает и Антон, который уехал в Иран на два года, чтобы как-то заглушить душевную боль. Однако, и он скучает по своим друзьям в Стамбуле. Слова Оруча Аруоба «то, по чему ты скучаешь, это то, чего ты не увидел, уехав куда-либо» трансформируются в романе Акшуна в «скучать — это значит уехать и хотеть видеть, но не мочь это сделать».

Вместе с наступлением Мустафы Кемаля оккупационные силы начинают покидать Стамбул, а вместе с ними из города постепенно уезжают и «белые русские». К концу 1922 г. они понимают, что у них больше нет родины, куда они могут вернуться. Они прожили в Стамбуле только несколько лет, но их след в жизни города останется надолго. После вывода английских и французских военных подразделений в октябре 1923 г. рестораны, кафе, закусочные, ночные клубы начинают закрываться или меняют свой облик (Ресторан «Режанс» в районе Бейоглу существует и сегодня): «Блистательная русская диаспора начала таять, как снег на солнце» [Akşun 2014: 419]. Район Пера, что означает «что-то напротив, впереди» и «проход», напоминает читателю о «белых русских». Русские, которые жили «напротив», на другой стороне Черного моря, и которые приехали в Стамбул и отсюда разъехались по разным европейским городам. Стамбул стал для них проходом, переходом в другую жизнь.

Белая русская эмиграция имеет важное историческое значение. Первый раз в истории армия одной страны в полном вооружении пересекала границу другой вместе с гражданским населением. Англичане предполагали использовать эту армию при необходимости в борьбе против Красной армии и нового правительства в Анкаре и надеялись, что «белые русские» станут бесплатной силой. Однако, надежды оказались напрасными. Из 70-тысячной армии 30 тысяч военных вынуждены уехать на платную службу в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Эртюрк Акшуна в послесловии отмечает, что Турция, которую «белые русские» покидают, это уже не прежняя Турция. Мигранты расшатали принятое мнение о женщине у турецких мужчин, открыли окно в мир развлече-

ний, оставили незабываемый след в таких областях как музыка, живопись, балет, скульптура и т.д. Также в романе подчеркиваются важные шаги, которые предприняли Мустафа Кемаль и его единомышленники в области образования, моды, прав женщин, положив начало формированию нового образа жизни в стране.

В романе в одной из сцен любви отражается надежда на новое будущее в Стамбуле: после смерти Тегами, который был своего рода препятствием на пути настоящей любви Агафьи и Антона, Ольга и ее сын Котик едут в Париж. В каждом произведении есть следы предшествующих текстов. Так и в романе «Агафья» тема любви Тегами и Агафьи и развлечения белых русских перекликается с «Черной розой» А.Р. Янского.

Рассказчик стал свидетелем исторических событий своего времени — большевистской революции в России и создания нового государства на территории Анатолии. Он познал любовь в Стамбуле и ради любви совершил преступление. Будучи молодым, он верил в то, что живет благодаря страсти, однако, с возрастом понял, что жизненные силы ему дает любовь. Страсть-огонь, который вспыхивает и гаснет, как пламя свечи. Любовь же — это негосимый свет, который, чем больше освещает путь, тем больше его становится. Агафья понимает разницу между страстью и любовью, о которой говорит Антон, со временем. Для того, чтобы полюбить другого человека, нужно сначала полюбить себя. Даже если речь идет о любви к Богу, нужно полюбить себя. Потому что Бога может любить и душевнобольной человек. Ведь были же в истории религиозные бойни, это пример любви человека к Богу, но не к себе, размышляет она [Akşun 2014: 415]. Путь между надеждой и безнадежностью, как и любовь, — это путь изгнания. Человек, испытывающий страсть, отказывается от себя и становится изгнанником. С одной стороны, чувствуешь себя частью человека, которого ты страстно любишь, но здесь же и чувство безисходности, которое охватывает человека на краю пропасти. В романе подчеркивается, что страсть, также как и изгнание, включает в себе надежду и безисходность: «...человек в страсти лишается самого себя, становится изгнанником. С одной стороны, чувствуешь принадлежность к любимому человеку, но тут же — безисходность, сравнимую с безисходностью человека, падающего в пропасть». Подчеркивается мысль о том, что страсть, также как и война, отбирает что-то у человека, и что страсть — это своего рода война.

В романе, в котором подчеркивается взаимосвязь войны и любви, на примере дневников Агафьи и Тегами можно видеть слезы и кровь в каждом слове. Как на войне. Историю войны пишут победители, проигравшие пишут рассказ о войне, пропитанный их слезами. Ненастоя-

щая любовь становится пеплом, исчезает, как любовь Агафьи и Тегами. Настоящая любовь становится благом и дает жизнь, как любовь Антона. В любви нет места гордости, но гордость есть на войне, где она заставляет гордо держать голову, несмотря ни на что. Война отбирает что-то у каждого. Также и страсть-любовь. Ведь каждая страсть — это война: она ранит, делает больно, заставляет плакать и убивает, когда захочет. В этом плане она реальнее войны и оставляет неизгладимые следы. Как и сказала возлюбленная командующего флотом адмирала А.В. Колчака в фильме «Адмирал», снятом в 2008 г.: «За темным стеклом вместе с Верой есть Надежда и Любовь. Среди них самая большая — Любовь».

ЛИТЕРАТУРА

- Akşun 2014 — Akşun E. Agafya. İstanbul: Destek Yayınları, 2014.
- Bakar 2012 — Bakar B. Esir Şehrin Misafirleri Beyaz Ruslar. İstanbul: Tarihçi Kitabevi, 2012.
- Deleon 2003 — Deleon J. Beyoğlu'nda Beyaz Ruslar. İstanbul: Remzi Kitabevi, 2003.
- İnal 2006 — İnal O. Pera'dan Beyoğlu'na. İstanbul: Galata Sistem Yayıncılık, 2006.
- İppolitov, Karpenko 2012 — İppolitov S.S. — Karpenko S.V. "1920'lerin Başında İstanbul'a Rus Göçü / Sayıları, Maddi Durumları, Ülkelerine Geri Dönüşleri". Çev. Elnur Ağayev. İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi. 2012. C. 1 (3). S. 386–397.
- Sperco 1989 — Sperco W. Yüzyılın Başında İstanbul. Çev. Remime Köymen. İstanbul: İstanbul Kütüphanesi, 1989.
- Öksüz 2014 — Öksüz G. 'Sahnenin Dışındakiler' ve Beyaz Rusların İşgal İstanbul'undaki Toplumsal Dokuya Etkisi. Prizren: Bal-Tam Türklük Bilgisi 20, 2014.
- Toprak 2007 — Toprak Z. İstanbul 1920 // Ed. Clarence Richard Johnson M.A. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тюркан Олджай. Предисловие</i>	3
<i>Н.Ф. Гриценко. Слово к читателю</i>	7
СТАМБУЛ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ ВОЙСКАМИ АНТАНТЫ (1918–1923) И БЕЛОЭМИГРАНТЫ	
<i>Джошкун Топал. Русские беженцы в контексте турецко-российских отношений</i>	11
<i>Кезбан Аджар. Отношения «белых русских» с Антантой и правительством Анкары</i>	36
<i>Ойя Даглар Маджар. Деятельность по оказанию помощи белоэмигрантам и решение проблем санитарно-здравоохранительного характера</i>	46
<i>Билге Ар. Изменения социально-городской среды Стамбула, обусловленные оккупацией войсками Антанты и пребыванием белоэмигрантов</i>	71
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ БЕЛОЭМИГРАНТОВ В СТАМБУЛЕ	
<i>Тюляй Алим Баран. Русские беженцы в Стамбуле: причины прибытия, образ жизни и протесты местного населения</i>	99
<i>Ирина Антанасиевич. «Турецкие» рисунки галлиполийского визуального текста</i>	113
<i>Ирина Касимова. Центры притяжения белоэмиграции в Стамбуле</i>	124
<i>Тюркан Олджай. Штрихи культурной жизни русской эмиграции в Стамбуле (1919–1929)</i>	153
<i>Севинч Учгюль. Издательская деятельность русской эмиграции в Стамбуле: по материалам альманахов «Зарницы»</i>	194

<i>Марина Сорокина. Провинции изгнания: А.А. Бурнакин о русской эмиграции в Турции</i>	222
--	-----

СУДЬБЫ ПОТОМКОВ «БЕЛЫХ РУССКИХ», ОСЕВШИХ В ТУРЦИИ

<i>Иван Гарднер. Константинополь в 1920 г.: фрагменты воспоминаний. Предисл., подг. текста и коммент. протоиерея Бориса (Даниленко)</i>	235
<i>Эвелина Давыдова. Люди и судьбы.</i>	269
<i>Марина Сигирджи. Затерянные судьбы — непридуманные истории</i>	

РЕЦЕПЦИЯ БЕЛОЭМИГРАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

<i>Эрдем Эринч. Формирование образа Стамбула в русском общественном сознании через тексты XII–XX веков</i>	339
<i>Фатих Оздемир. Образы русских эмигрантов в турецком романе</i>	352
<i>Айла Кашиоглу. На перекрестке войны и любви: роман Э. Акшуны «Агафья».</i>	379

